

УДК 81(075.8)
ББК 81-923
Н49

Р е ц е н з е н т ы:

д-р филолог. наук, акад., проф. РАЕН *Е.Г. Князева*
(Военный университет);

д-р филолог. наук, акад., проф. РАСН *Е.В. Сидоров*
(Российский государственный социальный университет)

Нелюбин Л.Л.

Н49 История науки о языке : [электронный ресурс] учебник /
Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. — 4-е изд., стереотип. — М. :
ФЛИНТА : Наука, 2011. — 376 с.

ISBN 978-5-89349-723-6 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-033153-2 (Наука)

В книге с позиций лингвистической историографии излагаются основные этапы развития науки о языке с древнейших времен до наших дней, история основных школ и направлений языкознания, их наиболее важные достижения, лингвистические концепции крупных языковедов прошлого и современности.

Для студентов, аспирантов и преподавателей языковых факультетов вузов, а также всех интересующихся лингвистической наукой в диахроническом и синхроническом ракурсах.

УДК 81(075.8)
ББК 81-923

ISBN 978-5-89349-723-6 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-033153-2 (Наука)

© Издательство «ФЛИНТА», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (6)

ВВЕДЕНИЕ (9)

Раздел I. Языкознание в Древнем мире (12). Языкознание в Древней Индии (12). Античное языкознание (19). Философия языка в Древней Греции (20). Александрийская школа грамматики (25). Языкознание в древнем Риме (30).

Раздел II. Языкознание в Средние века (36). Языкознание в средневековой Европе (37). Арабская лингвистическая традиция (45). Зарождение славянской и русской лингвистической традиции (51).

Раздел III. Языкознание эпохи Возрождения (58).

Раздел IV. Наука о языке в Новое время (XVII—XVIII века) (64). Естественные и искусственные языки в лингво-философских концепциях XVII—XVIII веков (69). Грамматика Пор-Рояля и ее продолжители (72). Сравнительные исследования (78). Русское языкознание XVIII в. (83).

Раздел V. Западноевропейское языкознание первой половины XIX века. Начало века (88). Рождение компаративистики (92). Сравнительно-историческое языкознание в середине XIX века (98). Общелингвистическая концепция В. фон Гумбольдта (101). Натуралистическое направление (концепция А. Шлейхера) (107).

Раздел VI. Психология языка в западноевропейской науке XIX века (114). Психология языка Х. Штейнталя (114). Концепция В. Вундта (119).

Раздел VII. Русское языкознание первой половины XIX в. (124). Деятельность А.Х. Востокова (128). Развитие славянского языкознания в трудах И.И. Срезневского и Ф.М. Буслаева (132).

Раздел VIII. Формирование и развитие младограмматического направления. Предпосылки появления младограмматизма (137). «Младограмматический манифест» (140). «Принципы языка» Г. Пауля и их значение (143). Историческая судьба младограмматизма (148).

- Раздел IX.** Лингвистическое диссидентство (152). Г. Шухардт и школа «слов и вещей» (152). Эстетический идеализм и концепции К. Фосслера (157). Лингвистическая география (162). Итальянская школа неолингвистики (166).
- Раздел X.** Социологическое направление. Предыстория появления (170). Французская социологическая школа и ее основные положения (174).
- Раздел XI.** Русское языкознание второй половины XIX — XX века (181). Лингвистическая концепция А.А. Потебни (182). Ф.Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа (187). Лингвистическая концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ (194). Казанская лингвистическая школа (203).
- Раздел XII.** «Курс общей лингвистики Ф. де Соссюра» (208). Дихотомия Соссюра и членение лингвистики (209). Языковой знак и его свойства (214). Системный характер языка в концепции Соссюра (217). Основные разделы языкознания (219).
- Раздел XIII.** Предпосылки появления структурализма и его основные особенности. Пражская лингвистическая школа (223). Возникновение и основные положения Пражской лингвистической школы (227). Фонологическая концепция Пражской школы (230). Грамматические идеи в трудах представителей Пражской школы (236). Проблемы типологической и ареальной лингвистики (238). Литературный и поэтический язык. Проблемы культуры языка (241).
- Раздел XIV.** Копенгагенский структурализм (244). Формирование глоссематической концепции (244). Основные идеи глоссематической теории (247). Язык и речь в интерпретации Л. Ельмслева (251).
- Раздел XV.** Другие концепции европейского языкознания XX века (256). Женевская лингвистическая школа (256). Лондонская лингвистическая школа (261). «Структуралисты вне школ» (266). «Околоструктуралистические» концепции XX века (274).
- Раздел XVI.** Американская лингвистика. Становление (280). Леонард Блумфилд и его концепция (284). Основные принципы дескриптивной лингвистики (290). Эдуард Сепир и американская этнолингвистика (295). Кризис дескриптивизма и поиски альтернативы (299). Трансформационная грамматика и «хомскианская революция» (302).
- Раздел XVII.** Советское языкознание (310). «Новое учение о языке» и его падение (311). Другие общелингвистические концепции (318).

Формирование фонологических школ (331). Проблемы описательной грамматики (335). Проблемы истории языка (339). Языковое строительство и социолингвистическая проблема (347). Другие направления лингвистических исследований (351). Вторая половина XX века в истории отечественного языкознания (357).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (362).

БИБЛИОГРАФИЯ. 1. Публикация первоисточников (371). 2. Труды по истории и современному состоянию языкознания (373).

Historia testis temporum,
lux veritatis, vita memoriae,
magistra vitae, nuntia vetustatis.

Marcus Tullius Cicero «De oratore»

История — свидетельница времен,
свет истины, жизнь памяти,
наставница старины.

Марк Туллий Цицерон «Об ораторе»

Предисловие

Общеизвестно, что для успешного развития любой науки необходимо глубокое знание того, что было создано за все предшествующие периоды ее существования. Указанной задаче и призван содействовать читаемый в высших учебных заведениях курс истории лингвистических учений (или истории языкознания), который знакомит студентов с основными этапами пути, пройденного наукой о языке, возникновением и развитием ведущих школ и направлений, а также важнейшими лингвистическими концепциями и деятельностью отдельных ученых, оставивших в ней свой след. В этом отношении история языкознания самым тесным образом связана с курсом теории языкознания: если теория языкознания дает общую, систематическую формулировку тех воззрений на объект и предмет лингвистики, сущность языка, его строение и функции, роль в жизни общества, методы и приемы изучения, отношение к другим наукам и т.д., которые сложились к настоящему времени, то история языкознания знакомит с тем, как протекал сам процесс познания. Поэтому обе указанные дисциплины (иногда объединяемые под именем общего языкознания) призваны завершить курс языковой подготовки студента и дать ему методологическую базу, позволяющую осмыслить язык как системно-структурное образование, представляющее собой целостный знаковый меха-

низм коммуникации. Именно опираясь на достижения общего языкознания, начинающий исследователь сможет осуществлять самостоятельную работу в конкретных областях нашей науки.

За последние десятилетия интерес к тому пути, который был пройден языкознанием за его многовековую историю, резко возрос, что привело к целому ряду работ и исследований, посвященных прошлому лингвистики в целом или отдельным его этапам. Среди них почетное место принадлежит и отечественной традиции (достаточно назвать работы Ф.М. Березина, В.А. Звегинцева, Я.В. Лои, монографию Т.А. Амировой, Б.А. Ольховикова, Ю.В. Рождественского, учебники В.И. Кодухова и Н.А. Кондрашова, коллективные исследования, в которых рассматриваются лингвистические концепции Древнего мира, Средневековья и т.д., книгу В.М. Алпатова и целый ряд других трудов). Тем не менее возрастающий спрос на учебные пособия по названной дисциплине, с одной стороны, и необходимость предоставить в распоряжение студентов книгу, в которой достаточно емко, доступно и сжато были бы освещены основные вехи истории лингвистики, с другой, а также необходимость пересматривать отдельные положения и выводы предшественников с позиций сегодняшнего дня, несомненно, будут стимулировать появление новых работ в этой области. Кроме того, в любом труде историко-научного характера (в том числе, разумеется, и в работах по истории языкознания) неизбежно отражаются научные интересы и субъективные пристрастия автора, сказывающиеся как на репрезентации фактического материала, так и на интерпретации его под тем или иным углом зрения. Поэтому наличие работ, написанных исследователями, стоящими на разных позициях, позволяет ярче осветить пройденный лингвистикой путь и представить его с должной степенью полноты и научной объективности.

Предлагаемая книга основана на курсе лекций по истории лингвистических учений, читаемых на переводческом факультете Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета заслуженным деятелем науки РФ, академиком РАН, доктором фи-

дологических наук, профессором Л.Л. Нелюбиным, дополненных материалами доктора филологических наук, профессора Г.Т. Хухуни, ведущего на указанном отделении курс теории языкознания. Ввиду ограниченного количества часов, отводимых учебным планом на изучение названной дисциплины, авторы столкнулись с необходимостью отбора того материала, который предполагалось включить в настоящую работу. Естественно поэтому, что она не может претендовать на исчерпывающую полноту и завершенность, хотя авторы постарались уделить должное внимание тем лингвистическим концепциям, с которыми связаны основные вехи развития нашей науки.

Поскольку данная книга в основном рассчитана на студенческую аудиторию и имеет отчетливо выраженную педагогическую направленность, авторы сочли возможным не перегружать ее ссылками на источники, цитатами и другими материалами справочно-библиографического характера, хотя они старались учесть труды своих предшественников. В список литературы вошли в основном изданные на русском языке общие работы последних десятилетий, что, конечно, отнюдь не означает пренебрежения тем наследием, которое было накоплено лингвистической историографией в более ранние периоды.

Все замечания и пожелания, способствующие улучшению предлагаемой книги, будут с благодарностью приняты.

Авторы выражают свою признательность доктору филологических наук, академику Российской академии естественных наук (РАЕН) профессору Е.Г. Князевой и доктору филологических наук, академику Российской академии социальных наук (РАСН), профессору Е.В. Сидорову за ряд ценных замечаний и пожеланий, улучшивших архитектуру и содержание книги.

Введение

Если взять практически любую работу, созданную до второй трети XX в. (да и очень многие труды, появившиеся гораздо позже), где затрагивается историко-лингвистическая проблематика, то скорее всего там можно будет прочесть, что наука о языке возникла в первой трети XIX в., а точнее — в 1816 г., когда вышла в свет работа Ф. Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков», заложившая основы сравнительно-исторического языкознания. Весь же предшествующий период (охватывающий два с половиной тысячелетия!) разработки проблем, связанных с изучением языка, объединялся под общим названием «донаучного» (хотя отдельные эпизоды последнего — например, древнеиндийская традиция — оценивались достаточно высоко).

Основанием для подобного деления служили, как правило, следующие соображения:

1. До начала XIX в. языкознание было не самостоятельной научной дисциплиной, а развивалось в недрах других наук — прежде всего *филологии* (изучения письменных памятников для разных целей), *философии*, занимающейся наиболее общими законами функционирования и развития природы, общества и сознания, и *логики*, изучающей законы мышления и формы мысли. Появление же сравнительно-исторического языкознания знаменовало «самоопределение» нашей науки.
2. Именно с начала XIX в. в языкознании утверждается принцип *историзма* — рассмотрения отдельных явлений

в эволюционной перспективе, без чего, согласно традиционной точке зрения, не может быть подлинно научного изучения.

3. Благодаря работам Ф. Боппа и его коллег появился *особый метод*, без которого никакая самостоятельная научная дисциплина существовать не может.

Однако против этих, казалось бы, убедительных постулатов в XX в. были выдвинуты не менее серьезные возражения. Указывалось, в частности, что нельзя отождествлять науку в целом с каким-либо одним (пусть даже очень важным) ее направлением, тем более что ряд важнейших проблем нашей науки был поставлен задолго до Ф. Боппа. С другой стороны, подвергся сомнению и тезис о том, что исторический подход к языку является единственно возможным (и даже ведущим). Наконец, и многие классики сравнительно-исторического языкознания для обоснования своих общетеоретических воззрений стремились опереться на другие науки: биологию (А. Шлейхер), психологию (Г. Пауль), социологию (А. Мейе). В дальнейшем также предпринимались попытки (хотя и в меньших масштабах) увязать обретение языкознанием «научности» с той или иной конкретной лингвистической теорией или направлением (концепция Ф. де Соссюра, структурная лингвистика, порождающая грамматика...), однако особого успеха они не принесли, хотя бы потому, что выглядевшее в глазах одних подлинной «научностью», по мнению других, представляло собой явную ошибку. Поэтому целесообразнее представляется не противопоставить друг другу «научный» и «донаучный» периоды, а рассматривать развитие языкознания как единый, хотя и противоречивый процесс, выделяя в нем отдельные этапы развития, традиции, направления, школы и т.д. При этом авторы старались соблюдать принцип объективного изложения и по возможности избегать субъективных оценок, хотя, как уже отмечалось выше, полностью исключить указанный момент вряд ли возможно.

Что касается проблемы периодизации истории языкознания, то авторы в основном придерживались традиционной точ-

ки зрения, выделяя разделы о лингвистической мысли Древнего мира, Средневековья, Возрождения, Нового времени, XIX и XX вв., разумеется, обращая особое внимание на тот факт, что в каждую эпоху существуют, а часто и ведут острую полемику друг с другом различные концепции, воплощающие те или иные тенденции развития языковедческой мысли.

Поскольку предлагаемая работа предназначена в первую очередь для будущих специалистов в области западноевропейских языков, преимущественное внимание в ней уделяется тем лингвистическим традициям, которые связаны с европейским языкознанием (включая, естественно, славянские страны) или оказали на него определенное воздействие (например, древнеиндийская и средневековая арабская лингвистическая мысль). Этим же объясняется тот факт, что в книге почти не представлена такая оригинальная и своеобразная линия развития языковедческих штудий, как китайская и связанные с нею научные традиции.

РАЗДЕЛ I

Языкознание в Древнем мире

Говоря о тех предпосылках, которые способствовали возникновению науки о языке, можно — несколько упрощая ситуацию — выделить две основные причины. С одной стороны, с незапамятных времен люди, вероятно, задумывались о таких проблемах, как происхождение языка, причины многоязычия и т.д. Первоначально этот интерес отражался в мифах, легендах, религиозных представлениях (наиболее известный пример — содержащаяся в Библии история о Вавилонской башне). Впоследствии, с возникновением философии (родиной которой считается античная Греция), он привел к появлению **философских концепций** языка. С другой стороны, достаточно рано человечество столкнулось и с необходимостью решать чисто практические вопросы, связанные с языком: создание письменности, поддержание «правильных» (т.е. соответствующих установившейся традиции) норм чтения и произношения, установление и фиксация значений слов данного языка, описание его структуры, изучение иностранных языков и т.д. Указанные моменты способствовали возникновению того, что можно назвать **филологическим подходом** к языку.

В какой-то степени некоторые из названных проблем нашли отражение в древневосточных цивилизациях (египетской, ассиро-вавилонской и др.) Однако зарождение языкознания в собственном смысле слова оказалось связанным прежде всего с древнеиндийской традицией.

Языкознание в Древней Индии

Принято считать, что древнеиндийская лингвистическая традиция насчитывает свыше двух с половиной тысяч лет, при-

чем отмечается, что ее появление было обусловлено причинами прежде всего практического характера. С течением времени язык древнеиндийских религиозных гимнов — Вед стал отличаться от разговорных языков — пракритов, что потребовало обеспечить точность произношения и понимания ведических текстов. С другой стороны, использовавшийся в качестве литературного языка санскрит (само название которого переводится как «совершенный»), формы которого отличались от ведического, приблизительно с V в. до н.э. перестал употребляться в качестве повседневного коммуникативного средства (ср. судьбу латыни в средневековой Европе), но оставался языком интеллектуальной и религиозной жизни и, следовательно, требовал специального изучения и нормализаторской работы.

Определить с точностью, когда именно начались в Древней Индии занятия языком, не представляется возможным. Однако известно, что уже в самих памятниках ведической литературы — ведангах — трактуются некоторые лингвистические проблемы. Так, в одной из веданг рассматривались вопросы фонетики и орфоэпии (правильного произношения), в другой — метрики и стихосложения, в третьей — грамматики, в четвертой — этимологии (происхождения слов) и лексики. Именно по этим направлениям и развивалась в дальнейшем древнеиндийская лингвистическая мысль. Как отмечалось в специальной литературе, уже за тысячу лет до нашей эры создавались словари, содержавшие непонятные слова из Вед, а приблизительно в V в. до н.э. индийский автор **Яска** составил комментарий к ведическому языку. Однако формирование собственно грамматической традиции принято связывать с именем **Пáнини**. Традиционно его деятельность относится к IV в. до н.э.; однако, поскольку точные даты жизни этого выдающегося ученого неизвестны, назывались и другие хронологические отрезки — от VII до II в. до н.э.

Следует сказать, что по сведениям, содержащимся в различных исторических источниках, грамматические описания древнеиндийского литературного языка предпринимались и раньше, а восходят грамматические знания к самому богу Шиве. В труде Пáнини (носящем название «Восьмикнижие») также упомина-

ется о ряде его предшественников и даже утверждается, что он передает и систематизирует знания, которые накоплены до него и обладают священным смыслом, однако эти труды до нас не дошли.

Характерной чертой грамматики Пáнини принято считать ее в высшей степени формализованный характер. Она содержит 3996 правил (сутр), составленных в краткой и сжатой форме¹ по канонам индийской поэтической композиции и напоминающих алгебраические формулы (иногда даже говорят, что ее язык может служить образцом для возникшей уже во второй половине XX в. инженерной лингвистики). При этом, с одной стороны, поскольку текст должен был заучиваться наизусть, каждое правило дано в виде определенного мнемонического (облегчающего запоминание) приема и поэтому само по себе, без специального комментария, непонятно даже человеку, владеющему санскритом (например, сутра *aty heh* расшифровывается следующим образом: «Во множественном числе после “а” личное окончание второго лица единственного числа отпадает»). С другой стороны, хотя грамматика Пáнини структурирована в соответствии с нормами индийской поэтической композиции (она состоит, как показывает само название, из восьми глав («книг»), каждая из которых делится на разделы, а разделы — на сутры), однако как указывали исследователи, различные явления языка излагаются в них в том виде, в котором они выступают в речи, и поэтому не обладают той систематичностью, которая присуща трудам, созданным позднее в русле европейской грамматической традиции. Поэтому в тексте «Восьмикнижия» явления фонетики, морфологии и синтаксиса свободно чередуются друг с другом.

Трактую вопросы фонетики, Пáнини подробно готовит о звуковом составе санскрита, описывает комбинаторные звуковые изменения, касается вопросов ударения. Детально анализируются морфологические явления, выделяются классы глаголь-

¹ Стремление к максимальной краткости изложения, представляющее одну из наиболее характерных черт индийской грамматической традиции, побудило одного из ее представителей заметить: «Грамматист рад сокращению, как рождению сына».

ных корней, типы окончаний в именном склонении и т.д. Особого упоминания заслуживает тот факт, что Пáнини фиксирует диалектные особенности древнеиндийского языка на Востоке, отмечает своеобразие разговорных форм и — хотя основным объектом его исследования является собственно санскрит — говорит и об особенностях ведического языка, сравнивая его с последним. Однако, констатируя сами факты различия между ними в области фонетики, морфологии, словообразования и отчасти синтаксиса, Пáнини не делает отсюда теоретических выводов, связанных с понятием языковой эволюции.

Работу Пáнини продолжали его комментаторы и последователи. Среди них в первую очередь называют имя **Вараручи Катьяяна** (III в. до н.э.). В его деятельности особо отмечают занятия пракритами (в частности, именно он создал, применяя понятия и термины санскритской грамматики, первое описание языка пали, ставшего основным языком буддийского канона). При этом отмечается, что Вараручи стремился возвести пракритские слова и формы к санскритским истокам. Как и Пáнини, Вараручи подробно рассматривает фонетику, анализирует звуковые изменения, увязывая их с морфологическими преобразованиями.

К I в. н.э. относится деятельность **Бхартхари**, рассматривавшего явления языка в философском аспекте, останавливаясь, в частности, на проблеме взаимоотношения предложения с логическим суждением. Именно ему принадлежит сделанное в поэтической форме высказывание, в котором подчеркивается важность знакомства с достижениями предшественников: богиня знания не дарит своей улыбки тем, кто пренебрегает прошлым.

В дальнейшем деятельность последователей и истолкователей Пáнини продолжалась. В V в. н.э. появились работы **Чандры**, в VII — **Джайнендры**. В XIII—XIV вв. ученый **Вопадава** составил новую санскритскую грамматику, построенную на гораздо более прочных основаниях, чем труд Пáнини; продолжали составляться и грамматики пракритов, которые рассматривались как отклонения от санскрита (известен относящийся к XII в. труд **Хемачандры**). Однако принципиально новых концепций в индийской лингвистической традиции уже не создавалось.

Суммируя основные положения древнеиндийских авторов (в первую очередь — труда Пáнини), выделяют обычно следующие моменты:

1. В области *фонетики*, опираясь на физиологический принцип, индийские авторы дают тонкое описание места и способа артикуляции отдельных звуков и их классификацию. Они различают (задолго до греков!), гласные и согласные звуки, смычные и проточные (щелевые, или фрикативные) согласные, полугласные звуки, долготу и краткость звуков, слоговую структуру (причем они подчеркивали, что основу слога составляют гласные, считавшиеся самостоятельными элементами, тогда как согласные рассматривались как подчиненные звуки, не способные выступать без гласных). Отличали древнеиндийские грамматисты и явление слияния звуков (*сандхи*). Особое внимание уделялось таким явлениям, как сочетание и взаимодействие звуков в потоке речи. Указанное обстоятельство было вызвано убеждением, что воспроизведение священных ведических гимнов может достичь цели только в том случае, если будет осуществляться в строгом соответствии с устной традицией чтения религиозных текстов. В определенной степени приблизились они к понятию фонемы, введя понятие «*спхота*», которое было противопоставлено звуку речи. Это различие четко осознавал уже Панини; в дальнейшем индийские ученые выделили несколько разновидностей каждой спхота. Им принадлежит и разработка учения о трех ступенях чередования гласных (например, *vidma* «мы знаем» — *veda* «я знаю» — *vaidyas* «ученый»), в котором они различают низшую степень, первую степень подъема (*гуна*) и вторую степень подъема (*врдхи*).
2. В области *морфологии* индийские ученые обращали особое внимание на выявление сходств и различий в языковых явлениях. Основной единицей языка считалось предложение, поскольку только оно способно выразить мысль;

слова же представляют собой искусственные образования и не обладают содержательной и смысловой самостоятельностью (эту мысль особенно подчеркивал Бхартхари). Вместе с тем сама возможность такого расчленения отнюдь не отрицалась. Напротив, оно занимало центральное место в практической работе (использовавшийся для обозначения грамматических штудий термин «вьякарана» как раз и означал «анализ», «расчленение»), правда, с оговоркой, что последнее наиболее необходимо для обеспечения изучения грамматики.

В самой морфологии выделялось три раздела: а) Классификация частей речи; б) Образование слов; в) Изменение слов. Как отмечалось в специальной литературе, по первому вопросу среди представителей индийского языкознания не было полного единства, хотя обычно выделяли четыре части речи: *глагол*, обозначающий действие, *имя*, обозначающее предмет, *предлог*, являющийся указательным элементом, и *частицу* (последняя представлена в виде частиц сравнительных, соединительных и незначимых, используемых в стихах как формальные элементы). Местоимения и наречия распределяются между именем и глаголом, хотя и отмечаются их особенности.

При анализе слова индийцы стремились разложить его на первичные элементы (подобный анализ, именовавшийся *самскра*, считался основным принципом индийской грамматики). Прежде всего, изучая тексты, обращали внимание на сходные по форме и значению слова, выделяя тем самым разные формы одного и того же слова. Затем, сравнивая эти формы, в них выделяли корни, суффиксы и окончания. Именно к корням (прежде всего глагольным) индийские грамматисты стремились свести все слова; сам Панини приводит длинные списки корней с указанием их значения. Корни подразделялись на три категории: 1) простые (первичные), 2) выступающие в функции образующих других элементов и 3) производные, включающие в себя суффиксы. При этом об-

ращают внимание на то обстоятельство, что индийским ученым были знакомы такие понятия, как внутренняя флексия (чередование в корне, имеющее грамматическое значение), нулевая морфема (когда, например, слова с именным значением образуются без помощи словообразовательного суффикса; в подобных случаях использовался термин «уничтожение»); обращали они внимание и на просодические явления (ударение и интонацию).

Рассматривая именное словоизменение, представители индийской лингвистической традиции различали семь падежей, соответствующих именительному, винительному, орудийному, дательному, аблятиву (отложительному), родительному и местному. Однако в самой индийской грамматике они не имели особых названий, а обозначались порядковыми номерами, как первый, второй и т.д.

3. Касаясь того, как освещались индийцами вопросы *синтаксиса*, обычно отмечают, что, несмотря на признание предложения основной единицей языка, последние не составляли сильной стороны их наследия и не выделялись в отдельную отрасль, эпизодически рассматриваясь в ряду морфологических явлений. Не занимало большого места у индийцев (в отличие, например, от древних греков) рассмотрение таких вопросов, как происхождение языка и этимологические изыскания. Правда, их интересовала в определенной степени теория именования, т.е. отношение слова к предмету. Так, один из продолжателей Панини — **Патанджали** (традиционно считается, что он жил во II—I вв. до н.э.) указывал, что слово представляет собой тот звук, благодаря которому возникает знание о предметах действительности. Поэтому человек, который употребляет слова в правильном значении, будучи сведущим в тонких оттенках смысла, всегда побеждает в последующем мире.
4. Наряду с грамматикой занимались в Древней Индии и *лексикографией*, т.е. составлением словарей. Они также

предназначались для заучивания наизусть и облекались в метрическую форму. Наиболее известный из них принадлежит **Амарасинху**, или **Амаре** (V—VI вв. н.э.); позднее появились словари **Халаюдхи** и **Хемачандры** (XVII в.). Глаголы в них давались в форме корня, а имя — в виде основы слова.

Лингвистические труды древних индийцев оказали огромное влияние на дальнейшее развитие языкознания. В результате распространения буддизма их грамматические идеи проникли в Китай. Под их влиянием было разработано учение о четырех основных интонациях китайского языка; разрабатывались также вопросы лексикологии, лексикографии, иероглифики, фонетики, грамматики, диалектологии; с начала нашей эры были заложены основы теории письма. Отмечалось, что еще до начала новой эры отдельные идеи индийских ученых стали известны в Древней Греции; затем, приблизительно с XI в., они оказывают влияние на арабскую науку. С конца XVIII в. с ними знакомятся в Европе; а после зарождения сравнительно-исторического языкознания (толчком для которого послужило знакомство европейцев с санскритом) многие положения Панини и его продолжателей отразились в концепциях Ф. Боппа, А. Шлейхера и других языковедов. В этом отношении датский ученый В. Томсен мог с полным основанием заметить, что до той исключительной высоты, которой достигла лингвистическая мысль в Древней Индии, европейская наука смогла подняться лишь в XIX в., да и то многому научившись у индийцев.

Античное языкознание

Термин «античный» (от латинского слова *antiquus* — древний) обычно применяется для обозначения материальной и духовной культуры двух рабовладельческих обществ — греческого и римского. Такое ограниченное употребление (хорошо известно, что древневосточные цивилизации или индийская и китайская культуры имеют гораздо более древнюю историю) устано-

вилось в европейской традиции в силу того, что народы Европы связаны с греко-римской античностью непосредственной культурной преемственностью. Учитывая сильное влияние первого на второе греко-римское языкознание часто рассматривается в качестве единого целого, хотя при этом оговаривается, что каждому была присуща определенная специфика.

Философия языка в Древней Греции

Говоря об основных моментах изучения языка в Древней Греции, обычно обращают внимание на следующее. Если в Индии такое исследование носило по преимуществу эмпирический и утилитарный характер (т.е. опиралось на опыт, полученный в результате работы над текстами, и было связано с практическими нуждами), то в Греции проблемы языкознания первоначально занимали место прежде всего в рассуждениях философов и лишь позднее стали разрабатываться в собственно грамматическом плане. Указанное обстоятельство и обусловило традиционное деление греческой лингвистической мысли на *философский* и *грамматический* периоды (хотя, разумеется, попытки философского осмысления явлений языка продолжались на протяжении всего существования античной цивилизации).

Среди важнейших вопросов, разрабатывавшихся в первый период (хронологически он охватывает время приблизительно с конца VI до конца IV в. до н.э.), основной проблемой (и предметом ожесточенных дискуссий) стал спор о так называемом «природном» или условном характере слов, иначе говоря, о том, *как соотносятся друг с другом предметы и их наименования*. Названный спор привел к формированию двух основных теорий¹ — «*фюсей*» («по природе», т.е. название определяется самой природой предмета) и «*тесей*» («по установлению», т.е. название представляет собой продукт соглашения между людьми, являясь

¹ Мы сейчас не вдаемся в вопрос о том, насколько применим к античной традиции сам термин «теория».

произвольным и никак не связанным с природной сущностью предмета).

Основоположниками названных концепций называют двух крупнейших представителей древнегреческой философской мысли — **Гераклита Эфесского** (540—480 гг. до н.э.) и **Демокрита из Абдеры** (460—370 гг. до н.э.). Первый утверждал, что каждое имя неразрывно связано с той вещью, которую оно обозначает; поэтому название отражает природу обозначаемой вещи, подобно тому как дерево отражается в реке или человек — в зеркале. «У всего существующего есть правильное имя, врожденное от природы... одно и то же у всех», — так передает эту точку зрения в своем диалоге «Кратил» крупнейший древнегреческий философ **Платон** (ок. 427 — ок. 347 до н.э.).

Вторая концепция, напротив, исходила из того, что вещи обозначаются словами исключительно согласно обычаю, по установлению людей. В противном случае трудно объяснить такие факты, как многозначность слова, синонимию, изменение названий, отсутствие словесных обозначений для целого ряда вещей. В упомянутом диалоге данная точка зрения формулируется следующим образом: «...Никакое имя никому не уроджено от природы, но принадлежит на основании закона и обычая тем, которые этот обычай установили и так называют».

В этом споре понимали участие такие представители древнегреческой философской мысли, как Протагор, Эпикур и др. Что же касается самого Платона, то, изложив устами своих героев — Кратила и Гермогена обе точки зрения, он, от имени выведенного в диалоге Сократа, занимает среднюю линию. С одной стороны, слово далеко не всегда отражает сущность предмета; с другой стороны, полная случайность связи между словом и предметом сделала бы невозможным человеческое общение. Подлинно правильный язык может существовать только в идее; вначале между звуками слова и обозначаемыми понятиями должна была существовать внутренняя связь; однако затем от «правильных» первоначальных слов было образовано такое множество других, что внутренняя связь между звуком и значением уже не может быть усмотрена, и закреплена она благодаря общественной традиции.

С названной проблемой был связан и сильно интересовавший многих греческих мыслителей вопрос о происхождении языка. В целом отвергая теорию божественного происхождения последнего и не считая возможным признавать, что язык был создан одним каким-либо выдающимся человеком, античные философы, по существу, выдвинули все те идеи, которые значительно позже (уже к XVIII столетию) оформились как различные теории происхождения языка. Так, представители стоической философской школы, главой которой был **Хрисипп** (280—206 гг. до н.э.), придерживались *теории звукоподражания*, согласно которой язык возник благодаря тому, что человек имитировал звуки природы при помощи своего речевого аппарата. Последователи **Эпикура** (341—270 гг. до н.э.) склонялись к мысли, что более правильной следует признать *теорию междометий*, согласно которой первоначальными элементами языка были произвольные выкрики, сопровождавшие те или иные человеческие эмоции. Отдельные мысли, высказанные Демокритом и нашедшие отражение в диалоге Платона «Кратил», впоследствии составили основу *теории социального договора*, считавшей язык продуктом соглашения между людьми.

Одним из важнейших аспектов древнегреческой философии языка стала попытка осуществить *классификацию слов на логической основе*. Начало ее связано с именем Платона, выделявшего в языке или речи две части — имя и глагол. К первому относятся слова, о которых что-либо утверждается (т.е. выступающие в качестве подлежащих); ко второму — слова, показывающие, что именно утверждается об именах (т.е. выполняющие функции сказуемых). Однако подлинная разработка логической системы частей речи связана с именем величайшего из древнегреческих мыслителей **Аристотеля** (384—322 гг. до н.э.).

Считая, что «природных» имен не существует и последние получают условное значение, когда становятся символами, Аристотель в своем труде «Поэтика» выделяет следующие части речи: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение.

Под *элементом* Аристотель понимает неделимый звук, однако не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное

слово (причем звуками, по Аристотелю, могут быть и сами звуки, и слова, и даже предложения, хотя философ и оговаривает, что некоторые из них являются составными). *Слог* представляет собой состоящее из элементов образование, не имеющее самостоятельного значения. *Союз* (сюда будут, согласно Аристотелю, относиться также местоимения и члены, т.е. артикли) также не имеет самостоятельного значения. Важнейшими частями речи (и одновременно членами предложения) являются *имя* и *глагол*, основная разница между которыми состоит в том, что значение первого лишено оттенка времени, а второе им обладает. Как имена, так и глаголы могут иметь *падежи*, т.е. косвенные формы и формы множественного числа. Кроме того, имена делятся по родам на мужские, женские и лежащие между ними (т.е. средние). *Предложение* же представляет собой составной звук, имеющий самостоятельное значение, причем в отличие от других сложных образований, таких как имена и глаголы, его составные части также имеют самостоятельное значение. Аристотель отмечает, что могут существовать и предложения без глаголов, например, определение человека; однако в любом случае какая-либо часть предложения будет иметь самостоятельное значение. Однако, в другой работе — «Риторике» — Аристотель указывает, что из трех частей речи — имен, глаголов и союзов — первые две имеют самостоятельное значение, тогда как союзы выполняют определенные грамматические функции.

После Аристотеля значительный вклад в изучение языка внесли философы *стоической школы*. Они перенесли логический термин «часть речи» в языкознание, различая *глагол*, *союз*, *член*, *имя собственное* и *имя нарицательное*, причем, в отличие от Аристотеля, все части речи признавали значимыми. Стоики уточнили понятие падежа, ограничив его только именами, разделили падежи на прямой (именительный) и косвенные падежи и дали последним названия (родительный, дательный, винительный), которые в дальнейшем закрепились и в греческой, и в латинской (с добавлением отложительного падежа — аблятива), а затем и в грамматиках других языков. Представителями стоической философии был введен в изучение языка и термин «синтаксис».

Будучи сторонниками теории «фюсей», т.е. считая, что слова изначально истинны — отражают действительную природу обозначаемых ими вещей, стоики поставили задачу: исследуя слова, вскрыть их истинную природу — этимон (по-гречески «истина»). Поэтому с ними связывают зарождение *этимологии*, т.е. науки об истинном значении слова (хотя этимологическими рассуждениями занимался еще Платон). Однако с точки зрения сравнительно-исторического языкознания этимологии стоиков (как и других античных, средневековых и позднейших авторов вплоть до XIX в.) являлись в своем большинстве абсолютно ненаучными.

Наконец, говоря о древнегреческой философии языка, следует упомянуть, что ее представители занимались и такой сугубо лингвистической дисциплиной, как *фонетика*, хотя при этом не различались звуки и буквы, а акустические и физиологические наблюдения уступали индийским. Так, в диалоге «Кратил» Платон различал гласные, безгласные звучные и безгласные беззвучные; позднее более детальную классификацию звуков дал Аристотель, выделяя гласные, у которых «звучание слышится без прикладывания языка», полугласные, «звучание которых слышится при прикладывании языка», и безгласные, которые при наличии прикладывания языка самостоятельного звука не дают, а делаются слышными в соединении со звуками, имеющими какую-нибудь звуковую силу (по современной классификации к полугласным можно отнести сонорные и фрикативные согласные типа **p** и **c**, а к безгласным — взрывные, например **b** и **g**). Аристотель отмечает, что они различаются в зависимости от формы рта, места образования, густым и тонким придыханием, долготой и краткостью, острым, тяжелым и средним ударением. Поскольку же под элементом философ понимал только такой неделимый звук, из которого, может образовываться разумное слово, историки языкознания отмечали, что он приблизился к понятию фонемы.

Проблемы фонетики нашли отражение и в трудах стоиков, выделявших 24 буквы¹, которые подразделяются на гласные и согласные.

¹ Как известно, для греческой традиции характерно неразличение буквы и звука.

Таким образом, уже в первый — философский период — древнегреческая лингвистическая мысль обращалась помимо общепhilosophических и к собственно языковым вопросам. Однако превращение изучения языка в самостоятельную дисциплину (*грамматику* в широком смысле слова) связывают уже со вторым периодом ее развития.

Александрийская школа грамматики

Вероятно, не случаен тот факт, что собственно грамматическая традиция в изучении языка возникла не в самой Греции, а за ее пределами — в эллинистическом Египте, столицей которого стала Александрия. Напомним, что после походов Александра Македонского и последовавшего за смертью великого завоевателя распада его державы сложился целый ряд государств (Египет, Сирия, Пергам и др.), во главе которых стояли потомки полководцев Александра. Преобладали в этих странах греческий язык и греческая культура (откуда и термин «эллинизм»); однако поскольку во многих из них к моменту завоевания уже существовали собственные цивилизации, зачастую гораздо более древние, чем греческая, постольку было неизбежно определенное взаимодействие между ними. Одновременно греческий язык, оказавшись вдали от своей исторической родины и вступив в контакт с местными языками, мог подвергнуться изменениям, воспринимавшимся как искажение его первоначальной «чистоты». Таким образом, возникла необходимость сохранить греческую литературную традицию, филологически объяснить классические тексты греческих авторов (Гомера, Эхила, Софокла и др.), сформулировать те правила, которым должна отвечать «правильная», нормированная речь. Поскольку же именно эллинистический Египет, где правили потомки Птолемея Лагида — одного из сподвижников Александра, и в первую очередь его столица являлись бесспорным центром эллинистической культуры¹, постольку вполне объяснимо, что именно здесь

¹ Напомним, что именно здесь находилось крупнейшее книгохранилище, античного мира — Александрийская библиотека; можно также вспомнить,

во III—II вв. до н.э. сформировалась так называемая *Александрийская школа грамматики*, расцвет которой падает на II в. до н.э. — II в. н.э. Эта школа была создана трудами **Аристарха Самофракийского**, **Дионисия Фракийского**, **Дионисия Галикарнасского**, **Асклепиада из Мирлеи**, **Деметрия Хлора** и др., создавших собственные, но близкие друг другу грамматические системы.

Наиболее известной из них стала грамматика **Дионисия Фракийского** (170—90 гг. до н.э.), по которой обычно и излагают грамматические взгляды александрийцев в целом.

О тесной связи последних с греческой литературной традицией говорит тот факт, что сама грамматика определяется в ней как «осведомленность в большей части того, что говорится у поэтов и прозаиков» (поэтому учение александрийцев традиционно именовали *филологической грамматикой*). Содержание ее составляет, с одной стороны, описание звуков речи, а с другой — классификация слов и их форм.

Не различая, как и другие представители греческой лингвистической традиции, понятия звука и буквы, Дионисий выделяет 24 буквы. Семь из них — гласные, образующие «сами по себе полный звук». Они характеризуются по долготе и краткости, а также по месту в дифтонгах. Остальные звуки («буквы») являются согласными, подразделяемыми на полугласные и безгласные. Аффрикаты называются двойными согласными, а также выделяются плавные (л, м, н, р). Рассматриваются также те изменения («претерпевания») звуков, которые происходят при словоизменении и словообразовании, причем оговаривается, что плавные никогда не подвергаются изменениям и потому называются неизменяемыми.

Хотя александрийские грамматисты имели представление о физиологических основах произношения (ср. приведенные выше рассуждения Аристотеля), однако описание звуков дается в основном исходя из акустического принципа. Дионисий также вводит понятие ударения, рассматривает различные его

что именно в Александрии был осуществлен в III в. до н.э. перевод Библии на греческий язык, инициативу которого (другой вопрос, насколько обосновано) предание приписывало лично царю Египта Птолемею Филадельфу.

типы и говорит о значении (смысловом и фонетическом) знаков препинания.

Рассматривая проблемы, связанные с грамматическим учением о слове (т.е. то, что позднее составило область *морфологии*), Дионисий останавливается на определениях слова, понимаемого как наименьшая единица связной речи, и предложения («речи», по терминологии Диониса), которая представляет собой соединение слов, выражающих законченную мысль. Различаются восемь частей речи: имя, глагол, причастие, член, местоимение, предлог, наречие, союз. Каждая часть речи обладает «акциденциями», т.е. определенными лексико-грамматическими и собственно-грамматическими признаками. Например, *имя* определяется как склоняемая часть речи, обозначающая тело (например, камень) или вещь (например, воспитание¹) и высказываемая либо как общее (человек), либо как частное (Сократ). Его акциденциями являются: род, вид, образ, число, падеж. Выделяются три рода (мужской, женский и средний), с оговоркой, что некоторые авторы добавляют к ним также общий и совместный; три числа (единственное, двойственное и множественное), пять падежей (прямой, родительный, дательный, винительный, звательный; сам термин «падеж» связан с тем, что словоизменение рассматривалось как ряд ступеней склонения, в результате которого имя как бы падает, уклонившись от своего первоначального положения). Имена обладают множеством видов: собственное, нарицательное, относительное, количественное и т.д. (иначе говоря, как разновидности имени трактуются местоимения, числительные, прилагательные, позднее рассматриваемые как самостоятельные части речи). Соответственно *глагол* определяется как беспадежная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или состояние. Акциденциями глагола будут наклонение, залог, вид, число, лицо, время и образ (т.е. словопроизводство глагола). Различаются пять наклонений (неопределенное, изъ-

¹ Ср. с принятым в современной грамматике различием конкретных и абстрактных имен существительных.

явительное, повелительное, желательное и подчинительное), три залога (действительный, страдательный и средний), три числа (единственное, двойственное и множественное), три лица (первое — от кого речь, второе — к кому речь и третье — о ком речь), три времени (настоящее, прошедшее, будущее). Аналогичным образом подходит Дионисий и к определению других частей речи: *член* трактуется как склоняемая часть речи, стоящая впереди и позади определяемых имен и имеющая три акциденции (род, число, падеж), *местоимение* — как слово, употребляемое вместо имени и показывающее определенные лица, *предлог* — как часть речи, стоящая перед другими и в составе слова (т.е. при словообразовании), и в составе предложения (т.е. при сочетаниях слов), *наречие* — как несклоняемая часть речи, высказываемая о глаголе или присоединяемая к нему, *союз* — как слово, связывающее мысль в известном порядке и обнаруживающее пробелы в выражении мысли (с подразделением на соединительные, разделительные, причинные и т.д.).

Таким образом, для александрийцев характера классификация частей речи по трем основным критериям: семантическому (что данное слово означает), морфологическому (как оно изменяется) и синтаксическому (какую роль выполняет в предложении), т.е. части речи понимаются, говоря более привычным нам языком, как *лексико-грамматические единицы*. Именно такой подход стал впоследствии преобладающим для европейской грамматической традиции и сохраняется в школьном (в значительной степени и вузовском) преподавании до сих пор, не смотря на позднейшую критику.

Во II в. до н.э. появляется одно из наиболее известных сочинений Александрийской школы — «О синтаксисе» **Аполлония Дискола**. Сам термин «синтаксис» употреблен здесь в широком смысле слова — для обозначения связи речевых элементов в их последовательности (слов в предложении, частей слов при словосложении, букв и слогов в слове и т.п.), причем обращается особое внимание на синтаксические отношения между частями речи. Аполлоний указывает, что полнозначное предложение рождается в результате сочетания имен и глаголов, с одной сторо-

ны, и зависимых от них слов (члена, т.е. артикля при имени, наречия при глаголах и др.) — с другой. Отмечает он и «замещающие» имена и глаголы части речи (местоимения, причастия и др.).

Наконец, при рассмотрении Александрийской школы отмечают и создание ее представителями (**Зенодот из Эфеса, Аристофан Византийский, Аполлодор Афинский** и ряд других) *лексикографической традиции*, оказавшей огромное влияние на словарную работу в последующие века. При этом сами типы создаваемых словарей были весьма разнообразны: глоссарии (толкования непонятных слов и выражений), этимологические (пытавшиеся установить происхождение слов), диалектологические (где отражались особенности греческих диалектов), идеографические (группирующие слова по общности понятий) и другие словари.

Занимаясь по преимуществу собственно грамматической проблематикой, александрийские ученые, как и их коллеги в других эллинистических центрах греческой образованности (например, Пергаме и на острове Родос), обращались и к философскому осмыслению языка. И здесь основным объектом их внимания стал вопрос о том, существует ли в языке какая-либо закономерность (*аналогия*) или же все зависит от «капризов употребления», часто не совпадающих с общими правилами (*аномалия*).

Представители стоической философии, сформулировавшие эту проблему, считали, что господствует в языке именно закрепленная употреблением аномалия. Во II в. н.э. принадлежавший к ним **Секст Эмпирик**, сравнивая грамматиков с людьми, пытающимися в каком-нибудь городе ввести в обращение собственные монеты вместо общепризнанных, и утверждая, что их деятельность приводит к появлению двух разновидностей эллинской речи, имеющих между собой мало общего: навязываемой «аналогистами» и обычной, которую эллины используют в повседневном обиходе, — указывал, что само понятие об аналогии можно получить, только наблюдая речевой обиход, который тем самым признается единственным критерием, не нуждающимся ни в каком «грамматическом искусстве». Отсюда делается соответствующий вывод: правильно говорит тот, кто практиковался в эллинской речи путем общения с людьми, а не тот кто

знает аналогию. Поэтому грамматика, предписывающая правила (т.е. носящая нормативный характер), практически бесполезна. Необходимо не определять какие-то общие правила, а установить, какого обихода следует придерживаться, общаясь с людьми разных местностей, профессии, образования и т.п., а также соображаться с темой разговора. Таким образом, «умело воздавая каждой обстановке то, что ей приличествует, мы, очевидно, будем говорить по-эллинически безупречно».

«Аномализм» был свойствен и некоторым грамматистам. В этой связи называют главу Пергамской школы **Кратеса из Малоса** (II в. до н.э.), разделявшего позиции стоиков и подчеркивавшего, что устанавливаемые на основании аналогии правила наталкиваются на большое количество исключений.

Для позиций представителей Александрийской школы, признанным главой которой был упоминавшийся выше **Аристарх Самофракийский** (215—143 гг. до н.э.), напротив, было характерно убеждение в том, что язык обладает регулярным характером и, описывая формы и слова языка, необходимо, исходя из соответствующих принципов, указывать на случаи их неправильного употребления. Понятно поэтому, что, при всех заслугах стоиков в области изучения языка, именно с александрийской традицией оказалось связанным создание систематических грамматик, о которых речь шла выше (хотя рядом с регулярными грамматическими правилами — «аналогиями» в них отмечались и разного рода исключения из них — «аномалии»)¹.

Языкознание в Древнем Риме

Возникнув как небольшое поселение (по преданию, это произошло в 753 г. до н.э.), Рим постепенно превращался в мировую державу, подчиняя себе множество стран и народов. Уже первое соприкосновение с греческими колониями в Италии

¹ Примером аномалии в русском языке может служить слово «черепаха»: принадлежа грамматически к женскому роду, она может обозначать особей как мужского, так и женского пола.

привело к началу процесса *эллинизации* римской культуры, который усилился к III в. до н.э., когда в орбиту римского влияния начали попадать государства эллинистического мира. Уже ко II в. до н.э. знание греческого языка и греческой литературы стало для большинства, претендовавших на образованность представителей римской знати, по существу, обязательным. Великий поэт Гораций писал в связи с этим:

Graecia capta ferecem victorem cepit et artes
Intulit agresti Latio...

(Побежденная Греция пленила своего дикого победителя и внесла искусства в сельский Лаций.)¹

Естественно, не могла оставаться без внимания римлян и уже насчитывавшая к тому времени довольно богатую историю греческая традиция изучения языка — как в ее нормативно-грамматическом, так и философско-теоретическом аспектах. Считается, что знакомство с греческой грамматикой относится к 167 г. до н.э., когда в Рим прибыл с посольством упоминавшийся выше глава Пергамской школы Кратес из Малоса. Правда, характеризуя вклад римских языковедов в науку, обычно подчеркивают, что он был (по сравнению с греческой и индийской традициями) довольно незначителен, поскольку занимались они главным образом приложением александрийской системы к латинскому языку. Вместе с тем, многие идеи, выдвинутые греческими авторами, были продолжены в рассуждениях римских ученых. Так обстояло дело, например, с дискуссией об аналогии и аномалии. Специальный трактат этой проблеме посвятил Юлий Цезарь. Но наиболее полное отражение она (как и другие аспекты изучения языка) нашла в деятельности крупнейшего римского ученого **Марка Теренция Варрона** (116—27 гг. до н.э.), вообще отличавшегося исключительной широтой интересов и писавшего по самым разнообразным проблемам, включая сельское хозяйство (кстати, многие взгляды греческих авторов известны именно благодаря его передаче).

¹ Лаций — область на Апеннинском полуострове, центром которого был г. Рим.

В своем сочинении «О латинском языке» Варрон указывал, что существуют два начала слов — установление и склонение (их можно сравнить с источником и ручьем). Устанавливаемые имена необходимо заучивать; поэтому желательно, чтобы их было как можно меньше; склоняемые же имена требуют немногих кратких правил, и поэтому желательно, чтобы их было как можно больше. Различая в «склонении» изменение и производство слов, Варрон отмечал, что оно может быть «естественным», т.е. возникшим «не от воли отдельных людей, а от общего согласия», и «произвольным», когда «каждый склоняет так, как ему вздумается». Разграничивая в этой связи словоизменение и словообразование и указывая, что нередко «в произвольном склонении бывает заметна естественность, а в естественном — произвол», Варрон останавливается на случаях их несовпадения, напоминая, что по этому поводу «греки и латиняне» написали много книг: одни считали, что в речи нужно следовать словам, которые подобным образом склонены от подобных, т.е. опираться на аналогию, тогда как другие думали, что последней можно пренебречь и следовать несходству, вошедшему в обиход, которое называют аномалией «Между тем, как я полагаю, — заключает свои рассуждения грамматист, — нам нужно следовать тому и другому, потому что в произвольном склонении преобладает аномалия, а в естественном — аналогия»¹.

Говоря об основных направлениях лингвистической работы в Древнем Риме, выделяют обычно следующие моменты:

- из *философских* проблем языкознания, помимо упомянутого выше исследования аналогии и аномалии, римских авторов интересовал и вопрос о *происхождении языка*. Здесь в основном имели распространение те же теории, что и в греческой традиции; одна из них — звукоподражательная — отразилась в знаменитой поэме **Тита Лукреция Кара** (I в. до н.э.) «О природе вещей»: «По побужде-

¹ Резюмируя эту мысль Варрона, историки языкознания обычно сводят ее к формуле: словоизменение по преимуществу следует аналогии, а словообразование — аномалии.

нию природы язык стал различные звуки произносить, при нужде выражая названия предметов»;

- в области *фонетики* Варрон к выделенным александрийцами 24 звукам добавил еще двадцать пятый — заднеязычный носовой (в современной транскрипции [ŋ]);
- в сфере *грамматики* основная работа заключалась в приспособлении выработанных греческими учеными схем к латинскому языку. Задача облегчалась тем, что оба этих языка, не являясь в собственном смысле слова близкородственными тем не менее очень близки по своему строю. Среди внесенных римлянами изменений отмечают введение отсутствовавшего в греческой грамматике особого падежа — *аблятива* (лат. *ablativus* — «отложительный»), которое связывают с именем Юлия Цезаря, а также исключение из числа частей речи отсутствовавшего в латинском языке члена (артикля) и выделение Варроном в качестве особой части речи междометий — слов, выражающих эмоционально-волевые реакции человека на окружающую действительность;
- продолжали римские авторы заниматься и *этимологическими* изысканиями. Кроме самого Варрона, в этой связи обычно вспоминают философа **Луция Аннея Сенеку** (4 г. до н.э. — 65 г. н.э.), а из позднеримских христианских мыслителей — **Аврелия Августина** (354—430 гг. н.э.), однако и здесь историки лингвистики обращают внимание прежде всего на то обстоятельство, что отсутствие твердых принципов этимологического исследования приводило к произвольным, а часто и просто фантастическим толкованиям (хрестоматийно известным и вызывавшим насмешки еще в древности стал пример этимологии «по противоположности» *lucus a non lucendo*, т.е. слово *lucus* — «роща» происходит от *non lucet* «не светит»).

Своеобразным итогом развития античной лингвистической мысли стали грамматики **Элия Доната** и **Присциана**. Первая из них, известная под именем «*Ars grammatica*» («Грамматическое

искусство») и существовавшая в более краткой («Ars minor») и более полной («Ars maior») версиях, была создана в III—IV вв. н.э. и представляла собой относительно сжатый свод правил нормативной латинской грамматики, опиравшейся на сложившуюся греко-римскую традицию; историки нашей науки отмечали, что вклад самого Доната в ее развитие сказался лишь на исследовании достаточно частного вопроса о сочетании определенных и неопределенных местоимений с глаголом. Однако возможно, что именно подчеркнутая «традиционность» способствовала ее успеху в педагогическом обиходе. Уже начиная с VI в. она используется как основное учебное пособие в школах при обучении латинскому языку и сохраняет эту роль на протяжении всего Средневековья, а само имя «Донат» становится своего рода символом грамматического искусства (можно, кстати, вспомнить, что на Руси ее переводил, опять-таки в качестве учебника, знаменитый переводчик конца XV — начала XVI в. Дмитрий Герасимов).

Труд Присциана, именовавшийся «*Institutionum grammaticarum*» («Об основах грамматики»), появляется в Константинополе в VI в. н.э., т.е., строго говоря, уже после традиционно понимаемого «конца античности»¹. Он представлял собой самую полную из всех античных грамматик и состоял из 18 книг. Первые 16 (известные как «*Priscianus maior*») рассматривают, используя привычные нам терминологию, фонетические и морфологические явления, последние две книги (именуемые «*Priscianus minor*») посвящены анализу синтаксических комбинаций. Как и Донат, Присциан, строя свою грамматику и объясняя факты латинского языка, следует принципам Александрийской школы, руководствуясь сочинением Аполлония Дискола.

Утвердившейся к концу античности и господствующий на протяжении Средневековья взгляд на грамматику как на дисциплину по преимуществу практическую, которая учит правильно говорить, читать и писать (*Grammatica docet recte dicere*,

¹ Как известно, в качестве даты, условно отделяющей античность от Средневековья, принимается 476 г., когда пала Западная Римская империя.

legere et scribere), сказался на том внимании, которое Присциан уделяет произносительной и орфографической стороне языка, соотнося звуки с буквами. Рассматривает он также вопросы слогообразования, определяя слог как такое сочетание звуков, которое произнесено в едином выдохе и объединено одним ударением. При этом указывается, что число слогов определяется числом гласных. Слово понимается Присцианом как единица, обладающая определенным значением; соединения слов, передающие целостную мысль, Присциан называет термином «oratio» (речь); в этой функции (особенно при ответе на вопрос) может выступать и отдельное слово. В соответствии с установившейся традицией Присциан выделяет восемь частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, предлог, наречие, междометие, и союз, опираясь, помимо семантического (значение), также на морфологический и синтаксический критерии (хотя, как отмечали историки языкознания, и без определенной системы). В двух последних книгах рассматриваются проблемы, связанные с предложением.

Если грамматика Доната использовалась в чисто педагогических целях, то сочинение Присциана, продолжая применяться в качестве учебного пособия, стало той базой, на которую опирались представители средневековой науки, высказывавшиеся по грамматическим проблемам.

Наконец, говоря о позднеримском языкознании, называют и имя **Амвросия Феодосия Макробия** (кон. IV — нач. V в.) — грека по происхождению, создавшего единственную известную нам в античной традиции, хотя и не сохранившуюся, работу сопоставительного характера, посвященную греческому и латинскому глаголу.

РАЗДЕЛ II

Языкознание в Средние века

Как известно, само понятие «Средние века» возникло в эпоху Возрождения и имело определенный негативно-презрительный оттенок, применяясь для промежутка времени, отделяющего Ренессанс от столь ценимой им античности. Этот «негативизм» сказался и в распространенных до нашего времени устойчивых словосочетаниях типа «мрачное Средневековье», «средневековое мракобесие» и т.п. (ср. английское *Dark Ages* — темные века). Подобное отношение отразилось и на истории лингвистики: вплоть до второй половины XX в., а зачастую и позднее европейскому Средневековью в научной и научно-популярной литературе, посвященной интересующей нас проблематике, отводили обычно всего несколько строк, как правило, отнюдь не хвалебного характера...

Что касается собственно хронологических рамок данного периода, то традиционным началом его считали V в. (падение Западной Римской империи), а концом — XV (открытие Америки Христофором Колумбом). Впрочем, полного единства здесь не наблюдается: многие историки относили рубеж Средневековья к середине XVII в. (Английская буржуазная революция), связывая его с окончательным распадом феодальных отношений. С другой стороны, даже в пределах западноевропейского мира установление жестких временных отрезков этой эпохи достаточно затруднительно: XIV в. для Италии — раннее Возрождение, а XV в. для Англии — позднее Средневековье... Добавим к этому и специфику, характеризующую отдельные этапы внутри последнего, что также осложняет задачу создания некой общей картины средневековой лингвистической мысли.

Как и в большинстве курсов истории языкознания, в нашей работе будут рассмотрены две традиции изучения языка: латино-европейская (точнее, западноевропейская) и арабо-мусульманская; кроме того, даются сведения о разработке соответствующей проблематики в православно-славянском культурном ареале.

Языкознание в средневековой Европе

Как уже отмечалось, говоря о лингвистической традиции в средневековой Европе, подавляющее большинство историков нашей науки склонно было видеть в ней своего рода «теоретический застой», если не регресс по сравнению с античной эпохой. В этой связи назывались следующие факторы:

1. Единственным языком, изучавшимся в этот период, был латинский. Хотя согласно распространенной в католическом мире «теории триязычия», развитой в VII в. епископом **Исидором Севильским** (560—636), статусом «священных» пользовались также греческий и древнееврейский языки (поскольку именно на них по приказу Понтия Пилата была сделана надпись на кресте Иисуса Христа), реальная жизнь внесла в нее существенные поправки: древнееврейский изначально был чужд подавляющему большинству христианского мира и его знание в средние века (как, впрочем, и позднее) было всегда уделом немногих, а число владеющих греческим также оставалось незначительным, чему способствовала отчужденность между католической и православной церквями, завершившаяся в 1054 г. открытым разрывом. Таким образом, «триязычие» свелось к фактическому одноязычию, что, естественно, сужало круг наблюдаемых языковых фактов, а слово «грамматика» стало пониматься как синоним именно латинской грамматики.
2. Латинский язык был мертвым языком (использовался главным образом для письменного общения), и изучать

его было можно лишь на основе письменных источников. Соответственно предметом обучения становились в первую очередь не звуки (фонетические), а буквы — графические элементы, т.е. собственно фонетические исследования оказались в полном пренебрежении.

3. Само изучение латинского языка проводилось в основном в практических целях, вследствие чего грамматика не столько описывала существующие факты, сколько предписывала их «правильное» употребление. Важнейшим пособием для изучения латинского языка оставались все те же грамматики Доната и Присциана либо созданные на их основе компиляции; оригинальных в собственно лингвистическом отношении трудов практически не создавалось.
4. Отождествление понятий латинской грамматики и грамматики вообще привело к тому, что даже в тех случаях, когда начинали изучаться другие языки, на них механически переносились особенности латинской грамматики, а подобного рода «латиноцентризм» неизбежно приводил к игнорированию конкретной специфики разных языков, зачастую весьма не схожих с латинским.
5. Поскольку изучение латинского языка рассматривалось как логическая школа мышления, правильность грамматических явлений стала устанавливаться логическими критериями, а логическая терминология стала даже вытеснять собственно-грамматическую, заимствованную от греко-римской античной традиции.

Несмотря на, казалось бы, достаточную убедительность приведенных выше положений, в специальной литературе отмечалось, что они нуждаются в достаточно серьезной корректировке, поскольку не учитывают ряд важных моментов.

Во-первых, в какой-то степени так называемые новые (т.е. живые) европейские языки также попадали в поле внимания: составлялись алфавиты, делались глоссы, выполнялись переводы, сочинялись оригинальные произведения... Сколь ни не-

равноправен был их статус по сравнению с латынью, но подобная деятельность, несомненно, способствовала постепенному повышению их престижа, а тем самым — подготавливала почву для их превращения в объект научного изучения. В этой связи историки языкознания обращают особое внимание на исландские трактаты XII в., в которых рассматривается вопрос об использовании латинского письма применительно к исландскому языку и в связи с этим описывалась сама исландская фонетика. К концу Средневековья эта тенденция проявилась уже достаточно отчетливо, отразившись, в частности, в знаменитых словах Данте Алигьери о том, что народный язык «благороднее» латыни, поскольку первый — язык «природный», а второй — «искусственный».

Во-вторых, было отмечено и то обстоятельство, что ходячее определение латыни как «мертвого» языка, верное в том смысле, что он не являлся родным для какого-либо этнического коллектива, отнюдь не столь верно в других отношениях. «Латинский язык не был мертвым языком, и латинская литература не была мертвой литературой. По-латыни не только писали, но и говорили; это был разговорный язык, объединявший немногочисленных образованных людей того времени: когда мальчик-шваб и мальчик-сакс встречались в монастырской школе, а юноша-испанец и юноша-поляк — в Парижском университете, то, чтобы понять друг друга, они должны были говорить по-латыни. И писались на этом языке не только трактаты и жития, а и обличительные проповеди, и содержательные исторические сочинения, и вдохновенные стихи»¹. Кстати, это сказалось и на своеобразной «диалектизации» средневековой латыни: появляются изменения в произношении, словоупотреблении, в меньшей степени — в грамматике. В литературе описаны даже случаи, когда ученые из разных стран, говоря на «своем» варианте латинского языка, уже с трудом понимали, а иногда и вообще не понимали друг друга. Отсюда возникла необходимость соот-

¹ Памятники средневековой латинской литературы 4—5 вв. / Ред. М.В. Грабарь-Пассек и М.Л. Гаспаров. М., 1970. С. 5.

ветствующей коррекционной работы: в ту же грамматику Прициана стали вноситься поправки, отражающие указанный процесс.

В-третьих, с развитием средневекового мировоззрения в первую очередь философского, грамматика привлекает внимание уже и в чисто теоретическом отношении: появляются труды, в которых делаются попытки осмыслить явления языка и интерпретировать их в более широком аспекте. В этом смысле средневековых мыслителей, занимавшихся названными проблемами, можно в какой-то мере считать предтечами *общего языкознания*.

Наконец, в-четвертых, в сочинениях авторов позднего Средневековья, когда в орбите внимания ряда средневековых мыслителей оказались и такие языки, как греческий, еврейский, арабский, стали звучать идеи о том, что помимо общей логической основы в языках имеются и довольно значительные различия, сказывающиеся, например, в трудностях при переводе (эту мысль наиболее отчетливо высказал Роджер Бэкон).

Возвращаясь к вопросу о внутренней периодизации средневековой лингвистической мысли, можно отметить, что чаще всего здесь выделяют два основных этапа.

Первый («ранний») охватывает промежуток времени приблизительно с VI до XII в. В качестве его отличительной особенности называют обычно процесс усвоения античного наследия и его адаптации к новым историческим условиям. Выдающуюся роль здесь сыграли такие позднеантичные авторы, как **Марциан Капелла** (V в.), **Анций Манлий Северин Боэций** (480—524), **Магн Аврелий Кассиодор** (490—575).

Первому из них принадлежит опиравшаяся на труды Варрона и других авторов своеобразная энциклопедия в девяти книгах «Брак Филологии и Меркурия». К нему восходит сложившаяся в средневековой Европе система «семи свободных искусств», состоявшая из так называемого *тривия*, включавшего словесные науки (грамматику, риторику и диалектику, т.е. умение вести споры) и *квадривия* (музыки, арифметики, геометрии, астрономии). Таким образом, именно грамматика, понимаемая,

как отмечалось выше, как искусство читать и писать, должна была служить основой дальнейшего школьного образования: характерно, что ее изображали в виде женщины, державшей в правой руке нож для подчистки ошибок, а в левой — розги для наказания нерадивых.

Боэций известен как переводчик на латынь основных логических сочинений Аристотеля, заложивших основу логических учений в Европе и в значительной степени определивших разработку грамматических проблем.

Кассиодором была составлена, в частности, своеобразная энциклопедическая компиляция латинских трудов по «словесным искусствам», к которым он отнес грамматику, риторику с поэтикой и логику.

Как уже отмечалось, в эту эпоху канонизируются в качестве основных пособий по изучению грамматики труды Доната и Присциана. Упомянутый выше Исидор Севильский, опираясь на труды Боэция, Кассиодора и других античных авторов, составляет труд, именованный «Начала, или этимологии», в котором утверждалось, что сущность вещи может быть выведена из самого ее названия, а не возникает произвольно, т.е. разделяется та точка зрения, которую высказывали в античности сторонники теории «фюсей». Соответственно этимология, по мысли Исидора, должна привести к восстановлению первичной, «истинной» формы слов. Разумеется, с точки зрения сравнительно-исторического языкознания этимологии Исидора, как и его античных предшественников, не могут претендовать на научность, хотя некоторые из них довольно любопытны. Например, ссылаясь на библейское предание о сотворении человека, он пытается установить связь между латинскими словами «homo» («человек») и «humus» («земля»).

Наиболее важным моментом рассматриваемого периода принято считать относящееся к XI—XII вв. начало борьбы *номинализма* и *реализма*, в которой приняло участие несколько поколений средневековых ученых. Спор этот восходит еще к античной эпохе, и сущность его состоит в том, соответствуют или нет общим понятиям (универсалиям) какие-либо действитель-

ные явления. Теоретическим источником его послужило сочинение позднеантичного автора **Порфирия** (ок. 233—204), указывавшего, что для правильного понимания категорий Аристотеля необходимо знать, что такое род и вид, что такое различающий признак, собственный признак и привходящий признак, причем сам Порфирий отказался от однозначного разрешения данной проблемы: «Я буду избегать говорить относительно родов и видов, — существуют ли они самостоятельно, или же находятся в одних и тех же мыслях, и если они существуют, то тела ли это или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием, или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них: ведь такая постановка вопроса заводит очень глубоко и требует другого, более обширного исследования».

Кроме сочинения самого Порфирия, использовались участниками спора также комментарии к нему и к Аристотелю, автором которых был Боэций. Начало дискуссии связывают с именем **Росцелина из Компьена** (1050—1120), который выступил с утверждением, что действительным объективным существованием обладают только единичные вещи, тогда как общие понятия, т.е. универсалии, — это только имена (по-латыни *nomina* — отсюда и название всего направления). Из этого Росцелин делал вывод, что универсалии представляют собой просто «звуки голоса», лишь весьма косвенно связанные с самими вещами. Роды, виды и категории, согласно Росцелину, выражают не отношение вещей, а служат исключительно для классификации одних только слов. Лишь язык позволяет создать отвлеченные слова типа «белизна», которое, в сущности, ничего не выражает, поскольку в действительности могут существовать только белые предметы. Точно так же понятие «человек» имеется лишь в языке, тогда как в действительности могут существовать лишь отдельные люди (Сократ, Платон и др.).

Поскольку выводы Росцелина в определенной степени приводили к противоречию с некоторыми из церковных догматов (например, когда речь шла о сущности Троицы), они вызывали резкие возражения со стороны ортодоксальных католических философов. Особенно резко выступили против них **Ансельм**

Кентерберийский (1033—1109) и **Гильом из Шампо** (ок. 1068—1121), представлявшие так называемое реалистическое направление. Согласно последнему, универсалии являются абсолютно реальными, и каждая из них целиком и полностью пребывает в любом предмете своего класса, тогда как индивидуальные различия между ними создаются внешними и случайными свойствами.

Один из слушателей Гильома, впоследствии ставший его непримиримым противником, **Пьер Абеляр** (1079—1142), отрицая реальность существования универсалий, вместе с тем отказался и от крайнего номинализма Росцелина, отмечая, что универсалия — не просто слово, имеющее физическое звучание, но она также обладает определенным значением и способна определять многие предметы, составляющие известный класс. Таким образом, согласно Абеляру, универсалии объективно существуют только в человеческом уме, возникая в результате чувственного опыта как результат абстрагирования. Эту доктрину умеренного номинализма позднее стали называть *концептуализмом*.

Борьба номинализма и реализма проходит сквозь всю дальнейшую историю средневековой философской мысли, причем, несмотря на враждебное отношение католической иерархии к номинализму и концептуализму (взгляды Росцелина, Абеляра и ряда других мыслителей даже подверглись осуждению), эта доктрина получила дальнейшее развитие. Для науки о языке рассматриваемый спор интересен в первую очередь благодаря тому, что в его ходе рассматривались основные проблемы, связанные с изучением семантической системы языка.

Второй период развития средневековой лингвистической традиции (поздний, или «предренессансный») охватывает XII—XIV вв. Эта эпоха характеризуется как расцвет и последний закат схоластической философии¹, возникшей в предыдущие века. В рассматриваемый отрезок времени (во многом благодаря контактам с арабским миром и через посредство арабских переводов) западноевропейские мыслители знакомятся с рядом

¹ Схоластической (от греч. *scholasticos* — ученый) называют средневековую философию, строившуюся на чисто формальных, логических аргументах.

произведений античных авторов, в первую очередь с ранее не известными «латиноязычному» Западу трудами Аристотеля и комментариями к ним. Наблюдается и возрастание интереса к проблемам языка. Правда, историки лингвистики отмечают, что собственно в плане грамматического описания языка было сделано не так много: по-прежнему, основным авторитетом оставался труд Присциана, к которому составлялись многочисленные комментарии, и в этом плане можно отметить лишь один факт: категория имени, не расчленявшаяся в античной грамматике, была подразделена на существительное и прилагательное. Однако заметным явлением считается формирование в XIII—XIV вв. так называемой концепции *философской грамматики*. Первый опыт ее создания связывается с именем **Петра Гелийского** (середина XII в.), написавшего ее в виде комментариев к Присциану. Особую роль в развитии этого направления сыграл **Петр Испанский** (1210/20—1277), португалец по происхождению, ставший в 1276 г. римским папой под именем Иоанна XXI. В своем трактате «О свойствах терминов», составляющем заключительную часть принадлежавших ему «Кратких основ логики», он разрабатывает учение о суппозиции (допустимой подстановке терминов), касаясь вопроса о природе значения и отмечая важность изучения элементов языка в контексте тех комбинаций, в которых они выступают в речи. В значительной степени под его влиянием в XII—XIV вв. складывается так называемая «школа модистов» (название связано с тем вниманием, которое ее представители уделяли вопросу о «модусах», т.е. способах значения.). К числу ее крупнейших представителей относятся **Боэций Датчанин** (XIII в.), **Томас Эрфуртский** (XIV в.) и др. Модисты изучали прежде всего общие свойства языка, его отношения к внешнему миру и мышлению. Вслед за Петром Гелийским они рассматривали грамматику не как чисто практическую дисциплину, которая учит «правильно говорить, читать и писать», а как науку (*scientia*). Отмечая, что языки обладают конкретной спецификой, модисты вместе с тем применяли к ней критерий «одна для всех языков», подчеркивая тем самым ее логический характер. «Тот, кто знает грамматику одного языка, — писал один из

авторов рассматриваемой эпохи, — знает сущность грамматики вообще. Если же, однако, он не может говорить на другом языке или понимать того, кто говорит на нем, это происходит из-за различий в словах и их формах, которые по отношению к самой грамматике случайны». Со школой модистов связаны также изучении вопросов синтаксического значения частей речи, их выделения и др., а сама грамматика определяется как наука о речи, изучающая правильное сочетание слов в предложениях посредством модусов означивания. При рассмотрении значения предложения средневековыми авторами использовалось также понятие *диктума* — объективной части значения предложения, соотносимой с модусом как операцией, производимой мыслящим субъектом. Уже в первой половине XX в. названные термины вновь ввел в науку о языке один из виднейших представителей Женевской лингвистической школы, сыгравший выдающуюся роль в оформлении и публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, — Шарль Балли.

Арабская лингвистическая традиция

Если западноевропейскому Средневековью долго «не везло» в истории нашей науки, то современное ему арабское (точнее, арабо-мусульманское, поскольку в создании его принимали участие не только арабы по рождению) языкознание, напротив, всегда занимало достаточно почетное место в историко-лингвистических трудах. Характерно в этой связи замечание создателя наиболее полной в отечественной науке хрестоматии по истории языкознания В.А. Звегинцева: «Арабы были не только хранителями культурных ценностей древнего мира, но и... глубокими и трудолюбивыми учеными, внесшими огромный вклад в развитие мировой культуры. Эта общая характеристика их научных достижений в полной мере применима к языкознанию».

Начало арабской традиции относят к VII—VIII вв., когда в результате обширных завоеваний, проводившихся под знаменем новой религии — ислама, образовался Арабский халифат с

центром в Багдаде, включавший в себя, помимо собственно Аравии, ряд территорий Передней Азии, Северной Африки и Пиренейского полуострова. Как и империя, созданная в свое время Александром Македонским, халифат быстро распался на ряд независимых и полунезависимых владений, в которых государственной религией было мусульманство, а официальным, деловым и научным языком служил арабский в его классической форме, закрепленной в Коране и сильно отличавшейся от многочисленных живых диалектов. Таким образом — как это имело место и в эллинистическом мире — возникла необходимость, во-первых, обучать арабскому языку многочисленные «туземные» народы, во-вторых, защищать «чистоту» классического языка от влияния языков последних (иранских, тюркских и проч.), в-третьих, уберечь его от влияния арабских диалектов, наконец, в-четвертых, объяснить те места Корана, которые были уже малопонятны. Естественно, что, обращаясь к изучению лингвистической проблематики, арабские ученые использовали достижения индийской и греческой традиций, с которыми были достаточно хорошо знакомы, но простое перенесение соответствующих понятий и категорий для описания арабского языка было невозможно ввиду его глубоких структурных отличий от греческого и санскрита.

Описание отдельных грамматических явлений арабского языка относят к VII в. В первой половине VIII в. в Басре и Куфе — двух городах, находившихся в бассейне рек Тигра и Евфрата, возникли соперничавшие друг с другом грамматические школы. Основоположником первой считают **Ису ибн Умара ас Сакафи**, второй — **Абу Джафара Мухаммеда ар-Руаси**. Позднее формируется *багдадская* школа (первая половина X в.), важнейшим представителем которой является **Ибн Джинни**, и *андалусская* школа (XI—XIII вв.), среди представителей которой называют **Мухаммеда ибн Малика** и **Ибн Сиду**.

После завоевания Багдада монголами и постепенного вытеснения арабов из Испании центр арабской науки переместился в Египет и Сирию, но здесь уже на передний план выдвигается комментаторская и популяризаторская деятельность.

Из *философских* проблем, связанных с языком, арабских ученых занимал вопрос его происхождения, по которому наметились три основные точки зрения: а) язык сообщен Богом Адаму; б) язык возник благодаря соглашению между старцами-патриархами — родоначальниками человеческого рода; в) язык сообщен Богом Адаму в основных частях, но далее он развит людьми.

В области *грамматики* историки языкознания называют прежде всего созданный к концу VIII в. трактат «Аль-Китаб» («книга»), автором которого был перс по рождению прозванный **Сибавейхи** (полное имя **Абу-Бишр Амр ибн Усман ибн Канбар аль-Басри**), принадлежавший к басрийской школе и отразивший результат работы предыдущих поколений ученых, среди которых выделяют его учителя — **аль-Халия ибн Ахмеда**. В труде Сибавейхи содержатся подробные формулировки, касающиеся грамматических проблем, иллюстрируемые примерами из Корана и древней поэзии. Однако именно в силу своей полноты и обширности книга Сибавейхи скорее являлась ученым трудом для специалистов, что обусловило появление ряда переработок и компиляций, в той или иной степени варьировавших и популяризовавших ее положения.

Основными аспектами анализа языка в арабской традиции являлись учение о словоизменении, учение о словообразовании и связанных с ним фонетических процессах и учение об артикуляции звуков и их позиционных различиях¹. В классификации частей речи арабы в основном следовали Аристотелю, различая имена, глаголы и частицы. Ими было четко выделено понятие специфического для семитских языков трехслогового корня, рассматривались явления аффиксации и внутренней флексии, впоследствии повлиявшие на концепции европейских ученых, включая основоположника сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа. Привлекали внимание арабских ученых и такие моменты, как аналогия, влияние частоты употребления слов на их состав и т.д. Что касается *синтаксиса*, то обычно указывают, что хотя, с одной стороны, он был разработан относи-

¹ Соответствующие арабские названия: ан-нахв, ас-сарф и махаридж аль-хуруф (таджвид).

тельно меньше, чем другие аспекты грамматики, однако наряду с этим именно в арабской традиции существовала наиболее разработанная синтаксическая концепция. Вместе с тем, предмет синтаксиса несколько отличается от привычного для европейцев, поскольку к нему относили и изучение окончаний слов, тогда как морфология занималась корнем с огласовками. Основной темой синтаксических изысканий арабских ученых являлось употребление в предложении тех или иных грамматических форм (падежей, наклонений и др.).

В области *фонетики* указывают на то обстоятельство, что в отличие от представителей античного языкознания арабские грамматисты делали четкое различие между буквой и звуком, указывая на несоответствие между написанием и произношением. Единицей анализа для них были в первую очередь согласные, а также долгие гласные, тогда как краткие гласные как особые сущности не выделялись. Само описание звуков строилось главным образом на физиологическом принципе (т.е. на основе артикуляции), хотя в определенной степени принимались во внимание и акустические характеристики. Различались звуки с голосом и без голоса, протяжные и непротяжные, закрытые и открытые, а также — по степени подъема языка — «приподнятые» и «неприподнятые» звуки. Сам Сибавейхи различал шесть мест образования звуков и давал классификацию в соответствии с ними; в дальнейшем грамматисты предложили ряд достаточно точных характеристик артикуляций отдельных звуков, а также описали их комбинаторные изменения. Выделялась в арабской традиции и такая единица, как слог, образуемая из одного или реже двух согласных посредством введения огласовки, которую не всегда четко отграничивали от слога.

Уделялось внимание и такому характерному для арабского языка моменту, как наличие в нем существенных *диалектных различий*. Так, важные диалектологические сведения содержались в работе одного из крупнейших представителей куфской школы **аль-Кисаи**¹ — «Трактат о грамматических ошибках в речи простого народа».

¹ Полное имя: Абу-л-Хасан Али ибн Хамза ибн Абдула ибн Усман ибн Фейруз.

В сфере *лексикологии* особую роль сыграл труд упоминавшегося выше багдадского ученого ибн Джинни «Особенности арабского языка», где рассматривались наряду с собственно грамматическими такие проблемы, как связь слова и значения, употребление слов и др. Называют также труды **ибн Фариса** («Книга о лексических нормах», «Предания арабов о своей речи», «Краткий очерк о лексике»), в которых трактуются вопросы о словарном объеме арабского языка, классификации лексики по употреблению, исконной и заимствованной лексики, связи обозначаемого и обозначающего, полисемии, омонимии, синонимии и т.п.

Наконец, рассматривая арабскую лингвистическую традицию, часто подчеркивают, что наибольшие ее достижения лежат в области лексикографии. Ее представителями был собран огромный словарный материал, представленный в различных типах словарей. Одним из основателей арабской лексикографии считается представитель басрийской школы, учитель Сибавейхи **Халиль аль-Фарахиди** (718—791). Словарной работой занимались и другие ученые, а наиболее известным стал словарь, составленный персом по рождению, выходцем из Шираза **аль-Фирузабди** (1329—1414) и названный «Камус» («Океан»). Он приобрел такую популярность, что этим словом стали впоследствии называть любой словарь.

Ставя перед собой цель показать богатство своего языка, арабские лексикографы подбирали множество синонимов для своих слов (500 — для слова «меч», 1000 — для слова «верблюд» и проч.). Вместе с тем отмечалось, что далеко не всегда средневековые арабские словари соответствуют современным лексикографическим представлениям: зачастую игнорировалась диалектологическая и историческая перспектива (хотя были специальные словари устаревшей и диалектной лексики), не всегда проводилось различие между общепринятыми словами и поэтическими неологизмами некоторых отдельных авторов, не сразу утвердилась четкость и системность в самой подаче материала. Лишь после словарей **аль-Джаухари** и **аль-Герави** установился алфавитный принцип подачи материала по последней букве корня, обусловленный направленностью письма справа налево.

Что касается проблемы *нормы*, то ею признавалось то, что зафиксировано в Коране. В случае необходимости ее дополнения (например, при отсутствии тех или иных слов или отдельных форм) грамматисты ориентировались на речь представителей наиболее «чистого» (т.е. близкого к Корану) языка, каковыми считались представители кочевых (бедуинских) племен, поскольку им меньше приходилось соприкасаться с языками других народов. Допускалось и конструирование (понимавшееся как воссоздание изначально существовавшего, но неизвестного) отдельных форм слов по аналогии, хотя и здесь, как и в античной традиции, шли споры между аналогистами и аномалистами. Существовал и компромиссный вариант, представленный у Ибн Джинна, допускавший оба способа, но отводивший речевому обиходу заслуживающих доверия информантов первенствующую роль.

Что касается других языков, с которыми соприкасались арабские ученые, то хотя в той или иной степени ими могли заниматься, но подлинно достойным объектом изучения они не считались. Не было и сколько-нибудь серьезных попыток рассматривать их в сравнительном плане. Идея исторического развития языка в собственном смысле слова также осталась чужда арабской лингвистике. Считалось, что раз Коран не сотворен, а существует извечно (ведь пророк Мухаммед лишь ознакомил людей с ним), извечен и язык, на котором он написан и который не может меняться. Конечно, нельзя было не заметить, что тем не менее язык изменяется, но изменения эти (как и в других традициях) трактовались исключительно как «порча», от которой следует оберегать литературный язык. Даже Ибн Джинни, признававший, что язык создан не сразу, допускал создание новых слов, т.е. изменения в лексике, но отрицал их в грамматике.

В рамках арабской традиции рассматривается и созданная во второй половине XI в. работа «богатыря тюркологии» **Махмуда аль Кашгари** «Диван тюркских языков». Этот многотомный труд квалифицируют как настоящую энциклопедию тюркских языков, исключительно богатую по материалу, в основу которой положено сравнение как сознательный научный принцип. Автор исходит из положения, что первоначально языки мало от-

личались, а само возникновение различий связано с их историческим развитием. В труде Махмуда аль Кашгари даются сведения о грамматике и лексикологии тюркских языков, указывается на свойства морфем, отмечаются явления сингармонизма гласных и те звуковые соответствия, которые существуют между разными тюркскими диалектами. Причем чисто лингвистические сведения сопровождаются обширными данными относительно истории, фольклора, мифологии, этнографии тюркских племен. Таким образом, побуждаемый стремлением доказать равноценность родного языка с арабским Махмуд аль Кашгари фактически выступил в роли основоположника тюркологии, заявив с полным основанием: «Я писал книгу, которая не имеет себе равной. Я изложил корни с их причинами и выяснил правила, чтобы мой труд служил образцом. По каждой группе я даю основание, на котором строится слово, ибо мудрость вырастает из простых истин».

Но замечательный исторический шанс создать собственную, и притом во многом опережавшую свое время тюркскую лингвистическую традицию использован не был. Труд аль Кашгари так и не послужил «образцом» для ее возникновения, поскольку оказался забытым и был открыт и опубликован в Стамбуле лишь в 1912—1915 гг.

Зарождение славянской и русской лингвистической традиции

Как известно, с IX в. н.э. начинается существование славянской письменности (традиционная дата — 863 г.), созданной **Кириллом (Константином)** и **Мефодием** на языке, получившем название *старославянского*. Имея южнославянскую основу, этот язык не совпадал с живым разговорным языком какого-либо из славянских племен, а представлял собой письменный, литературный язык, созданный для нужд христианской церкви¹, ис-

¹ Отсюда применяемое к нему название «церковнославянский».

пользовавшийся главным образом среди славянских народов, исповедовавших православие. С течением времени, с одной стороны, продолжая сохранять свою основу, он стал видоизменяться на разных территориях, приобретая местные черты, благодаря чему возникают варианты (болгарский, сербский, древнерусский и др.), получившие название *изводо*v. С другой стороны, процесс развития самих славянских языков приводил к тому, что они все больше и больше расходились с церковнославянским. Указанные обстоятельства во многом повлияли на становление языковедческой традиции в странах православно-славянского мира, которая зарождается как традиция описания и изучения именно церковнославянского языка.

Первым исследованием такого рода считается трактат болгарского книжника X в. черноризца (монаха) **Храбра** «О письменах», где, излагая историю создания славянской азбуки, автор пытается также дать некоторые сведения о звуковом составе славянской речи, отмечая, что в ней было 14 звуков, отсутствовавших в греческом.

Вызванная изложенными выше причинами потребность в специальном изучении церковнославянского языка приводит к появлению ряда грамматик, создававшихся по образцу греческих и латинских трудов. Древнейшей из них, дошедшей до нас, считается приписываемое жившему в X в. **Иоанну Экзарху Болгарскому**¹ сочинение «Осемь честые слова» («О восьми частях речи»), сохранившаяся в многочисленных списках XV—XVII вв.; вслед за ней появляются и другие грамматики. С другой стороны, потребность в изучении латинского языка привела к переводу знаменитой грамматики Доната, выполненному известным русским переводчиком **Дмитрием Герасимовым** (ок. 1465 — ок. 1530). Этот перевод использовался в качестве учебника, несмотря на отразившуюся в нем тенденцию к архаизации языка, затруднявшую пользование книгой для обычного читателя и связанную с так называемым «вторым южнославянским влиянием»².

¹ Экзарх — глава отдельной церкви.

² Под вторым южнославянским влиянием принято понимать интенсивное воздействие на древнерусскую культуру, начиная со второй половины XIV в.,

Особую роль в разработке грамматических вопросов в России сыграла деятельность **Максима Грека** (ок. 1475—1556). Потомок известного аристократического рода (как полагают, до пострига он именовался **Михаилом Триволисом**), долгое время живший в Италии, бывший затем монахом Ватопедского монастыря на Афоне и посланный в Москву для перевода греческих книг (но не владевший к моменту приезда ни одним славянским языком), вовлеченный в религиозно-политические споры и долгое время проведенный в заточении, он оставил довольно значительное литературное наследство, в котором большое место занимали и проблемы грамматики. Знаток античной лингвистической традиции, которую он усвоил на родине, пополнивший затем свое филологическое образование в гуманистических кругах Италии, Максим Грек в своих трудах высказывал ряд мыслей об отдельных семантических и грамматических вопросах (значение отдельных слов, употребление тех или иных частей речи и т.д.). Будучи убежден в культурном превосходстве греческого языка и стремясь руководствоваться прежде всего правилами греческой грамматики («учение то у нас, у греков хитро дело, а не у вас»), которым должен следовать и церковнославянский язык («также же у вас, у русех, подобает бывати»), Максим Грек считал вместе с тем последний, в отличие от греческого, языком еще не упорядоченным и полагал возможным вносить туда формы, свойственные живой русской речи (например, заменил в символе веры глагол «чаяти» на «ждати»: «жду воскресения мертвых», чем вызвал гнев ревнителей «древнего благочестия», видевших в этом осквернение священного текста). Характерно, что и во время суда над Максимом Греком важное место заняла, на первый взгляд, чисто грамматическая дискуссия: чтобы устранить совпадение 2-го и 3-го лиц единственного числа в форме церковнославянского аориста, Максим заменил ее на форму перфекта, в чем его противники усмотрели

болгарской и сербской книжности, где в этот период осуществлялся пересмотр переводов с греческого языка с целью буквального следования оригиналам. Его проводниками зачастую были выходцы из южнославянских земель, эмигрировавшие с Балканского полуострова под угрозой османского нашествия.

отрицание вечности божественного бытия, поскольку перфект, по их мнению, относится к действиям, имевшим временной предел, тогда как Максим утверждал, что значение обеих форм синонимично (как известно, в ходе дальнейшего исторического развития в русском языке утвердилась единая форма прошедшего времени, восходящая именно к перфекту).

В соответствии с многовековой традицией Максим Грек подчеркивал и практическое значение грамматики, без знания которой невозможно заниматься никаким литературным трудом: «Подобает бо... честную науку мудрую грамматику с прилежанием внимати... И кто что пишет или книжная письмена устраниет, или стихи соплетает, или повести изъявляет или послания посылает, или что таковых составляет, то все... грамматикою снискает». Занимался Максим Грек и словарной работой.

Позднее число грамматических работ, посвященных церковнославянскому языку, начинает расти. Выходят они в основном на территории Польско-Литовского государства, в состав которого входили тогда украинские и белорусские земли. В 1586 г. в Вильне (ныне Вильнюс) выходит первая печатная «Словеньска грамматика», а в 1591 г. ученики Львовского братского училища издают греко-славянскую грамматику под названием: «Адельфотес. Грамматика доброглаголивого Еллинославянского языка совершенного искусства осеми частей слова ко наказанию многоименному Российскому роду во Львове в друкарне братской, сложена от различных грамматик студентами иже в Львовской школе».

Важную роль в становлении славянской лингвистической традиции сыграла книга **Лаврентия Зизания** (50—60-е гг. XVI в. — после 1634 г.) «Грамматика словенска совершенного искусства осеми частей слова и иных нужных». Определяя грамматику как «известное вежество, еже благо глаголати и писати», Лаврентий Зизаний, подобно своим предшественникам, различает в ее составе орфографию, просодию, этимологию (т.е. морфологию) и синтаксис. По античной традиции он выделяет восемь частей речи (различие, т.е. относительное местоимение¹, имя, ме-

¹ Соответствует современному «который».

стоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз). Имена распределяются по пяти падежам: именному, родительному, дательному, творительному, винovному и звательному. Предложение понимается им как определенное сочетание слов, выражающее самостоятельную мысль. Благодаря труду Лаврентия Зизания в русском языкознании утвердился ряд терминов, используемых при грамматическом описании языка¹.

Особое значение для истории отечественной науки о языке имеет книга **Мелетия Смотрицкого** (? 1572—1630 или 1633) «Граматики славенския правильное синтаagma», впервые вышедшая в свет в 1619 г. в Евю близ Вильно. Оставаясь во многом в рамках сложившихся грамматических традиций, ее автор отметил и ряд новых моментов: наличие, помимо пяти других падежей, особого «сказательного» (т.е. предложного) падежа, разряда деепричастных форм, отсутствовавших в раннем старославянском, но уже сложившихся к XVII в., и др. Вплоть до «Российской грамматики» М.В. Ломоносова работа Смотрицкого служила основным грамматическим пособием, а сам Ломоносов отнес ее к числу книг, которые назвал «вратами своей учености».

В середине XVII в. в Москву приезжает для работы с церковной литературой и преподавания греческого и латинского языков группа украинских «ученых старцев», среди которых особенно выделяется **Епифаний Славинецкий** (ум. в 1675). Среди его филологических трудов известны латинско-славянский и славяно-латинский словари (последний создан в соавторстве с

¹ Помимо грамматики Лаврентий Зизаний опубликовал в Вильно в 1596 г. также пособие «Наука ко чтанию и разумению письма словенского», в составе рукописи которого был и его словарь «Лексис сиречь речения, вкратце собраны и из славенского языка на простой русский диалект истолкованы», в котором содержалась попытка зарегистрировать наиболее употребляемую в XVI в. лексику церковнославянского языка и истолковать ее при помощи той разновидности языка, которая сложилась к тому времени на территории Великого княжества Литовского на базе украинских и белорусских говоров. Он стал одним из источников вышедшего в 1627 г. во Львове труда Памвы Берынды (ум. в 1632 г.) «Лексикон славяно-российский и иметь толкование», в котором слова церковнославянского языка объясняются посредством слов и выражений украинско-белорусского языка иногда с латинскими и греческими параллелями.

другим «старцем» — **Арсением Корецким-Сатановским**) и книга «Лексикон греко-славяно-латинский». Славинецким были также созданы получившие впоследствии название «Филологического словаря» объяснения терминов Священного Писания. Ни одна из этих работ при жизни автора не была напечатана, хотя они пользовались большой популярностью среди грамотных людей XVII и даже XVIII в.

Яркой и своеобразной фигурой в славянской лингвистической традиции XVII в. был хорват по происхождению **Юрий Крижанич** (?1617 или 1618—?1683). Заподозренный после приезда в Москву в пропаганде унии с католической церковью, он был сослан в Тобольск, проведя в ссылке около полутора десятилетий. Владая несколькими языками (кроме славянских, он знал греческий, латинский, итальянский и немецкий), Крижанич во время пребывания в России занялся сравнением русского и славянских языков с целью выяснения их звукового и грамматического строя. Считая, что они связаны общностью происхождения, которое было наиболее полно отражено в общем для славян литературном языке — старославянском, Крижанич вместе с тем полагал, что этот язык подвергся порче как под влиянием греческого, так и местных славянских наречий, вследствие чего, по мнению Крижанича, существующие грамматики (включая труд Мелетия Смотрицкого) описывают его строй в искаженном виде. Поэтому ученый хорват поставил перед собою цель обработать славянский язык таким образом, чтобы он вернулся к «стародавнему и коренному» состоянию. Результатом его изысканий стала изданная в 1666 г. в Тобольске книга «Грамматично исказание об русском језику попа Јурка Крижаница, презванјем Серблянина», представляющая собой описание этого изобретенного им «общеславянского» языка и написанная на последнем. Считая, что традиция славянской книжности лучше всего сохранилась именно в Сербско-Хорватии и России, Крижанич называет древнеславянский язык «русским» и соотносит его нормы с нормами русской и сербской письменности. Вместе с тем, при всей произвольности его «реконструкции» и частом смешении элементов разных славянских языков, Крижанич

оставил ряд представляющих собой научный интерес наблюдений в области звуковых сходств и различий современных ему славянских языков, образования грамматических форм, употребления слов и выражений, акцентологии и т.д.

Однако наряду с развитием «славянской» лингвистической традиции, основанной прежде всего на изучении и описании церковнославянского литературного языка, в XVII в. начинает осознаваться и разница между ним и русским языком именно как разными языками, что ставит на повестку дня вопрос о создании собственно русской грамматики. В 1696 г. появляется изданная в Оксфорде на латинском языке «Русская грамматика» англичанина **Генриха Вильгельма Лудольфа**, в которой отмечается, что русские говорят по-русски, а пишут по-славянски и что церковнославянский язык считается языком ученым. Однако формирование отечественной традиции грамматического описания русского языка относится уже к следующему — восемнадцатому — веку.

РАЗДЕЛ III

Языкознание эпохи Возрождения

Зарождение и начало эпохи Возрождения связано прежде всего с культурной жизнью Италии, где уже на рубеже XIV—XV вв. начинается подъем гуманитарных наук, расцвет изобразительного искусства, возрастает интерес к математике и естествознанию, формируется гуманистическое движение, поставившее в центр своего мировоззрения человеческую личность и провозгласившее возможность гармоничного существования человека и окружающего мира. В конце XV — первой трети XVI в. оно распространяется на большинство государств Западной и Центральной Европы. Однако уже в 30-х гг. XVI в. ренессансные идеалы сталкиваются с серьезным кризисом, а события, связанные с Реформацией и Контрреформацией, приводят к постепенному угасанию многих из них, хотя заложенные гуманистами принципы, изменяясь и трансформируясь, продолжали существовать, в значительной степени определив все дальнейшее развитие европейской культуры.

С другой стороны, XV—XVI в. знаменуются невиданным расширением кругозора европейцев, великими географическими открытиями, знакомством с целым рядом доселе не известных народов и языков. Хотя латынь (очищенная от средневековых «варварских» наслоений и приближенная к классическим нормам) по-прежнему играет роль общего культурного языка гуманистического движения, постепенно набирает силу и тенденция к выдвиганию на передний план живых народных языков тогдашней Европы, превращению их в полноправное средство коммуникации во всех областях человеческой деятельности, а следовательно, усиление работы по их описанию и нормализации.

Вместе с тем эпоха Возрождения была отмечена и интенсивным изучением таких языков, как греческий и древнееврейский, обнаружением, изданием и комментированием большого количества текстов, что приводит к появлению филологической науки в собственном смысле слова. Все эти факторы стимулировали и повышение теоретического интереса к проблемам языка, создавая основу для формирования лингвистических концепций.

Указанные обстоятельства предопределили основные тенденции развития языкознания в рассматриваемый период, среди которых можно выделить несколько важнейших направлений.

Создание грамматик «новых» европейских языков. Отмеченный выше процесс постепенной замены латыни национальными языками народов Европы начинает в рассматриваемую эпоху находить и теоретическое выражение. На родине Возрождения, в Италии, вслед за Данте Алигьери на народный язык переходят, помимо представителей художественной литературы (Боккаччо, Петрарка и др.)¹, и представители науки. Один из крупнейших ученых рассматриваемой эпохи **Галилео Галилей** по этому поводу заметил: «К чему нам вещи, написанные по латыни, если обыкновенный человек с природным умом не может их читать». А его земляк **Алесандро Читolini** в произведении с характерным заглавием «В защиту народного языка» (1540) отмечал, что латынь непригодна для ремесленно-технической терминологии, которой «последний ремесленник и крестьянин располагают в гораздо большей степени, чем весь латинский словарь».

Указанная тенденция проявляется и в других европейских странах, где она получает административную поддержку. Во Франции ордонансом (указом) короля Франциска I единственным государственным языком объявляется французский, основывавшийся на диалекте Иль-де-Франса с центром в Париже. Группа французских писателей XVI в., объединенная в так называемую «Плеяду», занимается его пропагандой и намечает способы дальнейшего развития, а виднейший теоретик ее **Жоа-**

¹ Правда, процесс этот происходил сложно, и, например, Петрарка, не переставая писать на родном языке, в более поздний период своего творчества отдавал предпочтение латыни.

шен (латинизированное имя — **Иоахим**) **дю Белле** (1524—1560) в специальном трактате «Защита и прославление французского языка» доказывает не только равенство, но и превосходство последнего над латынью. Касается он и такой проблемы, как нормализация родного языка, отмечая, что надо предпочесть доводы, идущие «от разума», а «не от обычая».

Естественно, что выдвижение новоевропейских языков в качестве основных не только в устном, но и в литературно-письменном общении становится мощным стимулом для создания соответствующих нормативных грамматик. Начавшись еще в конце XV в., ознаменовавшегося появлением грамматик итальянского и испанского языков, этот процесс приобретает особый размах в XVI в., когда выходят в свет немецкая (1527), французская (1531), английская (1538), венгерская (1539), польская (1568) и другие грамматики; объектом грамматического описания становятся даже такие малочисленные языки Европы, как бретонский (1499), валлийский (уэльский) (1547), баскский (1587). Естественно, что их составители руководствовались в своей деятельности традиционными схемами античной грамматической традиции (а некоторые грамматики новоевропейских языков первоначально даже писались по-латыни); однако в той или иной степени они должны были обращать внимание и на специфические особенности описываемых языков. Имея главным образом практическую направленность, названные грамматики служили прежде всего целям формирования и закрепления нормы этих языков, содержа как правила, так и иллюстрирующий их учебный материал. Наряду с грамматической интенсифицируется и словарная работа: например, один из ярких представителей «Плеяды» поэт **Ронсар** (1524—1585) видит свою задачу в том, чтобы «создать новые слова и возрождать старые», указывая, что чем более богатой лексикой располагает язык, тем лучше он становится, и отмечая, что пополнять словарный состав можно разными способами: заимствованиями из классических языков, отдельными диалектизмами, «воскресшими» архаизмами и новообразованиями. Таким образом, возникла задача создания достаточно полных нормативных словарей формирующихся национальных языков, хотя основная работа в этой сфере развернулась уже в XVII—XVIII вв.

«Миссионерские грамматики». Первоначально спорадические контакты европейцев с «туземными» народами, ставшие следствием великих географических открытий, с усилением и расширением процесса колонизации новооткрытых земель постепенно принимали все более постоянный и систематический характер. Встал вопрос об общении с носителями местных языков и — что считалось, во всяком случае официально, едва ли не самой главной задачей — об обращении их в христианство. Это требовало религиозной пропаганды на соответствующих языках, а следовательно, их изучения. Уже в XVI в. стали появляться первые грамматики «экзотических» языков, адресованные в основном проповедникам «слова Божия» и получившие название «миссионерских». Однако выполнялись они зачастую не профессиональными филологами, а дилетантами (помимо собственно миссионеров, среди авторов — и не только в рассматриваемый период, но и значительно позже — могли быть путешественники, колониальные чиновники и т.д.), строились почти исключительно в традиционных рамках античной схемы и, как правило, практически не учитывались в теоретических разработках, посвященных проблемам языка.

Попытки установления родства языков. Традиционная история языкознания отводила этой стороне ренессансной лингвистики наиболее важное место, рассматривая занимавшихся ею ученых как предшественников — хотя и весьма несовершенных — той самой компаративистики, которая отождествлялась с «научностью». Здесь обычно упоминают относящуюся к 1538 г. работу **Гвильельма Постеллуса** (1510—1581) «О родстве языков» и особенно труд **Иосифа Юстуса Скалигера** (1540—1609) «Рассуждение о европейских языках»¹, увидевший свет во Франции в 1510 г. В этом последнем в пределах известных автору европейских языков устанавливаются 11 «языков-матерей»: четыре «большие» — греческая, латинская (т.е. романская), тевтонская (германская) и славянская — и семь «малых» — эпиротская (албанская), ирландская, кимрская (бриттская с бретонским), татарская, финская с лопарским, венгерская и баскская. Позднейшие

¹ Обе были написаны по-латыни.

историки языкознания не без некоторой иронии отмечали, что само сопоставление строилось на явно не научном с точки зрения сравнительно-исторического языкознания соотношении звучания слова «Бог» в разных языках, причем даже близость греческого *theos* и латинского *deus* не помешала Скалигеру объявить все 11 матерей «не связанными между собой никакими узами родства». Вместе с тем в заслугу ученому ставили тот факт, что в пределах романских и особенно германских языков он сумел провести тонкие различия, разделив германские языки (по произношению слова «вода») на *Water-* и *Wasser-*языки и наметив таким образом возможность разделения германских языков и немецких диалектов по признаку передвижения согласных — положение, впоследствии развитое и «научной» (т.е. опирающийся на принципы сравнительно-исторического языкознания) германистикой.

Еще один труд, называемый в этой связи — работа **Э. Гишара** «Этимологическая гармония языка» (1606), где — опять-таки несмотря на явно «ненаучную» с точки зрения позднейшей компаративистики методологию — была показана семья семитских языков, что развили впоследствии другие гебраисты XVII и позднейших веков.

Развитие теории языка. После некоторого перерыва, вызванного решением практических задач, во второй половине XVI в. вновь начинают привлекать к себе внимание проблемы теоретического характера. Один из виднейших французских ученых — **Пьер де ля Раме** (латинизированная форма **Рамус**) (1515—1572), трагически погибший во время Варфоломеевской ночи, создает грамматики греческого, латинского и французского языков, где помимо орфографических и морфологических наблюдений завершается создание синтаксической терминологии и принимает окончательный вид сохранившаяся до наших дней система членов предложения. Но наиболее выдающимся трудом названной эпохи в рассматриваемой области считается книга **Франсиско Санчеса** (латинизированная форма — **Санкциус**) (1523—1601) «Минерва, или о причинах латинского языка».

Указывая, что из разумности человека следует и разумность языка, Санчес приходит к выводу, что посредством анализа

предложения и частей речи можно выявить рациональные основы языка вообще, которые имеют универсальный характер. Вслед за Аристотелем, воздействие которого он испытал в очень сильной степени, Санчес выделяет три части предложения: имя, глагол, союз. В реальных же предложениях разных языков (приводятся примеры из испанского, итальянского, немецкого, голландского и других языков) они реализуются в шести частях речи: имени, глаголе, причастии, предлоге, наречии и союзе в собственном смысле слова. Причем, в отличие от трехчастного универсального предложения, последние зачастую неопределенны и двусмысленны. Это объясняется двумя особенностями: добавлением чего-то лишнего, ненужного для ясного выражения мысли и сжатием и опущением чего-то, что в логическом предложении выражено в полном виде (этот процесс Санчес называет эллипсисом). Посредством операций над предложениями реальных языков (например, предложение с непереходным глаголом типа *Мальчик спит*, в полном логическом виде представлено как предложение с переходным глаголом и объектом *Мальчик спит сон*) восстанавливается универсальный, логически правильный язык, который сам по себе не выражен. Его выражение и есть грамматика. Подобно средневековым модистам, Санчес понимает ее как науку, называя «разумным основанием грамматики» или «грамматической необходимостью» (используется также термин «законная конструкция»). Причем, с точки зрения Санчеса, языком, наиболее близко стоящим к универсально-логическому (хотя и не совпадающим с ним полностью), является латынь в ее классической форме. Поэтому именно она должна быть языком науки (сам труд Санчеса написан именно по-латыни), тогда как прочие живые языки (испанский, французский, итальянский, немецкий и т.п.) — это языки, используемые в быту, практической жизни, обиходе, искусстве.

Таким образом, в эпоху Возрождения были, по существу, намечены те основные пути, по которым науке о языке суждено было развиваться в несколько последующих веков.

РАЗДЕЛ IV

Наука о языке в Новое время (XVII—XVIII века)

Период, которому посвящен настоящий раздел, занимает в истории особое место. Именно в эту эпоху происходит крутой поворот от феодальных порядков к новому общественному строю — капитализму. На европейском континенте она ознаменована двумя великими революциями — английской и французской; в Новом свете борьба североамериканских колоний за независимость приводит к появлению на карте мира Соединенных Штатов Америки. Закладываются основы современной науки: XVII—XVIII вв. — это время Ф. Бэкона, Дж. Локка, И. Ньютона, Г.В. Лейбница... Формируется и распространяется идеология Просвещения: знаменитая «Энциклопедия», несмотря на цензурные запреты, становится наиболее почитаемой книгой мыслящей Европы. Коренным образом меняется и культура континента: зародившийся во Франции классицизм утверждается в качестве ведущего направления литературы и искусства. Все эти события, естественно, не могли не отразиться и на интересующей нас области, в которой, наряду с несомненной преемственностью по отношению к предыдущему этапу развития, возникает и ряд принципиально новых явлений.

Прежде всего, разумеется, продолжается *нормативно-описательная* работа, связанная с формированием национальных литературных языков европейских народов и их нормализацией. В ряде случаев эту задачу берут на себя специальные органы — академии, в центре внимания которых оказывается словарная работа. Еще в 1587 г. была основана Академия делла Круска¹, итогом деятельности

¹ В дословном переводе «Академия отрубей»; название связывали с тем, что на нее возлагалась задача «просеивать» язык, подобно тому как просеивают муку, отделяя отруби.

которой стал академический словарь итальянского языка. Особое значение — в связи с постепенно выдвигающимися в Европе на передний план французским языком и культурой — приобрела созданная в 1634—1635 гг. Французская академия, на которую была возложена подготовка достаточно полного нормативного словаря французского языка. В 1694 г. был завершен «Словарь Французской академии», получивший большой резонанс во всех европейских странах. Как французской, так и другими академиями была проделана большая работа по отбору рекомендуемого и запрещенного материала в области словоупотребления, орфоэпии, грамматики и других аспектов языка.

Среди французских грамматистов рассматриваемой эпохи выделяется **Клод Фавр де Вожла** (1585—1650), автор «Заметок о французском языке», опубликованных в 1647 г. Вожла считает, что процесс нормализации языка должен опираться прежде всего на наблюдение и описание его в том виде и в той форме, в какой он выступает в реальной жизни. Отмечая, что далеко не всегда легко отличить «правильное» от «неправильного», он выдвигает в качестве критерия то, что санкционировано употреблением, причем образцом правильного употребления является речь при королевском дворе, а также язык лучших писателей. Признавая, что новые слова и обороты могут «правильно» создаваться и по аналогии, Вожла выступает против попыток изменять или очищать язык, ссылаясь на рациональные или эстетические основания, и не приемлет порицаний тех, кто осуждает укоренившиеся и широко используемые явления только потому, что они якобы противоречат разуму.

Хотя в Англии органа, регулирующего культуру языка, и не возникло, названная проблематика заняла в жизни образованных слоев английского общества большое место. Вышел целый ряд грамматических, орфографических и орфоэпических работ, призванных упорядочить литературную норму: **Ч. Батлера** (1534), **Дж. Уоллиса** (1653) и др. В 1685 г. появляется работа **К. Купера**, в которой специально обращается внимание на различие между звуками и буквами, написанием и произношением; в 1701 г. автор «Практического фонографа» **Джоунс** ставит перед собой за-

дачу «описать английскую речь, особенно как она используется в Лондоне, университетах и при дворе». Особое значение имел выход в свет в 1755 г. знаменитого словаря английского языка, создателем которого был **Сэмюэл Джонсон** (1709—1784). В предисловии Джонсон обращает внимание на то обстоятельство, что в английском, как и в любом другом живом языке, существуют два типа произношения — «беглое», отличающееся неопределенностью и индивидуальными особенностями, и «торжественное», более близкое к орфографическим нормам; именно на него, по мнению лексикографа, следует ориентироваться в речевой практике.

Наряду с описанием и нормализацией конкретных языков ученый мир тогдашней Европы привлекают и проблемы *философско-лингвистического* характера. Прежде всего, сюда относится вопрос *о происхождении человеческого языка*, интересовавший, как мы видели выше, еще мыслителей античной эпохи, но получивший особую популярность именно в XVII—XVIII вв., когда многие ученые пытались дать рационалистическое объяснение того, как люди научились говорить. Были сформулированы теории звукоподражания, согласно которой язык возник в результате имитации звуков природы (ее придерживался **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646—1716)); междометий, согласно которой первыми причинами, побудившими человека использовать возможности своего голоса, были чувства или ощущения (к этой теории примыкал **Жан Жак Руссо** (1712—1778)); *социального договора*, предполагавшей, что люди, постепенно научились отчетливо произносить звуки и договорились принимать их за знаки своих идей и предметов (в разных вариантах указанную концепцию поддерживали **Адам Смит** (1723—1790) и **Жан Жак Руссо**). Вне зависимости от того, как оценивалась степень достоверности каждой из них (а любая концепция происхождения языка всегда в большей или меньшей степени основана на догадках, поскольку никакими конкретными фактами, связанными с указанным процессом, наука не располагала и не располагает), эти теории сыграли важнейшую методологическую роль, поскольку вносили в изучение языка понятие *разви-*

тия. Основоположителем последнего считается итальянский философ **Джамбаттиста Вико** (1668—1744), выдвинувший идею развития человечества по определенным, внутренне присущим обществу законам, причем важная роль в этом процессе отводилась им развитию языка. Французский ученый **Этьен Кондильяк** (1715—1780) высказал мысль о том, что язык на ранних этапах развития эволюционировал от бессознательных криков к сознательному использованию, причем, получив контроль над звуками, человек смог контролировать свои умственные операции. Первичным Кондильяк считал язык жестов, по аналогии с которыми возникли звуковые знаки. Он предполагал, что все языки проходят принципиально один и тот же путь развития, но скорость процесса для каждого из них различна, вследствие чего одни языки являются более совершенными чем другие, — идея, позднее развивавшаяся многими авторами XIX в.

Особое место среди теорий происхождения языка рассматриваемой эпохи принадлежит концепции **Иоганна Готфрида Гердера** (1744—1803), указывавшего, что язык универсален по своей основе и национален по присущим ему различным способам выражения. В своей работе «Трактат о происхождении языка» Гердер подчеркивает, что язык есть порождение самого человека, орудие, созданное им для реализации внутренней потребности. Скептически отозвавшись об упомянутых выше теориях (звукоподражательной, междометной, договорной) и не считая возможным приписывать ему божественное происхождение (хотя в конце жизни его точка зрения несколько изменилась), Гердер утверждал, что язык рождается как необходимая предпосылка и инструмент для конкретизации, развития и выражения мысли. При этом, по мнению философа, он представляет собой ту силу, которая объединяет все человечество и связывает с ним отдельный народ и отдельную нацию. Причина его появления, по Гердеру, заключается прежде всего в том, что человек в гораздо меньшей степени, чем животное, связан воздействием внешних стимулов и раздражителей, он обладает способностью к созерцанию, отражению и сравнению. Поэтому он может выделить важнейшее, наиболее существенное и дать ему имя. В этом

смысле можно утверждать, что язык — естественная человеческая принадлежность и человек создан для обладания языком. Однако человек отнюдь не наделен врожденным языком; последний не дан ему в наследство от природы, а развился как специфический продукт особой психической организации человека. Эти взгляды Гердера оказали большое влияние на философско-лингвистические идеи последующей эпохи.

Вопрос о происхождении языка, естественно, оказывается тесно связанным с проблемой *сущности* языка. Среди философов рассматриваемой эпохи ею занимался также **Джон Локк** (1632—1704), подходивший к ней через понятие слова. Определяя язык как великое орудие и тесную связь общества, Локк считал, что слово имеет физическую природу, состоит из членораздельных звуков, воспринимаемых органами слуха, и наделено функциями передачи мысли, являясь знаком для нее. Будучи физическим заместителем мысли, слово произвольно по отношению к обозначаемому и говорящему и обладает абстрактной природой. При этом Локк различал слова общие, передающие общие идеи, и единичные, замещающие единичные мысли.

Говоря о философско-лингвистических концепциях XVIII в., называют и сочинение упомянутого выше крупнейшего английского экономиста Адама Смита «О первоначальном формировании языков и о различии духовного склада исконных и смешанных языков», опубликованное в 1781 г. Считая, что знаки первоначального языка использовались для энергичного, зачастую побудительного сообщения о событии, происходящем в момент речи или ощущаемом как актуальное, Смит предполагал, что на ранних этапах развития слово и предложение существовали синкретично. Особо отмечают тот факт, что английский мыслитель указывал, что в ряде европейских языков происходил процесс стирания окончаний (перехода от синтетического строя к аналитическому по позднейшей терминологии), увязывая последний со смешением языков. Позднее, уже в XIX в., названная проблематика заняла большое место и у многих языковедов (братья Шлегели, В. фон Гумбольдт, А. Шлейхер и др.), предлагавших различные типологические классификации (о чем будет подробнее сказано ниже).

Философский подход к языку поставил перед учеными XVII—XVIII вв. еще одну проблему, заслуживающую отдельного рассмотрения — вопрос о возможности создания «идеального» языка, свободного от недостатков языков обычных.

Естественные и искусственные языки в лингво-философских концепциях XVII—XVIII веков

Обращаясь к изучению человеческой коммуникации, ученые Нового времени неоднократно отмечали, что существующее в мире многоязычие представляет собой большое неудобство, преодоление которого будет в значительной степени способствовать прогрессу человечества и установлению «мировой гармонии». С другой стороны, во всех реально существующих языках имеются всякого рода исключения, нарушения «правильности» и т.д., что затрудняет пользование ими и делает их достаточно несовершенным средством общения и мышления. Поэтому настала пора освободить человечество от проклятия «вавилонского столпотворения» и вновь объединить его неким общим, отвечающим требованиям науки языком, причем наметились различные пути его создания.

Чисто эмпирический подход предлагал один из основоположников науки Нового времени **Френсис Бэкон** (1561—1626). По его мнению, было бы целесообразно создать нечто вроде общей сравнительной грамматики наиболее распространенных европейских языков, отражающей их достоинства и недостатки, а затем выработать на этой базе путем согласования общих и единый язык для всего человечества, свободный от недостатков и впитавший в себя преимущества каждого, что позволит ему стать идеальным вместилищем человеческих мыслей и чувств. С другой стороны, Бэкон указывает, что наряду с естественным языком в функциях последнего можно использовать и другие средства, которые воспринимаются органами чувств и обладают достаточным количеством различительных признаков. Таким

образом, языковые знаки (слова) подобны монетам, которые способны сохранять основную функцию платежного средства даже независимо от металла, из которого они сделаны, т.е. обладают *условным* характером.

Рассматриваемую проблематику затрагивал и крупнейший французский философ **Рене Декарт** (1590—1650)¹, взгляды которого сыграли особенно большую роль в развитии лингвистических идей рассматриваемой эпохи. Свои взгляды Декарт изложил в письме к аббату Мерсенну (1629), приславшему ему проект неизвестного автора, касавшийся универсального языка. Критикуя последний, Декарт отмечает, что основное внимание следует уделять грамматике, в которой будет господствовать единообразие склонения, спряжения и словообразования, записанных в словаре, при помощи которого даже не слишком образованные люди смогут научиться пользоваться им за шесть месяцев. Однако не довольствуясь чисто практическими аспектами создания всеобщего языка, Декарт выдвигает идею о том, что он должен быть основан на философском фундаменте. А именно: он должен обладать такой суммой исходных понятий и отношений между ними, которые позволили бы в результате формальных операций получать истинное знание. Иначе говоря, необходимо найти и исчислить те исходные неразложимые идеи, из которых складывается все богатство человеческих мыслей. «Этому языку, — пишет Декарт, — можно было бы обучаться за весьма короткое время благодаря порядку, т.е. установив порядок между всеми мыслями, которые могут быть в человеческом уме, подобно тому как имеется порядок в числах... Изобретение такого языка зависит от истинной философии, ибо иначе невозможно исчислить все мысли людей, расположить их в порядке или хотя бы только разметить их, чтобы они предстали ясными и простыми... Такой язык возможен и... можно открыть науку, от которой он зависит, и тогда посредством этого языка крестьяне могли бы лучше судить об истине вещей, чем теперь это делают философы».

¹ Латинизированное имя — Картезиус, откуда прилагательное «картезианский», используемое в научной литературе.

Пожалуй, наибольшей широтой лингвистических интересов среди философов рассматриваемой эпохи обладал **Готфрид Вильгельм Лейбниц** (1646—1716), занимавшийся как изучением взаимоотношений между языками (эта сторона его наследия будет рассмотрена ниже), так и философской проблематикой, связанной с языком.

Среди вопросов, занимавших Лейбница, было и искусство пазиграфии — возможности посредством общих письменных знаков вступать в контакт со всеми народами, говорящими на разных языках, если только они знают эти знаки. Сам же искусственный язык, по мысли ученого, должен быть орудием разума, способным не только передавать идеи, но и делать популярными существующие между ними отношения. Подобно Декарту, Лейбниц исходил из аксиомы, согласно которой все сложные идеи являются комбинацией простых идей, подобно тому как все делимые числа являются произведениями неделимых. Сам процесс разложения строится на правилах комбинаторики, в результате чего выделяются термины первого порядка, состоящие из простых понятий, термины второго порядка, представляющие два простых понятия, термины третьего порядка, которые можно разложить либо на три термина первого порядка, либо на комбинацию двух терминов первого порядка с одним термином второго порядка. Соответственно рассуждения можно заменить вычислениями, используя естественные символы, которые, выступая в качестве международного вспомогательного языка, смогут выражать все существующее или возможное значение и служить благодаря использованию определенных формальных правил орудием открытия новых истин из уже известных.

Сам формализованный язык в проекте Лейбница выглядит следующим образом. Девять последовательных цифр обозначают первые девять согласных латинского алфавита ($1 = b$, $2 = c$ и т.п.), десятичные разряды соответствуют пяти гласным ($10 = a$, $100 = e$ и т.п.), а единицы более высоких разрядов могут быть обозначены двугласными сочетаниями (например, $1000000 = au$). Эти идеи Лейбница впоследствии получили развитие в символической логике.

Не остались в стороне от указанной проблематики и английские ученые, среди которых называют имена первого председателя лондонского Королевского общества **Джона Уилкинса** (1614—1672) и особенно знаменитого **Исаака Ньютона** (1643—1727), написавшего свой труд в 1661 г., когда ему было 18 лет. Согласно Ньютону, на каждом языке должен быть составлен алфавитный список всех «субстанций», после чего каждой единице списка должен быть поставлен в соответствие элемент универсального языка, причем в тех случаях, когда в естественном (английском) языке «субстанции» могут быть выражены словосочетаниями, в «идеальном» языке им обязательно соответствует одно слово. Сами слова выступали как имена, а обозначение действий или состояний производилось путем присоединения словообразовательных элементов.

Если рассмотренные выше философско-лингвистические концепции за редким исключением относительно мало пересекались с нормативно-практической работой грамматистов и лингвистов, то несколько по-иному обстояло дело со знаменитой «Грамматикой Пор-Рояля», авторы которой стремились синтезировать собственно лингвистическое описание с философскими осмыслением языка как феномена, что и дало повод многим историкам науки считать ее первым опытом создания общелингвистической теории. Ввиду той роли, которую сыграла названная работа в развитии нашей науки, она требует отдельного рассмотрения.

Грамматика Пор-Рояля и ее продолжатели

В 1660 г. во Франции вышла в свет без упоминания имени авторов относительно небольшая книга с длинным — по обычаю того времени — заглавием: «Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также многочисленные новые замечания о французском языке». Создателями этого труда (со-

крайне называемого также «Универсальной грамматикой», «Рациональной грамматикой», «Всеобщей грамматикой» и, наконец, по месту где она создавалась — женскому монастырю Пор-Рояль под Парижем, вокруг которого сложился кружок замечательных ученых, — «Грамматикой Пор-Рояля») были выдающийся логик и философ **Антуан Арно** (1612—1694) и крупнейший педагог, знаток классических и новых языков **Клод Лансло** (1616—1695). Благодаря столь гармоничному содружеству эта работа смогла совместить высокий теоретический уровень с достаточно хорошо представленным языковым материалом.

Основным фундаментом, на котором строилась «Грамматика Пор-Рояля», традиционно называют рационалистическую философию Декарта. Исходным тезисом рационализма было положение, согласно которому разум, теоретическое мышление являются высшей по сравнению с чувственным восприятием ступенью познания, и поэтому именно они должны считаться важнейшим и истинным критерием истинности последнего. Не отказываясь полностью от нормативного подхода (сама грамматика определяется как «искусство речи») и указывая в ряде случаев, какие обороты следует «рекомендовать к употреблению», Арно и Лансло прежде всего стремились создать такую грамматику, которая позволила бы разумно объяснить явления либо общие для всех языков, либо присущие лишь некоторым из них. В качестве фактического материала использовались (естественно, кроме французского) данные традиционных классических языков (латинского, древнегреческого, древнееврейского), а также в определенной степени ряда романских языков. Говоря об основных положениях «Грамматики Пор-Рояля», исследователи обычно выделяют следующие моменты:

1. Существует общая логическая основа всех языков, от которой, однако конкретные языки отклоняются в той или иной степени. Поэтому грамматика теснейшим образом связана с логикой, призвана ее выражать и базируется на ней, а грамматический разбор тесно связан с логическим. Характерно, что Антуан Арно был соавтором еще одного известного труда — «Логики, или искусства мыс-

лить», написанного в соавторстве с **Пьером Николем** (1625—1695), в котором отмечалось: «Не столь уж важно, куда относятся эти вопросы — к грамматике или к логике, а надо просто сказать, что все, что получено для целей каждого искусства, к нему и относится».

2. Между грамматикой и логикой нет однозначного соответствия. Логически сложные понятия могут выражаться в простых словах, а простые понятия — в сложных терминах.
3. В каждом языке можно выделить «ясные» и «сложные» значения. Первые логически упорядочены и доступны логическому анализу, по существу и воплощая мысль, которая выражается в языке, вторые представляют собой языковые выражения, логически не упорядоченные, противоречивые, управляемые только обычаем, подверженные моде и капризам вкуса отдельных людей. В современных трудах по теории лингвистики (например, в работах Ю.С. Степанова) это положение интерпретируют как развитие идеи о двух языках или двух слоях (уровнях) языка — высшем и низшем.
4. Между двумя слоями языка — рациональным и обиходным — существуют сложные отношения. «Обиход» не всегда согласуется с разумом: например, собственные имена, обозначая вещь единичную и определенную, не нуждаются в артикле, однако в греческом последний часто ставится даже с именами людей, а в итальянском такое употребление стало обычным. Аналогичными «причудами обихода» можно объяснить, например, родовую принадлежность тех существительных, у которых она не мотивирована: например, латинское *arbor* («дерево») — женского рода, а французское *arbre* — мужского.
5. Люди, нуждаясь в знаках для обозначения того, что происходит в их сознании, должны были неизбежно прийти к наиболее общему развитию слов, одни из которых обозначали бы объекты мысли, а другие — их форму и образ.

К первому типу относятся имена, артикли, местоимения, причастия, предлоги и наречия; ко второму — глаголы, союзы и междометия. Причем имена подразделяются на существительные и прилагательные на основе того, что в них «ясные значения» соединены с «неотчетливыми». К ясному значению атрибута (признака) прилагательные присоединяют смутное значение субстанции, к которой относится данный атрибут.

6. Определяя предложение как «высказанное нами суждение об окружающих предметах» и утверждая, что каждое предложение имеет обязательно два члена: субъект, о котором что-то утверждается, и атрибут — то, что утверждается, авторы «Граматики Пор-Рояля» обращают внимание на те случаи, когда одно предложение может заключать в себе несколько суждений: например, в предложении «Невидимый Бог создал видимый мир» наличествуют три суждения: 1. Бог невидим; 2. Он создал мир; 3. Мир видим. Главным здесь является второе предложение, тогда как первое и третье представляют собой придаточные, входящие в главное как его собственные части. «...Подобные придаточные предложения часто присутствуют лишь в нашем сознании, но не выражены словами» (хотя и могут быть выражены при помощи относительного местоимения: «Бог, который невидим, создал мир, который видим»).
7. В отличие от философов XVIII в. Арно и Лансло не говорят прямо о происхождении языка, но по используемым ими выражениям «люди изобрели», «люди придумали» и т.п. можно заключить, что они в какой-то степени могут быть признаны предшественниками теории «общественного договора».
8. Расхождение между «разумом» и «обычаем» и наличие в языке двух слоев ставит вопрос о двух типах грамматик — общей и частной, а также о соотношениях между ними. Эта идея нашла наиболее четкое выражение уже в работе

Цезаря Шесно дю Марсэ (1676—1756) «Законы грамматики». Отмечая наличие двух видов принципов в грамматике: тех, которые представляют неизменную истину и всеобщий обычай, и тех, которые представляют обычай только какого-либо народа, свободно принявшего эти принципы и способного изменить последние или отказаться от их применения, и определяя первые как предмет «Всеобщей грамматики», а вторые как область различного рода «частных грамматик», дю Марсэ резюмирует: «“Всеобщая грамматика” есть наука, поскольку имеет своим предметом лишь чисто теоретические рассуждения о неизменных и всеобщих принципах речи. Грамматическая наука предшествует всем языкам, поскольку ее принципы, — это вечные истины и предполагают лишь возможности языков. Грамматическое искусство, напротив, следует за языками, поскольку обычаи конкретных языков должны существовать, прежде чем их можно будет путем искусства соотнести со всеобщими принципами. Несмотря на указанное различие грамматической науки и грамматического искусства, мы не думаем утверждать, что необходимо или хотя бы возможно разделить их изучение».

Дальнейшая судьба «Граматики Пор-Рояля» оказалась достаточно сложной. В течение последующих десятилетий появился, прежде всего в самой Франции, целый ряд трудов, исходящих из ее основных положений, но модифицирующих и уточняющих их. Особую роль сыграли примечания к ней, выполненные в 1754 г. королевским историографом **Шарлем Пино Дюкло** (1704—1772), который, касаясь крайне важного для нормативной грамматики вопроса о соотношении между «разумом» и «обиходом» и возможности сознательного «исправления» языка, писал: «Говорят, что властелином языка является обиход, или языковой обычай. При этом подразумевается, что подобное утверждение относится равно как и к устной речи, так и к письменной. Я же собираюсь различать роль обихода по отношению к двум указанным видам речи... языковой обычай является полным хозяином разговорного языка, тогда как писатели

имеют право на письменную речь... В этой области истинными законодателями являются грамматисты и литераторы».

Воздействие «Грамматики Пор-Рояля» не ограничивалось пределами Франции. Будучи переведенной на ряд европейских языков, она послужила толчком для создания целого ряда аналогичных исследований, среди которых выделяют труд английского ученого **Джеймса Харриса** (1709—1786) «Гермес, или философское исследование о языке и универсальной грамматике», вышедший в 1751 г. Сам же принцип логического подхода к описанию языка продолжал сохраняться еще во многих лингвистических трудах первой половины XIX в., найдя свое воплощение в трудах немецкого ученого **Карла Беккера** (1775—1848).

Однако с возникновением сравнительно-исторического языкознания «Грамматика Пор-Рояля», попавшая в «донаучное» изучение языка, стала объектом ожесточенной критики прежде всего за то, что в ней отсутствовала идея исторического развития языка, а сами языковые факты втискивались в логические схемы. И лишь XX столетие, в свою очередь пересмотревшее претензии компаративистики на исключительную «научность», вновь «реабилитировало» труд Арно и Лансло, в чем весьма активную роль сыграл создатель порождающей грамматики Ноам Хомский, объявивший представителей «картезианской лингвистики» своими предшественниками.

Несколько особняком среди «философских грамматик» стоит опубликованный посмертно труд известного философа **Бенедикта Спинозы** (1632—1677) «Очерк грамматики еврейского языка». Занимаясь еврейским языком в связи с толкованием библейских текстов, Спиноза отмечал, что последние «должны содержать природу и свойства языка, которым их авторы обыкновенно говорили». Считая, что в еврейском все слова, исключая междометия, союзы и пару частиц, имеют свойства имени (именем ученый называет слово, которым обозначается или указывается что-либо, подпадающее под человеческое понимание), Спиноза утверждает, что принятые для латинской грамматики восемь частей речи не подходят для еврейского, где можно выделить шесть имен: имя существительное, подразделяемое на

имена нарицательные и собственные, прилагательное, предлог, причастие, инфинитив и наречие, к которым можно присоединить заменяющее существительное местоимение. Однако незаконченный латинский труд Спинозы был относительно мало известен и не оказал на современную и последующую лингвистическую мысль существенного влияния.

Сравнительные исследования

Одним из направлений изучения языков в интересующий нас период являлось и сравнение их между собой с целью выявить родственные отношения между ними (о чем, как мы видели выше, задумывались и ученые предыдущей эпохи). Выдающуюся роль в его развитии сыграл уже упоминавшийся нами **Г.В. Лейбниц**. С одной стороны, Лейбниц пытался организовать исследование и описание ранее не изученных языков, считая, что после создания словарей и грамматик всех языков мира будет подготовлена основа для их классификации. При этом немецкий философ отмечал важность установления границ между языками и — что было особенно важно — фиксирования их на географических картах.

Естественно, что внимание Лейбница в этой связи привлекала Россия, на территории которой представлено большое количество языков. В письме к известному лингвисту **Иоганну Габриэлю Спарвенфельду** (1655—1727) — знатоку восточных языков, отправленному с посольством в Россию, он предлагает последнему выяснить степень родства между финским, готским и славянским языками, а также исследовать сами славянские языки, высказывая предположение, что резкое различие между германскими и славянскими языками, непосредственно соседствующими друг с другом, может объясняться тем, что ранее между ними находились народы-носители «переходных» языков, которые впоследствии были истреблены. Особое значение в этой связи имело его письмо к Петру I от 26 октября 1713 г., в котором предполагалось произвести описание существующих в Рос-

сии языков и создать их словари. Реализуя эту программу, царь послал в Сибирь для изучения тамошних народов и языков плененного под Полтавой шведа **Филиппа-Иоганна Страленберга** (1676—1750), который по возвращении на родину издал в 1730 г. сравнительные таблицы языков Северной Европы, Сибири и Северного Кавказа.

С другой стороны, сам Лейбниц, ставя вопрос о сравнении языков мира между собой и с их более ранними формами и говоря о языке — предке и языковых семьях, пытался решить и ряд конкретных проблем, связанных с языковым родством. Так, он предполагает наличие общего предка для готского и галльского языков, который называет кельтским; выдвигает гипотезу, что наличие общих корней в греческом, латинском, германских и кельтских языках объясняется их общим происхождением от скифов и т.д. Лейбницу принадлежит и опыт генеалогической классификации известных ему языков, которые он разделил на две основные группы: *арамейские* (т.е. семитские) и *яфетические*, состоящие из двух подгрупп: *скифской* (финские, тюркские, монгольские, славянские) и *кельтской* (европейские).

Германские языки стали предметом рассмотрения в работе голландского лингвиста **Ламберга тен Кате** (1674—1731). В 1723 г. он опубликовал книгу «Введение в изучение благородной части нижненемецкого языка», в которой, сравнивая данные готского, англосаксонского, исландского, верхне-нижненемецкого, рассмотрел чередование гласных в этих языках, исследовал структуру германского глагола, дал классификацию по разным языкам сильных глаголов (которые, как он отмечал, сформировались в глубокой древности) и обратил внимание на важнейшие звуковые соотношения между этими языками.

Применительно к славянским языкам большую работу в этом отношении проделал М.В. Ломоносов, деятельность которого будет рассмотрена ниже¹.

¹ В то же время немецкий историк и философ Август Людовиг Шлецер (1735—1809), у которого были довольно сложные отношения с Ломоносовым, в своей «Русской грамматике» писал о том, что регулярные звуковые соответствия между языками свидетельствуют о родстве между ними, а также

Что касается словарной работы сравнительного характера, то здесь обычно упоминаются следующие труды:

- «Каталог языков известных народов, их исчисление, различие и классификация по различиям их наречий и диалектов», составленный испанским монахом **Лоренцо Эрвансом-и-Пандуро** (1735—1809). Первое (итальянское) издание вышло в свет в 1784 г. в качестве 17-го тома 21-томной энциклопедии «Идея вселенной». В 1800—1804 гг. отдельным изданием было опубликовано испанское издание в шести томах, в котором содержались сведения о 300 языках, включая индейские. Словарь содержал, помимо собственно лексического, также грамматический материал, причем именно сходство последнего признавалось более важным для изучения языкового родства, нежели словарные совпадения;
- «Сравнительный словарь всех языков и наречий», созданный по инициативе и при личном участии императрицы Екатерины II. Списки соответствующих слов и инструкций были разосланы в различные области России, а также зарубежные страны, где имелись русские представительства, для перевода на все доступные языки. Обработка полученного материала была поручена академику **Петру Симону Палласу** (1741—1811). Первое издание в двух томах, насчитывавшее список из 185 слов почти по двумстам языкам, вышло под названием «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» в 1787—1781 гг. Второе исправленное и дополненное издание, опубликованное в Петербурге в четырех томах в 1790—1791 гг., получило название «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» и включало дан-

указывал на необходимость сопоставления корней, а не целых слов. Однако конкретный языковой материал носил у Шлецера ограниченный характер, а, кроме того, сделанные им сопоставления не всегда являлись правильными с точки зрения позднейшего сравнительно-исторического языкознания.

ные по 272 языкам, включая 30 языков Африки и 23 языка Америки;

- относящийся уже к началу XIX в. труд **Фридриха Аделунга** (1768—1843) и **Иоганна Северина Фатера** (1771—1826) «Митридат, или общее языкознание», имеющие в качестве языкового примера «Отче наш» на почти 500 языках и диалектах. Этот труд вышел в четырех томах в Берлине в 1806—1817 гг. Хотя к нему было предъявлено впоследствии много претензий (наличие большого количества погрешностей, отсутствие широких сопоставлений, крайне скупое описание представленных в словаре языков, преобладание чисто географического принципа классификации над генеалогическим, наконец, неудачность выбора в качестве иллюстративного материала текста христианской молитвы, перевод которой на большинство языков носил крайне искусственный характер и мог включать много заимствований), отмечалась и определенная ценность содержащихся в нем комментариев и сведений, в частности, заметки Вильгельма Гумбольдта о баскском языке.

Таким образом, по известному выражению датского лингвиста В. Томсена, в течение XVIII в. идея сравнительно-исторического метода «виталя в воздухе». Требовался лишь последний толчок, который придал бы формирующемуся направлению определенность и стал бы отправной точкой для выработки соответствующего метода. Роль такого толчка сыграло изучение санскрита.

Вообще определенными сведениями о классическом литературном языке Древней Индии европейцы располагали и ранее, а еще в XVI в. итальянский путешественник **Филиппо Сассети** в своих «Письмах из Индии» обратил внимание на сходство индийских слов с латинскими и итальянскими. Уже в 1867 г. французский священник **Керду** представил Французской академии доклад (опубликованный в 1808 г.), в котором на материале списка слов и грамматических форм в латинском, греческом и санскрите высказал идею об их родстве. Однако роль предтечи нарождавшейся компаративистики выпало сыграть английско-

му востоковеду и юристу **Уильяму Джонсу** (1746—1794). Изучив санскритские рукописи под руководством местных учителей, знавших традицию, идущую от Панини, и сопоставляя полученные данные с материалами европейских языков, У. Джонс в докладе, прочитанном в 1786 г. на заседании Азиатского общества в Калькутте, заявил: «Санскритский язык, какова бы ни была его древность, обладает удивительной структурой, более совершенной, чем греческий язык, более богатой, чем латинский, и более прекрасной, чем каждый из них, но носящей в себе настолько близкое родство с этими двумя языками, как в корнях глаголов, так и в формах грамматики, что оно не могло быть порождено случайностью; родство настолько сильное, что ни один филолог, который занялся бы исследованием этих трех языков, не сможет не поверить тому, что все они произошли из одного общего источника, который, может быть, уже более не существует. Имеется аналогичное основание, хотя и не столь убедительное, предполагать, что и готский и кельтский языки, хотя и смешанные с совершенно различными наречиями, имели то же происхождение, что и санскрит; к этой же семье языков можно было бы отнести и древнеперсидский, если бы здесь было место для обсуждения древностей персидских».

Хотя высказывание Джонса, в сущности, в сжатом виде уже содержало основные положения сравнительно-исторического языкознания в его «индоевропейской ипостаси»¹, однако до официального рождения компаративистики оставалось еще около трех десятилетий, поскольку заявление английского ученого носило в значительной степени декларативный характер и само по себе не привело к созданию соответствующего *научного метода*. Однако оно знаменовало начало своего рода «санскритского бума» в европейской лингвистике: уже в конце XVIII в. австрийский монах **Паулино а Санто Бартоломео** (в миру — **Иоганн Филипп Вездин**), живший в 1776—1789 гг. в Индии, со-

¹ Среди попыток установить родство в пределах других языковых семей выделяют вышедшую в 1799 г. книгу венгерского автора Самуила Гармати (1751—1809) «Грамматически показанное родство венгерского языка с языками финского корня».

ставляет две грамматики санскритского языка и словарь, а в 1798 г. выпускает в свет — не без влияния идей самого Джонса — «Трактат о древностях и родстве персидского, индийского и германского языков». Дальнейшее продолжение изучения санскрита и его сопоставление с европейскими языками нашло уже в XIX в.

Русское языкознание XVIII века

Как известно, начало XVIII в. ознаменовало в истории России крупными общественно-политическими и культурными переменами, выражением которых стали реформы Петра I и которые традиционно — хотя и не вполне точно — называли процессом «европеизации» страны. Остро стояли и языковые вопросы, прежде всего о создании нового литературного языка, соответствующего потребностям эпохи, и его нормализации. Разумеется, в начале века еще сохранялись наряду с новыми тенденциями и традиции «славянской книжности». В этом отношении заслуживает внимания деятельность **Федора Поликарповича Поликарпова-Орлова** (ум. в 1731 г.) — крупного переводчика и педагога. Ему принадлежит лексикографический труд «Лексикон триязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славянскому алфавиту в чине расположенное», изданный в 1704 г., более обширный по объему лексики и более совершенный, чем предыдущие словари, а также «Добавление к грамматике Мелетия Смотрицкого», вышедшее в свет в 1721 г. и имевшее прежде всего педагогическую направленность. Однако уже в середине века выдвигается задача подготовки нормативной грамматики и словаря собственно русского языка, соответствующих достижениям европейской науки.

Так, в 1735 г. один из крупнейших представителей отечественной литературной и филологической традиции — **Василий Кириллович Тредиаковский** (1703—1769) ставит вопрос о создании «грамматики доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению... и о лексиконе полном и довольном». Про-

блемами грамматики русского языка занимается в эти годы **Василий Евдокимович Адодуров** (1709—1780), опубликовавший в 1731 г. краткий грамматический очерк на немецком языке, а в 1738—1740 гг. читавший курс лекций в Академическом университете при Петербургской Академии наук, запись которых известна как Пространная грамматика Адодурова — по существу, первая русская грамматика, предназначенная для носителей самого русского языка. Однако честь считаться основоположником собственно русской лингвистической традиции выпала на долю **Михаила Васильевича Ломоносова** (1711—1765), создавшего ряд филологических трудов, среди которых выделяются «Российская грамматика» (1755) и «Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке» (1758). Отмечая прикладное значение своего труда («тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики... в грамматике все таковые науки нужду имеют»), Ломоносов в своих теоретических принципах стремился сочетать оба подхода — основанный на «обычае» и основанный на «разуме», отмечая: «И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению» (и оговаривая при этом, что изучать сам язык необходимо, «употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове»).

Сама «Российская грамматика» состоит из шести «наставлений» (т.е. разделов). Первое — «О человеческом слове вообще» — носит общетеоретический характер. Здесь Ломоносов говорит о коммуникативной функции языка, определяя его как «слово, данное человеку для сообщения с другими своих мыслей»; отмечает связь языка и мышления («сии знаменательные части слов должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли»); рассматривает вопросы фонетики, говорит о частях речи (по традиции их он насчитывает восемь: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз, междометие) и т.д. Второе наставление — «О чтении и правописании российском» — рассматривает различные вопросы графики, орфографии и орфоэпии. В третьем наставлении говорится

об именах, четвертое посвящено глаголу, пятое — служебным частям «слова» (т.е. речи), шестое — сочетанию частей речи друг с другом, т.е. синтаксическим вопросам.

Рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке» развивает знаменитое учение о «трех штилях» — высоком, среднем и низком, восходящее к античной традиции и сыгравшее заметную роль в развитии русского литературного языка.

Особое внимание исследователей привлекали мысли Ломоносова, связанные с историческим развитием языков и родственными отношениями между ними. Отмечая, что «видимые телесные на земле вещи и весь мир не в таком состоянии были с начала от создания, как ныне находим, но великие происходили в нем перемены», ученый отмечает: «Так-то не вдруг переменяются языки! Так-то непостоянно!» Сам язык является продуктом исторического развития: «Как все вещи от начала в малом количестве начинаются и потом при совокуплении возрастают, так и слово человеческое, по мере известных человеку понятий, вначале тесно было ограничено и одними простыми речами довольствовалось, но с приращением понятий само помалу умножилось, что произошло произвождением и сложением» (хотя сам язык и признается даром «всевышнего строителя мира»).

С другой стороны, Ломоносов уделял много внимания родственным связям славянских языков как друг с другом, так и с балтийскими языками. Сохранились и черновые наброски письма «О сходстве и переменах языков», относящегося к 1755 г., где автор, сопоставляя первые десять имен числительных в русском, греческом, латинском и немецком, выделяет соответствующие группы «сродственных» языков. Отдельные высказывания Ломоносова могут быть интерпретированы и как концепция образования родственных языков в результате распада некогда единого языка-источника — положение, являющееся основным исходным пунктом сравнительно-исторического языкознания: «Польский и российский язык коль давно разделились! Подумай же, когда курляндский! Подумай же, латинский, греч., нем., росс. О глубокая древность!»

Из других российских мыслителей XVIII в. проблемами языка (главным образом с философской точки зрения) занимался **Александр Николаевич Радищев** (1749—1802). В трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» Радищев говорит о том, что речь — главное средство общения между людьми, тесно связанная с мышлением, которое без языка не могло бы достичь развития, характерного для нормального человека. Одновременно он указывает на произвольный характер связи между словом и обозначаемым предметом: «Мысли наши только суть знамения вещей, из[обр]ажаемые произвольными звуками; следовательно, нет существенного сопряжения или союза между мыслью и словом».

В области лексикографии конец XVIII в. ознаменовался шеститомным «Словарем Академии Российской»¹, вышедшим в свет в 1789—1794 гг. и содержащим 43 257 слов, расположенных по гнездовому принципу, т.е. по алфавиту основных слов, под которыми располагались производные. Этот словарь послужил основой для изданного в начале XIX в. (в 1806—1822 гг.) шеститомного «Словаря Российской Академии, по азбучному порядку расположенного», включавшего 51 388 слов, данных уже строго в алфавитном порядке. Будучи крупным вкладом в русскую лексикографию, академический словарь тем не менее еще не был в полном смысле слова словарем *современного русского языка*, поскольку в нем была представлена прежде всего старославянская лексика, а слова инородного происхождения, в том числе и закрепившиеся к тому времени в русском языке (например абажур, актриса и проч.), в своем большинстве в него не включались. Иллюстративный материал, помимо авторов XVIII в., среди которых предпочтение отдавалось прежде всего М.В. Ломоносову, также включал примеры из церковных книг и лето-

¹ Академия Российская была учреждена в 1783 г. для изучения русского языка и словесности, содействия историческим исследованиям и поощрения развития просвещения и культуры. Первым ее президентом была знаменитая княгиня Е.Р. Дашкова, возглавлявшая и Петербургскую академию наук (в 1841 г. Академия Российская вошла в состав последней).

писей, а стилистические пометы основывались на учении о «трех штилях» и ставили целью закрепить литературные нормы употребления, хотя определенное отражение нашла в словаре также простонародная и областная лексика.

С такими итогами русское языкознание вступило в XIX в., знаменовавший новый этап развития лингвистической науки.

РАЗДЕЛ V

Западноевропейское языкознание первой половины XIX века. Начало века

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, к началу XIX в. в науке о языке сложилось несколько направлений исследовательской работы, которые, правда, часто переплетались между собой даже в деятельности одних и тех же ученых.

Во-первых, продолжалась разработка философско-грамматических проблем языка. В этой связи называют обычно имя **А.Ф. Бернгарди** (1769—1820), автора работ «Учение о языке» (1801—1803) и «Начальные основы языкознания» (1805). В них устанавливается тот состав науки о языке, который закрепился в последующие десятилетия (фонетика, этимология, словопроизводство, морфология, словосочетание и синтаксис). Выделяя в изучении языка два аспекта: исторический и философский, — Бернгарди отмечает, что в соответствии с первым язык развивается по обязательным законам, но совершенно бессознательно. Достигнув своего расцвета, языки вступают на путь регресса (идея, которая в той иной степени повторяется во многих лингвистических концепциях рассматриваемого периода). Философский же аспект, являющийся ведущим, имеет дело с языком как законченным продуктом. В нем различаются слова-основы, обладающие чистым, т.е. не выражающим отношения, значением, и слова-корни, состоящие из абсолютно простого слога (согласный + гласный). Их слияние дало существующие ныне типы слов. Части речи соотносятся с субъектом, предикатом и связкой (т.е. выделяются на логической основе) с добавлением частиц, подчиненных основным частям речи. Хотя сама концеп-

ция Бернгарди довольно быстро устарела, однако его работы оказали определенное влияние на таких крупнейших ученых второй половины XIX в., как Ф. Бопп и В. Гумбольдт.

Во-вторых, появляется ряд работ, анализирующих фонетику, грамматику и лексику санскрита, с одной стороны (работы Кольбука, Уилкинса, Форестера, Кери), и указывающих на близость его к ряду европейских языков — с другой. Среди прочих упоминают и вышедшее в 1811 г. в Петербурге анонимное исследование «О сходстве санскритского языка с русским». Но особенно выделяется в этой связи опубликованный в 1808 г. труд одного из крупнейших представителей немецкого романтизма **Фридриха фон Шлегеля** (1772—1829) «О языке и мудрости индийцев».

В этой работе Ф. Шлегель отмечает родство с санскритом греческого, латинского, персидского и германских языков. В отличие от В. Джонса, немецкий романтик признавал санскрит тем источником (праязыком), от которого произошли все остальные «индогерманские» (этот введенный Шлегелем термин впоследствии широко применяли многие немецкие лингвисты) языки. Родственные отношения между ними он иллюстрировал не только лексическими, но и грамматическими примерами.

В-третьих, начало XIX в. ознаменовалось и стремлением, которое Гумбольдт уже в 1801 г. охарактеризовал следующим образом: «...Сравнивать на одних и тех же основаниях все языки, которые только удастся обнаружить» — с целью «сделать язык — и язык вообще, и отдельные языки — предмет самостоятельного, от всего постороннего свободного и систематического исследования, которое должно стать средством познания человека на разных ступенях его культурного развития». Это направление (в 40-х гг. XX в. выдающийся чешский языковед, основоположник Пражского лингвистического кружка В. Матезиус назвал его «аналитическим», противопоставив предыдущему — историко-генетическому) несколько позже нашло свое яркое воплощение в концепции самого В. Гумбольдта; однако в рассматриваемый период здесь опять приходится вспомнить упомянутую выше книгу Ф. Шлегеля.

Интерес последнего к названной проблематике (как, впрочем, и к вопросам родства языков и выявлению «праязыка») был тесно связан с общими принципами романтизма, которому была присуща идеализация прошлого и интерес к истории, сочетавшийся с обостренным вниманием к национальному своеобразию народа, отражающемуся больше всего в языке и фольклоре. Эта специфика и составляет «дух языка», проявляющейся прежде всего в его морфологическом типе.

Согласно Ф. Шлегелю, сопоставлявшему «индогерманские» языки с тюркскими, различаются два типа языка — *флективные* и *аффиксальные*. Это различие основывается на наличии или отсутствии изменения в корне. Первый тип воплощает «единство материи и духа», поэтому относящиеся сюда языки можно назвать «органическими». К ним принадлежат древние языки — латинский, греческий и особенно санскрит, по Шлегелю, их общий предок. Они представляют собой высший тип языка, в них «каждый корень является тем, что говорит его название, и подобен живому ростку; благодаря тому, что понятия отношений выражаются при помощи внутреннего изменения, дается свободное поприще для развития... Отсюда, с одной стороны, богатство, а с другой стороны — прочность и долговечность этих языков».

Что же касается второго типа, то в них «связь чисто механическая — путем внешнего присоединения... и эти языки, безразлично — дикие или культурные, всегда тяжелы, спутываемы и часто особенно выделяются своими своенравно-произвольным, субъективно-странным и порочным характером».

Хотя любой язык, согласно Ф. Шлегелю, рождается и остается в том же самом типе, однако именно древним языкам свойственно наивысшее совершенство: дальнейшая эволюция «индогерманских» языков есть не что иное, как разрушение первоначальной гармонии. Эта концепция о первоначальном «расцвете» и последующем «упадке» языков, отразившаяся и в классической немецкой философии конца XVIII — начала XIX в.¹, в той или иной сте-

¹ Так, у Гегеля можно найти следующее высказывание: «Язык богаче в развитии, первоначальном состоянии народов, — язык беднеет с цивилизацией и образованием грамматики».

пени была присуща почти всем лингвистическим теориям первой половины века.

Поскольку классификация Ф. Шлегеля опиралась на крайне ограниченный языковой материал и в ней не находилось места для тех языков, которые не обладали в ярко выраженной форме ни флексией, ни аффиксацией, брат последнего **Август Вильгельм Шлегель** (1767—1845) в «Заметках о провансальском языке и литературе» (1818) добавил к флективному и аффиксальному третий тип, который он назвал «аморфным», отнеся к нему китайский язык. При этом А. Шлегель указывал, что во флективных языках эпохи «расцвета» преобладает синтетический строй, когда грамматическое значение выражается внутри слова, тогда как период «упадка» характеризуется усилением аналитизма, при котором оно выражается уже вне слова — при помощи служебных элементов. Именно эта трехчастная классификация с определенными терминологическими видоизменениями стала той отправной точкой, из которой исходило или от которой отталкивалось подавляющее большинство последующих типологических классификаций.

Таков был тот фон, на котором в середине десятых годов XIX в. возникает компаративистика — сравнительно-историческое языкознание, различные школы которого доминируют в науке о языке на протяжении всего XIX в. Историю этого направления принято подразделять на несколько этапов. Одна из наиболее распространенных классификаций, принадлежащая болгарскому лингвисту В. Георгиеву, делит развитие компаративистики на три периода: первый охватывает отрезок времени от зарождения сравнительно-исторического языкознания до формирования младограмматической школы (1816—1870), второй связан с младограмматическим этапом (1871—1916), третий включает в себя лингвистику XX в. Иногда второй этап подразделяют на два самостоятельных периода: время господства младограмматических воззрений (70—80-е гг. XIX в.) и период от младограмматиков до расшифровки хеттских памятников, появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в 1916 г. и начала распространения его идей (приблизительно первые два десятилетия XX в.).

Рождение компаративистики

Основоположителем сравнительно-исторического языкознания традиционно признается **Франц Бопп** (1791—1867), опубликовавший в 1816 г. свою первую работу «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков». Позднее, в 1833—1852 гг. выходит в свет трехтомная «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков» (второе переработанное издание появилось в 1856—1861 гг., третье — в 1868—1870 гг.).

Как это ни парадоксально, но большинство историков лингвистики, говоря о деятельности Боппа, отмечало, что сам он ставил перед собой несколько иную задачу — разработать теорию корня и выявить происхождение флексий. Опираясь на положение древнеиндийской грамматической традиции, сильно повлиявшей и на Ф. Шлегеля, Бопп считал, что в индоевропейской семье языков (этот термин также принадлежит Боппу) слова первоначально производились от односложных корней, подразделявшихся на глагольные и местоименные. Из первых возникли глаголы и имена, из вторых — местоимения и первичные служебные слова. Флексии же представляют собой результат соединения (агглютинации) полнозначного слова, восходящего к глагольному корню, со служебным, восходящим к местоименному. Конечная же задача исследователя, по Боппу, будет состоять в том, чтобы «вскрыть те процессы, посредством которых язык от своего предполагаемого прежнего состояния пришел к своему нынешнему». Среди них выделяются законы механические («равновесия»), согласно которым за сильной формой корня следует слабое окончание, и наоборот¹, и физические (например, стремление к благозвучию).

В общем Бопп разделяет и идеи об особой «органичности» древних индоевропейских языков (прежде всего санскрита), и

¹ По тогдашней терминологии, гласные а, и, і, которые считались основными, или первичными, распределились следующим образом: а — «тяжелый», и — «средний», і — «легкий».

трехчастную схему языковых типов (с некоторой модификацией, связанной с рассмотренной выше теорией корня)¹, хотя и отмечает, что в индоевропейских языках наблюдается тенденция к замене флексий механическими соединениями, вследствие чего создается впечатление образования нового языкового «организма». Относительно же источника индоевропейских языков его позиция осторожней взглядов Ф. Шлегеля: если вначале немецкий ученый говорил о языках, происходящих от санскрита или общего с ним «отца», то потом предпочитал пользоваться выражением о «братских отношениях» между ними.

Основной же вклад Боппа в науку заключается, во-первых, в том, что он продемонстрировал наличие в индоевропейских языках не только отдельных сходных явлений, но и общности грамматических систем путем сопоставления форм глагольной и именной флексии в сравниваемых языках², а во-вторых, в методе, когда формы одного языка рассматриваются и объясняются через формы других. По образному выражению крупнейшего французского компаративиста А. Мейе, Бопп открыл сравнительную грамматику в поисках индоевропейского праязыка, подобно тому как Колумб открыл Америку в поисках пути в Индию.

Что касается самого состава индоевропейской семьи, то впоследствии немецкий лингвист попытался связать с ней также малайско-полинезийские и южнокавказские языки; однако эта попытка оказалась безуспешной.

В известной степени драматично сложилась научная судьба другого основоположника компаративистики — датского уче-

¹ Согласно Боппу, выделяются следующие три класса, по которым распределяются языки: 1) языки без настоящего корня и без способности к соединению (т.е., без «организма» и грамматики) — например, китайский; 2) языки с односложными корнями, способными к соединению и получающие «организм» и грамматику путем сочетания глагольных и местоименных корней — индоевропейские и все остальные, не относящиеся к первому и третьему классам; 3) языки с двусложными корнями и обязательным наличием трех согласных, составляющих корень (семитские), причем грамматические формы в них образуются только путем внутренней модификации корня.

² Собственно фонетическая сторона (закономерные звуковые соответствия) учитывалась Боппом, однако в меньшей степени.

ного **Расмуса Кристиана Раска** (1787—1832). Во-первых, его основной труд в этой области — «Исследование в области древне-северного языка, или происхождение исландского языка», хотя и созданный в 1814 г., вышел в свет четырьмя годами позднее и, таким образом, стал известен уже после работы Боппа. Во-вторых, будучи написан на датском языке, мало известном за пределами Скандинавии, он оказался доступным лишь ограниченному числу читателей (частичный немецкий перевод появился лишь в 1822 г). В отличие от Боппа, он не использовал данные санскрита (хотя и совершил в 1816—1823 гг. поездку в Индию, посетив также Россию, Кавказ и Персию и опубликовав исследования о восточных языках). Не стремился он и к таким широким обобщениям, как его немецкий коллега. Раск прежде всего доказывал родство «готских», т.е. германских языков с греческим и латинским («фракийским»), а также славянским и балтийскими языками. Однако для последующего развития науки гораздо большее значение имела применявшаяся Раском методика исследования, основные положения которой сводятся к следующему:

- для установления языкового родства наиболее надежными являются не лексические сходства (поскольку при общении народов друг с другом слова очень легко заимствуются), а грамматические соответствия, «так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко, а вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет свои собственные» (как это произошло, например, с английским);
- чем богаче формами грамматика какого-либо языка, тем менее смешанным и более первичным он является, так как «грамматические формы склонения и спряжения изнашиваются по мере дальнейшего развития языка, но требуется очень долгое время и малая связь с другими народами, чтобы язык развился и организовался по-новому» (например, новогреческий и итальянский в грамма-

тическом отношении проще древнегреческого и латыни, датский — исландского, современный английский — англосаксонского и т.п.);

- помимо наличия грамматических соответствий о родстве языков можно заключить только в тех случаях, когда «наиболее существенные, материальные, первичные и необходимые слова, составляющие основу языка, являются у них общими... напротив того, нельзя судить о первоначальном родстве языка по словам, которые возникают не естественным путем, т.е. по словам вежливости и торговли, или по той части языка, необходимость добавления которой к древнейшему запасу слов была вызвана взаимным общением народов, образованием и наукой»;
- если в словах подобного рода имеется такое количество соответствий, что могут быть выведены «правила относительно буквенных переходов из одного языка в «другой» (т.е. установлены закономерные звуковые соответствия типа греч. Ε — лат. А: (*feme — fama, meter — mater, pelos — pallus* и т.п.), то можно сделать вывод, «что между этими языками имеются тесные родственные связи особенно если наблюдаются соответствия в формах и строении языка»;
- при сравнении необходимо последовательно переходить от более «ближних» языковых кругов к более дальним, в результате чего возможно установить степени родства между языками. Так, свою работу Раск начинал со сравнения исландского с территориально близкими ему «атлантическими» языками (гренландским, баскским, финским, кельтскими) и отметил, что между ними нет родства, поскольку сходство ограничивается лишь отдельными словами¹. Затем он сопоставил исландский (1-й круг) с ближайше родственным ему норвежским (2-й круг), затем с другими сканди-

¹ Относительно кельтских языков (входящих, как и скандинавские, в индоевропейскую семью языков) Раск впоследствии переменил свое мнение.

навскими (3-й круг), с германскими (4-й круг), после чего германский круг Раск сопоставляет с другими (славянскими и балтийскими) языками, возводя их к древнефракийско-му, древнейшими преемниками которого являются греческий и латинский, которые, таким образом, должны рассматриваться как «источник» исландского (сам термин «фракийский», как предполагают, был взят Раском под влиянием упоминавшегося в предыдущем разделе труда Аделунга и Фатера «Митридат, или общее языкознание» и обозначает древнейший вымерший язык Юго-Восточной Европы).

Третьим основоположником компаративистики называют **Якоба Гримма** (1785—1863) — одного из виднейших представителей немецкого романтизма, работавшего в теснейшем содружестве с братом **Вильгельмом Гриммом** (1786—1859). Много занимаясь фольклором (мировую известность получили собранные и опубликованные братьями народные сказки) и средневековой немецкой литературой, в историю науки о языке Я. Гримм вошел прежде всего как автор четырехтомной «Немецкой грамматики», представлявшей собой сравнение всех германских языков, начиная с первых письменных памятников. Первый том (1819 г., второе переработанное издание 1822 г.) в основном рассматривает вопросы фонетики, второй — морфологии, третий (1831) посвящен словообразованию, четвертый (1837) — синтаксису. Большое значение имел и начатый братьями «Немецкий словарь», первый том которого вышел в 1854 г., а последний — только в 1960 г.

Для лингвистического мировоззрения Я. Гримма характерно стремление отказаться от прямолинейного перенесения на язык логических категорий. «В грамматике, — писал он, — я чужд общелогических понятий. Они, как кажется, привносят с собой строгость и четкость в определениях, но они мешают наблюдению, которое я считаю душою языкового исследования. Кто не придает никакого значения наблюдениям, которые своей фактической определенностью первоначально подвергают сомнению все теории, тот никогда не приблизится к познанию непостижимого духа языка». При этом, согласно Гримму, язык есть «человеческое приобретение, сделанное совершенно естествен-

ным образом». С этой точки зрения, все языки представляют собой «уходящее в историю единство и... соединяют мир»; поэтому, изучая «индогерманский» язык», можно получить «самые исчерпывающие разъяснения относительно путей развития человеческого языка, может быть, и относительно его происхождения».

В развитии языка Grimm выделяет три ступени: первая — создание, рост и становление корней и слов; вторая — расцвет достигшей совершенства флексии; третья — стремление к ясности мысли, причем от флексии вследствие ее неудовлетворительности снова отказываются. Китайский язык, по Grimm, в известной мере застыл на первом периоде; древние индоевропейские языки (санскрит, зенд, древнегреческий) представляют второй период, а персидский, новогреческий, романские и в меньшей мере германские языки — третий.

«...И если в первый период связь слов и мысли происходила примитивно, если во второй период были достигнуты великолепные образцы этой связи, то в дальнейшем она, с прояснением разума, устанавливается еще более сознательно». При этом Grimm, с одной стороны, стремился наряду с книжным языком опереться на данные диалектов, а с другой — утверждал, «что ни у одного народа на земле нет языка, история которого могла бы сравниться с историей языка немцев».

В отличие от Боппа (деятельность которого он высоко ценил) Grimm уделял много внимания звуковым вопросам и в первую очередь явлению аблаута — чередования гласных в корне, который, по его мнению, представляет собой «форму проявления духа немецкого языка» и его движущую силу. С именем Grimma связана формулировка так называемых законов передвижения согласных: первого, устанавливавшего соотношение индоевропейских и германских согласных, и второго, отличающего верхненемецкие диалекты от нижненемецких и соответственно немецкий от других германских языков. В этом отношении работы Grimma в огромной степени способствовали установлению основного принципа сравнительно-исторического языкознания — наличию закономерных звуковых соответствий между родственными языками, хотя историки лингвистики и

отмечают, что у Гримма здесь были предшественники: помимо уже упоминавшегося Р. Раска в этой связи называют и другого датского языковеда — **Якоба Хорнемана Бредсдорфа** (1790—1841), также рассматривавшего их в своей работе «О причинах языковых изменений» (1821) и отмечавшего роль, которую играет в развитии языка явление аналогии.

Отечественная научная традиция ставит рядом с именами Боппа, Раска и Гримма имя еще одного основоположника компаративистики — **А.Х. Востокова**, деятельность которого будет рассмотрена в разделе, посвященном русской науке о языке данного периода.

Сравнительно-историческое языкознание в середине XIX века

Идеи, выдвинутые основоположниками компаративистики, получили дальнейшее развитие в трудах европейских (в первую очередь немецких) ученых, разрабатывавших и конкретизировавших новый метод, уточнявших его положения, а также применявших последние к отдельным группам индоевропейской семьи языков. Среди лингвистов этого периода выделяют имя **Августа Фридриха Потта** (1802—1877), основной труд которого — «Этимологические исследования в области индогерманских языков, с особым упором на переход звуков в санскрите, греческом, латинском, литовском и готском языках» вышел в свет двумя изданиями: в 1833—1836 гг. (2 тома) и в 1859—1876 гг. (6 томов). С именем Потта связано создание научной этимологии, выявляющей происхождение и первоначальное значение слов. Потт первым четко сформулировал положение о необходимости установления строгих звуковых соответствий между единицами родственных языков, отмечая, что без таких соответствий этимологии не могут иметь доказательной силы. Он же указывал, что родственные языки распадаются на все более удаляющиеся друг от друга диалекты благодаря действию звуковых законов, проистекающих из физиологической характеристики звукового состава языков.

Особое значение имела деятельность **Георга Курциуса** (1820—1885) — филолога-классика, первым применившего сравнительно-исторический метод при изучении греческого языка. Подобная работа была важна и потому, что коллеги Курциуса по классической филологии довольно настороженно относились к компаративистике, считая ее построения искусственными, а самих ее представителей упрекали в плохом знании греческого и латыни (впрочем, и представители сравнительно-исторического языкознания — особенно в лице А. Шлейхера, о котором пойдет речь ниже — также отмежевывались от традиции филологического изучения). В своих работах («Основы греческой этимологии», «Глагол в греческом языке» и др.) Курциус также уделял большое внимание выявлению звуковых переходов и их причин. В общелингвистическом отношении он разделял теорию, выдвинутую еще братьями Шлегелями, о двух периодах развития языка: роста и развития, после которого наступает «кристаллизация», и упадка, когда языки, подобно каменным породам, выветриваются, но сохраняют свою сердцевину.

Основоположником сравнительно-исторического исследования романских языков стал немецкий ученый **Фридрих Диц** (1794—1876), издавший в 1836—1843 гг. трехтомную «Грамматику романских языков», а в 1854 г. — «Этимологический словарь романских языков», дополнявший ее.

Сравнительно-историческое изучение славянских языков в Европе было многим обязано словенцу по происхождению **Францу Миклошичу** (1813—1891), создавшему первую «Сравнительную грамматику славянских языков», вышедшую на немецком языке в 1852—1876 гг. Работа Миклошича включала три тома, посвященные фонетике, морфологии и синтаксису; в 1875—1883 гг. вышло второе издание, дополненное разделом о словообразовании. Кроме того, с именем Миклошича связаны «Старославянско-греко-латинский словарь» (1862—1865) и «Этимологический словарь славянских языков» (1886).

Продолжалось и углубленное изучение санскрита. Здесь выделяются немецкий ученый **Теодор Бенфей** (1809—1881), учениками, которого были многие крупные языковеды, а также жив-

ший и работавший в Англии немец по происхождению **Макс Мюллер** (1823—1900)¹. Тесно связанный с Россией **Отто Бетлингк** (1815—1901) вместе с **Рудольфом фон Ротом** (1821—1895) составил большой санскритско-немецкий словарь в 7 томах, изданный Академией наук в Петербурге в 1853—1875 гг.²

Однако представители новой науки не только изучали историю отдельных языков, групп или семейств, но и стремились использовать полученные данные для того, чтобы восстановить «доисторические» эпохи жизни их носителей (характер мышления, условия жизни, первоначальная территория распространения и т.д.). На эту сторону указывал еще Р. Раск, писавший: «Происхождение языка издавна рассматривалось как важнейший фактор при определении происхождения народа и его древнейшего местонахождения». К середине XIX в. формируется так называемая *лингвистическая палеонтология*, занимавшаяся в первую очередь изучением и интерпретацией лексического материала с целью выявить прародину индоевропейцев и характер их быта. Основоположником этого направления (как и сравнительной мифологии) признается немецкий языковед **Адальберт Кун** (1812—1875); занимались указанной проблемой также упомянутый выше **Т. Бенфей**, **Адольф Пикте** (1799—1875), **Отто Шрадер** (1855—1919) и др.

Это направление продолжало развиваться и в последующие эпохи³ с привлечением данных истории, археологии, этнографии, фольклора, антропологии и других научных дисциплин; однако «чистые» языковеды относились к ней несколько скептически, что впоследствии нашло отражение в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра: не отрицая того, что в некоторых случаях таким путем можно «выделить некоторые общие черты

¹ Помимо собственно языковых проблем названные ученые занимались древнеиндийской литературой и сравнительной мифологией.

² О. Бетлингку принадлежала также описательная грамматика якутского языка, вышедшая на немецком языке в Петербурге в 1851 г.

³ В XX в. наиболее крупной работой в данной области стала книга Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Тбилиси, 1984).

и даже кое-какие конкретные факты», швейцарский языковед вместе с тем отмечал, что «сопоставление языков редко приводит к столь характерным наблюдениям» и поэтому в целом «нельзя требовать от языка показаний такого рода».

Говоря о состоянии науки о языке к середине XIX в., необходимо иметь в виду, что в большей или меньшей степени на воззрения многих ее представителей, помимо трудов основоположников компаративистики, оказала прямое или косвенное воздействие философско-лингвистическая концепция, связанная с именем В. фон Гумбольдта, основные положения которой и будут рассмотрены ниже.

Общелингвистическая концепция В. фон Гумбольдта

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) отличался широтой и многообразием интересов. В течение ряда лет он занимал ответственные государственные посты, основал Берлинский университет, находился в дружеских отношениях с виднейшими представителями немецкой культуры своего времени (включая Шиллера и Гете), создал ряд работ в области философии, эстетики, литературоведения, юриспруденции. Хотя проблемы, связанные с языком, также всегда находились в сфере его внимания, однако основные труды по языкознанию были созданы им главным образом в последние 10—15 лет его жизни: «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820); «О возникновении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» (опубликована в 1825) и ряд других. Последние годы Гумбольдт работал над трехтомным трудом «О языке Кави на острове Ява», который был опубликован уже посмертно его братом Александром фон Гумбольдтом. Особое значение имело теоретическое введение к этому труду «О различии строения человеческих языков и их влиянии на духовное развитие человечества», вышедшее в свет в 1836 г. и представившее собой наиболее полное изложение его концепции.

Следует заметить, что хотя противопоставление «линии Боппа» (т.е. сравнительно-исторического языкознания) и «линии Гумбольдта» (тракуемой как теоретическое языкознание) стало в работах лингвистов XX в. своего рода «общим местом», сам Гумбольдт весьма высоко оценивал деятельность своего соотечественника, с которым поддерживал и личные связи. С другой стороны, как мы видели выше, сама задача выявления общих закономерностей исторического развития языков мира, ставшая центральной в концепции Гумбольдта, также не была чужда основоположникам сравнительно-исторического языкознания, хотя конкретно они занимались данной проблематикой в гораздо меньшей степени. Поэтому, если последние действительно оперировали почти исключительно материалом индоевропейских языков, диапазон Гумбольдта был шире и включал данные китайского, баскского, малайско-полинезийских, индейских и ряда других языков.

Создавая свою концепцию, Гумбольдт во многом опирался на традиции немецкой классической философии конца XVIII — начала XIX в.: Канта (преемственную связь Гумбольдта с которым многие историки языкознания признают особенно тесной), Фихте, Шеллинга и принадлежавшего к одному с ним поколению Гегеля. Это обстоятельство сказалось и на стиле гумбольдтовских трудов, что порой приводило к различной интерпретации позднейшими авторами тех или иных его положений.

Тем не менее большинство исследователей, излагая взгляды немецкого ученого, выделяют прежде всего следующие моменты:

- не существует никаких прямых данных о происхождении языка, который «не может возникнуть иначе как сразу и вдруг»;
- после этого первого этапа — периода происхождения, наступает второй — становление языков и формирование их структуры. Он продолжается вплоть до состояния стабильности — третьего этапа, после которого кардинальных изменений уже не происходит. Причем все языки проходят принципиально единый путь развития, но со-

стояние стабильности может достигаться на разных его этапах;

- в развитии языков выделяются четыре стадии, соответствующие основным языковым типам: помимо трех, выделенных братьями Шлегелями, — аморфных (которые стали называть изолирующими), аффиксирующих и флективных, Гумбольдт вводит еще четвертый тип — инкорпорирующие языки, в которых предложение строится как сложное слово (таковы языки американских индейцев). Причем он отмечал, что во флективных языках, помимо внутреннего изменения корня, наличествует и «прибавление извне» (т.е. аффиксация), которая осуществляется иначе, чем в агглютинирующих языках. При этом Гумбольдт признает, что такие народы, как китайцы и древние египтяне, обладая языками, лишенными грамматических форм, смогли достигнуть очень высокой степени развития; однако это не опровергает того факта, что для духовного развития наиболее благоприятны именно флективные языки, поскольку «первое и самое существенное из того, что дух требует от языка, — это не смешение, а четкое разграничение вещи и формы, предмета и отношения... такое разграничение происходит только при образовании подлинных грамматических слов». К таким языкам относятся семитские, санскрит, древнегреческий;
- после того как язык перестает развиваться, в нем может происходить более тонкое совершенствование (новое использование первоначального значения, внутренняя перестройка структуры слов, устранение лишнего и т.п.), вследствие которого «язык, который в момент своего формирования беден, слаборазвит и незначителен, если судьба одарит его своей благосклонностью, обретет новый мир понятий и доселе неизвестный ему блеск красноречия». Так и произошло, согласно Гумбольдту, с новыми европейскими языками;
- как «язык вообще» есть проявление «человеческой духовной силы», так и каждый отдельный язык неразрывно свя-

зан с «духом» говорящего на нем народа. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». При этом именно «духовная сила народа является самым жизненным и самостоятельным началом, а язык зависит от нее»;

- язык теснейшим образом связан с мышлением, которое невозможно без языка и при этом «не просто зависит от языка вообще», а «до известной степени оно определяется каждым конкретным языком». Поэтому, помогая человеку познавать мир, язык одновременно определяет, как будет происходить сам процесс такого познания. «Человек преимущественно — да даже исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависит от его представлений — живет с предметами так, как их преподносит ему язык... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка». Различие языков — это не только различие звуков и знаков, но и различие самих мировоззрений. Поэтому при знакомстве с неизвестным языком необходимо его «изучать... во всем его своеобразии», а не с позиции родного языка или латыни, что приводит к неточности в обозначении грамматических понятий (например, то, что испанские или португальские исследователи индейских языков называли инфинитивом, отнюдь не соответствует европейскому инфинитиву);
- язык представляет собой важнейший компонент человеческой культуры, причем по сравнению с другими ее проявлениями он наиболее бессознателен, «в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов», которые «пользуются им, сами не зная, как его построили». Поскольку язык отражает каждую стадию развития культуры, существуют более и менее совершенные языки, хотя «язык и цивилизация вовсе не всегда на-

ходятся в одинаковом соотношении друг с другом», ибо «так называемые примитивные и некультурные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся достоинства», превосходя «языки более культурных народов»;

- язык следует рассматривать не как мертвый продукт, а как созидающий процесс; он представляет собой не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*); в подлинном и действительном смысле под языком следует понимать всю совокупность актов речевой деятельности, представляющей собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли. Поэтому расчленение языка на слова и правила — только мертвый продукт научного анализа (необходимость которого Гумбольдт вполне признает). С другой стороны, следует отличать язык как массу всего произведенного живой речью от самой речи в устах народа;
- язык состоит из материи (субстанции) и формы. Материя представляет собой звук и совокупность тех впечатлений, которые предшествуют образованию понятия, совершаемого с помощью языка. При этом в языке не может быть никакой неоформленной материи: сам звук становится членораздельным благодаря приданию ему формы. Именно последняя составляет суть языка и определяется как «постоянное и единообразное в деятельности духа, возвышающее членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности». Форма каждого языка специфична и неповторима, хотя форма отдельных генетически родственных языков должна находиться в соответствии с формой всей семьи языков. Вместе с тем, когда речь идет о самых общих чертах, можно говорить и об общей форме всех языков;
- языковая форма не сводится к внешней, звуковой форме (выражению, создаваемому языком для мышления). Гораздо более важна внутренняя форма, представляющая

собой выражение народного духа, способ объективизации мысли в языке. В этом смысле язык отражает не предметы, а понятия о них: например, в санскрите слона называют либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукою: каждое название содержит особое понятие, но все они обозначают один и тот же предмет;

- характернейшей чертой языка является то, что он как целое состоит из диалектически связанных друг с другом противоречий — антиномий. Кроме уже отмеченных (языка и речи, языка и мышления и др.), можно указать и ряд других: например, язык субъективен по отношению к познаваемому и объективен по отношению к человеку; он вечно изменяется и в то же время необыкновенно устойчив; он принадлежит одновременно и отдельному человеку, и целому коллективу. С этим связана важнейшая особенность процесса коммуникации: говорящий и слушающий, воспринимая предмет с разных сторон, вкладывает в одно и то же слово не вполне одинаковый смысл. Поэтому взаимное понимание между говорящими есть вместе с тем и непонимание, а согласие в мыслях и чувствах — в то же время и несогласие.

Противоречивой оказалась и судьба гумбольдтовской концепции. С одной стороны, подавляющее большинство ученых последующего времени (включая ортодоксальных и принципиально «антифилософски» настроенных компаративистов второй половины XIX в., вроде младограмматиков) всегда отзывалось о нем большим уважением, отмечая, что ему была присуща «высокая и бескорыстная любовь к истине» и «стремление не упускать из-за подробностей целое и из-за целого отдельные факты». С другой стороны, магистральное развитие науки о языке в период непосредственно после Гумбольдта пошло по иному пути, сосредоточившись на конкретных сравнительно-исторических изысканиях, а самому ученому часто вообще не отводили места в истории нашей науки, относя к представителям «философии языка». И хотя заложенная Гумбольдтом тра-

диция никогда не прерывалась и в XIX в., многие его идеи обрели актуальность уже в следующем — XX веке.

Натуралистическое направление (концепция А. Шлейхера)

Середина XIX в. была отмечена бурным развитием естественных наук, огромное влияние на которые оказала эволюционная теория Ч. Дарвина, появившаяся в 50-е годы XIX в. Указанное обстоятельство привело к усилению тенденции применить к изучению языка методы и принципы естествознания, в какой-то степени, как мы видели выше, проявившейся уже в терминологии первых компаративистов. Указанное направление, получившее название «натуралистического», в той или иной мере было представлено в трудах ряда авторов: М. Раппа в Германии, М. Мюллера в Англии, А. Овелака во Франции и др. Но свое наиболее полное выражение оно нашло в концепции немецкого языковеда **Августа Шлейхера** (1821—1868), которая традиционно рассматривалась как завершение первого этапа развития компаративистики. Начав с исследований балто-славянских языков («Морфология церковнославянского языка», 1852 г.; «Руководство по изучению литовского языка», 1856—1857), Шлейхер в 1861 г. выпустил первое издание своего основного труда в области сравнительно-исторического языкознания — «Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков»¹, а в 1869 г. примыкающую к нему «Индоевропейскую хрестоматию», в составлении которой принимали участие и его ученики. Общетеоретические взгляды немецкого лингвиста² наиболее отчетливо изложены в работах «Немецкий язык» (первое издание — 1860 г.),

¹ Так это название традиционно передается в русском переводе, хотя сам Шлейхер пользовался термином «индогерманские языки» подобно большинству других немецких языковедов XIX в.

² Любопытно, что сам Шлейхер отрицательно относился к термину «лингвистика», предпочитая называть языкознание «глоттикой», а языковедов — «глоттиками».

«Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863) и «Значение языка для естественной истории человека» (1865).

Общелингвистические взгляды Шлейхера представляли собой довольно своеобразное сочетание некоторых положений немецкой классической философии (прежде всего, концепции Гегеля), отдельных идей В. Гумбольдта, а также эволюционной теории Дарвина. От Гегеля Шлейхер взял понимание языкового развития как результата отчуждения бытия абсолютного духа. По Гегелю, пока дух пребывал в природе (представлявшей собой, таким образом, ее инобытие) последняя развивалась; с прекращением инобытия духа ее развитие прекращается.

То же самое, согласно Шлейхеру, происходит и с языком: «В языке дух человечества в целом, как и каждого народа, является нам в своем инобытии... Точно так же всемирный дух является нам в природе в своем инобытии. Поэтому, когда дух возвращается к себе, начинается бытие для себя, исчезает его инобытие... То, чем является дочеловеческий период в истории земли, тем же является доисторический период в истории человека... В первом периоде дух был связан в природе, в последнем — в звуке: отсюда — там творчество в царстве природы, здесь — в царстве звука... Природа, преисполненная творческой потенции в предыдущий период, в наши дни не создает уже ничего нового, после того как всемирный дух в человеке вернулся в себя из инобытия; с тех пор как дух человеческий... вернулся к себе в истории, пресекалась плодотворность бессознательного созидания его конкретного вида, языка. Чем свободнее разворачивается дух в истории, тем больше он высвобождается из языка. Поэтому звуки языка изнашиваются, язык утрачивает богатство форм. Исчезает все, без чего может обойтись язык; всюду выявляется тенденция к упрощению».

Этим объясняется и наличие двух периодов существования языка, о которых говорили и предшественники Шлейхера: «история развития языка (доисторический период) и история распада языковых форм (исторический период)». Здесь же Шлейхер проводит весьма любимую им аналогию языка с другими

живыми организмами, у которых также имеются период роста и период старения¹.

Именно в доисторический период, согласно Шлейхеру, возникли три основных языковых типа, различающихся тем, как выражается в них значение, имеющееся в корне, и отношение, представленное аффиксальными элементами (положение, которое занимают относительно друг друга выражение того и другого, Шлейхер называет формой). В отличие от В. Гумбольдта, выделявшего четыре типа, Шлейхер возвращается к трехчленной классификации А. Шлегеля — как предполагают, опять-таки под влиянием Гегеля, согласно которому процесс развития сводится к трем этапам: исходному пункту (тезису), его отрицанию (антитезису) и отрицанию отрицания (синтезу), при котором происходит как бы возврат к первому этапу, но на качественно новой основе. Соответственно, к первому типу относятся корневые, или изолирующие языки, где выражено только значение (китайский и бирманский). Ко второму — агглютинирующие, где выражено и значение, и отношение, но части, на которые распадается слово, не образуют тесно спаянного единства (тюркские и финно-угорские языки), к третьему — флективные, где слово, передавая и значение и отношение, представляет собой единство в многообразии составных элементов. К этому высшему типу относятся индоевропейские языки. Что же касается инкорпорирующих языков, то Шлейхер рассматривал их как разновидность второго типа. Здесь опять-таки, согласно Шлейхеру, можно увидеть аналогию с природой, в которой представлены три этапа развития — кристаллы, растения и животные, которым и можно уподобить указанные выше языковые типы. При этом в доисторический период все высшие формы языка возникают из низших, а как только народ «всту-

¹ Следует отметить, что отождествление языка с живым организмом было характерно не для всех представителей натуралистического направления. Так, Макс Мюллер, соглашавшийся с тем, что эволюция языка представляет собой «рост, а не историю», вместе с тем указывал: «Язык не имеет независимого бытия. Язык существует в человеке; он живет, если им говорят, умирает с каждым словом, которое произнесено и не слышится более».

пает в историю» и развитие прекращается, «язык застывает на той ступени, на какой его застаёт этот процесс»: дальше возможна только утрата «звуковой целостности» (например, присущий древним индоевропейским языкам синтетический строй во многих новых языках сменился аналитическим). При этом доисторический период, согласно Шлейхеру, охватывает гораздо более длительное время, чем исторический (возможно, до нескольких десятков тысячелетий). Поэтому, несмотря на процессы распада праязыков, о которых речь пойдет ниже, в ту эпоху «исчезло, вероятно, более родов языков, нежели сколько их существует в настоящее время».

Считая, что язык не зависит от отдельного лица и развивается по объективным законам, не зависящим от человеческой воли, Шлейхер относит языкознание (в отличие от филологии)¹ к естественным наукам. Поэтому если филолога, анализирующего литературные тексты, можно уподобить садовнику, то языковед подобен ботанику, которого интересует не эстетическая ценность растения, а его строение и развитие. Следовательно, для лингвиста крайне важно изучение бесписьменных языков, а также диалектов, которые «представляются научному наблюдению как выше стоящие по развитию языка, более закономерные организмы, чем письменный язык».

«Биологизм» Шлейхера и уподобление языка живому организму привели его к вполне естественному выводу, что «законы, установленные Дарвином для видов животных и растений, применимы, по крайней мере, в главных чертах своих и к организмам языков». В частности, здесь существуют такие же подразделения и подразделения (вид — язык, подвид — диалект и т.п.); как органический мир развивался из одноклеточных организмов, так и все языки мира развивались из простейших корневых язы-

¹ Поэтому, согласно Шлейхеру, фонетика и морфология, целиком определяемые этими законами, полностью принадлежат языкознанию; в области синтаксиса, где проявляется определенная зависимость от мышления и воли индивида, филология и языкознание смыкаются (ср. с утверждением Я. Гримма, согласно которому синтаксис «почти наполовину» не относится к грамматике), тогда как стилистика принадлежит исключительно филологии.

ков, однако по звуковому материалу и выражаемому смыслу они были различны у людей, живущих в разных природных условиях. Этим и объясняются различия языков. Причем первоначально языки народов, живших по соседству, должны были обладать большим сходством, нежели отдаленные друг от друга, однако вследствие многочисленных переселений, приводивших к изменению климатических и жизненных условий, языки все более отклонялись от первоначального состояния. Здесь также наблюдается аналогия с природой — в различных частях света представлены специфические виды флоры и фауны.

Разделяет он и выдвинутое Дарвином положение о борьбе за существование: для современного состояния характерно преобладание и распространение «индогерманских» языков, вытеснивших многие другие. Причем судьба языков определяется прежде всего тем, что в них «с самого начала существуют разные потенции развития; одни языки обладают большей способностью к более высокому развитию, чем другие, хотя первоначально форма всех языков должна быть одинаковой. Подобным образом происходит развитие органической жизни вообще. Первичные клеточки, например, различных животных в семени совершенно одинаковы по форме и материи... и тем не менее в этих, казалось бы, абсолютно одинаковых объектах содержится все будущее особое развитие. Это же имеет место и в царстве языков». Эти общетеоретические установки Шлейхер стремился применять и в сфере собственно сравнительно-исторического изучения языков. «Те языки, которые, по выражению ботаников и зоологов, следовало бы обозначить видами одного рода, мы считаем за детей одного общего основного языка, из которого они произошли путем постепенного изменения. Из племен языков, нам хорошо известных, мы точно так же составляем родословные, как это старался сделать Дарвин для видов растений и животных». Причем общий праязык всех языков земного шара установить невозможно; скорее всего, их было несколько: праиндоевропейский («индогерманский»), прасемитский и т.п. Все языки, происходящие из одного праязыка, образуют языковой род или языковое древо, которое делится на языковые вет-

ви. Согласно Шлейхеру, основная задача языкознания как раз и состоит в том, чтобы «восстанавливать на основе доступных нам более поздних форм существовавшие в прошлом формы языка — основы семейства или же праязыка всего рода», т.е. реконструировать праязык¹. Будучи убежден в том, что применительно к индоевропейскому праязыку такая реконструкция абсолютно возможна (Шлейхер даже употребляет выражение «праотец индогерманского племени, нам совершенно известный»), немецкий языковед даже написал на нем басню, причем структура восстановленного праязыка напоминала идеализированный санскрит, хотя, в отличие от Ф. Шлегеля, Шлейхер не отождествлял их друг с другом.

Языки, первыми выделившиеся из праязыка, Шлейхер назвал языками-основами; они могут распадаться на отдельные языки, языки — на диалекты, а последние — на поддиалекты. В результате процесса обособления диалекты и поддиалекты могут с течением времени превращаться в самостоятельные языки, которые, в свою очередь, опять будут дробиться на диалекты и поддиалекты. Применительно к индоевропейским языкам Шлейхер предложил отражающую их отношения друг к другу схему так называемого «родословного древа».

Согласно Шлейхеру, образование новых языков происходит исключительно путем дифференциации; какое-либо перекрестное скрещивание ветвей родословного древа друг с другом отсутствует. Отсюда Шлейхер делает следующие выводы:

- языки, принадлежащие к одной ветви, ближе друг к другу, чем языки, принадлежащие к разным ветвям; у последних совпадают только черты, существовавшие в праязыке;
- чем восточнее живет индоевропейский народ, тем более древний уровень отражает его язык, а чем западнее — тем больше в языке новообразований. Поэтому в историче-

¹ Реконструированные формы со времен Шлейхера обозначаются звездочкой, показывающей, что они не засвидетельствованы в реально существующих письменных памятниках.

ский период наибольшую близость к индоевропейскому праязыку сохранил древнеиндийский (отсюда опора на санскрит при его реконструкции), а наиболее удалились от него германские и балтославянские языки.

Концепция Августа Шлейхера — как в ее общелингвистической, так и в собственно компаративистской части — стала объектом критики уже во второй половине XIX в. Но если многие ее конкретные положения довольно быстро стали представлять лишь исторический интерес, то сформулированные им принципы сравнительно-исторического исследования, и в первую очередь сама методика реконструкции, остались в своих основных чертах достоянием лингвистической науки. Практически без изменений сохранился в последующей компаративистике и сформулированный немецким ученым критерий языкового родства: «Если два или несколько языков употребляют для выражения значения и отношения настолько близкие звуки, что мысль о случайном совпадении оказывается совершенно неправомерной, и если, далее, совпадения проходят через весь язык и обладают таким характером, что их нельзя объяснить заимствованием слов, то подобного рода тождественные языки, несомненно, происходят из общего языка-основы, они являются родственными. Верным критерием родства является прежде всего происходящее в каждом языке особым образом изменение общей с другими языками звуковой материи, посредством которой он отделяется как особый язык от других языков. Эту свойственную каждому языку и диалекту форму проявления общей для родственных языков звуковой материи мы называем звуковыми законами данного языка».

РАЗДЕЛ VI

Психология языка в западноевропейской науке XIX века

Если натуралистическая концепция языка создавалась в основном в рамках сравнительно-исторического языкознания, то формирующаяся приблизительно в тот же период психология языка (психологическое направление), с одной стороны, представляла собой развитие (хотя и достаточно специфичное) традиций, заложенных В. Гумбольдтом, в трудах которого много внимания уделено проблемам связи языка с мышлением, «духом народа», факторами человеческой психики и т.п., а с другой — стремилась опереться при изучении языка на такую науку, как психология, также переживавшую в середине XIX в. процесс интенсивного развития. При этом психологический подход мог осуществляться в двух основных направлениях. Представители первого (которое обычно и имеют в виду, говоря о психологии языка в собственном смысле слова) рассматривали язык как специфическое проявление психологии народа, продолжая, таким образом, некоторые идеи В. фон Гумбольдта. Сторонники второго, признавая ведущую роль психических факторов в развитии языка, сводили сущность последнего к механизму представлений в сознании отдельного человека, абсолютизируя индивидуалистический подход. Первое направление связано с именами Х. Штейнталя и М. Лацаруса, а также В. Вундта. Второе нашло наиболее полное воплощение в концепции младограмматиков, о которых пойдет речь в отдельном разделе.

Психология языка Х. Штейнталя

Хайман (Гейман) Штейнталь (1823—1899) известен как автор многочисленных работ, носивших почти исключительно теоре-

тический характер: «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения» (1855), «Введение в психологию и языкознание» (2-е издание, 1881 г.), «Характеристика важнейших типов строя языка» (1860) и другие. В 1860 г. совместно с философом **Морисом Лацарусом** (1824—1903), с которым Штейнталь был связан тесным творческим содружеством, он основал «Журнал психологии народов», на страницах которого взгляды названных ученых нашли наиболее яркое воплощение.

Основные положения концепции Штейнталья могут быть представлены в следующем виде. Прежде всего Штейнталь резко отмежевывается от логического подхода к языку, сохранявшему в первые десятилетия XIX в. достаточно сильные позиции в науке и нашедшему наиболее яркое воплощение в книге уже упоминавшегося выше немецкого ученого **Карла Беккера** (1775—1849) «Организм языка», вышедшей в свет в 1827 г. (слово «организм» здесь, как и у других авторов первых десятилетий XIX в., еще не представляет сложившегося натуралистического характера)¹. Критикуя Беккера за то, что, перенося логические категории в грамматику, он «не мог постичь индивидуальности языков, потому что не понимал даже их различий», Штейнталь резко отграничивает области лингвистики и логики, отмечая, что языковые и грамматические категории, которые соотносятся друг с другом как понятия круга и красного, являются несовместимыми понятиями. Предмет языкознания — «язык вообще, т.е. выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». При этом следует различать следующие понятия: 1) речь, или говорение, — происходящее в настоящий момент или мыслимое как происходящее в настоящее время проявление языка; 2) способность говорить — физиологическая способность производить артикулированные звуки и содержание

¹ Беккер известен также тем, что, в отличие от разработанной Ф. Боплом и разделявшейся большинством лингвистов рассматриваемого периода теории агглютинации, выдвинул идею о том, что не флексия образовалась из служебных (местоименных) слов, а, напротив, последние возникли в результате распада первоначального единого слова на составные элементы.

внутреннего мира, которое мыслится предшествующим языку и должно быть выражено посредством языка; 3) языковой материал, представляющий собой созданные речевой способностью в процессе говорения элементы, которые постоянно употребляются всякий раз, когда должен быть выражен внутренний предмет, для выражения которого они были созданы, т.е. действие, впервые производимое для первого выражения какого-либо внутреннего элемента и повторяемое каждый раз, когда его нужно выразить снова. Совокупность языкового материала какого-либо народа составляет тот или иной конкретный язык.

Поскольку речь представляет собой духовную деятельность, постольку языкознание относится к числу психологических наук, «упирается в психологию». Основой, на которой оно должно строиться, является система взглядов **Иоганна Фридриха Гербарта** (1776—1841), считавшего, что деятельность человеческого сознания сводится к самодвижению представлений, управляемому законами ассимиляции (обобщения и закрепления тождественных или близких представлений), апперцепции (определенности нового восприятия массой уже имеющихся в сознании представлений) и ассоциации (установления связей различного рода между представлениями). Исходя из них объясняется образование языка и мышления у индивида, психикой которого и занимался главным образом сам Герbart. Правда, он отмечал, что «психология будет оставаться односторонней, пока она будет рассматривать человека вне общества»; отсюда Штейнталь и Лацарус сделали вывод о том, что в обществе возникают особые психологические условия, требующие специального изучения. Поэтому индивидуальная психология должна быть дополнена *психологией народов*, представляющей собой науку о народном духе. Последний, пребывая в индивиде, не имеет отдельного от него бытия. В нем происходят те же основные процессы, что и в духе индивида; поэтому установленные Герbartом законы должны быть применены и для объяснения происхождения и развития языка в человеческом обществе.

Именно народный дух — меняющийся в истории, но имеющий «некое неизменное ядро, которое само определяет все из-

менения духа», — является источником любой деятельности человека и представляет собой основу для одинакового сознания индивидов, составляющих народ, представляющий собой некое замкнутое единство. Сходная физическая организация составляющих его индивидов и сходные физические впечатления, получаемые извне, производят сходные чувства, склонности, желания, а последние — сходные мысли и сходный язык.

Таким образом, все индивиды, принадлежащие к одному народу, обладают одинаковым народным духом, который проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, традициях и песнопениях. Психология народов изучает элементы и законы духовной жизни народов и делится на три части: 1) аналитическую, излагающую всеобщие законы, определяющие развитие и взаимодействие действующих в жизни народа сил; 2) синтетическую, показывающую отдельные продукты этого взаимодействия сил и рассматривающую их как составленный из многих функций организм; и 3) психическую этнологию, представляющую все народы мира как «царство духа народа по индивидуальным особенностям их облика». Таким образом, именно психология народов должна образовывать всестороннюю основу для философии истории, задача которой — изучать законы развития духа. С этой точки зрения, психология народов, будучи всеобъемлющей наукой о духовном мире людей, соприкасается с целым рядом областей (антропология, этнология и т.д.). Но в первую очередь она представляет собой науку о языке, поскольку «данные языка наиболее ярко иллюстрируют все принципы психологии народов. Единство индивидов в народе отражается в общем для них языке; определенная индивидуальность духа народа нигде не выражается так ярко, как в своеобразной форме языка; его принцип, придающий ему своеобразную форму, является самым подлинным ядром духа народа; совместные действия индивидуума и его народа главным образом основываются на языке, на котором и с помощью которого он думает и который все же принадлежит его народу. История языка и историческое развитие духа народа, образование новых народов и новых языков теснейшим образом проникают друг в друга».

Соответственно в отличие от своего соотечественника и современника Шлейхера, Штейнталь отрицательно относился к прямолинейному отождествлению языка с организмом (правда, полемизируя при этом, прежде всего опять-таки с терминологией Беккера): «Слово “органический” может иметь для нас только переносное значение, так как язык принадлежит по своей сути разуму и является духовным продуктом». Указывая в связи с этим, что проявления теоретической деятельности человека основывается на двух видах умственной деятельности: суждении и оценке, и отмечая, что можно разделить все науки на познающие и оценивающие (эстетические), Штейнталь относит языкознание к первой разновидности, делая, однако исключение для той его области, которая занимается классификацией языков, поскольку последняя «не удовлетворяется объединением языков по найденным у них общим признакам в классы и семьи, но образует из этих классов шкалу, систему рангов. Следовательно, оно (языкознание. — Л.Н., Г.Х.) оценивает здесь значимость языков, достоинство их как продукт ума и в то же время как орудие умственного развития».

Сама предложенная Штейнталем классификация строится на концепции формы, представляющей собой психологическую интерпретацию учения Гумбольдта. Разграничивая предметное и языковое мышление, он определяет первое как представления о предметах и явлениях объективного мира, а второе — как представления о представлениях, вычлененных из сферы предметного мышления. Эти представления, носящие, таким образом, вдвойне субъективный характер, образуют внутреннюю форму языка. Помимо внутренней формы (которая является категорией исторической и изменяется во времени, постепенно исчезая из языкового сознания в исторический период), в языке выделяется внешняя форма (звук) и соотношение между ними. Именно эти три момента определяют специфику всех языков, которые можно разделить на языки с формой и языки без формы, причем под формой следовало понимать как форму слова, так и форму предложения. Языки с отсутствием словоизменения Штейнталь называл присоединяющими (без формы — ин-

докитайские, с формой — китайский). Языки с наличием словоизменения также могут быть с формой и без формы. К первым относятся: 1) полинезийские, использующие повторы и префиксацию; 2) тюркские, монгольские и финно-угорские, обладающие аффиксацией, и 3) индейские — с инкорпорацией. Вторую группу образуют: 1) египетский язык, использующий прибавление элементов; 2) семитские языки, применяющие внутреннюю флексию, и 3) индоевропейские, обладающие «истинными суффиксами»¹. По мнению Штейнталя (которое разделял и М. Лацарус), подобная классификация, представляющая языки как выразители духов народов, с одной стороны, отражает сущность языка вообще, а с другой — показывает ее воплощение в отдельных конкретных языках.

Языкознание второй половины XIX в., в целом приняв «антибиологизм» и «антилогицизм» штейнталевского подхода, отказалось от многих его идей, и прежде всего от понятия «дух народа», поскольку опиралось в основном на индивидуальную психологию. Вместе с тем сама идея этнопсихологии нашла своих продолжателей, среди которых выделялся В. Вундт.

Концепция В. Вундта

Вильгельм Вундт (1832—1920), врач по профессии, крупный философ и психолог, основатель первого Института экспериментальной психологии в Лейпциге, где он с 1875 г. занимал должность профессора философии, автор ряда многочисленных трудов, известен в истории языкознания прежде всего первыми двумя томами капитального труда «Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев», вышедших в свет под общим названием «Язык» в 1900 г., хотя основные положения его теории были опубликованы уже в 80-е гг. XIX в. («Язык и мышление», 1888, и др.).

¹ В дальнейшем типологические классификации разрабатывались Ф. Мистели, Ф.Н. Финком и рядом других ученых.

Согласно Вундту, в истории человеческого общества первым звеном был не отдельный индивид, а сообщество индивидов; поэтому вслед за Штейнталем и Лацарусом он также считал необходимым дополнить индивидуальную психологию народной, рассматривая их как составные части общей психологии. При этом Вундт пересмотрел ряд положений своих предшественников.

Прежде всего он подверг ревизии само понятие «народный дух», отметив, что при рассмотрении объекта «психологии народов» правильнее говорить о «народной душе», понимая под последней совокупное содержание душевных переживаний, а под психическими законами — наблюдаемую в них закономерность. Одновременно Вундт отмечал, что «современная психология должна превзойти школу Гербарта, если только она хочет соответствовать задачам, которые перед ней ставят история языка, с одной стороны, и психология языка — с другой, как этого требует современное состояние науки». В связи со сказанным интеллектуалистическая индивидуальная психология Гербарта заменяется волюнтаристской психологией, которая в качестве основной функции психической жизни человека рассматривает не интеллект, а волю. В отличие от Штейнтала в основу психологического толкования языковых фактов Вундт положил апперцепцию, которую он определял как внутреннюю духовную силу, обуславливающую ход психических процессов. Сам предмет народной (социальной) психологии также подвергается уточнению: из нее исключается все, в чем проявляется особая роль отдельных личностей (например, литература); за ее пределы выводятся также этнология, антропология и всеобщая история, однако отмечается ее связь с эстетикой, философией и философией истории. Объектом социальной психологии должны стать три области: язык, мифы и обычаи. «Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений, их законы и их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли».

Из всех явлений, порождаемых коллективной жизнью людей, основное место отводится именно языку. «Нам потребуется язык, — подчеркивает немецкий психолог, — чтобы создать устойчивую психологию сложнейших духовных процессов...» При этом, указывает Вундт, «причины, обуславливающие развитие языка, в их очень значительной части являются... психическими причинами». Современное же языкознание занимается почти исключительно не внутренней, а внешней историей языка: она «устанавливает последовательность фактов, нимало не заботясь о том, почему они стали такими».

Сам язык определяется как психофизическая деятельность человека, представляющая собой выражение мыслей, чувств и желаний с помощью членораздельных звуков.

С психологической точки зрения трактуются Вундтом и традиционно выделявшиеся в языкознании XIX в. типы языков, которые, по его мнению, представляют собой «естественные ступени психического развития», хотя при этом и оговаривается, что благодаря богатству корней и совершенству грамматического строя на каждой ступени возможен определенный уровень развития. Так обстоит дело, например, с китайским языком, который воплощает самую низшую ступень — корневых («радикальных») языков, когда определенную форму принимает отдельное представление, создающее себе выражение в языке¹; однако это не мешает ему быть одним из самых развитых языков.

На второй ступени происходит анализ представлений, которые разлагаются на отдельные признаки. Каждый из них рассматривается порознь; затем сумма признаков вновь соединяется в единое целое, благодаря чему оно особенно ясно доводится до сознания. Так обстоит дело в агглютинативных языках. На третьей ступени — инфлекциональных, или флективных, языков родственные признаки соединяются, в результате чего развиваются общие представления и понятия. Звуковому языку, по мнению Вундта, предшествовал **язык жестов**, который развился

¹ Здесь, по мнению Вунда, можно усмотреть аналогию с детской речью, представляющей собой набор отдельных слов, не соединенных флексий.

из инстинктивных кинематических движений. У этого языка имеется своя «этимология», свой «синтаксис» и т.п. Однако он всегда остается до известной степени в стадии первобытного состояния. Главное преимущество звукового языка перед ним заключается в том, что звуки непосредственно и эффективно воздействуют на чувства, в чем проявляется его родство с музыкой. Однако любой язык, независимо от своей материальной формы, представляет собой систему знаков, при помощи которых человек сообщает другим членам общества ход своих душевных состояний. Поэтому, в отличие от других выразительных движений, он с самого начала мотивирован не только физически, но прежде всего психически. При этом зародиться язык может только в обществе — «там, где существует общая духовная жизнь и где она непосредственно ощущается как общая». Одновременно Вундт подчеркивает, что человеческий язык и человеческое мышление возникают и развиваются одновременно. Язык является объективной мерой выраженного через него развития мышления и сам выступает необходимой составляющей частью функции последнего.

Важнейшей единицей языка Вундт считал предложение. Отвергая точку зрения, согласно которой оно представляет собой соединение представлений или соединение слов, Вундт определяет его как «языковое выражение произвольного расчленения целого сложного представления на его составные части, поставленные в логические отношения друг к другу». При этом «сложное представление» (т.е. предложение) распадается на два представления, соответствующие главным грамматическим частям предложения, те делятся также на две части и т.д. Например, первое представление делится на самый субъект и его свойство, второе — на процесс и объект действия. Слова же получаются путем расчленения предложения и представляют собой, в отличие от него, частичное выражение представления, а в начале своего развития слово соответствовало лишь одному индивидуальному представлению в виде его звукового эквивалента.

В основу грамматических категорий Вундт клал понятия. Считая, что формирование частей речи происходит одновре-

менно и параллельно с членами предложения, он утверждал, что классы всеобщих форм слова должны совпадать с классами всеобщих форм понятий. Поэтому в любом языке различаются *существительное, прилагательное и глагол*, поскольку основными категориями понятий являются предмет, свойство и состояние.

Касаясь вопроса о звуковых изменениях, Вундт отказывается от объяснения их чисто физиологическими факторами или языковым смешением. По его мнению, изменение звуков может быть вызвано только действием психофизических факторов, прежде всего темпом речи. Рассматривал ученый и явление аналогии, различая грамматическую и семантическую ее разновидности.

Труды Вундта получили довольно широкий резонанс в современной ему научной мысли, хотя оценивали их различно, порой полярно противоположно. Представители сравнительно-исторического языкознания в первую очередь его наиболее влиятельного в последней трети XIX в. течения — младограмматизма, отнеслись к ним довольно отрицательно, а в книге его крупнейшего представителя — Г. Пауля полемике с Вундтом уделено достаточно большое место. С другой стороны, отдельные стороны учения немецкого психолога (например, о первичности языка жестов) получили определенное распространение и в XX в. Среди непосредственных продолжателей Вундта называют обычно **Отмара Дитриха**, хотя в своих позднейших трудах он в значительной степени отошел от воззрений последнего. Однако в исторической перспективе концепция Вундта, как и других представителей психологизма, сыграла более важную роль как одна из предшественниц психолингвистики, возникновение которой относится уже к середине XX в.

РАЗДЕЛ VII

Русское языкознание первой половины XIX века

Начиная с XVIII в. можно говорить о включении русской лингвистической традиции в европейскую в двух отношениях. Во-первых, работы, созданные в странах Западной Европы, достаточно быстро становятся известны русским ученым и используются ими при разработке собственных концепций. Во-вторых, основные тенденции развития науки о языке в самой России во многом перекликаются с европейскими, хотя отнюдь не просто механически повторяют их. Так, говоря о первых десятилетиях XIX в., можно констатировать, что в России, как и за ее пределами, отмечают несколько направлений, по которым шло изучение языка.

Прежде всего, конечно, продолжалась разработка норм русского литературного языка, которая приобрела особую актуальность в связи с реформаторской деятельностью Н.М. Карамзина и его продолжателей, с одной стороны, и противодействием ей со стороны «архаистов», ведомых адмиралом А.С. Шишковым, возглавлявшим Российскую академию, — с другой. Эта полемика, как известно, сыграла важную роль в истории русской культуры, однако к собственно лингвистической проблематике ее обычно не относят.

Во-вторых, в рассматриваемый период появляется ряд работ, представлявших собой попытку применить к русскому языку принципы философской грамматики. В первую очередь здесь называют вышедший в 1806 г. в Харькове труд **Ивана Степановича Рижского** (1759 или 1761—1811) «Введение в круг словесности», представлявший собой, как отмечается в специаль-

ной литературе, первый в России опыт создания логико-грамматической концепции. В частности, И.С. Рижский подчеркивал, что «есть некоторые общие всем языкам законы, имеющие основание не на изволении народов, но на существенных и неизменяемых человеческого слова качествах, кои, делая оное всегда и везде с сей стороны единообразным, служат к тому, что люди разных веков и стран могут разуметь друг друга». Определяя слова как «знаки наших мыслей», автор делает вывод, согласно которому «свойства означаемой вещи должны находиться в ее изображении, если оно точно может их выражать. Следовательно, все, что существенно и всегда принадлежит нашим мыслям, должно быть существенно и непременно в наших словах». Вместе с тем И.С. Рижский отмечает и присущую каждому языку специфику: «...Как в чертах лица каждого не только народа, но и человека бывает нечто особенное, так и во всяком языке находится что-нибудь ему одному принадлежащее». Связано это с тем, что один и тот же предмет «инога народа поражает таким, другого другим качеством. От сего происходит, что понятие разных народов об одной и той же вещи бывают различны в рассуждении...»¹ Указывает Рижский также на наличие понятий «о тех предметах, которые у него токмо одного находятся» и тем самым определяют «физиономию» каждого языка.

Говоря о самом предмете философской грамматики, автор отмечает, что человек, «переходя от слов к мыслям, а от сих к вещам» и по рассмотрении последних обратным путем доходя до слов, открыл существенные и повсеместные их принадлежности. Наконец, приведши все свое познание о сих общих качествах слова в непрерывную связь, составил из того особливую философскую науку, которая называется всеобщей или философскою грамматикою».

В работе **Ивана Орнатовского** «Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанное», вы-

¹ Некоторые исследователи (в частности, Ф.М. Березин) видят здесь определенную аналогию с позднейшим учением В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, которое было рассмотрено выше.

шедшей в свет в Харькове в 1811 г., также отмечается, что грамматика может быть «всеобщей, или философской», когда рассматривается состав речи в ее отношении к «понятиям, изображаемым членораздельными звуками», и частной, подчиненной первому виду и трактующей о правилах какого-либо конкретного языка. В самой грамматике им выделяется четыре раздела: *словосоставление* (словопроизведение, или этимология), *словосочинение* (синтаксис), *словопроизношение* (слогоударение, или просодия) и *правописание* (орфография). Говоря о взглядах Орнатовского, обращают также внимание на различие им языка как речевой деятельности вообще (общий и необходимый для всех людей естественный дар) и конкретного воплощения этого дара «принятыми в каждом народе особливо разнообразными звукоизменениями». При этом Орнатовский отмечал, что язык, первоначально представлявший собой звукоподражательные элементы, выражавшие те или иные чувства человека, постепенно эволюционирует и совершенствуется.

Почти одновременно с сочинением Орнатовского вышла и книга **Ильи Федоровича Тимковского** (1772 — 1853) «Опытный способ к философическому познанию российского языка» (Харьков, 1811), в которой подчеркивается, что «правила всеобщей грамматики, изъясняя употребление российского слова, приводят к познанию его состава, свойства и силы». Одновременно Тимковский подчеркивает связь истории языка с историей народа, отмечая внешние (например, взаимодействие с другими народами) и внутренние факторы, влияющие на язык. В работе рассматриваются также вопросы русской лексикологии (в частности, говорится об устаревших словах и заимствованиях), развивается ломоносовская теория «трех штилей» и т.д.

Особое место в русской лингвистической литературе занимает вышедшая в 1812 г. (по другим данным — в 1814) книга «Начертание всеобщей грамматики для гимназий Российской империи». Ее автор — немецкий ученый **Людвиг Генрих¹ Якоб** (1759—1827), с 1806 по 1816 г. живший и работавший в России,

¹ В России его также называли Людвигом Кондратьевичем.

предпринял попытку проанализировать основные проблемы общего и русского языкознания с позиций знаковой теории. Согласно Якобу, язык представляет собой «систему таких знаков, которые можно по произволу употреблять для сообщения мыслей». Сам знак определяется как «каждый чувственный предмет, служащий средством к возбуждению другого определенного понятия в душе нашей и притом правильным образом». Различаются знаки *естественные* (телодвижения, взгляды) и *искусственные* (изображения, символы, слова). Понятия могут передаваться именно при помощи искусственных словесных знаков, преимущество которых перед прочими заключается в следующем:

- будучи относительно немногочисленными, они могут сочетаться друг с другом, что позволяет «составить большую разнообразность других знаков»;
- ограниченное число словесных знаков дает возможность легче удерживать их в памяти;
- «искусственность» позволяет использовать их для целей общения;
- в отличие от всех других знаков словесные знаки можно использовать в самых разных ситуациях;
- будучи абстрактными, словесные знаки представляют однородные предметы обобщенно.

Л. Якоб особенно подчеркивает ту роль, которую выполняют словесные знаки в процессе мышления, «поелику без оных не можно никакой мысли в отвлеченности составить, а тем паче удержать».

Заслуживает внимания и проводившееся Якобом различие между языком как совокупностью словесных знаков и речью — их последовательностью для выражения связных мыслей и понятий. Поскольку словесные знаки объединены в язык по определенным законам, постольку задачей языкознания следует признавать выявление этих законов построения языка из присущих последнему форм и элементов. Предложение же понималось Якобом как выражение логического суждения, хотя большое внимание уделялось им и анализу собственно языковых структур.

Таким образом, можно констатировать, что уже в первые десятилетия XIX в. в России складывается логико-грамматическое направление, продолженное впоследствии трудами Н.И. Греча, П.М. Перевлесского, И.И. Давыдова и нашедшее наиболее выдающееся воплощение в концепции Ф.И. Буслаева, которая будет рассмотрена ниже.

В-третьих, как и в Западной Европе, начало XIX в. в России ознаменовалось формированием сравнительно-исторического языкознания. В той или иной степени проблемы языкового родства, которыми занимался еще М.В. Ломоносов, затрагивались и в рассмотренных выше трудах. Так, И. Орнатовский пытался классифицировать языки на древние и новые, коренные и производные, восточные и западные, отмечая близость славянского языка к латинскому и греческому.

И.Ф. Тимковский стремился обосновать родство русского языка с другими индоевропейскими (греческим, латинским, немецким и др.), сравнивая коренные числительные, термины родства, названия частей тела и т.п., с одной стороны, и указывая на фонетические, грамматические, семантические отличия русского языка от других славянских — с другой. Однако основоположником этого направления в России суждено было стать А.Х. Востокову.

Деятельность А.Х. Востокова

Александр Христофорович Востоков (Остенек)¹ (1781—1864) внес огромный вклад в самые разные области славянской филологии. Он занимался описанием и изданием древних рукописей (в частности, знаменитого Остромирова Евангелия), лексикографией (одним из главных его научных достижений считается двухтомный «Словарь церковнославянского языка», изданный в 1859—1861 гг. в Петербурге), написал «Граматику церковно-

¹ А.Х. Востоков был внебрачным сыном прибалтийского немца Остен-Сакена.

славянского языка» (СПб, 1863), а также труды по поэтике и теории стихосложения. В последние десятилетия своей жизни ученый уделял много внимания разработке проблем русистики, выпустив в свет в 1831 г. неоднократно затем переиздававшиеся «Сокращенную русскую грамматику для употребления в высших учебных заведениях» и «Русскую грамматику А.Х. Востокова, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенную». Эти работы, с одной стороны, продолжавшие и развивавшие ломоносовскую традицию, а с другой — содержавшие ряд интересных наблюдений над фактами русского языка, сыграли важную роль в развитии отечественного языкознания. Однако, говоря о вкладе А.Х. Востокова в науку, называют прежде всего относящийся к 1820 г. труд «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам», с которого и принято начинать историю сравнительно-исторического метода в России, а также принадлежащие ему исследования по славянской этимологии.

Характернейшей особенностью деятельности Востокова, свойственной в значительной степени всему русскому языкознанию первой половины XIX в., является то обстоятельство, что хотя ученый и высказывал уже в начале 1810-х гг. мысль о родстве европейских языков с санскритом, но сам занимался почти исключительно славянскими языками, устанавливая их отношение друг к другу, причем основным объектом его изучения был старославянский язык. Таким образом, в отличие от Западной Европы, где применительно к рассматриваемому периоду можно говорить о двух направлениях формирования компаративистики: с одной стороны, как индоевропеистики в целом, а с другой — как разработки истории тех или иных отдельных языков и их групп — германской, романской и т.п. (условно их иногда называют «линией Боппа» и «линией Гримма»), в России отмечалось бесспорное доминирование второй, что, конечно, не исключало привлечение данных индоевропеистики во вспомогательных целях.

Суммируя выдвинутые А.Х. Востоковым принципы сравнительно-исторического исследования, их можно представить в следующем виде:

1. Все славянские языки восходят к одному общему источнику, который нельзя отождествлять с церковнославянским (старославянским) языком¹. Вместе с тем «древний» славянский язык (IX—XIII вв.), отраженный в ранних письменных памятниках, позволяет сделать вывод, что «чем глубже в древность идут письменные памятники разных славянских диалектов, тем сходнее они между собой... Разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалась в то время еще до склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большею частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов».
2. При употреблении лексического материала с целью установления языкового родства, надлежит различать слова «первоклассные» и «второклассные» («первенствующие» и «второстепенные»). К первым относятся слова, обозначающие части тела, родственные связи, главные объекты окружающей природы и их качества, некоторые глаголы и служебные слова. Этот пласт лексики является наиболее древним и, как правило, в нем отсутствуют заимствования. Именно входящие в него слова служат в первую очередь базой для установления генетической связи между языками. Напротив, «второклассные слова» (названия орудий, ремесел, искусств и т.п.) в результате контактов между народами часто заимствуются; поэтому их сходство в сравниваемых языках само по себе «не составляет еще доказательства о единоплеменности народов или о сродстве языков».

¹ «...Язык, на который переложены священные книги, — писал Востоков, — не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского, разделенного тогда на многие племена и на великом пространстве».

3. Важнейшую роль при установлении языкового родства играет наличие звуковых соответствий в словах первого типа: «...Если такие первоклассные слова при тождестве значения в двух, трех или множайших языках имеют тот же или подобный звук, то сие может служить верным доказательством, что языки сим одного происхождения и корени».
4. Для восстановления исходного состояния родственных языков (праязыка)¹ необходимо сопоставлять данные живых языков и диалектов с сохранившимися письменными памятниками, поскольку «каждый из новославянских языков и диалектов сохранил какие-нибудь особенные, потерянные другими слова, окончания и звуки общего их прародителя, древнего словенского, как сие можно видеть, сличая их грамматики и словари с памятниками, от древнего языка оставшимися».

Руководствуясь этими принципами, Востоков сделал ряд открытий, вошедших в арсенал славистики. Особое место среди них занимает разгадка так называемой «тайны юсов» — специфических букв славянского алфавита, называвшихся «юс большой» и «юс малый». Отмечая, что русские не имели соответствующих звуков, а выговаривали вместо них **у** и **я**, Востоков, привлекая данные польского языка, установил, что эти буквы должны были обозначать носовые гласные: юс большой — носовое «**о**», юс малый — носовое «**е**». Востокову принадлежит и периодизация истории старославянского языка, который он подразделял на древний (IX—XIII вв.), средний (XV—XVI вв.) и новый (язык печатных церковных книг), отмечая, что последний «утратил многие формы грамматические, которые обогащали древний славянский и которые открываются еще и в среднем языке; но принял зато другие, заимствованные частью из образовавшихся между тем живых языков — русского, сербского, польского, коим говорили переписчики книг, часто же изобретенные позднейшими грамматиками».

¹ Сам термин Востоковым не употреблялся.

Таким образом, труды А.Х. Востокова заложили в России надежные основы сравнительно-исторического изучения славянских языков, получившие в последующие десятилетия дальнейшее продолжение.

Развитие славянского языкознания в трудах И.И. Срезневского и Ф.М. Буслаева

После трудов А.Х. Востокова в России быстро развивается славянская филология, представленная именами **О.М. Бодянского** (1808—1877), **П.И. Прейса** (1810—1846), **В.И. Григоровича** (1815—1876) и целого ряда других выдающихся ученых. Однако говоря о развитии в рассматриваемый период лингвистики в целом, выделяют прежде всего деятельность И.И. Срезневского и Ф.М. Буслаева.

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) оставил после себя более 800 печатных трудов, посвященных различным вопросам славянской и русской филологии, истории культуры, археологии, педагогики, методики преподавания и др. Важнейшей заслугой ученого перед отечественной наукой стала подготовка «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», которые были завершены и изданы уже после его смерти в 1893—1911 гг. Первым в России в 1849/50 учебном году он стал читать курс лекций по истории русского языка (сохранилась его запись, сделанная будущим вождем «революционных демократов» Н.Г. Чернышевским). Однако для развития теории языкознания особенно важна произнесенная им в 1849 г. на торжественном акте Санкт-Петербургского университета речь, опубликованная под заглавием «Мысли об истории русского языка».

В этой работе Срезневский подчеркивает тесную связь между языком и говорящим на нем народом: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого представлен быть не может». Вместе с тем, перекликаясь в определенной степени с сформировавшимся в середине

XIX в. натуралистическим направлением, автор «Мыслей» подчеркивает: все, что есть в языке, «и сущность его, и изменяемость, все законно, как и во всяком произведении природы». При этом необходимо принимать во внимание как внешние, так и внутренние обстоятельства, обуславливающие эволюцию языка. К первым относятся «связи народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами». Определенную роль могут сыграть и контакты с другими языками, в результате которых «может образоваться новый язык, по формам своим и похожий и не похожий на те, из которых он произошел. Ко вторым принадлежат действующие в языке противоречия, выявление того, какие явления и формы языка обязательны и необходимы, а без каких можно обойтись, установление в нем разновремененно образованных слоев, древних и новых».

Важнейшими задачами истории языка, по мнению Срезневского, должны стать ответы на два вопроса: «Что был язык народа в то время, когда народ, как часть племени, отделился сначала вместе со всем племенем своим от семьи племен, и потом, когда как отдельный народ отделился от других народов своего племени?» и «Как изменялся язык в народе?» При этом ученый указывает, что «язык племени нельзя объяснить исторически без знания языка семьи племен, из которых он произошел», т.е. ставит вопрос о включении славистики в общую сферу индоевропейского языкознания. Однако вместе с тем он считает необходимым до сравнения русского языка с родственными ему «славянскими наречиями» провести подготовительную работу по описанию древних письменных памятников, диалектов, современного литературного языка в его отношении к народному и т.п. Основная часть «Мыслей», по существу, представляет собой программу всестороннего исторического изучения русского языка.

Подобно своему старшему современнику Срезневскому **Федор Иванович Буслаев** (1818—1897) отличался широтой и разнообразием научных интересов, создав ряд работ по древней и новой русской и славянской литературе, фольклору, искусствовозна-

нию и др. Однако для истории языкознания особенно важны его работы «О преподавании отечественного языка» (1844), «О влиянии христианства на славянский язык» (1848) и книга «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858), впоследствии неоднократно переиздававшаяся под заглавием «Историческая грамматика русского языка».

На лингвистические взгляды Буслаева в достаточно большой степени повлияли концепции современных ему западных ученых, в частности, В. фон Гумбольдта и особенно Я. Гримма, многие положения которого отразились в его трудах. Вслед за своим немецким коллегой Буслаев считал, что «язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего быта, нравов и поверий, страны и истории народа». Причем все части — от звуков до предложений и их сочетаний — дополняют друг друга и образуют «одно целое, которое, в свою очередь, дает смысл и значение каждому из этих членов». При этом в языке могут быть представлены хронологически различные явления, образуя одновременное сосуществование старого и нового.

Как и большинство современных ему лингвистов, Буслаев (подобно Срезневскому) говорил о двух периодах существования языка — древнейшем и позднейшем. В первом периоде, который он считал самым интересным, «выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи», наблюдается «сознательность в употреблении грамматических форм», тогда как во втором творчество завершается и словам «дается смысл общих отвлеченных понятий», происходит разрушение форм языка, которые начинают употребляться бессознательно¹. Отсюда вытекает необходимость сравнительно-исторического подхода, поскольку «только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму».

¹ Отсюда Буслаев, как и многие зарубежные языковеды, делает вывод о том, что если в древнейшем периоде важной частью грамматики была морфология, то в позднейшем периоде господствует синтаксис, т.е. синтетический строй индоевропейских языков сменяется аналитическим.

Говоря о принципах такого изучения применительно к русскому языку, Буслаев (первый в России начавший преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков, хотя и не создавший в этой области оригинальных исследований) подчеркивал, что понять его как живое целое можно только в связи с другими славянскими и индоевропейскими языками. Поскольку каждый из них в процессе развития многое терял, а многое и сохранял из своих первичных свойств, постольку сравнительная грамматика, воссоздавая доисторическую жизнь индоевропейских языков, позволит восстановить и организм самого праязыка. С другой стороны, при объяснении фактов собственно русского языка Буслаев использовал данные немецкого, готского, латинского, санскрита, отмечая даже наличие в русском более древних явлений, чем в санскрите. Как и Срезневский (на работу которого он откликнулся небольшой рецензией), Буслаев отмечал, что «сравнительная часть истории русского языка должна решить, во-первых, чем отделился язык русский от прочих славянских наречий — именно, какие удержал древнейшие свойства, общие всем славянским наречиям, и какие изменил или вовсе утратил; во-вторых, чем отделился славянский язык вообще от прочих языков индоевропейских, какие свойства, общие им всем, удержал и какие изменил либо утратил». Отмечал он и практическое значение истории языка применительно к современности, поскольку, «чтобы отчетливо объяснить себе грамматические формы современного русского языка, необходимо исторически рассматривать их первоначальные и позднейшие изменения, подводя и то и другое под общие законы».

Важное место в концепции Буслаева занимали проблемы грамматической теории, в решении которых у него наблюдалась определенная двойственность. С одной стороны, он явно отмежевывается от «старинных так называемых общих грамматик, имевших целью решение весьма странной задачи оправдать язык логически, т.е. доказать, что параграфы схоластической логики удобно применяются к грамматическим фактам», в связи с чем достаточно критически оценивает воззрения К. Беккера, который, по его словам, «не умел определить настоящих

границ между грамматикой и логикой». С другой стороны, подход к центральному понятию синтаксиса — предложению у Бушлаева вполне логистичен: «Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением. Суждение, выраженное словами, есть предложение». Подобные высказывания, естественно, делали ученого своеобразным символом логико-грамматического направления, а в последующие десятилетия — основным объектом критики его противников.

С такими результатами русская наука о языке подошла ко второй половине XIX в., ознаменовавшейся появлением целой плеяды выдающихся лингвистов.

РАЗДЕЛ VIII

Формирование и развитие младограмматического направления. Предпосылки появления младограмматизма

Во второй половине XIX в. на развитие языкознания существенное воздействие стала оказывать позитивистская философия, основателем которой был французский философ **Огюст Конт** (1798—1857). Основные положения концепции Конта были изложены еще в 30—40-х гг. XIX в., когда был опубликован шеститомный «Курс позитивной философии», а в 1851—1854 гг. вышел в свет четырехтомный труд «Система позитивной философии, или трактат по социологии, устанавливающий религию человечества». Идеи Конта получили дальнейшее развитие в трудах ряда европейских ученых (**Джон Стюарт Милль** (1806—1873), **Герберт Спенсер** (1820—1903) и др.). Вплоть до начала Первой мировой войны позитивизм оставался наиболее влиятельным течением в науке.

В отличие от классической немецкой философии конца XVIII в., наиболее ярко отразившейся в концепции Гумбольдта и в значительной степени определившей лингвистическое мировоззрение Шлейхера, позитивизм принципиально отказался от рассмотрения таких «вечных» проблем (бытие, сущность и т.п.), которые в силу их высокой абстрактности не могут быть подкреплены фактическим материалом. Единственным источником знания объявлялся опыт; всякое знание должно было

¹ Отсюда Буслаев, как и многие зарубежные языковеды, делал вывод о том, что если в древнейший период важнейшей частью грамматики была морфология, то во вторую господствует синтаксис, т.е. синтетический строй индоевропейских языков сменяется аналитическим.

носить исключительно эмпирический характер; задача исследователя сводилась к наблюдению, регистрации и первичному обобщению фактов; всякая «метафизика» (восходящий к Аристотелю термин, обозначавший высшие, недоступные для органов чувств, лишь умозрительно постигаемые и неизменные основы всего существующего, обязательные для всех наук) провозглашалась ложной или лишенной смысла.

Наступивший, по выражению крупнейшего представителя младограмматизма Г. Пауля, «нефилософский век», с одной стороны, характеризовался отказом от широких теоретических обобщений, а с другой — накоплением фактов и развитием экспериментальной методики. Последний момент особенно сказался в области изучения звуковой стороны языка, где в рассматриваемый период начинает складываться находящаяся на стыке языкознания, акустики и физиологии экспериментальная фонетика, представленная трудами Э. Зиверса, Г. Суита и ряда других ученых.

Продолжалась и работа по уточнению и углублению принципов сравнительно-исторического исследования, сформировавшихся в предыдущий период, причем ряд кажущихся «исключений» в известных к тому времени «фонетических законах» получил убедительное разъяснение. Так, датский языковед **Карл Вернер** (1846—1896) в опубликованной в 1877 г. статье «Исключение из первого передвижения согласных» отметил, что кажущееся нарушение закона Раска — Гримма, согласно которому система смычных согласных германских языков передвинулась на одну ступень, объясняется действием индоевропейского ударения, т.е. влиянием другого фонетического закона¹. Несколько раньше, в 1875 г., немецкий языковед **Вильгельм Шерер** (1841—1886), книга которого «К истории немецкого языка», вышедшая в 1868 г., оказала, по признанию самих младограмматиков, большое влияние на формирование их взглядов, писал,

¹ Например, в санскритском слове *bhratar* (брат) ударение падает на первый слог, откуда в готском *brothar*; тогда как в санскритском *pitara* (отец) оно на последнем слог и поэтому в готском встречаем форму *fatar*.

что «изменения звуков, которые мы можем наблюдать в засвидетельствованной памятниками истории языка, осуществляются согласно строгим законам, нарушения которых, в свою очередь, могут быть только закономерными».

В то же время новые факты, добытые в языкознании, позволили уточнить методику реконструкции и убедительно показали, сколь наивно-прямолинейным было представление А. Шлейхера об индоевропейском праязыке и тем более о возможности его полного восстановления, что также требовало пересмотра многих сформулированных им и его современниками положений.

Наконец, сохранявшееся влияние психологизма, сочетавшееся с отказом от понятий «духа языка», «духа народа», «психологии народов» и т.п., также объявленных «метафизическими», привело к тому, что единственной общетеоретической базой лингвистики неизбежно становилась индивидуальная психология. При этом, однако, ни исторический характер языкознания как такового, ни ведущая роль в нем компаративистики, приводившая, по существу, к их отождествлению, под сомнение не ставились.

Указанные обстоятельства приводят к формированию в последней трети XIX в. нового течения, вошедшего в историю языкознания под именем «младограмматизма». Само название было первоначально применено немецким лингвистом более старшего поколения **Фридрихом Царнке** (1825—1881) и носило иронически-неодобрительный характер; однако впоследствии оно не только закрепилось, но и было принято самими представителями нового направления.

Первоначальным ядром младограмматической школы был **Лейпцигский университет**, а ведущими ее представителями — **Август Лескин** (1840—1916), **Герман Остхоф** (1847—1909) **Карл Бругман** (1849—1919), **Бертольд Дельбрюк** (1842—1922), **Герман Пауль** (1846—1921). В начале своего возникновения младограмматизму пришлось столкнуться с достаточно резкой критикой со стороны более старшего поколения компаративистов, однако к последним десятилетиям XIX в. он стал ведущим направлением в науке о языке и младограмматиками стали называть всех, разделявших в той или иной степени установки лейпцигских

языковедов. Среди них — датские ученые **Вильгельм Томсен** (1842—1927) и упоминавшийся выше Карл Вернер, французский лингвист **Мишель Бреаль** (1832—1915), итальянец **Грацианди Асколи** (1829—1907) и др., хотя у каждого из названных ученых были и свои оригинальные взгляды.

«Младogramматический манифест»

Теоретические взгляды младограмматиков были впервые изложены в предисловии к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков», которое часто называют «Манифестом младограмматиков». Авторами этой работы, изданной в Лейпциге в 1878 г., были Г. Остхоф и К. Бругман. Оба они являлись достаточно известными компаративистами, сделавшими ряд важных открытий в области индоевропейского языкознания.

Если оставить в стороне резкую полемичность тона по отношению к лингвистам предыдущего поколения (и которой, собственно говоря, младограмматики и были обязаны данным им прозвищем), основные положения «Манифеста» сводились к следующему:

1. Прежнее языкознание, изучая индоевропейские языки, не интересовалось «говорящим человеком», т.е. не занималось психофизическим механизмом речи; сосредоточив свое внимание почти исключительно на физиологии звуков, оно пренебрегало психической стороной речевого процесса. Между тем необходимо учитывать, что «даже преобразования и новообразования, возникающие лишь во внешней языковой форме и касающиеся только звукового выражения мысли, в громадном большинстве случаев основываются на происходящем перед произнесением звука психическом процессе».
2. Главной целью сравнительно-исторического языкознания была реконструкция языка-основы, а внутри отдельных

языков внимание привлекали почти исключительно древнейшие эпохи, тогда как более поздние периоды развития квалифицировались как время упадка и разрушения. Соответственно основное внимание уделялось реконструированию праформ («являющихся, конечно, чисто гипотетическими образованиями»). Однако исходить следует от известного к неизвестному; поэтому создание общей картины языкового развития должно быть основано «на материале таких фактов развития языков, история которых может быть прослежена с помощью памятников на большом отрезке времени и исходный пункт которых нам непосредственно известен... следовательно, ученый, занимающийся сравнительным изучением языков, должен обратить свой взор не к праязыку, а к современности, если он хочет иметь правильное представление о характере развития языка».

3. Гипертрофированное внимание к прошлому приводило к изучению языка «на бумаге», т.е. почти исключительно по древним письменным памятникам, без учета того, что «буквы всегда представляют собой лишь грубые и неумелые, а зачастую вводящие в заблуждение отображения звуков живой речи», а сами тексты фиксируют не естественный, «неподдельный» разговорный язык, а язык, подвергшийся литературному (в широком смысле слова) влиянию. Между тем центральное внимание исследователя должно быть обращено на живые языки и диалекты, поскольку «во всех живых народных говорах свойственные диалекту звуковые формы проводятся через весь языковой материал и соблюдаются членами языкового коллектива в их речи куда более последовательно, чем это можно ожидать от изучения древних, доступных только через посредство письменности языков».
4. При изучении языка необходимо руководствоваться двумя основными положениями: «Во-первых, язык не есть вещь, стоящая вне людей и над ними и существующая для себя; он по-настоящему существует только в индиви-

дууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов; во-вторых, психическая и физическая деятельность человека при усвоении унаследованного от предков языка и при воспроизведении и преобразовании воспринятых сознанием звуковых образов остается в своем существе неизменной во все времена».

5. Важнейшим понятием сравнительного языкознания должен стать принцип, согласно которому «каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т.е. направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случаев диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе».
6. Этот первый методический принцип должен быть дополнен вторым — понятием аналогии, т.е. звуковых изменений в отдельных словах или грамматических формах под влиянием других слов или форм. При этом «к аналогии следует прибегать только тогда, когда нас принуждают к этому звуковые законы». Признавая, что аналогию трудно доказать и во многих случаях применяющий ее исследователь «может апеллировать только к вере», Остхоф и Бругман называют ее «последним прибежищем», настаивая, однако на том, что «самое смелое предположение о влиянии аналогии, если оно не переходит границ возможного, все же дает гораздо больше оснований к тому, чтобы в него “верили”, чем произвол в обращении с механическими звуковыми законами».
7. Совершенно неоправданно представление, согласно которому в развитии языка выделяют «юношеский возраст» с развитым языковым чутьем и «старческий возраст», когда языковое чутье ослабевает и затемняется, что способ-

ствуется более широкому применению аналогии. Во-первых, само представление о «древности» и «новизне» достаточно относительно и связано не с самим языком, а с уровнем наших знаний о его прошлом: «Разве грамматист, если бы ему вдруг стал известен, например, греческий диалект XX в. до н.э. или германский диалект VIII в. до н.э., не изменил бы тотчас свое представление о древности, связывающееся у него с языковыми формами гомеровского и готского языка, и не стал бы с этих пор считать древнее новым, и разве бы он не стал, по всей вероятности, после этого считать греков гомеровского времени и готов IV в. нашей эры людьми с “ослабленным языковым чутьем”, “с затемненным языковым сознанием?”». Во-вторых, неизменность психофизической деятельности человека по усвоению и воспроизведению языка, о которой говорилось выше, требует признать, что важная роль аналогии в жизни новых языков предполагает такое же, если не большее значение последней и для древнейших и древних периодов языкового развития.

Как отмечали авторы «Манифеста», основная задача последнего заключалась прежде в распространении принципов младограмматизма. Их дальнейшим углублением и развитием занимались и коллеги Остхофа и Бругмана, среди которых особенно выделяется Герман Пауль.

«Принципы истории языка» Г. Пауля и их значение

Главной работой, в которой были сформулированы общетеоретические основы младограмматического направления, стала книга Г. Пауля «Принципы истории языка», прозванная «Библией младограмматизма». Впервые выйдя в свет в 1880 г., она переиздавалась еще несколько раз в переработанном виде.

Отмечая, что языкознание относится к культурно-историческим наукам, которые отличаются от наук естественно-исто-

рических, Пауль подчеркивает, что важнейшим признаком любой культуры является участие психических факторов. Именно вокруг психического элемента группируются все остальные; поэтому главной основой относящихся сюда наук является психология — «законополагающая наука». Однако в любом историческом развитии наряду с психическими факторами действуют и физические. «Отсюда вытекает главная задача учения о принципах культуроведческой науки — установление общих условий, при которых психические и физические факторы, следуя свойственным им законам, получают возможность взаимодействовать для достижения одной общей цели».

Поскольку всякий акт языкового творчества всегда является делом индивида, следует признать, «что на свете столько же отдельных языков, сколько и индивидов». Отсюда вытекает, что «для полного описания состояния языка по существу надо было бы провести наблюдение над всей совокупностью представлений, связанных с языком у каждого отдельного индивида, принадлежащего к данной языковой общности, и сравнить затем между собой результаты отдельных наблюдений», что, правда, невозможно по техническим причинам. Поэтому категорически отвергаются «метафизические понятия» вроде «духа народа», «психологии народов» и т.п., единственной теоретической опорой объявляется индивидуальная психология, а «истинным объектом для языковеда являются все проявления языковой деятельности у всех индивидов в их взаимодействии друг с другом». При этом используемые говорящим языковые средства, хранятся в сфере бессознательного и образуют сложные психические образования, представляющие собой продукты того, что когда-то вступало в сферу сознания при слушании других людей и при собственной речемыслительной деятельности. Представления последовательно произнесенных звуков ассоциируются с представлениями последовательно произведенных движений речевых органов. Звуковые и моторные ряды ассоциируются друг с другом. И с теми и с другими ассоциируются представления, для которых они служат символами, — не только представления значений слов, но и представления синтаксичес-

ких отношений. И не только отдельные слова, но и более сложные звуковые ряды, целые предложения ассоциируются непосредственно с заложенным в них мыслительным содержанием. Так как прямое психическое общение между индивидами невозможно и оно всегда опосредовано физическими связями, процесс коммуникации заключается в том, что душа индивида вызывает в другой душе сочетание представлений, соответствующее своему собственному, образуя при помощи моторных нервов физический продукт, возбуждающий сенсорные нервы другого индивида и вызывающий установление ассоциативной связи. Среди физических продуктов, служащих указанной цели, важнейшим является язык; к другим относятся прочие звуки, жесты, мимика и др. При общении мы исходим из предпосылки, что душа другого индивида относится к внешнему миру так же, как и наша, что одинаковые физические впечатления порождают в ней представления, тождественные нашим, и эти представления сходным образом группируются. Группы представлений образуют психические организмы индивидов, которые и являются действительными носителями исторического развития, поскольку «в качестве физиологического и физического продукта слово бесследно исчезает после того, как приведенные при этом в движение тела опять вернулись в исходное положение». Сам психический механизм индивида непрерывно меняется, причем эти изменения эволюционные и протекают постепенно.

Вместе с тем Пауль признает, что единственным фактором, порождающим язык индивида, является общение, а для его реализации необходима известная степень общности, что предполагает наличие **узуса**. Изменения как в индивидуальной психике, так и в узусе обычно происходят бессознательно, хотя не исключено и сознательное вмешательство в последний (деятельность грамматистов по фиксации литературного языка, выработка научно-технической терминологии, даже «каприз монарха» в деспотических государствах и т.п.). «Но значение такого произвольного вмешательства бесконечно мало по сравнению с медленными, бессознательными и непреднамеренными изменениями,

которым языковой узус постоянно подвержен. Истинной причиной изменения узуса является обычная речевая деятельность. В этой области исключено всякое намеренное воздействие на узус... Изменение узуса является общим итогом ряда частных отклонений в отдельных организмах при условии, что эти отклонения имеют одинаковое направление. То, что первоначально было лишь индивидуальным, превращается в новый узус, который может вытеснить старый... Отсюда следует, что все учение о принципах истории языка связано с вопросом о том, в каких отношениях находится языковой узус с индивидуальной речевой деятельностью, как эта деятельность обуславливается ими и какое влияние оказывают эти изменения на узус». Сами изменения, в свою очередь, могут касаться звуковой стороны языка и значения (фонетические и семантические изменения). Они не находятся друг с другом в какой-либо причинной связи, хотя со временем может измениться как звук, так и значение. Для изучения психической стороны речевой деятельности, по мнению Пауля, необходимо использовать метод самонаблюдения (интроспекции), благодаря которому можно установить устройство собственного «психического организма», а затем делать по аналогии заключения о других.

Приведенные принципы должны лечь в основу исторического изучения языка, которое Пауль, подобно своим коллегам, считает единственно научным. «То, что хотят представить как историческое, но тем не менее научное исследование языка, есть по существу лишь несовершенное историческое его изучение, частично по вине изучающего, частично же по вине изучаемого материала. Как только мы выходим за пределы констатирования отдельных фактов, как только мы пробуем установить связи и постигнуть явления, мы тотчас вступаем на историческую почву, возможно, даже не сознавая этого». При этом Пауль отнюдь не отрицает важности описания состояний языка и связанных с этим сложностей, предостерегая, в частности, против переноса на характеристику данного состояния черт, присущих более ранним или поздним стадиям развития соответствующего языка. Однако самостоятельной теоретической ценности такая работа

не имеет; ее задача — дать «надежную основу, для исторического исследования». При этом Пауль, с одной стороны, подчеркивает, что «каждая эмпирическая наука (какой он считает языкознание. — Л.Н., Г.Х.) поднимается до тем более высокой степени точности, чем лучше ей удастся в явлениях, с которыми она имеет дело, осуществить изолированное рассмотрение функционирования отдельных фактов» (позже это неодобрительно назвали «атомизмом» младограмматиков), а с другой — подчеркивает, что «отдельное языковое явление можно исследовать только при постоянном учете всей совокупности языкового материала... только таким путем можно прийти к познанию причинной связи».

Вместе с тем при анализе книги Пауля историки нашей науки обращали внимание на то обстоятельство, что в ней довольно много внимания уделено и собственно грамматическим проблемам. Так, он подробно рассматривает проблему частей речи, отмечая несовершенство традиционной классификации, но скептически замечая, что «нам вряд ли удастся заменить эту классификацию более удачной». В области синтаксиса он заложил основы психологической теории предложения, выделяя в нем психологическое подлежащее — совокупность представлений, с самого же начала известных говорящему, и психологическое сказуемое — совокупность представлений, присоединяемых к подлежащему и содержащих что-то новое (в односоставных предложениях психологическое подлежащее представляет собой нечто само собой разумеющееся и в его функции может выступать сама ситуация, присутствующая в сознании говорящего и слушающего и не находящая поэтому языкового выражения). Причем Пауль оговаривает, что хотя грамматические категории возникают на психологической основе, психологическое подлежащее и сказуемое не всегда совпадают с грамматическими: в зависимости от того, что известно и что сообщается нового, в роли психологического подлежащего или сказуемого может выступать любой член предложения независимо от своей грамматической формы.

Кроме того, в отличие от большинства современных ему лингвистов, сосредоточившихся на проблемах исторической фоне-

тики, Пауль уделял много внимания изменениям в области словообразования, синтаксиса и семантики, причем разработанная им классификация изменений значений слов (сужение значения, расширение значения, перенос значения и прочие случаи — «улучшение» или «ухудшение» значения, литота, гипербола и т.п.) в целом продолжает применяться и в наши дни. Касался он и таких вопросов, как устранение языковых «излишеств», принцип экономии языковых средств и т.п.

В целом труд Пауля, который был охарактеризован выдающимся русским языковедом Ф.Ф. Фортунатовым как «очень хорошее общее сочинение по истории языка в изложении хотя и не популярном, однако ясном», оказал большое влияние на современное ему языкознание и вплоть до появления «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра оставался самым авторитетным общелингвистическим трудом в европейской науке.

Историческая судьба младограмматизма

В последней трети XIX — начале XX в. в различных европейских странах (в первую очередь Германии) появляется ряд работ, посвященных грамматикам различных языковых групп, образующих индоевропейскую семью языков, а также историческим грамматикам отдельных языков. Своеобразным итогом этой работы стал шеститомный труд К. Бругмана и Б. Дельбрюка «Основы сравнительной грамматики индоевропейских языков», вышедший в свет в 1886—1900 гг. В этой работе собраны данные почти по 70 языкам и диалектам. Первый и второй тома, посвященные фонетике, слово- и формообразованию, были написаны К. Бругманом, три последующих тома, в которых рассматривались проблемы синтаксиса — Б. Дельбрюком¹. Ими и их коллегами, по признанию подавляющего большинства исследо-

¹ На основе этого монументального труда К. Бругманом в 1902—1904 гг. была создана трехтомная «Краткая сравнительная грамматика индоевропейских языков».

вателей, сравнительно-исторический метод был в своих наиболее существенных чертах доведен до совершенства и приобрел ту форму, которую сохраняет в основном до наших дней, хотя, конечно, лингвистика XX в. внесла в него свои коррективы. Вместе с тем продолжалась и разработка методологических основ младограмматической концепции, среди которых основное место занял вопрос о «звуковых законах».

Выдвинутый в «Манифесте младограмматиков» тезис о безысключительном характере звуковых законов, которые, по мнению особенно пылких сторонников младограмматизма, должны были действовать подобно законам природы, «со слепой необходимостью», стал объектом острой критики уже с момента зарождения младограмматического направления, и подвергся корректировке достаточно быстро. Еще Г. Пауль в рассмотренном выше сочинении признавал, что о звуковых законах нельзя говорить в том смысле, в каком термин «закон» применяется в естественных науках: «Фонетический закон не говорит о том, что должно происходить снова и снова при наличии определенных условий общего характера; он только констатирует однородность определенной группы известных исторических явлений». Аналогичным образом высказался в том же 1880 г. и Б. Дельбрюк: «Язык слагается из действий людей, и, следовательно, фонетические законы относятся не к учению о закономерности явлений природы, а к учению о закономерности человеческих действий, кажущихся произвольными». Вместе с тем Дельбрюк также настаивал на том, что «фонетический закон и аналогия являются двумя факторами, совместное действие которых определяет внешний облик языка». Обращали внимание представители младограмматического направления и на столь волновавшую А. Шлейхера проблему реконструкции праязыка. Хотя в «Манифесте» Остхофа и Бругмана и содержался призыв покинуть «душную, полную туманных гипотез атмосферу мастерской, где куются индоевропейские праформы», и выйти «на свежий воздух осязаемой действительности и современности», они отнюдь не собирались отказываться ни от понятия праязыка, ни от самой методики реконструкции, хотя и внесли в нее ряд уточнений.

Младограмматики уже не пытались «восстановить» праязык в собственном смысле слова и тем более создавать на нем тексты. Сами праформы были провозглашены выражением меняющихся воззрений ученых на объем и характер того, что отдельные языки унаследовали от общего предка, т.е. в них стали видеть своеобразные формулы, отражающие результаты проведенного анализа. Затем было пересмотрено и представление о нем как о монолитном единстве и было признано, что, как и в подавляющем большинстве всех языков, в нем должны были существовать диалектные различия (здесь младограмматики в определенной степени развивали взгляды И. Шмидта, о которых будет сказано ниже). Наконец, отмечалось и то обстоятельство, что индоевропейский праязык прошел долгий путь развития, что ставит вопрос об относительной хронологии восстанавливаемых явлений, т.е. о том, является ли реконструируемое слово более древним или более новым по отношению к другому.

Аналогично обстоит дело и внутри слов, так как встречающиеся в них звуки могли развиваться с разной скоростью, и т.д. Общее мнение младограмматиков по рассматриваемому вопросу выразил Б. Дельбрюк: «То, что когда-то существовал пранарод, а, следовательно, также праязык, является несомненным; спрашивается только, что мы можем знать об этом последнем» (подчеркивая при этом, однако, что «полностью отказываться от восстановления праформ было бы ошибочным» и «нужно приветствовать каждое предложение об улучшении метода реконструкции»). Касались младограмматики и вопроса «смешения» языков, признавая отсутствие наличия четких границ между диалектами, что стало основной проблемой создававшейся на рубеже XIX—XX вв. лингвистической географии.

Однако многие проблемы, крайне важные для науки о языке, например, типологическое изучение языков¹, разработка си-

¹ Хотя в европейском языкознании рассматриваемого периода продолжали создаваться типологические классификации, в основном их авторами были ученые, не принадлежавшие к младограмматическому направлению (например, Ф. Мистели). Одним из немногих исключений в этом отношении был Ф.Ф. Фортунатов.

стемной методики описательного анализа, социальная обусловленность языка и др., по существу, находились на периферии научных интересов «классического младограмматизма» (прежде всего Лейпцигской школы). Поэтому критика по его адресу, звучавшая уже в последней трети XIX в., еще более усилилась к началу следующего века, предвещая потерю младограмматиками господствующего положения в лингвистике.

РАЗДЕЛ IX

Лингвистическое диссидентство

Поскольку, как отмечалось в предыдущем разделе, к последним десятилетиям XIX в. наиболее влиятельные позиции в европейской науке о языке занимал младограмматизм, ученых, в той или иной степени расходившихся с его позициями, принято называть «лингвистическими диссидентами», или «диссидентами индоевропеизма»¹. При этом о каком бы то ни было единстве последних говорить не приходится, поскольку критиковаться постулаты Лейпцигской школы могли с совершенно различных, порой полярно противоположных позиций. Различалась и форма отторжения: от категорического, порой принимавшего заостренно-полемические формы неприятия до отдельных поправок и коррективов, долженствовавших уточнить какие-либо стороны критикуемой доктрины и освободить ее от того, что представлялось явными недостатками последней. С другой стороны, сами младограмматики также часто не отвергали критику своих оппонентов целиком, стремясь использовать те замечания, которые содержали, по их мнению, рациональное зерно.

Г. Шухардт и школа «слов и вещей»

Одним из наиболее ранних и вместе с тем наиболее острых критиков младограмматизма являлся австрийский языковед

¹ Строго говоря, последний термин, широко применявшийся уже в рассматриваемую эпоху, не вполне корректен, поскольку общетеоретические положения младограмматиков можно было разделять или, напротив, отвергать и работая с материалом других языковых семейств.

Хуго (Гуго) Шухардт (1842—1927). Уже в 80-е годы XIX в. вышла в свет его работа «О фонетических законах (против младограмматиков)», ставившая под сомнение тезис о том, что фонетические законы не знают исключений. Именно оно, согласно Шухарту, вообще представляет собой «единственный тезис, который может быть признан безусловным и бесспорным достоянием младограмматической школы» и ошибочность которого вытекает из следующих моментов:

- положение о безысключительности звуковых законов по самой своей сути не может быть доказано индуктивным путем, а попытки доказать его при помощи дедуктивной аргументации также не могут быть признаны удачными, поскольку «в них не учитываются едва уловимые, но тем не менее существующие различия; переходные формы считаются взаимно исключаящими друг друга; то, что найдено эмпирически, объявляется априорным, сложное — простым»;
- противопоставление звуковых законов как «созидательного», или «нормального», фактора аналогии, как фактору «разрушительному», или «аномальному», лишено оснований: «закономерность в равной степени присуща и психологическому и физиологическому началу речи... таким образом, на наших глазах ликвидируется противоречие между физиологическими и психологическими факторами»;
- утверждение, согласно которому спорадических звуковых изменений не существует, является ошибочным уже потому, что, ограничиваясь только одним нарушающим их фактором — аналогией, младограмматики не учитывают всех прочих факторов (языковое смешение, одновременное и постоянное действие в языке как центробежных, так и центростремительных сил, момент осознанного или наполовину осознанного подражания и т.п.). «Окажись я вынужденным признать понятие непреложности, я бы применил его скорее к факту существования спора-

дических фонетических изменений, чем к фонетическим законам, поскольку всякое фонетическое изменение на известном этапе является спорадическим».

Отрицательное отношение к главному постулату младограмматизма (а справедливость многих замечаний Шухардта признавали и видные представители последнего)¹ сочеталось у австрийского лингвиста и с другими «диссидентскими» взглядами. Так, подчеркивая упоминавшийся выше фактор языкового смещения и считая его важнейшим, Шухардт отмечал, что «в мире не существует несмешанных языков, не содержащих в себе чужих элементов». Отсюда вытекало, в частности, отрицательное отношение к шлейхерской концепции родословного древа (в целом не отрицавшейся и младограмматиками). По его мысли, во многих случаях вообще не приходится говорить о принадлежности языка к той или иной семье или группе языков, поскольку у него может быть несколько предков, скрещивающихся между собой. Развивая в определенной степени идеи И. Шмидта, о которых будет сказано ниже, Шухардт отрицал существование четких границ между отдельными языками и диалектами, указывая на наличие между соприкасающимися языками общих черт (т. н. теория лингвистической непрерывности). Он считал (как и представители лингвистической географии), что любое изменение появляется где-то в определенном пункте и затем постепенно распространяется, причем соответствующие «пункты излучения» диалектных особенностей могут быть представлены в картографированном виде. При изучении такого распространения необходимо учитывать как препятствующие факторы естественного (горы, леса, воды и т.п.) и искусственного (политические и религиозные границы) характера, так и явления, им способствующие (сухопутные и водные пути).

¹ Так, Б. Дельбрюк, говоря о критике им и Г. Паулем отождествления фонетических законов с законами природы, писал: «Из той же основной мысли исходит и в высшей степени полезная работа Г. Шухардта “О фонетических законах”, автор которой настойчиво предостерегал против априорных теоретических построений».

Нельзя пренебрегать и такими моментами, как ремесла, обычаи, суеверия и др. Отсюда вытекало внимание, с одной стороны, к так называемым «креольским языкам», вызванным к жизни необходимостью общения (торговые, невольничьи и иные средства коммуникации), а с другой — к сравнительному изучению неродственных языков¹. В развитии любого языка австрийский лингвист выделял две силы: центробежную, ведущую к дифференциации (процесс дивергенции), и центростремительную, ведущую к сближению языков через общение (процесс конвергенции).

Наряду с отрицанием четких пространственных границ Шухардт негативно относился и к внутриязыковому хронологическому делению (в терминологии позднейшего языкознания — установлению «синхронных срезов»), считая невозможной четкую периодизацию истории языка и происходивших в ней процессов. Касался он и проблемы происхождения языка, считая, что она должна решаться на основе данных современных живых языков, поскольку «в жизни языка испокон веков существуют одни и те же факторы».

Особое место в наследии Шухардта занимает разработка вопросов *ономазиологии* (науки о названиях), определявшихся им как проблема «слов и вещей». При этом подчеркивалась необходимость комплексного изучения слова и обозначаемой им вещи в их развитии: «Прогресс как в той, так и в другой области может быть достигнут лишь при том условии, что исследование вещей и исследование слов будут идти совместно (а не только пребывать в соседстве друг с другом, как это имело место до сих пор), готовые при случае оказать взаимную помощь; они должны проникать друг в друга, переплетаться и приводить к результатам, одинаково необходимым и ценным как для той, так и для другой области». Таким образом, история слов одновременно будет являться и историей говорящего. При этом необходимо

¹ Один из упреков, адресованных младограмматикам Шухардтом, состоял как раз в том, что «Брумган и многие другие ученые не придают значения сравнительному исследованию неродственных языков».

учитывать историю обозначения и значения, которые определяются следующим образом: «...И то и другое по существу имеет в виду одно и то же, но только оно рассматривается с разных сторон: в первом случае в аспекте вещи, во втором — в аспекте слова... Подобно тому как вещь первична по отношению к слову, а выражение мысли с помощью слов первично по отношению к пониманию, так и обозначение во всех своих проявлениях первично по отношению к значению». Само учение о языке, по мнению Шухардта, представляет собой либо учение о значении, либо учение об обозначении. Отсюда большое внимание, уделявшееся им проблемам этимологии, которая должна исследовать не только причину возникновения или проникновения в язык какого-либо слова, но и условия, способствующие его дальнейшему распространению.

Идеи Шухардта сыграли основополагающую роль в формировании «Школы слов и вещей», организационное оформление которой относят к 1909 г., когда **Рудольфом Мерингером** (1859—1931) стал издаваться журнал «Слова и вещи», просуществовавший до 40-х гг. XX в. Основной идеей Мерингера была концепция о расходящихся в разном направлении «волнах культуры», которые состоят из «языковых волн» и «волн вещей». Центральное место в научных изысканиях представителей этого направления занимало изучение распространения языковых новшеств, сопровождавшее распространение соответствующих типов построек, отдельных видов домашних животных и т.п. Рассматривая язык как инструмент, отражающий деятельность человека и тесно связанный с его историей и культурой, сторонники «школы слов и вещей» уделяли основное внимание семантической стороне языка.

Подводя итог деятельности Шухардта, историки лингвистики обычно отмечают, что, отличаясь необычной широтой и разнообразием научных интересов, он выдвинул ряд интересных идей, оказавших заметное влияние на многих языковедов конца XIX — начала XX в., получил немало ценных конкретных результатов, но, по существу, не создал целостной концепции, которую можно было бы противопоставить младограмматической доктрине.

Эстетический идеализм и концепция К. Фосслера

Так называемая школа эстетического идеализма, сложившаяся в Германии к началу XX в., занимала по отношению к младограмматизму не менее отрицательную позицию, чем это было характерно для взглядов Шухардта, но исходила в своей критике из несколько иных позиций (хотя некоторые точки пересечения между ними и могли наблюдаться). В определенной степени это сказалось и на терминологической стороне: Шухардт категорически настаивал на невозможности согласия с младограмматиками «до тех пор, пока мы не откажемся от термина “филология”», и подчеркивал целесообразность «говорить о языкознании, литературоведении или истории культуры как об отдельных науках», поскольку «языки, как бы далеко они ни отстояли один от другого, в научном смысле связаны между собой гораздо теснее, чем язык и литература, даже тогда, когда они принадлежат одному и тому же народу»¹. Представители же эстетического идеализма часто использовали для самоназвания термин «неофилология» (или «идеалистическая неофилология»), отмечая, что последнее «является своего рода знаменем». Да и сам основоположник рассматриваемой школы, профессор романской филологии Мюнхенского университета **Карл Фосслер** (1872—1949)², был не только лингвистом, но и литературоведом, что в определенной степени сказалось на его научном мировоззрении.

Отрицательно относясь к философской базе младограмматиков — позитивизму (его вышедшая в свет в 1904 г. программная работа озаглавлена «Позитивизм и идеализм в языкозна-

¹ Это высказывание было связано с тем, что, в отличие от резко противопоставляющего две дисциплины А. Шлейхера, представители младограмматического направления неоднократно отмечали связь между ними, поскольку, как отмечал Г. Пауль нельзя изучать произведения писателей (индивидуальные применения узуса), не обладая знаниями об отношениях к последнему их системы языковых представлений, тогда как, в свою очередь, изменения узуса не могут быть поняты без изучения индивидуальной речевой деятельности.

² Кроме самого Фосслера к ней относятся также другие специалисты в области романской филологии: Л. Шпитцер, Е. Лерх, Л. Ольшки и др.

нии»), Фосслер находился под сильным влиянием Гегеля, Гумбольдта и особенно итальянского философа **Бенедетто Кроче** (1866—1952), автора книги «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика», опубликованной в 1900 г. В этой работе Кроче утверждал, что эстетика изучает выражение, а язык также состоит из неповторимых выражений, поскольку языковой акт является всегда творческим. Отсюда делался вывод о том, что лингвистика и эстетика, будучи взяты в их подлинном научном значении, представляют собой одну и ту же дисциплину и на определенной ступени должны слиться, основываясь не на логическом, а на интуитивном познании.

Основной упрек, который адресовал мюнхенский романист своим младограмматическим оппонентам, заключался в том, что последние считают своей основной целью знание и описание фактического материала, тогда как идеалисты озабочены прежде всего установлением причинной связи. Считая язык «выражением духа», Фосслер вслед за Гумбольдтом указывал, что «автономным является не язык с его звуками, а дух, который создает его, формирует, двигает и обуславливает в мельчайших частностях». Подчеркивая, что язык есть непрерывная деятельность, Фосслер отмечает, что язык следует рассматривать как постоянное творчество. При этом первична для него индивидуальность: «...языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют его, либо бессознательно, т.е. пассивно, либо точно так же творчески, т.е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие. В момент возникновения или абсолютного прогресса язык есть нечто индивидуальное и активное, в момент покоя или утверждения — нечто пассивное (как в единичном, так и в общем), и в момент относительного прогресса, т.е. рассматриваемый не как творчество, а как развитие, язык есть коллективная духовная деятельность».

Исходя из сформулированных выше принципов, Фосслер упрекает «позитивистов» в том, что, рассматривая язык как нечто данное и завершенное, они производят над ним «анатомиче-

скую операцию», разлагая на якобы «естественные» единицы — предложения, их члены, слова, слоги и т.п. Между тем подобное членение является не наиболее «естественным», а просто наиболее удобным, поскольку «слоги, основы, суффиксы, слова и члены предложения являются, так сказать, суставами, по которым живая речь сгибается и движется. Но если утверждают, что звуки конструируют слоги, а эти последние — слова, а слова — предложения и предложения — речь, то тем самым... допускают нонсенс, который равносильно утверждению, что члены тела конструируют человека... В действительности имеет место причинность обратного порядка: дух, живущий в речи, конструирует предложение, члены предложения, слова и звуки — все вместе».

Отсюда К. Фосслер делает вывод о том, что, подходя к языку как к духовному выражению, следует понимать историю языкового развития как историю духовных форм выражения, т.е. **историю искусств** в широком смысле слова. «Грамматика — это часть истории стилей или литературы, которая, в свою очередь, включается во всеобщую духовную историю, или историю культуры». Поэтому начинать изучение языка следует со **стилистики**¹ и лишь затем переходить к синтаксису.

Последний (как, впрочем, и морфология, и фонетика) сам по себе еще не составляет науки, поскольку вообще «рассматривать язык с точки зрения установлений и правил — значит рассматривать его ненаучно». Любое языковое выражение — это прежде всего индивидуальное духовное творчество. Да и сама возможность общаться при помощи языка, согласно Фосслеру, обусловлена не общностью языковых установлений, материала, строя и т.д., а имеет место благодаря общей **языковой одаренности**. «Языковой общности, диалектов и т.п. в действительности вообще не существует. Эти понятия тоже возникли в результате более или менее произвольной классификации и являются дальнейшими ошибками позитивизма². Поставьте в условия

¹ Напомним, что А. Шлейхер вообще не считал ее лингвистической дисциплиной, относя всецело к компетенции филологии.

² Ср., однако, с приводившимся выше утверждением Г. Пауля о том, что «на свете столько же отдельных языков, сколько и индивидов» (!).

контакта двух или нескольких индивидуумов, которые раньше принадлежали к самым различным “языковым общностям” и между которыми нет никаких общих языковых установлений, и они вскоре, в силу свойственной им языковой одаренности, станут понимать друг друга». Поэтому, по мнению Фосслера, язык может быть не изучен, а — используя гумбольдтовское выражение — только «разбужен». Что же касается момента «воспроизведения», то его можно приравнять к речи попугаев, у которых отсутствует творческое начало; поэтому его можно отнести к дефициту языковой одаренности, а отнюдь не превращать в самостоятельный принцип, на котором должна строиться наука.

Отрицательно относился Фосслер и к учению младограмматиков о причинах языковых изменений, отмечая, что «между фонетическим законом и аналогией идеалист не может признать качественного различия». Причиной любого языкового изменения является акцент — духовное явление, которое отнюдь не сводится к языковой стороне: «Акцент — это связующее звено между стилистикой или эстетикой и фонетикой; исходя из него, следует объяснять все фонетические изменения». Последние всегда в момент своего возникновения являются индивидуальными и отнюдь не действуют «со слепой необходимостью». Напротив, как подчеркивает Фосслер, «нет надобности в том, чтобы фонетическому изменению подчинялись люди или звуки. Ни с какой стороны изменение не является ни обязательным, ни закономерным; оно должно еще им стать».

Исходя из различия в языке абсолютного (свободного индивидуального творчества) и относительного (взаимообусловленного коллективного творчества) прогресса, немецкий ученый подразделяет языкознание на **чисто-эстетическое** и **эстетико-историческое** рассмотрение языка.

«Первое может быть только монографическим; оно исследует отдельные формы выражения сами по себе и независимо друг от друга с точки зрения их особой индивидуальности и своеобразного содержания. Второе должно суммировать и группировать. В его задачу входит исследование языковых форм различных народов и времен, во-первых, хронологически — по периодам и

эпохам, во-вторых, географически — по народам и расам и, наконец, по «индивидуальностям народов» и духовному родству. Здесь при сопоставительном изложении материала позитивистские методы как раз и могут быть применены со всей силой, определенностью и скрупулезностью. Подразделяется ли при этом языковой материал на фонетику, морфологию, синтаксис или нет — это вопрос договоренности; он может быть решен исходя только из практический соображений, а не теоретических».

Поскольку каждое изменение в своих истоках индивидуально и сознательно, постольку основное внимание должно быть уделено изучению стилей тех личностей, которые оказали наибольшее влияние на языковое развитие. Отсюда внимание представителей школы эстетического идеализма к изучению языка отдельных писателей, т.е. проблематике, находящейся на стыке литературоведения и языкознания («филологической» в традиционном смысле слова).

С другой стороны, в своих позднейших работах Фосслер, оставаясь на индивидуалистических позициях, стремился связать развитие языка с общественными и культурными факторами. Так, в книге «Язык и культура Франции» он утверждал, что характерной чертой старофранцузского языка является сочетание национального чувства с культурно-религиозным, что проявляется в гармонии между фонетикой и синтаксисом, среднефранцузский период отмечен наличием национального и практического сознания, в связи с чем наблюдается беспорядочное обогащение словарного состава и разноречивой фонетикой и словоизменением, в новый период происходит дальнейшее обогащение словарного состава и приспособление его к «духу» французского языка и т.д. Любопытно отметить, что некоторые идеи Фосслера вызвали одобрение у главы Французской социологической школы А. Мейе, хотя, казалось бы, индивидуалистические установки немецкого романиста были коренным образом отличны от его принципов.

Хотя дальнейшее развитие языкознания XX в. пошло по иному пути, нежели тот, который отстаивался Фосслером, его концепция сохранила определенную популярность вплоть до середины XIX в., хотя начиная с 30-х гг. ее влияние стало заметно ослабевать.

Лингвистическая география

Возникновение лингвистической географии принято связывать с двумя основными стимулами, проявившимися в лингвистической науке последней трети XIX в. — новыми взглядами на проблему происхождения индоевропейских языков и новыми методами исследования диалектов. В отличие от воззрений Х. Шухардта и К. Фосслера ее появление первоначально не было связано непосредственно с реакцией на учение Лейпцигской школы младограмматиков, хотя многие ее положения и были поставлены под сомнение именно в ходе лингвогеографических исследований.

Традиционно истоки зарождения новой дисциплины возводят к работе немецкого языковеда **Йоганна Шмидта** (1843—1901) «О родственных отношениях между индогерманскими языками», вышедшей в свет в 1872 г., т.е. за несколько лет до появления «Манифеста» младограмматиков¹.

Будучи учеником Шлейхера, Шмидт резко разошелся со своим учителем в одном из центральных пунктов сравнительно-исторического языкознания — концепции праязыка, противопоставив ей так называемую **теорию воли**, основывавшуюся на принципе **лингвистической непрерывности**.

Исходным пунктом воззрений Шмидта являлся тезис, согласно которому говорить о цельности праязыка нельзя, поскольку изначально он представлял собой не единство, а диалектную раздробленность. Следовательно, нельзя ставить вопрос о реконструкции праязыка в целом; восстанавливать можно лишь отдельные формы и слова. Причем крайне трудно отнести их к одной эпохе².

Отсюда следует, что никаких четких границ между индоевропейскими языками первоначально не существовало. Каждый

¹ Как отмечалось в специальной литературе, в дальнейшем Шмидт относился к методическим принципам своих лейпцигских коллег если и не отрицательно, то во всяком случае достаточно сдержанно.

² По образному выражению Шмидта, составленное нами индоевропейское предложение подвергается опасности выглядеть подобно стиху из Библии, в котором стояли бы рядом слова языка Вульфилы, языка Татиана и языка Лютера.

из них можно рассматривать как переходный по отношению к другому, и все они связаны между собой цепью переходных явлений. При этом «географически ближе расположенные друг к другу языки имеют между собой больше сходства, чем языки более далеко отстоящие». Так, можно заметить, что существует постепенные переходы от индийских языков через иранские к славянским, от последних — к литовским (балтийским), что славянские языки содержат больше арийских черт, чем литовский, а иранский — больше общих со славянским черт, чем санскрит и т.д. «Повсюду видим мы, — резюмирует Шмидт, — постепенные переходы от одного языка к другому». Ощущаемые же в настоящее время известные границы между индоевропейскими языками — явление вторичное, вызванное утратой языков, игравших роль переходных звеньев. Поэтому индоевропейские языки следует представлять не в виде родословного дерева, т.е. ветвей, отходящих от единичного ствола, а в виде цепи из различных звеньев, не имеющей ни начала, ни конца.

Согласно Шмидту, то или иное новообразование возникает в определенном центре и затем распространяется, охватывая в первую очередь географически близко расположенные языки и постепенно прекращаясь по мере отдаления от центра, подобно тому как это имеет место с волнами от брошенного в воду камня.

Выдвинутая Шмидтом концепция вызвала критические замечания, в том числе и со стороны младограмматиков, хотя один из видных представителей последних — А. Лескин — пытался доказать, что ее вполне можно согласовать со шлейхеровской схемой родословного дерева, допустив, что первоначально существовала непрерывная связь, а потом возникли разветвления и что идеи немецких лингвистов лишь отражают разные стороны истории индоевропейцев.

Однако сформулированные Шмидтом положения и принципы сыграли еще более важную роль при изучении современных диалектов, предвосхитив многие принципы лингвистической географии.

Фактическое создание этого направления диалектологии связывают с именем немецкого учителя **Георга Венкера** (1852—1911).

В 1876 г., т.е. спустя четыре года после выхода в свет рассмотренной выше работы Шмидта, Венкер разослал школьным учителям Рейнской области вопросник из 40 коротких фраз, содержащих 300 слов, иллюстрирующих важнейшие фонетические и грамматические особенности немецкого языка. На основе полученных данных Венкер создал брошюру «Рейнский диалект», которая вышла в свет в 1877 г. Затем Венкер расширил сферы своего исследования, результатом чего стал опубликованный в 1881 г. «Диалектологический атлас Северной и Средней Германии». После съезда филологов в Гессене, где Венкер выступил в качестве докладчика, работе над атласом был придан государственный характер и она стала производиться под общим руководством Берлинской академии наук, причем с 1887 г. ассистентом при подготовке атласа стал **Фердинанд Вреде** (1863—1934). Однако работа над ним затянулась, публикуемые Вреде отчеты вызывали критику (что привело даже к приостановке создания атласа) и вплоть до середины 20-х гг. XX в. он существовал в рукописном виде. Лишь в 1926—1932 гг. сокращенный «Немецкий лингвистический атлас» Венкера — Вреде был опубликован в шести томах.

Несколько по-иному складывалась судьба лингвогеографических исследователей во Франции. Большую роль в их подготовке сыграла деятельность **Гастона Париса** (1839—1932), создавшего целую школу французских диалектологов. Развивая взгляды, высказывавшиеся в последней четверти XIX в., относительно невозможности установления четких границ между диалектами (в 1875 г. об этом писал П. Мейер в своей рецензии на работу Асколи, посвященную франко-провансальским говорам, в 1880 г. — признанный теоретик младограмматизма Г. Пауль), Г. Парис заявил о том, что диалектов как таковых вообще не существует, а имеется лишь разное географическое распределение отдельных языковых фактов; более того, по мнению Париса, даже между родственными языками провести такие жестко фиксированные границы не представляется возможным.

Одним из учеников Париса был **Жюль Жильерон** (1854—1926). Именно им совместно с **Эдмоном** (1848—1926) был создан

«Лингвистический атлас Франции», публикация которого продолжалась с 1902 по 1910 г. и стала поворотным событием в истории лингвистической географии, оказав огромное влияние на ее развитие и послужив своеобразным стимулом для создания работ подобного типа в различных странах.

Главная особенность «Лингвистического атласа Франции» (состоявшего из 1920 карт, объединенных в 35 выпусков) заключалась в том, что его создатели фиксировали не выборочно диалектные формы, а язык в целом, включая и его литературную разновидность. Таким образом была создана своего рода фотография определенного этапа развития французского языка. Материалы, представленные в атласе, свидетельствовали о том, что между словами и формами существуют крайне сложные взаимоотношения, а применительно к каждому слову можно говорить о его собственной истории.

Особое значение имели данные атласа для корректировки понятия звукового закона — центрального пункта младограмматической доктрины. Выяснилось, что нельзя считать фонетические изменения результатом быстрого «фронтального» изменения звуков; напротив, последние распространяются медленно, охватывая слово за словом, причем отдельные единицы в разных областях могут отражать различные стадии этого процесса. Слова взаимодействующих говоров могут влиять друг на друга, образуя компромиссные формы. Подтвердилась также точка зрения об отсутствии четких границ между диалектами: были обнаружены переходные зоны, объединяющие черты разных диалектов, выявлены случаи перехода особенностей одного диалекта на территорию другого и т.п. Обнаружились и доказательства положения (выдвигавшегося, в частности, Г. Шухардтом) об отсутствии резко очерченных границ и между отдельными языками: так, оказалось, что некоторые особенности диалектов Северной Италии очень напоминали особенности французских и провансальских говоров, откуда был сделан вывод, что фиксированная граница между французским и итальянским определяется прежде всего наличием соответствующих **литературных языков**, которыми пользуются их носители, тогда как в устном общении черты одного языка постепенно переходят в черты другого.

Достижения лингвистической географии поставили вопрос и о применении их к истории языка, в частности, для решения проблемы происхождения языковых семей и выявления диалектного членения индоевропейской языковой области. Уже в XX в. ею занимался ряд крупных лингвистов (А. Мейе, М. Бартоли, В. Порциг и др.), а сами методы этого направления прочно вошли в арсенал науки о языке.

Итальянская школа неолингвистики

С хронологической точки зрения направление, вошедшее в историю науки о языке под именем «неолингвистики» или «ареальной лингвистики», оформилось несколько позже рассматриваемого периода — в 10—20-е годы XX в., а наиболее четко формулирующая его идеи работа — статья **Джулиано Бонфанте** «Позиция неолингвистики» — вышла в свет в 1947 г. Однако по своим исходным принципам это течение вполне укладывается в понятие «лингвистического диссидентства» в отмеченном выше смысле этого слова.

Рамки неолингвистики ограничиваются по преимуществу итальянской языковедческой традицией. Основоположниками ее признаются **Маттео Бартоли** (1873—1946), которому принадлежит сам термин, и **Джулио Бертони** (1878—1942); к этой школе относят также упомянутого выше **Дж. Бонфанте** (1904), **Виторио Пизани** (1899—1987) и других ученых.

Философские основы неолингвистики во многом продолжают идеи, выдвигавшиеся В. Гумбольдтом и Б. Кроче; среди языковедов ей в ряде моментов близки К. Фосслер, Х. Шухардт и особенно представители лингвистической географии (сам М. Бартоли известен как создатель «Лингвистического атласа Италии»). Среди предшественников этого направления особое место занимает итальянский языковед **Грацидио Исая Асколи** (1829—1907). Примыкая в определенной степени к младограмматикам, он в то же время выступал с резкой критикой ряда их положений, уделял много внимания пространственно-историческому изу-

чению языка, разрабатывал теорию **субстрата**¹, указывал на роль смешения языков как одну из важных причин появления новообразований. Все эти положения также были продолжены и развиты неолингвистами.

Считая язык продуктом эстетического творчества индивидов, последние подчеркивали, что всякое языковое изменение изначально — «это свободное творчество человека, которое имитируется и ассимилируется (но не копируется!) другим человеком, затем еще третьим, пока оно не распространится по более или менее значительной области», причем «новообразование короля обладает лучшими шансами, чем новообразование крестьянина». В связи с этим младограмматикам адресуется упрек в «коллективистском понимании» языка и подчеркивается, что понятие некоего языка — такая же абстракция, как и понятие «среднего человека». Отвергается также разработанная младограмматиками концепция звуковых законов и аналогии, поскольку всякое языковое явление — это духовный, а не физический процесс: «Неолингвисты отрицают... всякое различие между “регулярными” и “нерегулярными” явлениями: все в языке регулярно, как и в жизни, потому что существует, и в то же время все нерегулярно, потому что условия существования явления различны».

Разделяя идеи Б. Кроче о языке как творческом акте, неоллингвисты отрицательно относились и к принимавшемуся младограмматиками делению языка на фонетику, морфологию, лексику и синтаксис: «Люди говорят словами или, точнее, предложениями, а не фонемами, морфемами или синтагмами, которые являются нашими абстракциями и не имеют самостоятельного существования».

¹ Субстратом принято называть следы побежденного языка коренного населения в составе языка-победителя пришельцев (сам термин предположительно ввел датский ученый Якоб Хорнеман Бредсдорф (1790—1841). В дальнейшем стали использоваться также термины «суперстрат» — след побежденного языка пришельцев в составе языка-победителя туземного населения (он был введен учеником Жильерона Вальтером фон Вартбургом (1888—1971)) и «адстрат» — два слоя сосуществующих языков, из которых ни один не господствует над другим (он принадлежит М. Бартоли).

Полностью принимая тезис о смешанном характере всех языков, утверждая, что язык может переходить из одной группы или семьи языков в другую (например, по их мнению, румынский вначале составлял одну группу с албанским, затем стал романским, а потом «подвергался риску превратиться в славянский язык»), уделяя много внимания проблеме субстрата, суперстрата и адстрата, подчеркивая отсутствие или условность границ между языками и диалектами, разделяя концепцию языковых союзов¹, настаивая на тесной связи языкознания с историей, литературоведением, культурой (поскольку «возникновение и распространение языковых новообразований подобно созданию и распространению женских мод, искусства, литературы: они основываются на эстетическом отборе»), неолингвисты акцентировали внимание на той роли, которую играют в языковой эволюции экстралингвистические факторы, занимаясь прежде всего территориальным распространением языковых явлений. Поэтому за неолингвистикой закрепилось также название «пространственной лингвистики» (его использовал и сам М. Бартоли), или «ареальной лингвистики»².

Основным методом исследования у неолингвистов стало установление **изоглосс** — линий, нанесенных на карту и показывающих границы и этапы распространения новообразований. Поскольку каждый языковой факт имеет свою изоглоссу, площадь распространения которой может не совпадать с традиционными границами диалекта и даже языка, исследователю приходится иметь дело с **пучками изоглосс**, которые приблизительно и соответствуют языку, т.е. последний понимается как «система изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты».

Благодаря картографированию неолингвисты считали возможным разграничить **генезис** (возникновение) и **иррадиацию**

¹ Подробнее она будет рассмотрена в разделе, посвященном концепции Пражской лингвистической школы.

² Последнее наименование связано с введенным Ж. Жильероном термином «ареал», обозначающим распространение данного языкового явления в данную эпоху на данной территории в пределах либо одного языка или диалекта, либо группы родственных языков или диалектов.

(распространение) того или иного явления и устанавливать его относительную древность. Предпринимались и попытки выйти за пределы одной языковой семьи и установить связи между индоевропейскими, урало-алтайскими и семитическими языками с учетом взаимопроникновения элементов в ту эпоху, когда они были географически близки друг к другу.

Подводя итоги деятельности представителей неолингвистики, историки нашей науки отмечают их бесспорный вклад в дальнейшее расширение и углубление задач лингвистической географии, ее методов и приемов исследования, а также применение последних в историческом языкознании. Справедливыми признаются и упреки по адресу младограмматиков в игнорировании процессов становления и развития литературных языков, упрощенном понимании многих моментов языкового развития, отрыве языка от человека. Наконец, исследуя истории отдельных слов, неолингвисты многое сделали в области этимологии. Однако в целом к моменту оформления этой школы развитие науки о языке определяли уже другие тенденции, что и предопределило относительно периферийное место ее в языкознании XX в.

РАЗДЕЛ X

Социологическое направление. Предыстория появления

Как мы видели в предыдущих разделах, любая общелингвистическая концепция, в том числе и стоящая на подчеркнуто индивидуалистических позициях (будь то младограмматизм, эстетический идеализм или неолингвистика) в конечном итоге всегда должна была в определенной степени учитывать **социальный аспект** исследуемого его явления. К концу XIX — началу XX в. тезис о решающей роли последнего при рассмотрении проблем, связанных с функционированием и развитием языка, приобретает большую популярность среди ряда представителей нашей науки, что и приводит к формированию так называемого лингвистического социологизма.

К сказанному можно добавить, что и в философско-социологической литературе (как сугубо научного, так и более популярного характера) наблюдается тенденция к рассмотрению или, по крайней мере, к привлечению в иллюстративных целях языковых данных. В числе таких непрофессиональных «языковедов» были и представители набиравшего в те годы популярность **марксизма** — учения, сыгравшего несомненно большую, хотя и далеко не однозначную роль в мировой истории последующих десятилетий. Однако сами его основоположники в этом смысле мало что оставили. У самого К. Маркса имеется несколько разбросанных по разным трудам высказываний, на основе которых даже при очень большом желании невозможно реконструировать подобие какой-либо системы лингвистических взглядов. А действительно увлекавшийся в какой-то степени языковой проблематикой Ф. Энгельс больше внимания уделял

либо конкретным историко-языковым вопросам (в качестве примера можно назвать его работу «Франкский диалект», к тому же впервые опубликованную (в переводе на русский язык) лишь в 1935 г.), либо общим и малосодержательным с собственно лингвистической точки зрения рассуждениям о возникновении языка в ходе трудовой деятельности, приведшей к появлению человека. К сказанному можно также добавить, во-первых, его достаточно положительное отношение к сравнительно-историческому языкознанию, «которое получило за последние 60 лет¹ такое мощное и плодотворное развитие», и, во-вторых, при незыблемой для марксизма догме о решающей роли экономических факторов для развития общества, признание в том, что «едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных».

По сути дела, единственным трудом, посвященным собственно языковой проблематике, который был выполнен в рамках, так сказать, «классического марксизма», стало небольшое сочинение мужа средней дочери Маркса Лауры **Поля Лафарга** (1842—1911) «Французский язык до и после революции» (в русском переводе — «Язык и революция»), относящееся к 1894 г. Врач по образованию и партийный публицист по основному роду деятельности, удостоившийся от В.И. Ленина звания «одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма», Лафарг, естественно, не создал и не мог создать общелингвистической концепции. Основные взгляды этого французского социалиста в интересующей нас области (кроме названной выше работы, они нашли отражение в относящемся к 1909 г. труде «Экономический детерминизм Карла Маркса») можно суммировать следующим образом:

- потребность в языке вызвана общественным трудом, его богатство и развитость зависят от развития мышления, а последнее определяется состоянием производительных

¹ Приведенные слова относятся к 1878 г.

сил: их низкий уровень предопределяет незначительное количество слов и примитивность грамматических правил. Усложняющаяся практика общественной и производственной деятельности ведет к появлению абстрактных понятий, представляющих собой преобразование свойства конкретного предмета в личность, в воображаемое существо («превращение прилагательного в существительное»);

- будучи социальным явлением, язык отражает всякое изменение, совершающееся в той среде, где он развивается (переход от сельского общества к городскому и т.п.). Именно во влиянии среды надлежит искать причины изменения значений слов, а не ориентировать этимологические изыскания исключительно на санскрит, к которому языковеды стремятся возвести происхождение слов;
- поскольку развитие в классовом обществе связано с революционными преобразованиями, последние обязательны и в области языка; так, в результате событий Великой французской революции «язык был так же переплавлен в огне революции, как государство, общество, собственность и нравы». Благодаря этому «блестящий стальной обруч, сковывающий его, был разбит, и язык отвоевал себе свободу» (хотя при этом и оговаривается, что сам этот «освободившийся» послереволюционный язык и «не был новым... Революция в конечном итоге ограничилась развенчанием аристократического языка и введением в общее употребление языка, на котором говорили буржуа и которым прежде пользовались в литературных произведениях. Этот переворот намечался еще до 89-го года; революция же дала ему сильнейший толчок вперед»).

Понятно, что никакого влияния на развитие европейской науки о языке рассматриваемого периода выступления Лафарга не оказали и о них в курсе истории языкознания можно было бы не упоминать. Однако после Октябрьской революции 1917 г. и провозглашения марксизма (в его ленинской интерпретации)

не только официальной, но, по существу, единственной идеологией Советской страны, воззрения Лафарга пережили своеобразный «ренессанс», став одним из источников, на основе которых предпринимались попытки создания в СССР «подлинно марксистского» языкознания.

С другой стороны, в рассматриваемый период во Франции продолжали сохранять популярность идеи основателя позитивизма О. Конта и социальной психологии Г. Тарда, определявшего язык как «социальное пространство идей», в котором действуют — как и во всей общественной жизни — законы подражания, а также крупнейшего социолога той поры **Эмиля Дюркгейма** (1858—1917). Будучи последователем Конта, Дюркгейм считал необходимым изучать общество как особую духовную реальность, законы которой отличаются от законов индивидуальной психики и которое представляет собой «своеобразное психическое существо, ассоциацию многих сознаний». Оно основано на общезначимых коллективных представлениях — таких социальных фактах, как право, мораль, религия, чувства, привычки и т.п., среди которых находятся и язык. Всякий социальный факт принудительно навязывается человеческому сознанию средой, заставляет его подчиняться и предписывает ему определенное поведение.

В собственно же лингвистической сфере вплоть до начала 80-х гг. XIX в. Франция считалась, по выражению А.А. Холодовича, «лингвистической провинцией», хотя среди французских языковедов были и ученые, имевшие европейскую известность. Крупнейшим из них был **Мишель Бреаль** (1832—1915), переводчик Ф. Боппа на французский язык, первый, кто стал вести курс сравнительной грамматики индоевропейских языков, сочетая, однако, положения последней с традициями философской грамматики, в частности, с учением Кондильяка о произвольности знака.

Огромную роль в становлении нового направления сыграл приезд в Париж в конце 1880 г. **Фердинанда де Соссюра**. Несмотря на молодость (Соссюру было в это время всего 23 года), он был достаточно хорошо известен в лингвистических кругах

прежде всего как автор опубликованного в 1878 г. в Лейпциге «Мемуара о первоначальной системе индоевропейского вокализма»¹, вызвавшего оживленный, хотя далеко не однозначный отклик и в младограмматических кругах (с которыми у Соссюра вообще были достаточно сложные отношения, сыгравшие не последнюю роль в решении ученого покинуть Германию).

Педагогическая деятельность Соссюра в Париже носила прежде всего компаративистскую направленность (он читал курсы готского, древневерхненемецкого, литовского, а также сравнительной грамматики греческого и латинского языков). Вместе с тем высказываемые им положения общего характера (впоследствии воплотившиеся в «Курсе общей лингвистики», о котором речь впереди) несомненно повлияли на становление научного мировоззрения ученых, заложивших основы Французской социологической школы, оформившейся к началу XX в.

Французская социологическая школа и ее основные положения

Признанным главой рассматриваемого направления считается ученик Ф. де Соссюра **Антуан Мейе** (1866—1936), долгое время возглавлявший (в должности «непременного секретаря») Парижское лингвистическое общество.

В отличие от «лингвистических диссидентов», взгляды которых были рассмотрены в предыдущем разделе, А. Мейе по своему научному мировоззрению был прежде всего представителем классической компаративистики, в значительной степени обобщив и завершив ее достижения. В этом отношении воззрения французского ученого имели много общего с положениями младограмматической концепции, хотя в некоторых вопросах он и расходился со своими лейпцигскими коллегами. Достаточ-

¹ В этой работе Соссюр выдвинул предположение о наличии в индоевропейском языке сонантного коэффициента А, что впоследствии было подтверждено польским лингвистом Е. Куриловичем на основе данных хеттского языка, расшифрованного уже после смерти Соссюра.

ную открытость проявлял Мейе и по отношению к самим «диссидентам»: он отмечал (хотя и с оговорками) новаторство многих мыслей весьма далекого от него К. Фосслера, широко пользовался методами лингвистической географии (ему принадлежит, в частности, специальная работа «Индоевропейские диалекты», в которой он одним из первых ввел в обиход компаративистики понятие изоглоссы и проанализировал сущность и виды инноваций), уделяя много внимания проблемам субстрата и т.п. Однако вместе с тем эта «открытость» имела свои пределы: она не должна была ставить под сомнение основные методологические принципы сравнительно-исторического метода. Так, анализируя процессы языкового смешения и признавая, что «нельзя... отрицать возможности появления в особо благоприятных условиях действительных смешений», он вместе с тем — в противоположность Г. Шухардту или итальянским неолингвистам — однозначно констатировал: «В действительности до сих пор еще не встречалось случая, когда можно было бы объявить морфологическую систему данного языка результатом смешения морфологических систем двух разных языков. Во всех случаях, которые приходилось наблюдать до настоящего времени, мы имели дело с непрерывной традицией одного языка. Этот язык мог принять в себя большее или меньшее число заимствований, которые могли повлиять в той или иной мере на словообразование; он мог передаваться от поколения к поколению или быть воспринятым другим народом, утратившим собственную речь, — но при всех обстоятельствах продолжается единая непрерывная традиция морфологической системы этого языка». И этот факт явно радует правоверного компаративиста: «Мы смогли установить, пользуясь сравнительным методом, историю ряда языков, потому что могли уверенно объяснить всякую новую систему как результат развития одной определенной старой системы. Если же нам придется учитывать две исходные системы и их взаимодействие, современная методика окажется непригодной. Необходимость непрестанно выбирать между двумя рядами исходных форм приведет к такому произволу, что, по существу, ничего нельзя будет доказать. К счастью, несмотря на все гипотезы».

тезы такого характера, языковеды еще ни разу не сталкивались с подобным затруднением».

Пределы «научного новаторства», присущего Мейе, наглядно показывает его отношение к «Курсу общей лингвистики», подписанному именем его покойного учителя Ф. де Соссюра, уважение к которому он сохранял на всю жизнь. Высоко оценив эту книгу, не возражая против ряда выдвинутых в ней положений (различие языка и речи, многие моменты трактовки сущности языкового знака¹ и т.п.), он никогда не соглашался с наиболее принципиальным положением соссюровской концепции — о противопоставлении синхронии и диахронии и провозглашении их объектами двух разных наук. «Есть только одна грамматика, описательная и историческая одновременно» — этому тезису глава Французской социологической школы оставался верен до конца жизни.

Касаясь же вопроса об отличиях Мейе от наиболее ортодоксальных «истористов» — представителей младограмматического направления, обычно выделяют следующие моменты.

Если лейпцигские ученые при рассмотрении индивидуальной и социальной сторон языка явно отдавали предпочтение первой, то их французский коллега — в полном соответствии со своими социологическими убеждениями — настаивает на противоположном. «Язык, — пишет он, — точно подходит под определение, данное ему Дюркгеймом. Язык существует независимо от говорящих на нем индивидов, и хотя он не имеет реального бытия вне совокупности этих индивидов, он внеположен им благодаря общему характеру. Свидетельством этого является то, что никто из говорящих не властен изменить язык... Признаки внеположности индивиду и принудительного характера, которыми Дюркгейм определяет социальное явление, обнаруживаются в языке с полной очевидностью». Уточняя и развивая это положение, Мейе констатирует: «Язык существует... только

¹ Как и Соссюр, Мейе считал языковой знак произвольным по отношению к означаемому, указывая, что «у элементов языка нет никакой необходимой связи с выражаемыми понятиями».

в нервных (двигательных и чувствительных) центрах каждого отдельного лица. Но те же ассоциации навязаны всем членам группы с такой силой, какой не знает ни один социальный “институт”. ...Язык, будучи, с одной стороны, принадлежностью отдельных лиц, с другой стороны — навязывается им; благодаря этому он является реальностью не только физиологической и психической, но прежде всего социальной.

Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка».

Соответственно Мейе относил и саму лингвистику к социальным наукам, откуда логично следовал вывод, что одной из задач языкознания должно стать установление взаимоотношений между структурой общества и структурой языка, с одной стороны, и отражений изменений первого во втором — с другой. Отсюда внимание, уделяемое в его трудах социальным факторам языковых изменений, которые в первую очередь сказываются в области семантики, где соответствующие сдвиги, помимо сугубо языковых причин, могут обуславливаться изменением обозначаемого предмета, наличием социальных групп в пределах данной языковой среды и т.п.

Более широко, чем младограмматики, трактовал Мейе и проблему фонетических изменений. Вполне разделяя «принцип постоянства фонетических законов, что точнее было назвать регулярностью фонетических соответствий», он вместе с тем оговаривал, что «количество всех особых факторов, которые, не нарушая действия фонетических законов, затемняют их постоянство, безгранично». Кроме традиционной для младограмматиков аналогии, называются, в частности, и такие «возмущающие факторы», как «слова, имеющие особое произношение» (детские, типа «папа», «мама», формулы вежливости), заимствования (особенно из близкородственных языков и диалектов, трудно отличимые от исконной лексики), явления, связанные с изменением языка (фактор субстрата) и др. Однако, соглашаясь с тем, что «почти у каждого слова своя собственная история», французский лингвист отнюдь не считает это причиной для отказа от фундаментальных принципов компаративистики, заключая: «Но это

все же не мешает вскрывать и определять те изменения, которые... охватывают артикуляционную систему в целом.

Ничто из этого не противоречит принципу постоянства фонетических законов, т.е. изменений, затрагивающих артикуляцию безотносительно к смыслу; этот принцип сводится только к тому, что, когда при усвоении языка младшими поколениями какой-либо артикуляционный прием сохраняется или видоизменяется, это его сохранение или видоизменение имеет место во всех тех случаях, где данная артикуляция применяется одинаковым образом, а не в одном каком-либо слове. И опыт показывает, что дело происходит именно так». При этом, поскольку «общество, как правило, решительно противится введению в язык индивидуальных новшеств», необходимо учитывать, что «как в отношении фонетики, так и в отношении морфологии общие формулы развития обусловлены обстоятельствами, общими для всех людей или по крайней мере для отдельных типов цивилизаций» (хотя при этом и оговаривается, что пока «нет еще достоверных данных относительно того, каким образом устанавливается эта всеобщность»).

Что же касается одного из центральных вопросов сравнительно-исторического языкознания второй половины XIX в. — проблемы праязыка и его реконструкции, — то здесь Мейе не столько отошел от младограмматиков, сколько довел присущий представителям последнего «скептицизм» до логического завершения: «Реконструкция не восстанавливает язык таким, каким он был в жизни; никакая реконструкция не сможет представить “общий язык” таким, каким он был в живой речи. Восстановление Шлейхером индоевропейского праязыка при помощи исторически засвидетельствованных языков этого семейства было гениальным нововведением; но составление текста на этом реконструированном праязыке было грубой ошибкой. Сравнение дает систему сопоставлений, на основании которой можно построить историю языковой семьи; однако это сравнение не дает нам реального языка со всеми присущими ему выразительными средствами».

Если А. Мейе вошел в историю языкознания в большей степени не как теоретик, а именно как компаративист (его лингви-

стическое наследие насчитывает 24 книги и около 540 статей, но среди созданных им многочисленных трудов нет собственно общелингвистической монографии типа, например, «Принципов истории языка» Г. Пауля), то его ученик и фактический преемник **Жозеф Вандриес** (1875—1960), также бывший по основной специальности индоевропеистом, прежде всего известен как автор книги «Язык. Лингвистическое введение в историю», вышедшей в 1921 г. и представлявшей собой своего рода учебник по введению в языкознание, написанный с позиций Французской социологической школы.

Как и его учитель, Вандриес был хорошо знаком с той концепцией, которая представлена в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра и пользовался некоторыми его формулировками (ср. его слова: «Самое общее определение, которое можно дать языку, — это назвать его системой знаков»). Отмечает он и возможность подходить к языку как с точки зрения «преемственности», т.е. исторического развития, так и синхронически. Однако у него нет ни жесткого противопоставления того и другого подхода (и тем более провозглашения примата синхронии над диахронией), ни тезиса о необходимости изучать язык «в себе самом и для себя». Из двух сторон соссюровской концепции — «социологической» и «структурной» — Вандриесу, подобно Мейе, гораздо ближе была первая, а то, что Соссюр несколько пренебрежительно назвал «внешней лингвистикой» и, по существу, вывел за пределы языкознания в собственном смысле слова, стало наиболее оригинальной и самостоятельной частью книги французского ученого, в значительной степени предвосхитившего позднейшую социолингвистику.

Подобно Мейе, Вандриес многократно указывает на социальную природу языка: «Язык образовался в обществе. Он возник в тот день, когда люди испытывали потребность общения между собой... Язык есть общественное установление... Только изучая социальную роль языка, можно составить себе представление о том, что такое язык... В любой общественной группе вне зависимости от ее свойств язык играет важнейшую роль. Он — самая крепкая связь, соединяющая членов группы, в одно и то же время он — символ и

защита группового единства; ...он — средство общения между членами группы, условный знак принадлежности к группе».

В отличие от подавляющего большинства своих коллег второй половины XIX — начала XX в. (включая Соссюра), вообще считавших вопрос о происхождении языка нерелевантным для науки, Вандриес останавливается и на этой проблеме, в какой-то степени продолжая традиции философской мысли XVIII в., в частности Жан Жака Руссо, на которого он даже ссылается. Предполагая, что первоначально «язык мог возникнуть в чисто эмоциональной форме», ученый отмечает, что в дальнейшем звуковые реакции (ритмически сопровождавшие ходьбу или работу; крик, выражавший эмоции) стали приобретать символическое значение, обретая роль сигнала. Закрепление их «происходило по законам, управляющим всяким обществом (например, во время каких-либо коллективных церемоний они одинаково воспроизводились всеми, принадлежащими к данной группе)». «И мало-помалу благодаря возрастающей частоте социальных сношений в конце концов установился в своем несравненном богатстве этот сложный аппарат, служащий для выражения чувств и мыслей, всех чувств и всех мыслей».

В области компаративистики Вандриес, как и Мейе, скептически относился к возможности реконструкции праязыка: «Индоевропейский язык, восстанавливаемый учеными, лишен какой бы то ни было конкретной реальности; это... только система соответствий... Самое большее, что мы знаем об этом языке, сводится к принципам его грамматического строя; никто не может говорить на этом языке, но всякий лингвист должен знать, какие были грамматические категории в этом языке, как они в нем выражались, каково было значение его суффиксов и окончаний».

Работы А. Мейе и Ж. Вандриеса были хорошо известны их коллегам в других странах и пользовались достаточно широкой популярностью. Однако ведущим в лингвистике первой половины XX в. представляемое ими направление так и не стало, поскольку на передний план в этот период выдвигались проблемы изучения структурных характеристик языка.

РАЗДЕЛ XI

Русское языкознание второй половины XIX — XX века

Как уже отмечалось выше, сам процесс возникновения сравнительно-исторического языкознания в России протекал параллельно европейскому: Востоков, Срезневский, Буслаев были современниками Боппа, Гримма, Раска, Шлейхера. Однако ограничение используемого материала почти исключительно данными славянских языков, с одной стороны, и отсутствие широких общелингвистических концепций — с другой, в определенной степени сужали сферу научной деятельности отечественных языковедов.

Во второй половине XIX в. положение начинает меняться, а последнюю треть XIX в. традиционно считают временем формирования в России *теоретического языкознания*. Причем почти одновременно возникают лингвистические школы, отражающие практически все ведущие в тогдашней науке течения: психологическое направление в собственном смысле слова нашло воплощение в концепции А.А. Потебни и его учеников, компаративистика в ее классическом варианте была представлена деятельностью Ф.Ф. Фортунатова и группировавшихся вокруг него ученых, а «лингвистическое диссидентство», предвосхищавшее те пути, по которым пошло развитие языкознания в XX в., воплощала фигура И.А. Бодуэна де Куртенэ. Именно на фундамент, заложенный названными языковедами, при всем их личном и научном несходстве, и опиралась в дальнейшем отечественная традиция, несмотря на все перипетии, которые ей довелось пережить.

Лингвистическая концепция А.А. Потебни

Научное мировоззрение профессора Харьковского университета **Александра Афанасьевича Потебни** (1835—1891), воспитавшего целую плеяду талантливых (правда, уступавших своему учителю) исследователей и положившего начало направлению, вошедшему в историю науки под именем «потебнианства», во многом было связано с идеями, высказанными В. Гумбольдтом и интерпретированными Х. Штейнталем, хотя отнюдь не повторяло их. Характерна и широта его интересов: помимо собственно лингвистических трудов наследие Потебни включает работы, посвященные литературоведению, фольклору, философии, мифологии. В то же время, сосредоточившись на таких проблемах, как взаимоотношение языка и мышления, внутренняя форма слова, развитие предложения и др., харьковский языковед, весьма критически оценивавший натурализм Шлейхера и его реконструкционные увлечения, остался практически в стороне и от младограмматизма вообще и от столь остро стоявшего в последней трети XIX в. вопроса о звуковых законах в частности.

При изложении взглядов Потебни (его теоретические положения сформулированы в ранней работе «Мысль и язык» (1862) и многотомном исследовании «Из записок по русской грамматике», две первые части которого были защищены в качестве докторской диссертации в 1874 г.) приходится учитывать определенное своеобразие его языка и стиля, в какой-то степени усложняющее выделение основных теоретических положений и их последовательное и непротиворечивое изложение. Тем не менее большинство исследователей, анализируя взгляды харьковского языковеда, формулируют их следующим образом:

- язык и мышление находятся в сложных и противоречивых отношениях друг с другом. С одной стороны, «область языка далеко не совпадает с областью мысли (ср. творческую мысль живописца, музыканта, шахматиста)»; с другой — «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении... средство не выразить

уже готовую мысль, а создавать ее... он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность»;

- язык представляет собой не сложившийся продукт, а деятельность, поток непрерывного словесного творчества. Поэтому слово приобретает смысл только в речи, функционируя в составе предложения и проявляя свои свойства по отношению к другим словам: «...Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет». Отсюда следует, что реально слово всегда имеет одно значение, поскольку «малейшее изменение в значении делает его другим словом»;
- в каждом слове выделяются три элемента: членораздельный звук, представление и значение. При этом «уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, т.е. способом, каким обозначено это значение, существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении». Поэтому значение, имеющее более широкий характер, стремится оторваться от сравнительно узкого представления (ср. соотношение слова «защита» со словом «щит»), в результате чего между ними растет несоответствие, могущее привести к забвению представления;
- в слове наличествуют два содержания: субъективное и объективное. Первое представляет собой ближайшее этимологическое значение слова и всегда содержит в себе только один признак; второе является дальнейшим и может содержать множество признаков (например, стол может иметь ряд признаков, но слово «стол» значит только «посланное», что и дает возможность обозначать им всякие столы независимо от формы, величины, материала и т.п.). «...Ближайшее значение слова *народно*, между тем как дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов *лично*»;

- поскольку отсюда вытекает, что нельзя найти двух человек, которые вкладывали бы одинаковое содержание в слово, совершенное, полное понимание в процессе общения невозможно, вследствие чего «всякое понимание есть непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе несогласие». Поэтому невозможен и перевод с одного языка на другой без определенного изменения смысла, ибо слово первого не может быть тождественно слову второго, даже если оба относятся к одному и тому же предмету или явлению;
- если исключить это второе (субъективное) значение, то в слове «останется только звук, т.е. внешняя форма, и этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя»;
- внутренняя форма может быть определена по-разному. Помимо квалификации ее как ближайшего этимологического значения она понимается как а) отношение содержания мысли к сознанию, показывающая, как представляется человеку его собственная мысль; б) центр образа, т.е. один из его признаков, преобладающий над прочими признаками; в) «образ образа», т.е. представление;
- кроме конкретного (частного или лексического) значения, слово включает в себе «указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других». Они тесно связаны с лексическим значением, поскольку «вещественное и формальное значение слова составляют один акт мысли»;
- важнейшим понятием грамматики являются грамматическая форма, которая представляет собой «значение, а не звук». Ее нельзя отождествлять с окончанием, поскольку многие грамматические формы в определенных случаях не имеют звукового обозначения: «Если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддерж-

кою, теряется, то это значит не то, что в языке ослабело творчество, а то, что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания другим, более тонким средством, именно знанием места, которое занимают слова в целом, будет ли это целою речью или схемою форм»;

- таким образом, грамматическая форма представляет собой прежде всего *семантико-синтаксическое* понятие и может выражаться не только формальными элементами слова, но и синтаксическими связями. При этом «нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе как по смыслу, т.е. по связи с другими словами и формами в речи и языке»;
- отсюда следует, что распространенная в первой половине XIX в. точка зрения, согласно которой отпадение аффиксов отражает процесс падения и, следовательно, «вырождения языка», является ошибочной; «факт состоит в стирании флексий, рассматриваемых как звуковые элементы, но не в уменьшении общего количества форм и не в потере формальности в языках, ее вырабатывающих»;
- основные грамматические категории (части речи) представляют собой исторические категории, проходящие в своем развитии ряд этапов. Первобытное слово напоминало причастие, в котором были слиты именные и глагольные категории; затем из него выделяются категории существительного и прилагательного, а дальнейшая эволюция человеческой мысли и человеческого языка приводит к появлению глагола, все более вытесняющего существительное, где это возможно;
- грамматические категории возникают и изменяются в предложении, которое, в свою очередь, изменяются вместе с ним. Поэтому «из основного взгляда на язык как на изменчивый орган мысли следует, что история языка, взятая на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложения». Причем нельзя,

как это делали представители лингвистического логицизма (к которым относится и Ф.М. Буслаев), понимать предложение как выражение логического суждения, поскольку они отнюдь не тождественны и не параллельны друг к другу;

- для наиболее развитых формальных языков (к которым относятся и индоевропейские) для наличия самостоятельного предложения необходимо (за исключением случаев опущения) наличие глагола в собственном смысле слова, без причисления к нему причастных форм. «Поэтому, определив такой глагол, тем самым определим *minimum* того, что должно заключаться в предложении этих языков»;
- в своем развитии предложение прошло ряд стадий, отражающих этапы развития мышления. Основных этапов в эволюции предложения два: именной и глагольный. «Предикативность и атрибутивность имени, иначе — именной характер предложения, увеличивается по направлению к древности. Вместе с этим увеличивается конкретность языка». Напротив, на более поздних стадиях «видно... стремление сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени и причастия». Отсюда можно сделать вывод, что «прогресс в языке есть явление несомненное»;
- язык в целом, отражая свое историческое развитие, представляет собой совокупность разновременных наслоений. «Прежде созданное в языке двойко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же перемняет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового. Согласно с этим поверхность языка всегда более-менее пестрит оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов».

Подводя итоги научной деятельности Потебни, часто подчеркивают, что в силу ряда обстоятельств объективного и субъек-

тивного порядка его концепция не получила того отклика, на который вправе была рассчитывать. Вместе с тем нельзя не отметить, что многие идеи, сформулированные харьковским языковедом, повлияли на ряд ученых, не принадлежавших с формальной точки зрения к его ученикам и последователям, и оказали большое воздействие на отечественную лингвистическую традицию, прежде всего — в области русистики и грамматической теории. С другой стороны, хотя по материалу труды Потебни, посвященные преимущественно славянским и традиционно считавшимся наиболее близкими последним балтийским языкам, и не выходили за рамки сравнительно-исторического языкознания, по цели и методике исследования они во многом не ограничивались установками последнего, принципиально допуская возможность включения данных и тех языков, которые лежат вообще вне пределов индоевропейской семьи. Указанный момент был отмечен уже ближайшим его учеником **Дмитрием Николаевичем Овсяннико-Куликовским** (1853—1920). В этом отношении наследие Потебни, наряду с относящейся еще к 1877 г. работой **Федора Евгеньевича Корша** (1843—1915) «Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса»¹, стало одним из источников формирования в России традиций сопоставительно-типологических исследований.

Ф.Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа

Пожалуй, из всех представителей русского языкознания именно **Филипп Федорович Фортунатов** (1848—1914) наиболее полно воплощал в себе тип европейского компаративиста конца XIX —

¹ Ф.Е. Корш вообще склонен был считать, что в области синтаксиса сопоставительный метод гораздо плодотворнее сравнительно-исторического, и в своем труде он не только пользовался данными неродственных языков (индоевропейских, семитских, тюркских), но и ставил вопрос о целесообразности выделения подобных изысканий в предмет самостоятельной научной дисциплины, отграниченной от компаративистики в собственном смысле слова.

начала XX в. Характерно, что хотя публиковался он относительно мало, и притом на практически неизвестном в Европе русском языке, знали и признали за рубежом его труды в области индоевропеистики еще при жизни.

Активная научно-педагогическая деятельность Фортунатова продолжалась около четверти века и была связана с Московским университетом, где он с 1876 по 1902 г. возглавлял кафедру индоевропейских языков. После избрания в академики Фортунатов переехал в Петербург, где принимал участие в работе Отделения русского языка и словесности, редактировал академические издания, но научной работы не вел.

В ряде существенных моментов методологические установки Фортунатова были достаточно близки его лейпцигским коллегам. Как и Г. Пауль, он считал, что «предметом, изучаемым в языковедении, является... вообще человеческий язык в его истории». Как и младограмматики, русский лингвист отстаивал принцип регулярности фонетических законов, считая, что исключения из них можно объяснить либо перекрещиванием с действием другого закона, либо аналогией, либо заимствованием. Наконец, как и младограмматики, основатель Московской школы стремился опереться на психологию, подчеркивая, что именно она дает конечное объяснение фонетических явлений, и рассматривая грамматическое предложение как форму выражения психологического суждения.

Однако в ряде моментов Фортунатов в той или иной степени отличался от ортодоксальных ревнителей близкого ему направления. Так, он уделял гораздо большее внимание социальной стороне языка, отмечая, что «язык имеет историю; но эту историю язык имеет в обществе, т.е. как язык членов общественного союза... Таким образом, исследование человеческого языка в его истории входит по известным сторонам как составная часть в науку о природе и жизни общественных союзов». Отмечал он также, что помимо сравнения в языках в генеалогическом отношении «факты различных языков должны быть сравниваемы и по отношению к тем сходствам и различиям, которые зависят от действия сходных и различных условий». Та-

ким образом, Фортунатов, наряду с собственно компаративистикой, отмечал и необходимость типологического изучения языков¹, предложив, в частности, собственную морфологическую классификацию. По его мнению, все языки мира можно разделить на следующие группы:

1. *Агглютинативные языки*, где основа и аффикс остаются по своему значению отдельными. В языках этого типа либо основа «вовсе не представляет так называемой флексии», либо флексия «не представляет необходимой принадлежности форм слов». Примером языков этой группы могут служить урало-алтайские языки.
2. *Флективно-агглютинативные языки*, в которых основы слов имеют «формы, образуемые флексиями основ», причем отношения между основой и аффиксом аналогичны языкам агглютинативным. Сюда относятся семитские языки.
3. *Флективные языки*, «представляющие флексию основ в сочетании основ с аффиксами. К ним принадлежат индоевропейские языки».
4. *Корневые языки*, где вообще не существует форм слов, образуемых аффиксами (китайский, сиамский и т.п.)
5. *Полисинтетические языки*, по образованию форм отдельных слов относящиеся к агглютинативным, но обладающие формами, которые образуют слова-предложения. К ним принадлежат языки американских индейцев.

Но наиболее оригинальным аспектом концепции Фортунатова стало его учение о *форме слова*. Подразделяя все слова на полные (обозначающие предметы мысли и образующие либо части предложения, либо целые предложения), частичные (служебные) и междометия и указывая, что полные слова могут иметь форму, ученый дает последней следующее определение: «Формой отдельных слов в собственном значении этого терми-

¹ Естественно, самого термина «типология» Фортунатов не употреблял.

на называется... способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова». Формальной будет являться та принадлежность, которая видоизменяет значение основной, т.е. аффикс. «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой».

Основной предпосылкой существования формы, по Фортунатову, является ее соотносительность с другими формами. Так, например, в русском языке слово *несу* обладает формой, поскольку, с одной стороны, в ней можно выделить формальную принадлежность *-у*, общую со словами *веду*, *беру* и т.п., а с другой стороны — основу *нес*, данную в других словах с другими формальными принадлежностями (*нес-ешь*, *нес-ет* и т.п.). При этом оговаривается, что формальные принадлежности могут быть не только положительными, т.е. материально выраженными, но и отрицательными, т.е. «самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само сознаваться говорящими как формальная принадлежность этого слова в известной форме (общей ему с другими словами) по отношению к другой форме или другим формам, где являются положительные формальные принадлежности в соединении с теми основами слов, которые в данной форме не имеют при себе никакой положительной формальной принадлежности слов» (например, слово *дом* воспринимается как форма именительного падежа благодаря противопоставлению формам других падежей: *дом-а*, *дом-у* и т.д.).

Само по себе наличие формы у отдельных полных слов, согласно Фортунатову, не является необходимым для языка как такового (в качестве примера традиционно называется китайский), хотя она и присуща (в специфическом для каждого языка виде) подавляющему большинству языков. Сами формы подразделяются — в зависимости от того, являются ли они знаками отдельных предметов мысли или обозначают отношения в предложении — на формы словообразования и формы словоизменения.

Кроме форм отдельных слов, существуют также и формы словосочетаний (порядок слов, различия в музыкальном ударе-

нии, положение в предложении и т.п.), однако наличествуют они главным образом в языках типа китайского, в которых формы отдельных полных слов отсутствуют.

Исходя из основных положений своей концепции, Фортунатов определяет грамматику как учение о форме, подразделяя ее на *морфологию*, изучающую формы слов в их отношении между собой, и *синтаксис*, предметом которого будут формы отдельных слов по отношению к их употреблению в словосочетаниях, а также формы самих словосочетаний.

Соответственно, говоря о классификации слов, лингвист различает *грамматические* (имеющие одну общую форму или формы, соотносительные по значению) и *неграмматические* (основанные на значениях) классы слов. Считая традиционную классификацию частей речи результатом смешения одной группировки с другой, Фортунатов предложил классификацию частей речи, основанную на строго формальных критериях (сам он разрабатывал ее применительно к индоевропейскому языку, т.е. для «исторического» языкознания, но, по существу, она является чисто описательной и уже в начале XX в. стала широко использоваться в грамматиках русского языка, как основа для так называемого формального направления). Согласно ей выделяются прежде всего слова с формами словоизменения и без них. Первые подразделяются на склоняемые (существительные), спрягаемые (глаголы в собственном смысле слова) и склоняемые с согласованием в роде (прилагательные). Среди вторых различают слова, имеющие формы словообразования (производные наречия) и слова, их не имеющие.

Таким образом, личные местоимения 1-го и 2-го лица оказываются в одной из групп имен существительных, причастия и порядковые числительные — прилагательных, несклоняемые существительные, инфинитив, деепричастия попадают в группу слов, не имеющих форм словоизменения, и т.д. Этот «разнобой» сильно затруднил школьное преподавание, что и послужило (наряду с некоторыми другими моментами) причиной отказа от «формальной классификации» в 30-х гг. XX в., хотя впоследствии сам принцип формализованного подхода к явлениям

языка был весьма высоко оценен представителями структурной лингвистики.

Что касается синтаксиса, то здесь Фортунатов выдвигал на первый план понятие словосочетания, определяя его как «то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или его части». Те словосочетания, в которых составляющие его части сами являются грамматическими и само словосочетание также носит грамматический характер (*птица летит, воспитанник корпуса* и т.п.), являются *грамматическими словосочетаниями*. Словосочетания же типа *Пушкин — поэт, сегодня мороз* и др., в которых не обозначено формами языка отношение одного предмета к другому, Фортунатов называет *неграмматическими*. Словосочетание, включающее грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, является законченным и образует *грамматическое предложение*. Как уже отмечалось, последнее рассматривается как выражение психологического суждения, и в своих основных чертах при анализе разных типов соотношения между психологическим подлежащим и сказуемым и членами предложения Фортунатов в целом не отличался от младограмматиков, прежде всего — Г. Пауля. Что касается собственно учения о словосочетании, то оно — наряду с учением о форме слова — оказало сильное влияние на развитие русской синтаксической теории первой трети XX в.

В области сравнительно-исторического языкознания, где основателем Московской школы был высказан ряд идей (в частности, относительно места ударения в балто-славянских языках и его изменения — так называемый закон Фортунатова — де Соссюра), Фортунатов отличался от своих лейпцигских коллег большим «реализмом» при реконструкции праязыковых явлений, стремясь установить их конкретные звучания, что вызывало порой упреки в недоказанности; однако методологические установки в основном совпадали с младограмматическими.

Среди многочисленных учеников Фортунатова, составлявших Московскую лингвистическую школу, особое место зани-

мает **Алексей Александрович Шахматов** (1864—1920), сферой деятельности которого стала русистика в самом широком смысле этого слова, в первую очередь — изучение истории русского языка, его происхождения, наречий и т.д. в связи с историей русского народа. Но если в области сравнительно-исторического языкознания он в основном развивал и продолжал принципы своего учителя, то в созданном в последние годы жизни и опубликованном посмертно «Синтаксисе русского языка» Шахматов во многом отошел от фортунатовских идей, поставив в центр своей концепции учение о предложении, психологической основой которого считал коммуникацию — особый акт мышления, который «имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений».

Проблемами семасиологии много занимался **Михаил Михайлович Покровский** (1869—1942), применивший принципы компаративистики при изучении классических языков. Он отмечал воздействие на язык двух основных факторов: культурно-исторического и психологического, разрабатывая учение о так называемой *семасиологической ассоциации* и подчеркивая, что «история новообразований по аналогии во многих пунктах сходна с историей значения слов». Иными словами, согласно Покровскому, в языке имеется масса значений, которые может приобретать слово, относящееся к определенному словообразовательному типу, причем и у других слов, относящихся к этому типу, могут развиваться сходные значения (так обстоит дело, например, с отглагольными существительными в латинском языке).

Из других последователей Фортунатова, внесших заметный вклад в различные области науки о языке, можно назвать также В.К. Поржезинского, Д.Н. Ушакова, Н.Н. Дурново, Б.М. Ляпунова, Г.К. Ульянова, М.Н. Петерсона и ряд других. Многие из названных лингвистов продолжали плодотворно трудиться и в 20—30-е гг. XX в., став своеобразным «преемственным звеном» между различными этапами развития отечественной лингвистики, хотя их личная судьба подчас оказывалась достаточно сложной.

Лингвистическая концепция И.А. Бодуэна де Куртенэ

Вероятно, ни один языковед, работавший на рубеже XIX—XX вв. на территории Российской империи, не привлекал к себе столь пристального — правда, главным образом уже посмертного — внимания в мировом языкознании, как **Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ** (1845—1929). Носивший фамилию старинного французского рода, поляк по национальности¹, жизнь и труды которого были связаны с целым рядом стран и городов (Казань, Юрьев (Тарту), Краков, Петербург, Варшава), он был провозглашен предтечей структурализма наряду с Ф. де Соссюром, с которым некоторое время был лично знаком (и о книге, вышедшей под именем которого, всегда хранил упорное молчание). Но хотя посвященная Бодуэну библиография насчитывает не одну сотню работ на самых разных языках, задача сжатого и вместе с тем достаточно полного изложения его общелингвистических идей всегда была достаточно сложной. С одной стороны, относительно обширное научное наследие ученого почти не включает больших обобщающих трудов, дающих адекватное представление о его общелингвистических воззрениях в целом. С другой стороны, на протяжении ряда десятилетий творческой деятельности взгляды Бодуэна в ряде случаев претерпели определенную эволюцию, что сказывалось на его подходе к тем или иным проблемам. Тем не менее, суммируя узловые моменты его концепции, обращают внимание на следующие особенности.

Уже в ранний период своей деятельности, Бодуэн разграничивал понятие человеческой речи вообще как собрания всех языков от отдельных языков, наречий, говорів и от индивидуального языка отдельного человека. Вместе с тем он отмечал необходимость отличать язык как потенциальное явление, состоящее из определенного комплекса составных частей и категорий, от языка как непрерывно повторяющегося процесса («язык — речь — слово человеческое»). При этом у Бодуэна, как

¹ По-польски его имя звучит как Ян Игнацы Нецислав.

и у его современников, встречаются утверждения, что реально существуют только индивидуальные языки, а понятия национального или племенного языка — своего рода фикция.

По своей сущности язык есть чисто психическое явление. Именно психическими законами обусловлены его существование и эволюция. Вместе с тем, поскольку язык возможен только в человеческом обществе, кроме психической, у него необходимо выделять и социальную сторону: «Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология». В связи с этим Бодуэн отмечал необходимость изучать «народный язык во всей его полноте, разговорный язык (речь) всех слоев общества данного народа, не только тех, которые ходят в сермягах и зипунах, но и тех, что носят сюртуки, ...язык всех без исключения сословий, ...язык разных возрастов (детей, взрослых, стариков и т.п.) и известных состояний человека».

В языке следует различать статику, изучающую «законы равновесия языка», и динамику, исследующую «законы исторического движения языка». При этом Бодуэн подчеркивает: «Нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики».

Общий принцип динамического исследования заключается в том, что «фиксируют два реально данных периода в языковом развитии и далее стараются определить, в каком направлении развивались отдельные категории звуков и вся звуковая система в целом». Отсюда вытекает повышенное внимание к описательному анализу языка — момент, по которому позднейшие историки лингвистики особенно резко противопоставляли Бодуэна младограмматической школе. Уже в своих ранних работах, созданных до основных трудов лейпцигских языковедов, он отмечал: «Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-либо предшествующего или последующего времени».

Задача исследователей состоит в том, чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состоя-

ние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из такого-то и такого-то строя и состава предшествующего времени мог развиваться такой-то и такой-то строй последующего... наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав».

Именно с разработкой проблем синхронического языкознания и связан основной вклад Бодуэна в лингвистику, хотя в принципе он никогда не отказывался прямо от положения, сформулированного им в начале творческого пути: «Обыкновенно грамматики разных языков берут только известный момент истории языка, стараются представить его состояние в данный момент. Но истинно научными они могут быть, только рассматривая этот известный момент в связи с полным развитием языка». В связи с этим отмечается, что и при статическом изучении необходимо «считаться с фактом наличности, с одной стороны, пережиточных форм, унаследованных от прошлого и уже не соответствующих данному общему строю языка, с другой же стороны, явлений, предвещающих, так сказать, будущее состояние данного племенного и национального языка и еще не подходящих под современное построение этого языка».

Язык представляет собой определенную систему, части которой связаны друг с другом определенными отношениями. Это, пожалуй, второй момент, на основании которого Бодуэн провозглашали предшественником структурного подхода к языку.

Применительно к фонетике он еще в 70-е гг. XIX в. отмечал, что «физиологически тождественные звуки разных языков имеют различное значение, сообразно с отношениями к другим звукам». В дальнейшем он распространял принцип системности и на другие явления языка (в частности, морфологические и семантические), указывая, что они «укладываются сами собой в группы и разряды». Отмечая в связи с этим произвольный характер слов («подавляющее большинство слов человеческого языка — лишь случайно возникшие символы»), Бодуэн в более поздних трудах приходил к выводу, что первичной единицей анализа должно стать не слово, а высказывание, которое можно

членить с двух точек зрения: *фонетической* (на его основе выделяются «фонетические фразы», «фонетические слова», слоги и фонемы) и *морфологической* (исходя из которой выделяются «сложные синтаксические единицы», «простые синтаксические единицы», которые он называет «семасиологически-морфологическими словами», и морфемы).

Введение понятий *фонемы* и *морфемы* в понятийный аппарат языкознания также признается одним из наиболее крупных вкладов Бодуэна в развитие нашей науки. Хотя применявшаяся им терминология и отдельные трактовки несколько менялись, в целом можно сказать следующее. Подразделяя «учение о звуках» (называемое им *фонетикой* или *фонологией*) на *антропофонетику*, *психофонетику* и *историческую фонетику*, Бодуэн определял первую как дисциплину, объектом которой является изучение физиолого-акустических явлений языка и связи между ними, а вторую — как занимающуюся фонационными представлениями в человеческой психике и их связью с морфологическими и семантическими представлениями. Первая, по мнению Бодуэна, принадлежит к языкознанию лишь опосредованно, тогда как вторая — дисциплина собственно лингвистическая. Именно ее минимальной единицей и является *фонема*, которую нельзя отождествлять со звуком. Понятие последней формулировалось несколько по-разному. Первоначально фонема трактовалась как этимолого-морфологическая единица, представляющая собой «сумму обобщенных антропофонетических свойств известной фонетической части слова, неделимую при установлении коррелятивных связей в области одного языка и корреспондентных связей в области нескольких языков¹». В дальнейшем на передний план выходит психологический момент и фонема начинает определяться как «однородное, неделимое в языковом отношении антропофоническое представление, возникающее в

¹ Коррелятивы, по терминологии Бодуэна казанского периода, представляют собой раз личные звуки на данном этапе развития языка, но имеющие общее происхождение (*g* и *ж* в бегу — бежишь); корреспонденты понимаются как однородные по происхождению звуки, сопоставляемые в нескольких родственных языках (лат. *p* в *pater* — англ. *f* в *father*).

душе путем психологического слияния впечатлений, получаемых от произношения одного и того же звука». Впоследствии вопрос о психологической неделимости фонем был несколько уточнен и было предложено делить их на *кинемы* (составляющие произносительные элементы) и *акусемы* (составляющие слуховые элементы), что в определенной степени перекликалось с позднейшими теориями дифференциальных признаков фонем, хотя сами термины так и не вошли в понятийный аппарат лингвистической науки. При этом Бодуэн всегда подчеркивал, что важнейшей задачей фонетики является «рассмотрение отдельных звуков в связи со значением слов», поскольку существуют «взаимные отношения, основанные на связи значения со звуком» (ср. получившее широкое признание в XX в. учение о смыслоразличительной функции фонем). С другой стороны, отмечалась и тесная связь фонетики с морфологией, поскольку «морфологические сопоставления составляют исходную точку для сопоставлений фонетических».

Внимание к морфологическим проблемам языка сказалось и в выделении Бодуэном понятия *морфемы*. Здесь также отмечается некоторая эволюция его взглядов. В ранних работах она определяется как «любая часть слова, обладающая самостоятельную психологическую жизнь и далее неделимая с этой точки зрения (то есть с точки зрения самостоятельной психической жизни)». Это понятие охватывает, следовательно, корень... всевозможные аффиксы, как суффиксы, префиксы, окончания... и т.д.». В дальнейшем он отходит от определения морфемы как части слова (поскольку сами «слова являются обыкновенно частями фактически произносимого»). Меняется и отношение к психологической реальности морфемы: если первоначально Бодуэн считал, что существуют только произносимые слова, а окончания искусственно выделяются из них для научных целей, то позднее он приходит к несколько иному выводу: «На все морфологические элементы языкового мышления — морфемы, синтагмы... — следует смотреть не как на научные фикции или измышления, а только как на живые психические единицы» (доказательством чего, по его мнению, могут служить различного рода речевые обмолвки типа «*вертом хвостит*»).

Переходя к проблемам языковой эволюции, можно выделить следующие моменты. Разграничивая речь и язык, Бодуэн отмечает, что развитие того и другого происходит по-разному: «Только у индивидуумов имеет место развитие в точном понимании этого слова. Языку же племени свойственно прерывающееся развитие» (отсюда даже делался вывод о том, что «язык как общественное явление развития не имеет и иметь не может. Он может иметь только историю»). Таким образом, развитие представляет собой непрерывную протяженность однородных явлений, находящихся в непосредственной причинной зависимости, тогда как история — прерывистое развитие, периоды которого связаны опосредованной причинностью, и соответствующая формула истории выгладит как $\infty = m$, т.е. «бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное число раз, дает известную, заметную определенную переменную», представляющую собой переход из одного состояния в другое¹. При этом уже в ранних работах Бодуэн разграничивает внешнюю и внутреннюю историю, определяя различие между ними следующим образом: «Внешняя история языка связана с судьбами его носителей, т.е. с судьбами говорящих им индивидуумов, с судьбами его носителей. В круг ее исследований входит распространение языка, как географическое, так и этнографическое... Внутренняя же история языка занимается развитием языка самого по себе, жизнью языка, разумеется, не отвлекая его неестественным образом от его носителей, от людей, а, напротив того, понимая его всегда в связи с физической и психической организацией говорящего на нем народа. Но она не заботится о судьбах языка, только обращает внимание на перемены, происходящие внутри его же самого. Внутренняя история языка исследует, как народ говорит в известное время или в

¹ В некоторых работах начала 80-х годов XIX в. Бодуэн вместо двухчастного деления (статика — динамика) предлагает трехчленную схему: статика — динамика — история. При таком понимании статика описывает то, что существует, без учета изменчивости, динамика исследует и определяет условия изменчивости, а история, являясь общественной наукой, констатирует совершившиеся в языке изменения.

течение многих веков и почему так говорит, внешняя — сколько людей говорит и когда (границы языка)».

Отказавшись (как и подавляющее большинство других языковедов конца XIX — начала XX в.) от каких-либо идей стадильности в языковом развитии и скептически относясь к традиционному делению языков на корневые, агглютинативные, флективные и др., поскольку в одном и том же языке могут быть представлены разные явления, Бодуэн вместе с тем всегда уделял достаточно пристальное внимание такому изучению языков, которое позже получило название типологического. В частности, он, с одной стороны, обращал внимание на важность сопоставительного исследования родственных языков с целью выявить общие закономерности их развития, а с другой — на выявление сходств и различий между языками независимо от существующих между ними генеалогических, исторических, ареальных и прочих связей: «Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу и исторически, и географически. С этой точки зрения мы можем сравнивать развитие языков романских с развитием языков новоиндийских, развитие языков славянских с развитием языков семитических, развитие языка русского с развитием языка коптского, развитие языка английского с развитием языка китайского и т.п.». В связи этим он подчеркивал, что «характеристики языков по известным статическим особенностям должны быть заменены характеристиками по целым линиям исторического развития, по целым линиям постепенных видоизменений, проделанных языками в течение их многовековой исторической жизни».

При характеристике причин языковых изменений Бодуэн де Куртенэ наиболее сильно расходился с ортодоксальным младограмматизмом, неоднократно повторяя тезис: «Нет никаких “звуковых законов”». Указывая, что последние являются результатом действия самых разнообразных и противоречивых факторов, в связи с чем их вообще нельзя именовать «законами» и утверждая, что «объяснение языковых явлений может быть только

психологическим или в известных пределах физиологическим», Бодуэн отдавал решительное предпочтение первому фактору, проявляя обостренное внимание прежде всего к морфологическим факторам языковой эволюции. Применив независимо от младограмматиков (и раньше их!) принцип аналогии, Бодуэн вместе с тем уже в ранних работах выделял различные факторы языкового развития: привычку (бессознательную память), бессознательное забвение и непонимание, бессознательное обобщение, бессознательное стремление к дифференциации и особенно стремление к удобству, экономии работы мускулов, нервных разветвлений мозга и т.д., в результате чего упрощаются сложные звуки и их сочетания, увеличивается регулярность морфологической системы и т.п. Допускает Бодуэн и сознательное воздействие на язык, отмечая, что, поскольку «язык неотделим от человека и постоянно сопровождает его, человек должен владеть им еще более полно и сделать его еще более зависимым от своего сознательного вмешательства, чем это мы видим в других областях человеческой жизни». Причем, по мнению Бодуэна, языковые изменения связаны с проявлением той или иной общей тенденции в развитии конкретных языков (например, для русского — ослабление противопоставлений для гласных и усиления для согласных).

Что касается вопросов компаративистики в узком смысле слова, в частности, столь волновавшей многих его современников проблемы реконструкции праязыка и степени ее достоверности, то эта тематика занимала в деятельности Бодуэна относительно мало места, а «археологический характер» подобных изысканий и свойственное их авторам «реконструкционное пенкоснимательство» вызывало у него весьма ироническое и сдержанное отношение. Последовательное отрицание шлейхеровского натурализма привело его и к отрицательной оценке как «теории родословного древа», так и «теории воли». «Здесь, как и в других разделах языкознания, — писал он, — нас поражает укоренившаяся привычка персонификации и вообще одухотворения понятия языка, человеческой речи, т.е. привычка рассматривать языки как особые существа, как “живые орга-

низмы”, в отрыве от людей. Только при таком ошибочном подходе могли возникнуть “генеалогические древа” родственных языков (Stammbautheorie) и “теория волн” (Wellen theorie). Наивно (провозглашаемая теория “генеалогического древа” основывается на представлении, что язык является существом типа животного или растения... Теория волн, расходящихся из определенных центров, теория приобретения от соседей тенденций к определенным изменениям в том или ином направлении.... вызывает у нас предположение, что язык, оторванный от человека, является текучей, жидкой субстанцией, чем-то вроде воды или даже отравляющих газов». (Впрочем, второй концепции Бодуэн все же отдавал некоторое преимущество.)

В заключение необходимо отметить, что при всем своем интересе к теоретическим проблемам языкознания Бодуэн де Куртене уделял достаточно много внимания и практическим аспектам научной работы. Он отдал много сил дополнению и редактированию третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, участвовал (вместе с Ф.Ф. Фортунатовым, А.А. Шахматовым и другими видными лингвистами той поры) в разработке проекта реформы русской орфографии, официально утвержденного уже после революции. Занимался он и политической деятельностью, в частности, отстаивая права национальных меньшинств царской России (за изданную в 1913 г. брошюру «Национальный и территориальный принцип в автономии» ученый даже был приговорен к заключению в крепости).

Сам Бодуэн, характеризуя свою научную деятельность, не без сожаления признавал, что часто в ней «высказывалось много новых мыслей, которые, однако же, оставались большей частью набросками и недомолвками без надлежащего развития». Действительно, то обстоятельство, что ни сам Бодуэн, ни его ученики не создали труда, подобного «Курсу общей лингвистики» Соссюра, вероятно, в какой-то степени уменьшило воздействие «бодуэнианства» на мировое языкознание, хотя многие его идеи оказали весьма существенное влияние на ряд выдающихся представителей науки о языке XX в.

Казанская лингвистическая школа

Характеризуя личность Бодуэна де Куртенэ, один из его бывших студентов, ставший впоследствии видным языковедом, — В.И. Чернышев отмечал в качестве отличительной особенности своего учителя гармоничный синтез научного и педагогического начала: «И.А. Бодуэн де Куртенэ был ученым по природным дарованиям, по призванию. Я думаю, что также по призванию он был и педагог: профессор, научный руководитель, учитель. Он с редкой охотой делился своими научными знаниями; он любил учить и по большому опыту, по привычке, по убеждению».

Действительно, с именем Бодуэна де Куртенэ традиционно связывают формирование двух школ отечественной лингвистики — *Казанской*, возникновение которой относят к 70-м — началу 80-х гг. XIX в., когда Бодуэн де Куртенэ занимал кафедру сравнительного языкознания в местном университете, и *Петербургской*, возникновение которой относится уже к началу XX в. Поскольку наиболее крупные труды ее виднейших представителей (Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, В.В. Виноградова и др.) были созданы в основном после Октябрьской революции, их рассматривают обычно в разделах, посвященных советскому языкознанию. Что касается Казанской школы (само существование которой, кстати, порой ставилось под сомнение и самим Бодуэном, чьи отношения с учениками не всегда носили безоблачный характер, и некоторыми позднейшими историками нашей науки), то в ее рядах наиболее заметными фигурами являлись Н.В. Крушевский и В.А. Богородицкий, судьбы которых во многом оказались контрастными.

Николай Владиславович (Николай Хабданк) Крушевский (1851—1887) прожил очень короткую жизнь, причем активной лингвистической работой он мог заниматься всего семь лет. Поляк по происхождению, вынужденный работать школьным учителем в глухом городе Троицке (ныне Челябинской области), переехавший в Казань, защитивший там две диссертации, но в 34 года вынужденный уйти в отставку из-за психического заболевания, активно общавшийся с Бодуэном, но оказавшийся с

ним в напряженных личных отношениях (что, несомненно, сказалось на тоне написанного последним некролога о своем бывшем ученике), Крушевский прежде всего стремился к созданию общей теории языка. Характерно, что тема его докторской диссертации, защищенной в 1883 г., звучала весьма широко: «Очерк науки о языке»; да и в первой — магистерской диссертации, посвященной проблемам чередований¹, он утверждал, что целью лингвистики в конечном итоге должно быть раскрытие законов, управляющих явлениями языка. В дальнейшем, развивая это положение, Крушевский неоднократно подчеркивал, что основная задача нашей науки — это «исследовать естественный процесс развития языка, т.е. раскрыть законы, по которым он развивается с формальной и функциональной стороны», «исследовать всевозможные явления языка, а равно и законы и условия их изменений».

Причем это должны быть законы, «не допускающие никаких исключений и уклонений» и действующие, подобно законам природы, «для всех времен и всех языков» (в связи с чем и само языкознание отнесено не к историческим, а к естественным наукам). Наилучшим источником сведений о законах языка должны быть именно живые языки, поскольку «в прошлом и мертвом или весьма трудно бывает раскрыть какие-нибудь законы, или совсем невозможно». Выделяются законы *статические*, определяющие общие свойства языка, и *динамические*, определяющие закономерности звуковых изменений. Законы также могут быть физико-физиологические и психологические («законы ассоциаций одинаково важны для понимания как психических, так и языковых явлений»). Ассоциации могут быть по сходству (*веду—ведешь, ведет—ведение, ведет—возит* и т.п.) и по смежности (*внести—деньги, собака—лаять* и др.), что в современной терминологии соответствует парадигматическим и синтагматическим отношениям между языковыми единицами. Сами изме-

¹ Она носила название «К вопросу о гуне (исследование в области старославянского вокализма)» и была защищена в 1881 г. (о понятии гуны см. раздел, посвященный древнеиндийской лингвистической традиции).

нения могут быть постепенными и непрерывными (в результате бессознательного стремления к упрощению артикуляции, а также приспособления к соседним артикуляциям) и такие, в которых «трудно допустить постепенности». К последним относятся прежде всего изменения по аналогии, т.е. ассоциация по сходству, тогда как ассоциация по смежности обеспечивает воспроизведение уже существующих единиц. Поэтому первая, согласно Крушевскому, представляет собой прогрессивную силу, ведущую к упорядочению системы, тогда как вторая — силу консервативную; антагонизм между ними, с определенной точки зрения, и обеспечивает постоянное развитие языка, у которого, однако есть определенная цель: «...Если язык есть не что иное, как система знаков, то идеальное состояние языка будет то, при котором между системой знаков и тем, что она обозначает, будет полное соответствие... Развиваясь, язык стремится к совершенному всеобщему и частичному соответствию мира слов миру понятий».

На современную ему науку работы Крушевского (хотя они были — в переводе на немецкий язык — известны и за пределами России) особого воздействия не оказали, да и сам Бодуэн позже отзывался о многих положениях своего коллеги по работе в Казани достаточно скептически. Посмертный «ренессанс» и посмертная слава пришли к его идеям лишь в середине XX в., когда их создателя — в чем основную роль сыграл Р. Якобсон — провозгласили, наряду с Соссюром и Бодуэном, предтечей новой лингвистики.

По-иному складывалась личная и научная судьба **Василия Алексеевича Богородицкого** (1857—1941), прожившего относительно долгую жизнь, всегда работавшего в Казани и создавшего ряд работ в различных областях (экспериментальная фонетика, диалектология, тюркология, индоевропеистика, романо-германская филология, теория художественной речи и др.), получившего определенное признание (он являлся членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в советские годы — членом-корреспондентом Академии наук СССР), но никогда не игравшего определяющей роли в лингвистике. Посмертная судьба наследия Богородицкого также не претерпела никаких-

либо особых потрясений, и в истории отечественной науки о языке ему, если можно так выразиться, отведено прочное место среди классиков «второго ранга».

Среди проблем общелингвистического характера, которыми занимался Богородицкий, выделяют обычно развитие идей о морфологической абсорбции, т.е. изменении границ между морфемами слова в результате действия фонетических и психологических факторов, вследствие чего наблюдается смешение типов склонения, исчезновение прежних и появление новых основ и т.д. Об этих процессах писали как сам Бодуэн, так и Крушевский, однако именно Богородицкий детально разработал учение о видах морфологических процессов, среди которых им выделяются следующие:

- *аналогия*, при которой изменение в какой-либо форме возникает не фонетическим путем, а в результате выравнивания по другим формам (например, глагол *чихать* некогда имел в 1 лице единственного числа форму *чишу*, но под влиянием таких широко распространенных глаголов как *читать—читаю*, *мечтать—мечтаю* и др. утвердилась форма *чихаю*);
- *дифференциация*, причиной которой является выразительность языка. В результате этого процесса за каждым вновь возникающим оттенком значения закрепляется особое выражение (например, в формах родительного падежа единственного числа существительных мужского рода *-а* является общим окончанием, тогда как *-у* преимущественно употребляется у измеряемых слов, количество которых указывается: ср. *снег-а* и *снег-у*);
- *опрошение*, в результате которого «слово, в умах индивидуумов прежнего времени разлагавшееся на морфологические части, в умах индивидуумов последующего времени... не разлагается, становится простым» (например, *подушк-а* ранее состояло из *под-ушк-о*);
- *переразложение*, когда «слова в умах индивидуумов известного времени... ассоциируются не теми сходными частями,

которыми они ассоциировались в умах индивидуумов прежнего времени». Сущность этого процесса (и называемого абсорбцией) состоит, как правило, в том, что происходит сокращение основ в пользу аффиксов (например, в формах *женам*, *женами*, *женах* **a** первоначально принадлежало основе, т.е. они членились на *жена-м*, *жена-ми*, *жена-х*; сейчас оно воспринимается как принадлежность флексии и членение выглядит уже как *жен-ам*, *жен-ами*, *жен-ах*).

Среди лингвистов, близких в этот период к воззрениям Бодуэна де Куртенэ, называют и не принадлежавшего в собственном смысле к Казанской школе **Карла Аппеля** опубликовавшего в 1886 г. рецензию¹ на работы Курциуса и Шухардта, в которой содержится резкая критика младограмматического направления. В частности, Аппель упрекает представителей последнего в упрощении и схематичном понимании «звуковых законов», игнорировании морфологической стороны языковых изменений, отсутствии учета сознательного фактора и т.п., подчеркивая, что «причины явления следует искать не в анатомических и физиологических условиях артикуляции, но в психофизических условиях механизма языка, в известных отношениях (связях) психомоторных центров языка в мозге». В связи с этим Аппель отмечал роль Бодуэна в разработке и применении принципа аналогии, указывая, что она совершенно незаслуженно замалчивается. Однако эта статья осталась, по существу, единичным эпизодом, и о дальнейшей роли ее автора в развитии отечественной лингвистической мысли вряд ли можно говорить.

¹ Она появилась в издававшемся в Варшаве журнале «Русский филологический вестник».

РАЗДЕЛ XII

«Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра

В 1916 г. в Женеве вышла книга, сыгравшая исключительную роль в развитии языкознания XX в. Автором ее значился **Фердинанд де Соссюр** (1857—1913). Учившийся в Лейпциге и создавший там знаменитый «Мемуар о первоначальной системе индоевропейского вокализма», но так и не нашедший общего языка с немецкими коллегами-младограмматиками, работавший в Париже и положивший начало Французской социологической школе, о чем подробно говорилось выше, вернувшийся в 1891 г. в Женеву и преподававший в течение ряда лет самые разные курсы (по классическим языкам, германистике, санскриту и др.), крайне мало публиковавшийся, он получил в 1907 г., после смерти своего предшественника Жозефа Вертгеймера, преподававшего общее языкознание, возможность трижды прочитать студентам Женевского университета соответствующий курс, однако никак не оформляя его в письменном (и тем более сколько-нибудь пригодном для печати) виде. После его смерти коллеги покойного **Шарль Балли** (1865—1947) и **Альберт Сеше** (1870—1946) реконструировали текст лекций по имевшимся в их распоряжении студенческим конспектам разных лет, сведя таким образом все три курса в единое целое и подвергнув его определенному редактированию. Впоследствии и избранный издателями метод воспроизведения и аутентичность отдельных мест «Курса общей лингвистики» мыслям самого Соссюра многими ставились под сомнение, но именно «реставрация» Балли и Сеше стала, по сути, той отправной точкой, на которую опиралась или от которой отталкивалась подавляющая часть лингвистов последующих десятилетий.

Обстоятельства создания книги обусловили и тот факт, что в ней почти совсем не представлены указания на источники идей автора, ссылки на предшественников и т.п. Впоследствии комментаторы Соссюра указывали на связь его воззрений с концепциями французских социологов-позитивистов (Конта, Дюркгейма, Тарда), определенную преемственность с Гумбольдтом, знакомство с Бодуэном де Куртенэ, осведомленность о работах Н.В. Крушевского, влияние американского лингвиста У.Д. Уитни (одного из немногих, на кого Соссюр непосредственно ссылался) и т.д.¹ Однако, по замечанию А.А. Холодовича, редактировавшего том его избранных трудов, вышедший на русском языке в 1977 г., «Соссюр — не сложение идей, а система идей. А в этом случае проблема источника каждой идеи приобретает второстепенное значение».

Дихотомии Соссюра и членения лингвистики

Характерной чертой концепции Соссюра, действительно в какой-то мере напоминающей гумбольдтовскую, было использование дихотомий — двух понятий, противопоставленных друг другу. Важнейшей из них признается дихотомия *языка и речи*. «Внутри общего феномена, каким является речевая деятельность» (четкого определения последней в «Курсе» не содержится, но по существу она выступает как понятие речи вообще, т.е. свойства, присущего человеку), они противостоят друг другу по следующим основным характеристикам:

- язык «является социальным продуктом... он существует полностью лишь в коллективе». Напротив, речь — это

¹ Среди претендентов на роль предшественника Соссюра был и В.А. Богородицкий, писавший: «...Идею» синхронизма «при лингвистических сопоставлениях я выдвинул за целую четверть века до... де Соссюра, который имел в своем распоряжении мою немецкую брошюру... и если нет в его книге упоминания о ней, то это я объясняю посмертным изданием его книги, отчасти составленной по записям слушателей».

«индивидуальный акт воли и разума; в этом акте надлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объектировать эти комбинации»; поэтому «в речи нет ничего коллективного, проявления ее индивидуальны и мгновенны»;

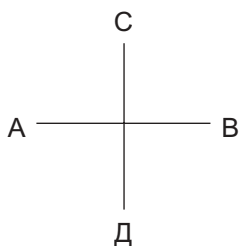
- язык — явление чисто психическое, «это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу; точнее сказать, у целой совокупности индивидов». Напротив речь психофизична, она есть «сумма всего того, что говорят люди» и включает: «а) индивидуальные комбинации, зависящие от воли говорящих, б) акты фонации, равным образом зависящие от воли говорящих и необходимые для реализации этих комбинаций»;
- язык не представляет собой деятельности, это «готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим: он никогда не предполагает сознательности»; напротив, речь, по определению, представляет собой сознательную деятельность говорящего;
- язык есть существенное, тогда как речь — нечто побочное и случайное.

Соссюр неоднократно подчеркивал взаимосвязь между языком и речью: «...Язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым эффективна; исторически факт речи всегда предшествует языку... Наконец, именно явлениями речи обусловлена эволюция языка... язык одновременно и орудие и продукт речи. Но все это не мешает речи и языку быть двумя совершенно различными вещами».

Отсюда делается вывод о необходимости существования двух разных лингвистик: лингвистики речи и лингвистики языка, поскольку «следовать двумя путями одновременно нельзя». Причем Соссюр четко указывает, что предметом его книги является исключительно последняя: «...Надо с самого начала встать

на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности».

Если противопоставление языка и речи у Соссюра — это «первая дихотомия, с которой сталкиваешься, как только приступаешь к построению теории речевой деятельности», то второй в его концепции является противопоставление *синхронии* и *диахронии* (одновременности и разновременности). Первую можно представить в виде оси одновременности (горизонтальной), рассматривающей отношение между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, вторую же как ось последовательности (вертикальную), «на которой никогда нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями».

Как и в первом случае, Соссюр подчеркивает бескомпромиссность и абсолютный характер противопоставления синхронии и диахронии. Здесь также выделяется большая и меньшая значимость каждого члена для языка: «Ясно, что синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он — подлинная и единственная реальность». Если синхрония системна, то диахрония системой не обладает, поскольку изменения происходят не во всей системе в целом, а лишь в отдельных ее элементах (хотя и сказываются на системе) и поэтому могут изучаться отдельно. Соответственно по-разному следует трактовать и понятие закона применительно к каждой из них (причем Соссюр оговаривает условность самого термина по отношению к языку): «Синхронический закон — общий закон. Но не императивный; попросту отображая суще-

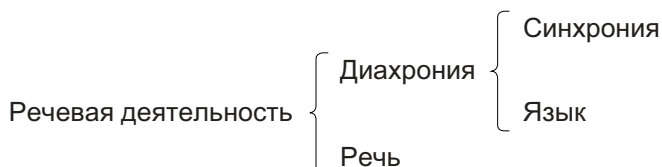
ствующий характер вещей, он только констатирует некое состояние... Таким образом, если и можно говорить о законе в синхронии, то только в смысле упорядочения в смысле принципа регулярности.

Диахрония предполагает, напротив того, динамический фактор, приводящий к определенному результату, производящий определенное действие. Но... диахронические события всегда в действительности носят случайный характер, несмотря на видимые исключения из этого...

Резюмируем: синхронические факты, каковы бы они ни были, обладают определенной регулярностью, но совершенно лишены какого-либо императивного характера; напротив, диахронические факты навязаны языку, но не имеют характера общности».

Из противопоставления синхронии и диахронии делается вывод, аналогичный тому, который был сделан на основании противопоставления языка и речи: необходимы две различные лингвистики — синхроническая и диахроническая. «Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, диахронично все, что касается эволюции». Естественно, что большая важность синхронии для говорящего предполагает и примат первой над второй: «Язык есть система, все части которой могут и должны рассматриваться в их синхронической взаимообусловленности». Соответственно всей лингвистике XIX в. адресуется упрек в том, что «с головой ушла в диахронию» и «уделяла слишком большое место истории». Напротив, представители докомпаративистской грамматической традиции (которая считалась «донаучной» как раз из-за отсутствия исторической перспективы) в данном пункте полностью реабилитируются, поскольку «их точка зрения по занимающему нас вопросу абсолютно безупречна. Их работы ясно показывают нам, что они стремились описывать состояния; их программа была строго синхронической... Классическую грамматику упрекали в том, что она не научна, между тем ее научная база менее повреждена критике, а ее предмет лучше определен, чем у той лингвистики, которую основал Бопп».

При всей взаимосвязи двух соссюровских дихотомий (на которую указывал сам Соссюр) взаимоотношение между ними трактуется в «Курсе общей лингвистики» не вполне однозначно. С одной стороны, Соссюр отмечает, что «все диахроническое в языке является таковым лишь через речь. Именно в речи источник всех изменений... Факту эволюции фактов в сфере речи...»

Автором «Курса» затрагивается и вопрос о том, можно ли помимо синхронии и диахронии выделять также *панхронию* (всевременность), иначе — говорить о «законах», как их понимают в естественных и физических науках, т.е. об отношениях, которые являются истинными везде и всегда. На него дается следующий ответ: «В лингвистике... есть правила, переживающие все события. Но это лишь общие принципы, не зависящие от конкретных фактов; в отношении же частных и осязаемых фактов никакой панхронической точки зрения быть не может... В этом мы и можем найти критерий для отличия того, что относится к языку, от того, что к нему не относится. Конкретный факт, допускающий панхроническое объяснение, не может принадлежать языку».

К рассмотренным членениям можно добавить также дихотомию *внешней и внутренней лингвистики*, правда, достаточно известную и до Соссюра (ср. например, внешнюю и внутреннюю историю в концепции Бодуэна де Куртенэ). К первой относятся связи между языком и этнологией, историей, географическим распределением языков, их диалектным дроблением, проблемами литературного языка и т.п. «Мы считаем весьма плодотворным изучение “внешнелингвистических”, т.е. внеязыковых явлений, — говорится в “Курсе”, — однако было бы ошибкой утверждать, будто без них нельзя познать внутренний организм языка... Вообще говоря, нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык». Предметом же

внутренней лингвистики будет являться собственно язык как система, подчиняющаяся лишь своему собственному порядку. Для иллюстрации своего положения Соссюр проводит аналогию с игрой в шахматы (используемую им и при рассмотрении других вопросов): «То, что эта игра пришла в Европу из Персии, есть факт внешнего порядка; напротив, внутренним является все то, что касается системы и правил игры. Если я фигуры из дерева заменю фигурами из слоновой кости, то такая замена будет безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет “грамматику” игры... внутренним является все то, что в какой-либо степени видоизменяет систему».

Языковой знак и его свойства

Одним из важнейших компонентов концепции, представленной в «Курсе общей лингвистики», является учение о языковом знаке. Последний определяется как «двусторонняя психическая сущность», связывающая не вещь и ее название, а понятие и акустический образ («психический отпечаток звука»), которые Соссюр предлагает именовать *означаемым* и *означающим*. Сам языковой знак обладает двумя основными свойствами: *произвольностью* и *линейностью*.

Произвольность должна пониматься как отсутствие естественной связи между означаемым и означающим (немотивированность). Любое означаемое в принципе может быть выражено любым сочетанием звуков, что доказывается самим фактом существования разных языков.

Линейность присуща означающему. Суть ее заключается в том, что последнее, развертываясь во времени, обладает протяженностью, которая имеет только одно измерение — линию: элементы означающего «следует один за другим, образуя цепь».

С другой стороны, характеризуя языковой знак, Соссюр обращает внимание на противоречие между такими его свойствами, как неизменность и изменчивость.

Первое непосредственно связано с невозможностью сознательного воздействия на язык в собственном смысле этого слова: «Если по отношению к выражаемому им понятию означаемое представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано... Не только отдельный человек не мог бы, если бы он захотел ни в чем изменить сделанный уже языком выбор, но и сам языковой коллектив не имеет власти ни над одним словом; общество принимает язык таким, каким он есть».

Подчеркивая в связи с этим социальную природу языка, Соссюр называет четыре основные причины, определяющие данное свойство языка:

- 1) Сама произвольность знака лишает смысла вопрос о сознательном его изменении, поскольку нет никаких разумных оснований предпочитать одно означающее другому. «Именно потому, что знак произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции, и, наоборот, он может быть произвольным только потому, что опирается на традицию».
- 2) Множественность знаков, существующих в языке (число знаков в принципе бесконечно, в отличие, например, от букв в системе письма), также препятствует его изменению.
- 3) Языковая система обладает слишком сложным характером, постичь который можно лишь путем специальных размышлений и о котором большинство пользующихся языком ничего не знает.
- 4) Наконец, важнейшим фактом устойчивости языкового знака является «сопротивление коллективной косности». «В каждый данный момент язык есть дело всех и каждого; будучи распространен в некотором коллективе и служа ему, язык есть нечто такое, чем каждый человек пользуется ежечасно, ежеминутно. В этом отношении его никак нельзя сравнить с другими общественными установлениями... Из всех общественных установлений язык представляет меньше всего возможностей для проявления

инициативы. Он составляет неотъемлемую часть жизни общества, которое, будучи по природе инертным, выступает прежде всего как консервативный фактор».

Отсюда Соссюр делает вывод как о невозможности «революции в языке», так и о фактической нецелесообразности какого-либо сознательного вмешательства в систему языка и попыток ее «урегулирования»: «Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматиков, логиков и т.д. Но опыт показывает, что до сего дня такого рода попытки успеха не имели».

С другой стороны, сам фактор существования языка во времени, обеспечивая устойчивость знака («Связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора, мы говорим “человек” и “собака”, потому что и до нас говорили “человек” и “собака”»), одновременно в большей или меньшей степени изменяет языковые знаки, приводя к сдвигу отношения между означающим и означаемым. И, как подчеркивается в «Курсе», неспособность языка сопротивляться обуславливающим указанный сдвиг факторам («эта эволюция является неизбежной: нет языка, который был бы от нее свободен») — также вытекает из произвольности языка: «Прочие общественные установления — обычаи, законы и т.п. — основаны, в различной степени, на естественных отношениях вещей; в них есть необходимое соответствие между использованными средствами и поставленными целями. Даже мода, определяющая наш костюм, не вполне произвольна: нельзя отклониться далее определенной меры от условий, диктуемых свойствами человеческого тела. Язык же, напротив, ничем не ограничен в выборе своих средств, ибо нельзя себе представить, что могло бы воспрепятствовать ассоциации какого угодно понятия с какой угодно последовательностью звуков». Этот фундаментальный принцип, по мнению Соссюра, распространяется и на искусственные языки, если только последние «перейдут в общее пользование», т.е. станут использоваться в качестве коммуникативного средства: «Человек, который пожелал бы создать неизменяющийся язык для будущих поколений, походил бы на курицу, высидевшую утиное яйцо: созданный им

язык волей-неволей был бы захвачен течением, увлекающим вообще все языки».

Системный характер языка в концепции Соссюра

При рассмотрении различных общелингвистических проблем в «Курсе общей лингвистики» неоднократно повторяется тезис: «Язык есть система знаков, выражающих понятия». С этой точки зрения его можно сравнивать с азбукой для глухонемых, символическими обрядами и т.п. Отмечая, что язык является самой важной из знаковых систем, Соссюр вместе с тем подчеркивает, что желающий «обнаружить истинную природу языка должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка». Отсюда делается вывод, что языкознание должно рассматриваться лишь как часть науки, изучающей «жизнь знаков в рамках жизни общества». В «Курсе общей лингвистики» ее предлагается называть *семиологией*. Причем предполагают, что Соссюр не знал о том, что еще в последней трети XIX в. идеи создания такого рода науки о языках высказывал американский философ, логик и математик **Чарльз Сандерс Пирс** (1839—1914), предложивший назвать ее *семиотикой*, именно этот термин и закрепился впоследствии для ее обозначения¹.

С другой стороны, системный характер языка крайне важен для понимания истинной природы языковых знаков, поскольку определяет существенные для их характеристики моменты:

- решающую роль играет не положительная сторона языкового знака, а его противопоставленность другим знакам,

¹ Сам Соссюр относил ее создание к будущему, указывая: «Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, трудно сказать, чем она будет, но она имеет право на существование... законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике...»

входящим в данную систему. «В языке, — утверждает Соссюр, — нет ничего, кроме различий... в языке имеются только различия без положительных членов системы... И понятие и звуковой материал, заключенные в знаке, имеют меньше значения, нежели то, что есть вокруг него в других знаках... Отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей... язык есть форма, а не субстанция»;

- образующие систему языка знаки вступают между собой в два типа отношений. С одной стороны, они соединяются друг с другом, выстраиваясь один за другим в потоке речи и образуя сочетания, имеющие протяженность (синтагмы). С другой стороны, вне процесса речи слова могут ассоциироваться в памяти, образуя различные группы. Первый тип отношений Соссюр называет *синтагматическим*, второй *ассоциативным*;
- синтагматические и ассоциативные группы взаимосвязаны и обуславливают друг друга; иначе говоря, составные части синтагмы выделяют благодаря соответствующим ассоциативным связям, а координация в пространстве способствует созданию последних. Например, латинское *quadrupes* «четвертной» является синтагмой лишь потому, что ассоциируется, с одной стороны, с такими словами, как *quadrupes*, *quadrifrons*, *quadraginta* и др., а с другой стороны — со словами *simplex*, *triplex*, *centuplex* и др.¹;
- вхождение в систему обуславливает ограничение произвольности знаков: если одна их часть абсолютно произвольна, то другая является относительно мотивированной. Например, слова «пять», «десять» немотивированы, но слово «пятьдесят» немотивировано в относительно меньшей степени, поскольку вызывает представление о словах, из которых составлено и с которыми связано;

¹ В этом пункте не раз отмечалось определенное сходство с пониманием формы слова в фортунатовской школе.

- системность языка предполагает различие понятий значения и значимости. «Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но и значимостью, а это нечто совсем другое»: если первое представляет собой соответствие между понятием и акустическим образом внутри знака, то второе определяется его отношением к другим знакам. Так французское слово *mouton* — «баран» может совпадать по значению с соответствующим русским, но у них неодинаковые значимости, поскольку, говоря о приготовленном куске мяса, русский употребит слово «баранина», т.е. различие в значимости связано с наличием в русском языке двух слов — «баран» и «баранина», чего нет во французском. Аналогично обстоит дело и с грамматическими категориями: значение множественного числа, например, во французском и санскрите чаще всего совпадает, но при этом в санскрите имеется также особая форма двойственного числа. «Было бы неточно, — резюмирует Соссюр, — приписывать одинаковую значимость множественному числу в санскритском и французском языке, так как в санскритском языке множественное число употребляется не во всех случаях, где оно употребляется во французском; следовательно, значимость множественного числа зависит от того, что находится вне и вокруг него (в системе)».

Основные разделы языкознания

Как и большинство авторов лекционных курсов и учебных пособий по введению в языкознание, Соссюр уделяет достаточно большое внимание звуковой стороне языка и ее соотношению с письменной фиксацией. Поскольку здесь, по единодушному мнению подавляющего большинства комментаторов и историков, его подход в значительной степени традиционен, остановимся лишь на нескольких моментах общего характера.

Во-первых, привлекает внимание то обстоятельство, что Соссюр предлагает различать понятия *фонетики* и *фонологии*. Впоследствии эта терминологическая дифференциация стала одной из важнейших составляющих структурной лингвистики; однако у самого женеvского языковеда граница между ними проходит отнюдь не там, где у подавляющего большинства структуралистов (их воззрения будут рассмотрены в дальнейшем).

Фонетикой Соссюр предлагает называть исключительно учение об эволюции звуков (историческую фонетику по общепринятому обозначению), а фонологией — физиологию звуков. «Фонетика — наука историческая: она анализирует события, преобразования и движения во времени. Фонология находится вне времени, так как механизм артикуляции всегда остается тождественным самому себе». Соответственно первая относится к науке о языке, тогда как вторая представляет собой вспомогательную дисциплину и затрагивает только речь. Мотивируя данное положение, Соссюр вновь подчеркивает: «Язык есть система, основанная на психическом противопоставлении акустических впечатлений, подобно тому как художественный ковер есть произведение искусства, созданное путем зрительного противопоставления нитей различных цветов; и для анализа такого художественного произведения имеет значение игра этих противопоставлений, а не способы получения каждого цвета».

Во-вторых, сама фонема, понимаемая как первичная единица, получаемая при расчленении речевой цепочки, в разделе фонологии определяется как «сумма акустических впечатлений и артикуляционных движений, совокупность слышимой единицы и произносимой единицы, из коих одна обусловлена другой...» Вместе с тем дальше отмечается: «Фонемы — это прежде всего оппозитивные, относительные и отрицательные сущности». И указывая, что каждый язык «оперирует определенной гаммой фонем, число которых строго ограничено», автор «Курса» резюмирует: «...Чтобы познать звуковые единицы языка, нет необходимости характеризовать их положительные качества, достаточно рассмотреть их как дифференциальные величины, сущность которых состоит в том, чтобы не смешивать друг с другом».

В разделе, посвященном синхронической лингвистике, привлекает внимание предлагаемая Соссюром трактовка грамматики. Отрицательно относясь к традиционному делению последней на морфологию и синтаксис, с одной стороны, и противопоставлению ее лексикологии — с другой, Соссюр формулирует свою точку зрения следующим образом: «Грамматика изучает язык как систему средств выражения; понятие грамматического покрывается понятиями синхронического и значимого... Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется, по существу, тождественным характером всех синхронических фактов. Между ними не может быть никаких заранее начертанных границ. Лишь установленное выше различие отношений синтагматических и ассоциативных представляет основу для классификации, которую навязывают сами факты и на которой единственно может строиться грамматическая система». Отмечая в связи с этим, что словоизменение является наиболее типичным примером ассоциативных отношений, а синтаксис, понимаемый как теория словосочетаний, отойдет в синтагматику (хотя не все синтагматические явления попадают в синтаксис), Соссюр заключает: «Надо научиться сводить, таким образом, каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному, и согласовывать все содержание грамматики с ее двумя естественными осями: только такое распределение и может нам показать, что именно следует изменить в привычных рамках синхронической лингвистики».

Наконец, в разделе, где речь идет о диахронической лингвистике¹, утверждается, что ее объектом «является в первую очередь фонетика». Указывая в связи с этим, что, разумеется, эволюционируют и грамматические категории, значения слов и т.д., Соссюр вместе с тем подчеркивает, что «в действительности мы сначала вступаем в область диахронии, когда изучаем фонетические изменения, а затем — в область синхронии, когда рас-

¹ Традиционный термин «историческая грамматика» не принимается Соссюром, поскольку грамматика имеет дело с системой, а по его концепции «не может быть системы, охватывающей несколько эпох».

смотрим вызванные этими изменениями следствия» (правда, оговаривая при этом, что фонетика не может объяснить эволюцию целиком, что создает определенные сложности). Само же рассмотрение диахронических проблем (фонетические изменения, аналогия и др.) принципиально новых решений не содержит (несмотря на определенное своеобразие толкования тех или иных аспектов последних) и, как правило, специально историками нашей науки не анализируется. То же самое можно сказать и о таких разделах «Курса», как географическая и ретроспективная лингвистики, в которых говорится о вопросах лингвистической географии, реконструкциях и степени их достоверности, взаимоотношениях между языком и расой, языковых семьях и т.п. Характерно, однако что завершается «Курс» в том виде, в каком он был опубликован, следующим пассажем: «Из сделанных нами экскурсов в пограничные области нашей науки вытекает следующий принцип чисто отрицательного свойства, но тем более интересный, что он совпадает с основной идеей этого курса: *единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе самом и для себя*». Впоследствии было много утверждений о том, что процитированная формулировка не принадлежит Соссюру и всецело лежит на совести его издателей; но именно она, по существу, стала своего рода боевым знаменем представителей структурной лингвистики.

РАЗДЕЛ XIII

Предпосылки появления структурализма и его основные особенности.

Пражская лингвистическая школа

Когда в 1916 г. «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра вышел в свет, большая часть европейского континента была охвачена пламенем Первой мировой войны, что, естественно, мало способствовало развитию языкознания. Однако последующие десятилетия были ознаменованы в истории нашей науки весьма важными событиями. Именно к этому периоду относится формирование большинства направлений, по существу определявших лицо мировой лингвистики в течение большей части XX в.

Характеризуя присущие ей черты, как современники происходивших тогда событий, так и их историки, обращали внимание на два в какой-то степени взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, сравнительно-историческое языкознание, почти безраздельно господствовавшее вплоть до начала XX в. и провозглашенное «единственно научным», начинает играть гораздо более скромную роль, что приводит к пересмотру отношения к младограмматической доктрине: если раньше отдельные выступления против тех или иных ее положений трактовались как «диссидентство» и рассматривались как «периферийные» по отношению к «магистральному пути» лингвистической мысли, то начиная с 20—30-х гг. XX в. резкая оппозиционность по отношению к положениям Лейпцигской школы характеризуется уже как едва ли не наиболее общая черта науки о языке, независимо от ее дифференциации на школы и направления. Во-вторых, само языкознание перестает быть «немецкой наукой»: Германия в эту эпоху явно утрачивает лидирующую роль, и на передний

план выходят новые центры мировой лингвистической мысли. Наиболее отчетливо «смена парадигмы» сказалась в этот период именно в зарождении и развитии *структурной лингвистики*, сложившейся как раз в межвоенную эпоху (20—30-е). Как и предшествовавшие ему течения, структурализм, с одной стороны, был подготовлен, если можно так выразиться, «внутренними причинами» — главным образом концепциями Ф. де Соссюра и И.А. Бодуэна де Куртенэ, а с другой — отражал общие тенденции развития научного знания.

В области философии прежде всего называют труды представителей *неопозитивизма* — **Рудольфа Карнапа** (1891—1970), **Людвига Витгенштейна** (1889—1951), **Бертрана Рассела** (1872—1970), **Альфреда Норта Уайтхеда** (1861—1947) и др., утверждавших, что единственным реальным объектом философии является язык, а ее задачей — объяснение языка науки. В определенной степени повлияла на представителей структурного языкознания и *феноменология* **Эдмунда Гуссерля** (1859—1938), согласно которому необходимо выделить в чистом виде категориальные основы научного мышления и «очистить» его от тех наслоений, которые привносятся культурой, историей, личными факторами и т.п. В сфере психологии существенным оказалось воздействие идей так называемой *гештальтпсихологии* (от нем. *Gestalt* — образ, форма, целостность), возникшей в Германии в начале XX в. Ее представители — **М. Вертгеймер** (1880—1944), **В. Келлер** (1887—1967), **К. Коффка** (1886—1941) исходили из того, что первичными и основными элементами психики являются целостные психические структуры — гештальты, формирование которых подчиняется внутренним имманентным законам. На американскую разновидность структурализма — дескриптивную лингвистику повлияла прежде всего *бихевиористская психология* (от англ. *behaviour* — поведение), возникшая приблизительно в тот же период. Ее основоположник — американский психолог **Дж. Уотсон** (1879—1931) и разделявшие его взгляды **К. Лешли** (1890—1958), **А. Вейс** (1879—1931) и др. сводили психологические явления к реакциям организма, отождествляя сознание и поведение и выделяя в качестве его основной единицы корреляцию (связь) сти-

мула и реакции. Наконец, относящиеся к рассматриваемому периоду успехи в области физико-математических (точных) наук также приводили многих лингвистов к выводу о целесообразности использования их методологии и при изучении такого объекта, каким является язык.

Указанные моменты способствуют тому, что в европейской науке первой половины XX в. возникает ряд течений, совокупность которых и принято объединять под общим названием «лингвистического структурализма»¹. При этом, с одной стороны, выделяются основные его направления (Пражская школа, Копенгагенская школа, отчасти Лондонская школа)², а с другой стороны — появляются так называемые структуралисты вне школ (французские языковеды Л. Теньер, Э. Бенвенист, А. Мартине, польский языковед Е. Курилович и др.). Особое место отводят историки нашей науки и Женевской лингвистической школе, виднейшие представители которой — Ш. Балли и А. Сеше, как отмечалось выше, и познакомили мир с идеями Соссюра. Наконец, в рассматриваемую эпоху разрабатывались и концепции таких ученых, как К. Бюлер, А. Гардинер и др., в той или иной степени развивавших отдельные положения соссюровской теории, но стоявших за пределами структурализма. Как оппозиция младограмматизму возникло и **неогумбольдтианство**, виднейшим представителем которого был Л. Вайсгербер, но которое по своим методологическим установкам было весьма далеко от структурализма.

Возвращаясь к основным особенностям и отличительным чертам последнего, можно заметить следующее. Если не считать чисто негативного признака, упоминавшегося выше, — неприятия установок Лейпцигской школы (отнюдь не специфического только для его приверженцев), называют обычно следующие моменты:

¹ Широкое распространение этого термина принято связывать с опубликованной в 1939 г. в «Трудах Пражского лингвистического кружка» статьей голландского философа Х. Поса «Перспективы структурализма».

² Американский структурализм (дескриптивная лингвистика) будет рассмотрен в разделе, посвященном развитию языкознания в США.

- каждый язык представляет собой структуру (систему), все части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены, причем система преобладает над элементами, организуя их в единое целое. Однако само понимание того, что представляет собой языковая структура, как соотносятся между собой понятия структуры и системы, зачастую было совершенно различным;
- основной задачей лингвистики является синхронное изучение системы языка, а не выявление истории отдельных элементов, ее составляющих (хотя конкретно по вопросу о соотношении синхронии и диахронии единство также отсутствовало);
- язык должен изучаться как особое явление, не смешиваясь с «внешними» (историческими, психологическими, социальными и прочими) аспектами (хотя опять-таки вопрос о соотношении «внешней» и «внутренней» лингвистики трактовался далеко не одинаково);
- необходимо разработать формализованные процедуры лингвистического анализа, позволяющие изучить и описать язык при помощи объективных методов (однако последние также существенным образом различались у тех или иных структуралистов);
- язык представляет собой структурно-стратификационное образование, т.е. состоит из ряда связанных между собой уровней (характеристика последних также отнюдь не всегда совпадала).

Имея в виду эти и ряд других расхождений, французский ученый А. Мартине в свое время заметил, что «само слово **структурализм** стало даже своего рода ярлыком почти для всякого движения, порвавшего с традицией» (т.е. с компаративистикой в ее младограмматическом истолковании). Тем не менее этот термин прочно вошел в историю нашей (да и не только нашей) науки, причем, несомненно, для этого имелись объективные основания.

Возникновение и основные положения Пражской лингвистической школы

Рассмотрение основных направлений структурной лингвистики традиционно принято начинать с деятельности **Пражской лингвистической школы**¹ (**Пражского лингвистического кружка** — **ПЛК**). Это объединение языковедов возникло в 1926 г. по инициативе чешского языковеда, специалиста в области германистики **Вилема Матезиуса** (1882—1945). Среди членов кружка были **Богумил Трнка** (1895—1984), **Богумил Гавранек** (1893—1978), **Ян Мукаржовский** (1891—1975), **Йозеф Коржинек** (1899—1945), **Владимир Скаличка** (р. в 1909 г.), **Йозеф Вахек** (1909—2004) и др. Активную роль в деятельности кружка играли эмигрировавшие из послереволюционной России **Николай Сергеевич Трубецкой** (1890—1938), бывший с 1922 г. профессором Венского университета, и **Роман Осипович Якобсон** (1896—1982), живший в Праге, а также учившийся в Женеве и большую часть жизни проработавший там **Сергей Осипович (Иосифович) Карцевский**² (1884—1955). Именно с их именами связано появление первого программного документа данного направления — «Тезисов Пражского лингвистического кружка», опубликованных к Первому Международному съезду славистов (1929) в первом выпуске «Трудов Пражского лингвистического кружка» — неперiodического издания, выходявшего до начала Второй мировой войны на французском языке (всего вышло восемь выпусков). Кроме того, с 1935 г. издавался и периодический орган — журнал «Slovo a Slovesnost» (впоследствии перешедший в ведение Академии наук).

¹ Само наименование «Пражская лингвистическая школа» (в отличие от самоназвания «кружок»), по имеющимся данным, было впервые употреблено в 1932 г. на Первом международном фонетическом конгрессе секретарем Международного комитета лингвистов И. Схейнером.

² В определенной степени этим можно объяснить тот факт, что из всех направлений структурализма (да и зарубежной лингвистики в целом) Пражская школа оказалась наиболее тесно связана с традициями русской науки, прежде всего с идеями И.А. Бодуэна де Куртенэ, хотя и Н.С. Трубецкой, и Р.О. Якобсон, получившие образование в Московском университете, не относились к числу его учеников.

Хотя номинально кружок существовал до 1952 г., фактически наиболее плодотворный период его деятельности падает на десятилетие с конца 20-х до конца 30-х годов. Оккупация Чехословакии гитлеровской Германией прервала возможность нормальной научной деятельности, а в послевоенные годы одних членов ПЛК не было в живых, Р. Якобсон жил и работал в США, а оставшиеся в Чехословакии члены кружка продолжали развивать заложенные при его основании традиции, но ведущей роли в мировой науке уже не играли. В какой-то степени сказались на судьбе пражского структурализма и те события, которые происходили в политической истории послевоенной Чехословакии.

Хотя для Пражской школы характерно было относительное единство взглядов, принадлежавшие к ней ученые, естественно, могли по-разному подходить к разрешению тех или иных конкретных вопросов, в том числе и таких фундаментальных, как проблема соотношения языка и речи. Так, Н. Трубецкой и В. Скаличка занимали позицию, близкую соссюрдовской, считая их разнородными явлениями: у первого названная дихотомия служит основой для разграничения фонологии (учения о звуках языка) и фонетики (учения о звуках речи); у второго она является базой для противопоставления структурной грамматики, объектом которой является язык, дескриптивной, имеющей дело с речью (позднее он пришел к выводу о необходимости специальной «лингвистики речи»). В то же время Й. Коржинек утверждал, что «соотношение между языком и речью представляет собой просто отношение между научным анализом, абстракцией и синтезом, классификацией и интеграцией, с одной стороны, и некоторыми явлениями действительности, выступающими как объект этого анализа, абстракции и т. д. — с другой».

При рассмотрении же общих для представителей Пражской школы положений, обращают внимание прежде всего на сформулированный уже в упоминавшихся выше «Тезисах» **функционально-структурный** принцип: «Являясь продуктом человеческой деятельности, язык вместе с тем имеет целевую направленность... Поэтому к лингвистическому анализу нужно подходить с функциональной точки зрения. С этой точки зрения язык есть систе-

ма средств выражения, служащая какой-то определенной цели¹. Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы к которой этот язык принадлежит».

Второй момент, специфический для членов ПЛК и также в значительной степени отличавший их от других приверженцев структурализма, — своеобразное понимание взаимоотношения между синхронией и диахронией. Соглашаясь с тем, что «лучший способ для познания сущности и характера языка — это синхронный анализ языковых фактов», поскольку именно последние «являются единственными данными, дающими исчерпывающий материал и позволяющими составить о них непосредственное представление», авторы «Тезисов» вместе с тем подчеркивают, что «нельзя воздвигать непреодолимые преграды между синхронией и диахронией, как это делала Женевская школа»². В связи с этим отмечалось, что, с одной стороны, нельзя судить о претерпеваемых языком изменениях без учета системы, ими затронутой и, таким образом, «диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным». С другой стороны, обращалось внимание и на то обстоятельство, что «синхроническое описание не может целиком исключить понятия эволюции, так как даже в синхронически рассматриваемом секторе языка всегда налицо сознание того, что наличная стадия сменяется стадией, находящейся в процессе формирования» (в связи с чем упоминаются такие стилистические элементы, которые воспринимаются как архаизмы, а также необходимость различать продуктивные и непродуктивные категории, которые «представляют явления диахронические» и «не могут быть исключены из синхронической лингвистики»).

В-третьих, в связи с функциональным подходом пражские языковеды поставили вопрос о различных функциях речевой деятельности и формах их реализации. Так, с одной стороны,

¹ Такое понимание известно под именем телеологического принципа.

² Примечательно, что одного из авторов этих слов — С. Карцевского — сами пражские лингвисты считали впоследствии скорее принадлежавшим именно к последней.

различается *внутренняя* и *внешняя* деятельность, с другой — *интеллектуальная* и *аффективная* речевая деятельность. Первая имеет прежде всего социальное назначение (связь с другими); вторая может также обладать им (если говорящий стремится вызвать у слушателя какие-либо эмоции), а также служить для выражения эмоций вне связи со слушателем. Отсюда делается вывод, что с точки зрения социальной роли речевая деятельность различается в зависимости от связи с внеязыковой действительностью. «При этом она имеет либо функцию общения, то есть направлена к означаемому, либо поэтическую функцию, то есть направлена к самому знаку». В первом случае язык может быть «ситуативным» (практическим), использующим дополнительный внелингвистический контекст, и языком формулировок (теоретическим), где используются слова — термины и фразы-суждения, благодаря чему язык стремится стать точным и полным, образуя по возможности замкнутое целое. Указывая на необходимость изучать разные формы языка (как с преобладанием одной, так и с переплетением нескольких функций) и устанавливать различную значимость последних в тех или иных конкретных функциях, пражские «Тезисы» приходили к несколько парадоксальному выводу: «Каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему — язык в собственном смысле слова». Отсюда большое внимание уделяется проблемам поэтической функции, художественной речи, литературного языка и т.п., что также сблизало ПЛК с традициями русской науки рассматриваемого периода.

В-четвертых, сосредоточение на проблемах «внутренней лингвистики» отнюдь не препятствовало вниманию к таким «внешнелингвистическим» вопросам, как социальная характеристика говорящих, межъязыковые контакты и т.п., что явно не укладывалось в формулу изучения языка «в себе самом и для себя».

Фонологическая концепция Пражской школы

Историки лингвистики, занимавшиеся структуралистическими концепциями, обратили внимание на любопытный пара-

докс: при всей своей оппозиционности младограмматическому направлению (и традиционно понимаемой компаративистике в целом) наибольших успехов приверженцы структурализма, подобно своим предшественникам, добились именно при изучении звуковой стороны. Как отмечал в этой связи основатель ПЛК В. Матезиус, плодотворность и гибкость новой точки зрения и новых методов проверяется прежде всего на звуковой стороне языка и «фонология становится ведущей дисциплиной в области функциональной, а также структурной лингвистики, подобно тому как историческая фонетика стала главным полем и гордостью исследования младограмматиков». Классическим трудом в этой области и, пожалуй, наиболее крупным вкладом Пражской школы в науку о языке вообще стала посмертно опубликованная в 1939 г. на немецком языке монография Н.С. Трубецкого «Основы фонологии», не завершенная из-за смерти ученого.

Разграничивая, как отмечалось выше, фонетику и фонологию и определяя первую «как **науку о материальной стороне (звуков) человеческой речи**», а вторую — как исследование того «что в составе звука несет определенную функцию в системе языка», Трубецкой постулирует и существующее между ними различие в методах: первая имеет дело с конкретными физическими явлениями, пользуется методами естественных наук, тогда как вторая — чисто лингвистическими методами (т.е. методами общественных или гуманитарных наук). Выделяя три функции звука: **кульминативную** (вершинообразующую), показывающую, какое количество слов и словосочетаний содержится в предложении, **делIMITATивную** (разграничительную), указывающую на границу между устойчивыми словосочетаниями, словами, морфемами, и **ДИСТИНКТИВную** (смыслоразличительную), способствующую различению значащих единиц, и указывая, что соответственно синхроническую фонологию можно разделить на три части, автор подчеркивает центральную роль третьей функции, отмечая, что «раздел, предметом которого является смыслоразличительная, или дистинктивная функция, по своему объему должен быть несравненно шире двух других разделов».

Этот раздел (действительно занимающий большую часть книги) Трубецкой начинает с рассмотрения понятия *фонологи-*

ческой (смыслоразличительной) оппозиции, определяемой им как «такое противоположение звуков, которое в данном языке может дифференцировать интеллектуальные значения». Члены такой оппозиции (фонологические единицы) могут быть весьма различными по объему; кратчайшие фонологические единицы, которые с точки зрения данного языка невозможно разложить на более краткие следующие друг за другом фонологические единицы, Трубецкой называет **фонемами**¹, определяя фонему как «совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию». Реализацией фонемы являются звуки речи, которые всегда, помимо фонологически существенных признаков, содержат и несущественные; поэтому их нельзя отождествлять с фонемами. С другой стороны, одна и та же фонема может реализоваться в различных звуках, представляющих собой ее **фонетические варианты**.

Формулируя правила выделения фонем, Трубецкой подробно останавливается на критериях, позволяющих отличать фонемы от вариантов, с одной стороны, и сочетания фонем — с другой. При этом основное внимание уделяется именно смыслоразделительной функции: если два звука, встречаясь в одной и той же позиции, могут замещать друг друга, не меняя значения слова, они рассматриваются как варианты одной фонемы; аналогично обстоит дело и с двумя акустически и артикуляционно родственными звуками (т.е. близкими **фонетически!**), которые никогда не встречаются в одной позиции; если же два звука, встречаясь в одной позиции, не могут заменить друг друга, не изменяя или не искажая при этом значения слова, их следует рассматривать как фонетические реализации разных фонем.

Особое внимание уделял автор «Основ фонологии» классификации оппозиций, подчеркивая, что «в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смыслоразделительным оппозициям. Любая фонема обладает определенным фонологическим содержа-

¹ Касаюсь в этой связи ранее дававшихся дефиниций фонемы (в частности, предлагавшихся И.А. Бодуэном де Куртенэ), Трубецкой специально подчеркивает, что «при определении фонемы не следует прибегать к психологии, так как фонема является языковым, а не психологическим понятием».

нием лишь постольку, поскольку система фонологических оппозиций обнаруживает определенный порядок или структуру».

Основаниями для классификации оппозиций, согласно Трубецкому, могут быть:

1. *Их отношение ко всей системе оппозиций в целом.* С этой точки зрения различаются, с одной стороны, оппозиции *одномерные и многомерные*, а с другой — *пропорциональные и изолированные*.

Одномерными называются такие оппозиции, в которых совокупность признаков в равной мере присущих обоим членам данной оппозиции, не присуща никакому другому члену той же системы (например, «в» — «ф» в русском — единственная пара губно-зубных щелевых).

Многомерными являются оппозиции, в которых совокупность общих признаков членов данной оппозиции распространяется и на другие члены данной системы (например, в оппозиции немецких «d» — «b» общий признак — образование слабой смычки — повторяется и в фонеме «g»).

Пропорциональные оппозиции характеризуются тем, что отношение между ее членами тождественно отношению между членами другой (или других) оппозиций (ср. в русском отношении между глухими и звонкими согласными, которое может быть представлена в виде пропорции «п» — «б» = «т» — «д» = «к» — «г»). В изолированных оппозициях различительные признаки, присущие членам данной оппозиции, не встречаются в других (например, так обстоит дело с русскими «п» — «ш»).

Как отмечает Трубецкой, в количественном отношении в любом языке многомерные отношения преобладают над одномерными, а изолированные — над пропорциональными. С другой стороны, само различие между пропорциональными и изолированными оппозициями может наблюдаться как в одномерных, так и в многомерных оппозициях. Так, в русском языке оппозиция «п» — «б» — одномерная и пропорциональная, «р» — «л» — одномерная и изолированная, «п» — «т» — многомерная и пропорциональная, а «п» — «ш» — многомерная и изолированная.

2. **Отношение, существующее между членами оппозиций.** В этом плане различаются *привативные, градуальные и экви-полентные* оппозиции. Привативными, по классификации Трубецкого, будут такие оппозиции, в которых один член характеризуется наличием, а другой отсутствием признака (например, звонкий — незвонкий согласный). Член оппозиции, обладающий признаком, является *маркированным*, а не обладающий им — *немаркированным*. Этот тип оппозиций особенно важен в фонологической системе любого языка.

Градуальными (ступенчатыми) являются оппозиции, члены которых характеризуются разной степенью (градацией) одного и того же признака (например, оппозиция между различными степенями раствора у гласных «о» — «у»). Этот тип оппозиций сравнительно редок и не так важен, как предыдущий.

В эквиполентных (равнозначных) оппозициях оба члена логически равноправны и не принадлежат ни к привативным, ни к градуальным оппозициям (например, «п» — «т»). Оппозиции этого типа являются наиболее частыми в любом языке.

Отмечая, что в определенной степени квалификация оппозиции как привативной, градуальной или эквиполентной зависит от точки зрения исследователя, Трубецкой вместе с тем подчеркивает, что она ни в коем случае не может считаться субъективной и произвольной. «Сама структура и функционирование фонологической системы определяют в большинстве случаев совершенно однозначную и объективную квалификацию любой оппозиции». Так, если в языке имеются, кроме «о» и «у», другие гласные заднего ряда (например, «а»), оппозиция «о» — «у» должна быть признана градуальной, тогда как при их отсутствии ее нельзя признавать таковой.

3. **Объем смысловозначительной силы или действительности в различных позициях.** В указанном отношении оппозиции могут быть *постоянными* и *нейтрализуемыми*. Так, в русском языке противопоставление по назализации «м» — «т» возможно во всех позициях и образует постоянную

оппозицию. Но противопоставление звонкого «б» и глухого «п» в определенных положениях (например, в конце слова) снимается (нейтрализуется). Такие оппозиции Трубецкой называет нейтрализуемыми; положения, при которых возникает нейтрализация, являются позициями *нейтрализации*, а положения, при которых оппозиция сохраняет свою значимость, — позициями *релевантности*. При нейтрализации в качестве действительных признаков остаются только признаки, общие для обоих членов оппозиции. Их совокупность представляет собой *архифонему*. По Трубецкому, нейтрализовываться могут только одномерные оппозиции, поскольку лишь они имеют архифонемы, противопоставляемые всем другим членам данной системы.

Специально выделяет Трубецкой привативные, одномерные и пропорциональные оппозиции, члены которых образуют *коррелятивные* пары (например, так обстоит дело с оппозицией звонких и глухих согласных в русском языке). Совокупность всех коррелятивных пар, обладающих одним и тем же коррелятивным признаком (т.е. признаком, наличие или отсутствие которого характеризует ряд коррелятивных пар), Трубецкой называет *корреляцией*. Фонема, участвующая в коррелятивной паре, является *парной*, не участвующая — *непарной*.

Особый раздел так называемой «фонологии слова» составляет *морфонология*, которой Трубецкой посвятил специальную статью «Некоторые соображения относительно морфонологии», опубликованную в «Трудах ПЛК» в 1931 г. Объектом этой дисциплины является морфологическое использование фонологических средств; в качестве ее основной единицы Трубецкой выдвигал понятие *морфонемы*, позднее определяемой как «мыслимая как морфонологическое единство совокупность фонем, участвующих в данном чередовании»¹ (хотя это понятие и вызвало довольно резко критику).

¹ Первоначально морфонема определялась как «сложное представление, состоящее из всех членов морфологического чередования».

Завершая разговор о фонологической концепции Пражской школы, можно отметить, что наряду с синхронным описанием фонологических систем ее представители считали необходимой и разработку проблем диахронической фонологии, крупный вклад в которую внесли, в частности, работы Р.О. Якобсона. При этом — в соответствии с общими установками ПЛК — были выдвинуты два основных принципа: 1) ни одно звуковое изменение не может быть понято без обращения к системе и 2) каждое изменение в фонологической системе является целенаправленным.

Грамматические идеи в трудах представителей Пражской школы

Говоря о вкладе пражских лингвистов в область грамматической теории, чаще всего обращают внимание на следующие моменты.

Во-первых, уже в тезисах ПЛК было выдвинуто новое деление науки о языке. Слова и устойчивые сочетания слов были отнесены к *теории лингвистической номинации*, в сферу которой должны были войти словообразование, синтаксис в узком смысле слова (значение частей речи) и семантика (характеристика словаря). Сочетания слов, возникающие в результате синтагматической деятельности, изучаются в *теории синтагматических способов*. Что касается морфологии, представляющей собой теорию системы форм слов и их групп, то она не существует самостоятельно, а перекрещивается с первыми двумя.

Во-вторых, историки языкознания отмечали и попытки представителей рассматриваемого направления использовать в исследовании грамматики методы, разработанные в фонологии (оговаривая, правда, что речь не идет о механическом перенесении). Причем указывалось, что подобный подход был связан с убеждением, что подобно тому как в грамматике центральное место принадлежит значению, в фонологии основным понятием является смысловоразличительная функция фонемы. В связи с этим привлекали внимание работы В. Скалички, считавшего,

что нельзя рассматривать морфему как далее неделимую грамматическую единицу, поскольку, будучи неделимой со стороны формы, она может включать несколько минимальных значимых единиц, которые ученый назвал *семами*. Например, в русском языке морфема *-ый* в слове *красный* представляет собой сочетание трех сем (именительного падежа, единственного числа, мужского рода).

В-третьих, в этой связи рассматривают и относящуюся к середине 30-х гг. работу Р.О. Якобсона, посвященную учению о падеже, в которой представлена система грамматических оппозиций применительно к русской падежной системе. Утверждая, что в любых грамматических категориях можно выделить отношения, характерные для двучленных привативных оппозиций, Якобсон выдвигает для падежной системы русского языка следующие оппозиции: 1) объемность — необъемность (предел участия предмета в действии и отсутствие этого предела), 2) периферийность — непериферийность (указание на предмет, играющий побочную, периферийную роль в содержании высказывания, и отсутствие такого указания); 3) направленность — ненаправленность действия (наличие отношения к предмету, на который направлено действие, и отсутствие такого отношения). По этим признакам характеризуются падежи русского языка. Аналогичный подход был применен Якобсоном и при исследовании структуры русского глагола.

В-четвертых, среди грамматических концепций, созданных лингвистами ПЛК, видное место занимает теория *актуального членения предложения*, разрабатывавшаяся в первую очередь В. Матезиусом. Центральной проблемой, интересовавшей основоположника Пражской школы, был вопрос об отношении предложения к конкретной ситуации высказывания. В этой связи им было разработано учение об актуальном членении предложения, признаваемое важнейшим вкладом пражских структуралистов в исследовании синтаксиса.

Основным положением названной теории (в определенной степени продолжавшей выдвинутую в XIX в. идею о психологическом подлежащем и психологическом сказуемом) была мысль

о том, что предложение может анализироваться двумя способами: путем формального членения, выделяющего подлежащее и сказуемое и раскрывающего грамматическую структуру предложения, и посредством актуального членения, выявляющего ее семантическую структуру («функциональную перспективу»). Это второе членение различает два основных элемента содержания предложения: *предмет сообщения* (*исходный пункт* коммуникативной единицы, называемый *основой сообщения*, или *темой*) и *новую информацию*, предназначенную для слушателя («*ядро сообщения*»)¹.

При этом Матезиус много внимания уделял выяснению того, каким образом выражаются названные элементы, отмечая, что это зависит от особенности конкретного языка. Например, в языках со свободным порядком слов (к ним принадлежит чешский) основным является порядок следования элементов предложения, тогда как при фиксированном порядке слов (так обстоит дело в английском языке) может использоваться замена активной конструкции пассивной, применение оборотов типа *there is* и т.п.

Концепция актуального членения оказалась весьма плодотворной и в последующие годы широко использовалась при изучении многих синтаксических проблем в разных языках.

Проблемы типологической и ареальной лингвистики

Среди вопросов, которые привлекали внимание ученых Пражской школы, определенное место занимало и *типологическое изучение языков*. Уже в «Тезисах ПЛК» отмечалось, что наряду с генетическим сравнением необходимо развивать (в том числе и по отношению к родственным языкам) и сравнение структурное, поскольку подобный подход «позволяет вскрыть законы структуры лингвистических систем и их эволюции». Позднее В. Матезиус в посмертно опубликованной статье с ха-

¹ Его называют также «ремой».

рактрным заглавием «Куда мы пришли в языкознании» ставил в особую заслугу В. Гумбольдту то обстоятельство, что последний «сравнивал различные языки с чисто аналитической точки зрения, не обращая внимания на их генетическое родство». Однако наибольший вклад представителей Пражской школы в данную область принято связывать с именем В. Скалички, много занимавшегося указанными вопросами. Позднее, уже в 50-х гг. XX в., подводя своеобразный итог своим изысканиям, Скаличка отмечал, что для типологии, как и для лингвистики в целом, крайне важно понимание языка как системы, что предполагает выяснение следующих моментов: «Какие элементы могут выступать в определенном языке, а какие не могут? Какие элементы обязательно сосуществуют? Какой элемент с необходимостью вызывает появление другого и какие элементы не связаны подобным образом? Какие элементы вызывают отсутствие других?» Считая, что отдельные явления языка (морфологические, синтаксические, фонетико-комбинаторные, словообразовательные) находятся во взаимной связи, а сумма свободно сосуществующих явлений может быть определена как языковой тип, Скаличка различает пять таких типов: *флективный*, *интро-флективный* (т.е. обладающий внутренней флексией), *агглютинативный*, *изолирующий*, *полисинтетический*. При этом Скаличка подчеркивает, что «в конкретном языке различные типы реализуются одновременно». Соответственно правильнее говорить не о «морфологической классификации» в традиционном смысле слова, а о сходствах и различиях между языковыми системами, в которых наблюдаются такие явления, как флексия, агглютинация и т.п., по-разному комбинирующиеся в разных языках. В связи с этим он указывал на необходимость различать *систему* и *тип*. Касаясь же имевшихся в прошлом попыток увязать те или иные языковые типы с особенностями психики, исторического развития, идеологии и т.п., Скаличка приходит к выводу, что «все эти попытки пока еще себя не оправдали. Сходства и различия языковых явлений в большинстве случаев не удалось поставить в связь с явлениями иного порядка. Мы не утверждаем, что подобных связей вообще не существует, а констатируем только, что они пока неизвестны». Вместе с тем Скаличка отмечал,

что морфологическую структуру нельзя считать единственным основанием для типологии, указывая, в частности, на возможность сопоставлять фонологические структуры разных языков.

В связи с сопоставительным изучением географически смежных языков пражские языковеды также отмечали, что последние могут обнаруживать сходные черты, которые нельзя объяснить общностью их происхождения. Отсюда возникло противопоставляемое понятию языковой семьи понятие *языкового союза*, представляющего собой группу соседствующих друг с другом неродственных (или, во всяком случае, не близкородственных) языков, обладающих сходными чертами в синтаксической, морфологической, фонологической структурах, имеющих общий фонд так называемых «культурных слов», но не связанных ни системой закономерных звуковых соответствий, ни исконной элементарной лексикой (т.е. тем, на что в первую очередь опирается понятие языкового родства). В качестве классического примера такого образования назывался *балканский языковой союз*, куда входят находящиеся между собой в отдаленном родстве греческий, албанский, болгарский и румынский языки, принадлежащие к разным группам индоевропейской семьи, но имеющие, например, такие общие черты, как постпозиция определенного артикля, совпадение форм дательного и родительного падежа в албанском и греческом¹, образование форм будущего времени при помощи вспомогательного глагола, восходящего к глаголу со значением «хочу», и т.п.

Ссылаясь на то обстоятельство, что объективных критериев, позволяющих отнести язык к данной семье (в частности, индоевропейской) достаточно мало, Н.С. Трубецкой в относящейся к 1937 г. статье «Мысли об индоевропейской проблеме» утверждал, что вполне возможно обойтись и без понятия индоевропейского праязыка, рассматривая индоевропейские языки в терминах языкового союза и считая доказательством принадлежности любого языка к названной семье, кроме неопределенного числа материальных совпадений, наличие шести структурных признаков:

¹ В болгарском языке склонение отсутствует.

- отсутствие гармонии гласных (под последней понимают единообразное вокалическое оформление слова);
- число согласных, допускаемых в начале слова, не меньше числа согласных, допускаемых внутри слова;
- слово не обязательно должно начинаться с корня;
- образование форм осуществляется не только при помощи аффиксов, но и при помощи чередования гласных внутри основы;
- наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет и внешне не обусловленное чередование согласных;
- подлежащее непереходного глагола трактуется точно так же, как подлежащее переходного глагола.

Как отмечает Трубецкой, порознь эти признаки встречаются и в других языках, но вместе — только в индоевропейских. Поэтому при наличии названных шести признаков язык следует квалифицировать как индоевропейский вне зависимости от того, доказано или нет его первичное родство с другими языками этой семьи в традиционном компаративистском смысле.

Понятие языкового союза широко вошло в арсенал лингвистики XX в., и его пытались распространить и на другие языки — поволжские, центральноазиатские и др. Однако концепция Трубецкого вызвала и определенные возражения. В частности, уже после его смерти отмечалось, что все перечисленные им признаки обнаружены в языке американского индейского племени такелма, который ни по каким параметрам не может быть причислен к индоевропейским.

Литературный и поэтический язык. Проблемы культуры языка

Одна из наиболее специфических особенностей пражских структуралистов состояла в том, что, исходя из своей концеп-

ции языка как системы знаков, имеющих функциональный характер, они уделяли большое внимание тому, что в «Тезисах» ПЛК было названо «функциональной диалектологией», т.е. вопросом социального употребления языка. В связи с этим — опираясь в какой-то мере на сосюровское противопоставление языка и речи — были сформулированы понятия «функционального языка», определявшегося общей целью нормализованной совокупности лингвистических средств, и «функционального стиля», зависящего от конкретной цели данного использования языка. Отсюда большое внимание, уделявшееся — прежде всего в трудах Б. Гавранека — литературному языку, поскольку последний представляет собой более развитое и четко дифференцированное с функциональной точки зрения явление, чем бытовой («народный») язык, подразделяясь на несколько «функциональных языков». Среди последних наибольшее внимание уделялось «экономическому языку» и особенно «поэтическому» (язык художественной литературы), поскольку он, по позднейшей характеристике Р. Якобсона, представляет собой «наиболее явно преднамеренный, целенаправленный и целостный род языка».

Если другие специальные языки в качестве основной функции имеют коммуникативную, то в поэтическом языке на передний план выступает функция, делающая «центром внимания саму структуру языкового знака», которую Я. Мукаржовский, много занимавшийся данной проблематикой, назвал «эстетической», а его коллеги именовали «поэтической». В связи с этим вводится — в определенной степени под влиянием русских «формалистов» 1920-х гг. — теория «актуализации» языковых средств, в максимальной степени присущей именно поэтическому языку, тогда как для «коммуникативных» языков, напротив, характерна их «автоматизация». Отсюда делался вывод о том, что поэтический язык обладает своими собственными нормами и даже, как утверждал Мукаржовский, должен рассматриваться как автономное явление, а не как разновидность литературного языка, хотя между ними и существует тесная связь. Впрочем, многие историки языкознания отмечали, что этот тезис нельзя понимать слишком буквально, тем более что другие пражские

лингвисты (например, Б. Трнка) признавали, что в любом высказывании присутствуют как коммуникативный, так и эстетический элементы и речь может идти лишь о доминантной направленности к той либо другой.

«Функционализм» деятелей Пражской школы сказался и в том, что, в отличие от многих своих коллег, причисляемых к структуралистам, они много занимались практическим аспектом языкознания, в частности, вопросами языковой культуры, понимаемой как стремление «развивать в литературном языке, как в разговорном, так и письменном, те качества, которые требует его специальная функция», причем критерием правильности» должен служить прежде всего вопрос о соответствии данного языкового средства данной цели.

В связи с рассматриваемой проблемой пражскими лингвистами (прежде всего Б. Гавранек) было разработано и разграничение понятий «норма» и «кодификация». Если первая представляет собой совокупность устойчивых (регулярно употребляемых) средств, объективно существующих в самом языке, и закономерности их использования, то вторая есть постижение и установление нормы посредством изучения и познания (по неизбежности исторически ограниченного) закономерностей литературного языка. При этом норма понимается как явление динамическое, тогда как узус (общепринятое в данный период употребление языковых единиц) скорее относится к статике.

Идеи, выдвинутые представителями Пражской школы в сфере изучения литературного языка, также оказались весьма плодотворными и получили дальнейшее развитие в языкознании XX в., подвергшись, естественно, определенному уточнению.

РАЗДЕЛ XIV

Копенгагенский структурализм

Как отмечалось, структурализм уже с первых лет своего возникновения был довольно разнородным течением, объединявшим достаточно несходные по своему содержанию концепции. По мере утверждения структурализма в качестве ведущего пути языкознания XX в. расхождения между его «составляющими» неизбежно сказывались со все большей силой. В 40-х гг. XX в. эту мысль четко сформулировал В. Скаличка: «Современное положение таково, что позиции младограмматиков окончательно оставлены. Новые направления борются между собой, и нужно, чтобы в этой борьбе каждое направление определило свое отношение не только к младограмматизму, как это обычно делалось до недавнего времени, но также и прежде всего к другим направлениям». И в этой связи сами пражские лингвисты в послевоенный период в определенном смысле «подавали пример» своим коллегам, ведя последовательную полемику с другим ведущим направлением европейского структурализма — копенгагенской школой, вошедшей в историю нашей науки под именем **глоссематической теории**.

Формирование глоссематической концепции

Термин «глоссематика» (от греч. *glossa* — «язык»)¹ стал использоваться ее представителями с 30-х гг. XX в. и прежде всего преследовал цель «провести грань между традиционным языкозна-

¹ Ср. использовавшиеся в XIX столетии А. Шлейхером слово «глоттика».

нием и новым структурным методом исследования». С конца 30-х гг. начали появляться публикации, по преимуществу принадлежащих представителям Копенгагенского университета, в которых излагались основные положения названного течения. В последующие десятилетия оно считалось одним из наиболее заметных явлений науки о языке, привлекая к себе пристальное внимание других ученых; однако вместе с тем обращалось внимание на то обстоятельство, что число «подлинных» глоссематиков всегда было относительно невелико. В первую очередь это, бесспорно, ведущий теоретик названного направления **Луи Ельмслев** (1899—1965), которому принадлежит ряд статей («Понятие управления», 1939; «Язык и речь», 1942; «Метод структурного анализа в лингвистике», 1950—1951¹), а также содержащая развернутое изложение идей глоссематики относительно небольшая книга, опубликованная в 1943 г. на датском языке под заглавием «Основы лингвистической теории», а в 1953 г. вышедшая (в несколько переработанном виде) на английском языке и известная как «Пролегомены к теории языка». Вторым ведущим представителем рассматриваемого течения считается **Ханс Иерген Ульдалль** (1907—1957), автор «Основ глоссематики» (1957). К ним иногда присоединяют имя **Кнуда Тогебю** (1918—1974), книга которого «Имманентная структура французского языка» (1951 г.) известна как единственная попытка применить понятия глоссематики к описанию конкретного языка. К 70-м гг. XX в. глоссематика сходит с научной арены как особое направление языкознания, хотя отдельные ее идеи продолжают использоваться рядом лингвистов.

Однако знакомство с исходными положениями копенгагенского структурализма по традиции начинают с небольшой статьи датского ученого более старшего поколения **Вигго Брендаля** (1887—1947) «Структуральная лингвистика», опубликованной в 1939 г., хотя к числу собственно глоссематиков этот ученый прямо не относится.

¹ Эта статья была опубликована в издававшемся в Копенгагене журнале «Acta Linguistica» на русском языке как своеобразный отклик на проходившую в 1950 г. в СССР дискуссию по вопросам языкознания.

Пафос названной работы заключается в противопоставлении «сравнительной грамматики» XIX в. «структуральной лингвистике» в. XX. Перечислив те черты, которые, по его мнению характеризуют первую (историзм, позитивизм, стремление сформулировать законы, имеющие абсолютный характер, эволюционизм от конкретного к абстрактному) и утверждая, что «эта концепция не способствует более прогрессу современной науки», В. Брендаль формулирует положения «антипозитивистской лингвистики» следующим образом:

- предмет науки необходимо изолировать и выделить в потоке времени, т.е., с одной стороны, показать **состояния**, рассматриваемые как **постоянные**, а с другой — выделить резкие скачки (**прерывистые изменения**) из одного состояния в другое, в связи с чем упоминается и учение Соссюра о синхронии и диахронии;
- внутри объекта следует выделить связи, образующие структуру, состоящую из взаимообусловленных явлений, каждое из которых зависит от других, и в свою очередь, определяется ими. В этой связи, помимо Соссюра, говорится о таких авторах, как Э. Сепир (взгляды которого будут рассмотрены ниже), И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.С. Трубецкой;
- в синхронии должно быть включено все относящееся к данному состоянию и устранено все чуждое ему;
- для установления языка необходимо выделить минимальное количество абстрактных типов, реализацией которых являются их варианты, и опустить все незначительное, неустойчивое или индивидуальное;
- между выделенными элементами устанавливаются постоянные, необходимые и определяющие соотношения;
- только после установления двух последовательных языковых состояний, представляющих собой «различные и замкнутые друг для друга миры, можно изучать и понять пути преобразования из одного состояния в другое и обуславливающие этот переход исторические факторы»;

- поскольку время проявляется и внутри синхронии, где необходимо различать статический и динамический аспекты, возникает вопрос о существовании наряду с синхронией и диахронией **панхронии**, или **ахронии** (т.е. «всевременности», или «вневременности»), под которой понимаются «факторы общечеловеческие, стойко действующие на протяжении истории и дающие о себе знать в строе любого языка»;
- между языком и речью допустимо выделение **языкового обычая**, представляющего собой нечто вроде второстепенной нормы, которая допускается абстрактной («высшей») системой языка, но не может отменить или преобразовать последнюю;
- нельзя выводить состояние языка в целом и тем более относящегося к нему отдельного явления из его истории; однако, нельзя приписывать данному состоянию только одну возможную линию развития;
- переход от вариантов к типам не может быть осуществлен исключительно индуктивным путем; поэтому индукция должна переплетаться с подсознательной дедукцией;
- структура представляет собой не производную от суммы составляющих ее элементов, а самостоятельный объект; отсюда возникает необходимость различать чисто формальные свойства системы и ее материю, или субстанцию, которая, входя в состав данной системы и будучи приспособленной к ней, вместе с тем остается относительно независимой.

Эти идеи Брендаля и были доведены до логического конца «собственно глоссематиками», прежде всего самим Луи Ельмслевом.

Основные идеи глоссематической теории

Пожалуй, наиболее четко взгляды основоположника глоссематики нашли отражение в следующих его словах: «Лингвисти-

ка должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т.е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических явлений), но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*»¹. Отсюда вытекала и основная задача нового подхода к языку (который, по мнению Ельмслева, не смогли по-настоящему осуществить ни высоко ценимый им Ф. де Соссюр, ни представители пражского структурализма) — создать универсальную лингвистическую теорию, независимую от конкретного языка и в принципе не связанную с материальной стороной: «Остов соотношений и должен быть главным предметом языковедения, в то время как конкретное проявление и манифестация остова соотношений будут безразличны для определения языка в строгом смысле слова».

Основой построения такой теории, согласно Ельмслеvu, должен стать так называемый «эмпирический принцип»², согласно которому описание должно быть *непротиворечивым, исчерпывающим и «предельно простым»*, т.е., оставаясь последовательным и полным, состоять из возможно меньшего числа единиц, представляющих собой конечный результат исследования. Подобный метод строится на чисто дедуктивном подходе, а результатом его применения станет создание теории, которая «должна быть полезна для описания и предсказания текста на любом языке». При этом подчеркивается: «Теория в нашем смысле сама по себе независима от опыта. Сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным. Она не включает постулата о существовании. Она представляет собой то, что было названо чисто дедуктивной системой... Лингвистическая теория единовластно определяет свой объект при помощи произвольного и пригодного набора предпосылок. Теория представляет собой исчисление, состоящее из наименьшего числа наиболее общих предпосылок... Исчисление позволяет предсказывать возможности, но ничего не говорит об их реализации».

¹ Своего рода — лат.

² В употреблении Ельмслева термин «эмпирический» не соответствует своему обычному значению «основанный на опыте».

Суммируя основные положения глоссематики, их обычно формулируют следующим образом:

- в языке следует различать *план выражения* (внешнюю сторону языка) и *план содержания* (мысли, находящие выражение в языке). Методы анализа обоих планов, согласно Ельмневу, параллельны, что позволяет говорить об их изоморфизме;
- в обоих планах следует различать *субстанцию* и *форму*. К первой относятся материальные элементы (звуки, графика, жесты и т.п.), ко второй — способ их использования в данном языке. Аналогично субстанцией содержания являются предметы мысли, а формой содержания — характерный для данного языка способ их упорядочения и комбинации;
- именно форма, а не субстанция является подлинным предметом языкознания. «Субстанция обоих планов может рассматриваться частично как физическое явление (звуки в плане выражения, предметы в плане содержания) и частично как отражение этих явлений в сознании говорящего... На долю лингвистики приходится анализ языковой формы... Такая наука была бы алгеброй языка, оперирующей безыменными сущностями, т.е. произвольно названными сущностями без естественного обозначения»;
- дисциплину, изучающую форму содержания, в отличие от традиционной семантики, целесообразно назвать *плерематикой*, а соответствующие единицы *плеремами* (от греч. *pleres* — полный); раздел о форме выражения (опять-таки для отличия от традиционной фонетики) можно именовать *кенематикой*, а используемые последней единицы — *кенемами* (от греч. *kenes* — пустой);
- план выражения и план содержания взаимно связаны в результате *коммутации*, в силу которой изменения в одном плане вызывают изменения и в другом (так, напри-

мер, замена «а» на «о» в «*дам*» влечет за собой изменение последнего в «*дом*»), в тех случаях, когда такого изменения не происходит, имеет место явление *субституции* (замена «т» взрывного на «г» фрикативное в русском «город» не влечет за собой изменения в плане содержания);

- при коммутации элементы плана выражения и плана содержания рассматриваются как самостоятельные и называются *инвариантами*; при субституции взаимозаменяемые элементы представляют собой варианты одного инварианта;
- непосредственным объектом анализа глоссематики является *текст*, из которого извлекается система; этот переход знаменуется переходом от знаков к незнакам;
- в ходе анализа устанавливается характер зависимости (*функции*¹) между выделяемыми частями, независимо от того, являются ли они единицами текста или элементами системы. Различаются три общих типа функций: 1) *интердепенденция* (двусторонняя зависимость), имеющая место между элементами, не существующими один без другого (например, отношение между гласными и согласными в системе или подлежащим и сказуемым в тексте); 2) *детерминация* (односторонняя зависимость), когда один элемент предполагает другой, но не наоборот (например, отношение между дательным и именительным падежом в системе: если в ней есть дательный, то обязательно должен быть именительный, хотя обратное неверно, и отношение между предложением и родительным падежом — предлог предполагает падеж, но обратной зависимости нет — в тексте); 3) *констелляция* (свободная зависимость), когда каждый элемент может существовать без другого (например, отношение между категорией лица и рода русского глагола в системе — в настоящем

¹ Таким образом, содержание термина «функция» в глоссематике принципиально иное, нежели в Пражской школе, на что неоднократно обращалось внимание в специальной литературе.

времени выражается лицо и не выражается род, а в прошедшем наоборот, и отношение между предлогом *в* и винительным падежом в тексте — *в* управляет и другими падежами, а винительный падеж управляется и другими предлогами);

- извлечение системы из текста требует сведения встречающихся в тексте бесконечных инвентарей единиц к составляющему язык конечному их инвентарю. Средством такого сведения является разложение знаков (т.е. двусторонних единиц) на *фигуры* — односторонние единицы. Если число первых бесконечно или очень велико, то число вторых весьма ограничено. «Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи»;
- в то время как разложение знака на фигуры выражения имеет достаточно давнюю традицию (от создания алфавитов до процедуры выделения фонем), в предшествующей лингвистике «не было сделано даже попытки предпринять такое разложение знакового содержания». Для осуществления указанной процедуры предполагается использование минимальных семантических противоположностей: например, в паре «девочка—мальчик» выделяются фигуры «мужской—женский» (пол); в паре «девочка—женщина» фигура «юный—зрелый» (возраст); в паре «девочка—телка» фигура «человеческий—животный» (вид) и т.п.

Язык и речь в интерпретации Л. Ельмслева

В глоссематической теории подверглась определенному пересмотру и соссюровская дихотомия языка и речи, являвшаяся одним из краеугольных камней структурной лингвистики. Сам

Л. Ельмслев в специальной статье, посвященной данному вопросу, отмечал, что термины «язык» и «речь» допускают несколько толкований. Так, язык можно определять:

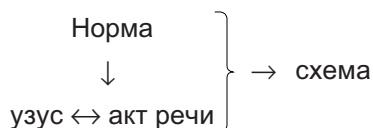
- 1) Как *чистую форму*, определяемую независимо от ее социального осуществления и материальных манифестаций. Язык в данном понимании можно назвать *схемой*. Например, французское «г» при такой дефиниции представляет собой единицу, принадлежащую к категории согласных (и, следовательно, противопоставляемую гласным), подкатегории согласных, встречающихся в начальной и конечной позициях, стоящую в начальных группах на втором месте, а в конечных — на первом и обладающую способностью вступать в коммутацию с другими элементами той же категории. «Таким образом, — заключает Ельмслев, — французское “г” определяется как чисто оппозитивная, релятивная и негативная сущность: определение не приписывает ему никаких позитивных свойств. Если аналогичным образом определить все необходимые элементы, их совокупность будет представлять собой французский язык, рассматриваемый как схема. С этой точки зрения французский язык всегда остается идентичен сам себе, независимо от манифестации элементов. Если бы даже совершенно изменилось французское произношение, все равно сам французский язык, рассматриваемый как схема, не изменился бы — при условии, что сохраняются различия и сходства, определяющие его элементы».
- 2) Как *материальную форму*, определяемую в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации. С этой точки зрения язык представляет собой *норму*. Так, французское «г» определяется с указанной точки зрения как вибрант, допускающий два произношения: раскатистое и грассирующее. «Данное определение предполагает определенную звуковую манифестацию, обязательно связанную с органами речи. Однако позитивные

свойства элемента в этом определении сведены к дифференциальному минимуму: так, в этом определении не говорится о конкретной точке артикуляции. Если бы французское произношение изменилось, но в пределах, предписанных данным определением, французский язык, рассматриваемый как норма, не изменился бы».

- 3) Как *совокупность навыков*, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактах наблюдаемых манифестацией. В указанном плане язык представляет собой узус. Французское “r” определяется здесь как альвеолярный раскатистый вибрант или как щелевой увулярный плавный. Как отмечает Ельмслев, подобная дефиниция «перечисляет все позитивные свойства, характерные для данного узуса. На этом оно и останавливается, оставив открытым вопрос о возможности варьировать произношение в пределах, указанных определением. Однако если произношение варьируется именно в этих пределах, язык, рассматриваемый как узус, остается тем же самым. С другой стороны, всякое изменение данного определения приводит к изменению языка...»

К этим трем понятиям добавляется четвертое — акт речи, представляющий собой индивидуальное говорение.

Между выделенными четырьмя членами устанавливаются следующие виды зависимостей: норма детерминирует узус и акт речи, между узусом и актом речи наличествует интердепенденция, а схема детерминируется нормой, узусом и актом речи, что можно представить в виде следующей схемы:

Соотнося последнюю с понятиями языка и речи у Соссюра, и отмечая, что швейцарский лингвист различает их по трем параметрам (речь — реализация, а не установление, индивидуальна, а не социальна, свободна, а не фиксирована), Ельмслев оста-

навливается именно на первом аспекте. «Тогда *схема* оказывается установлением, а все остальное — реализацией... Именно здесь и проходит основная граница — между чистой формой и субстанцией, между мысленным и материальным. Теория установления — это теория *схемы*, а теория реализации включает в себя всю теорию субстанции и имеет в качестве объекта норму, узус и акт речи. Норма, узус и акт речи тесно связаны и составляют по сути дела один объект: узус, по отношению к которому норма является абстракцией, а акт речи — конкретизацией. Именно узус и выступает в качестве подлинного объекта теории реализации: норма — это искусственное построение¹, а акт речи — переходящий факт».

Отсюда Ельмслев делает вывод, что основным «семиологическим подразделением» следует считать именно различия между схемой и узусом. «Думается, — резюмирует свою мысль датский лингвист, — что это подразделение могло бы заменить противопоставление языка и речи, которое, по нашему мнению, является лишь первым приближением, исторически очень важным, но теоретически еще несовершенным».

Развивая аналогию с шахматами, столь любимую Соссюром, Ельмслев подчеркивает: «*Язык — схема, в конечном счете, это игра и ничего больше*». Отсюда следует столь часто повторявшееся им утверждение, согласно которому звуковая субстанция человеческого языка может быть заменена любой другой. «Кто бы ни пользовался... языком — глухонемые с помощью жестов, моряки с помощью флажков, телеграфист с помощью азбуки Морзе или просто люди с помощью обычной речи, — с указанной точки зрения этот язык остается самим собой». Отсюда же стремление анализировать такие структуры, как световые сигналы для регулирования движения, бой часов, отбивающих часы и четверти, стучевая азбука заключенных и т.п. «...Было бы чрезвычайно интересно, — подчеркивает основоположник глоссематики, — изучить именно такие структуры с помощью чисто лингвистиче-

¹ Принципиально, по мнению Ельмслева, можно обойтись и без этого понятия.

ского метода первым долгом потому, что такие структуры дали бы нам простые образчики-модели, показывающие элементарную языковую структуру без всех тех осложнений, которые характерны для высокоразвитой структуры обыкновенных языков».

Как не без гордости отмечал сам Ельмслев, его концепция в наиболее полной форме воплотила тезис о необходимости изучать язык «в себе самом и для себя», о чем, по его словам, ему писал один из фактических создателей «Курса общей лингвистики» **Шарль Балли** (правда, датский языковед оговаривал, что его воззрения формировались еще до знакомства со взглядами швейцарского коллеги). Однако несмотря на широкую известность, которую получила глоссематика в 40—60-х гг. XX в., большинство лингвистов оценивало ее достаточно критически, а слова французского ученого **А. Мартине**, определившего глоссематику как «башню из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости», стали крылатыми, хотя последовательность, логичность и систематичность ельмслевской «имманентной алгебры языка» почти никем под сомнение не ставились.

РАЗДЕЛ XV

Другие концепции европейского языкознания XX века

Как уже отмечалось, наряду с основными течениями европейского структурализма — пражским и копенгагенским — в европейском языкознании XX в. существовали и другие лингвистические концепции (как примыкавшие к структурализму, так и не относившиеся к нему), оказавшие заметное влияние на развитие нашей науки. В предлагаемом разделе кратко рассматриваются некоторые из них, хотя, естественно, сколько-нибудь полный обзор в данном случае невозможен и потребовал бы специального исследования.

Женевская лингвистическая школа

Из всех существовавших в первой половине XX в. лингвистических течений наиболее тесной преемственной связью с концепцией Ф. де Соссюра несомненно обладала именно Женевская школа, представленная в первую очередь именами **Шарля Балли** (1865—1947) и **Альберта Сеше** (1870—1946). Хотя в историю языкознания названные ученые вошли прежде всего как издатели (фактически создатели) знаменитого труда своего старшего коллеги, однако вклад женевских лингвистов в развитие нашей науки не исчерпывается указанным фактом.

Среди трудов Ш. Балли выделяются теоретическая работа «Общая лингвистика и французская лингвистика»¹ (1932, вто-

¹ В русском переводе — «Общая лингвистика и вопросы французского языка».

рое переработанное издание — 1944) и написанная еще до публикации «Курса» «Французская стилистика» (1909). Разделяя положения Соссюра о системном характере языка в синхронии и отсутствии системности в диахронии, разграничении языка и речи и др., Ш. Балли вместе с тем много занимался проблемами речевой деятельности, главным образом теорией предложения. Возрождая в какой-то степени терминологическую традицию средневековых авторов, он выделяет в предложении две части — *диктум*, при помощи которого выражается суждение о факте, и *модус*, выражающий различные оттенки чувства и воли. К первому относится большинство членов предложения, второй сосредоточен в основном в модальном глаголе и может выражаться как лексически, так и грамматически (посредством наклонения). Отмечая, что языковая система и ее единицы существуют лишь потенциально, Балли указывает, что для перевода языка в речь они должны быть *актуализованы*. В роли актуализаторов выступают показатели времени и наклонения, артикли, указательные местоимения и т.п., а также внеязыковые средства — мимика, жесты и др. При этом характер актуализаторов тесно связан со строем языка — при аналитизме актуализаторы слова являются внешними по отношению к нему, тогда как в языках синтетического строя они содержатся уже в самой форме слова. При рассмотрении понятия самого слова Балли различает *семантему* и *семантическую молекулу*. Первое определяется как «знак, выражающий чисто лексическое простое или сложное понятие независимо от его формы» (прежде всего это основы, которые в аналитических языках, не имеющих развитой системы словоизменения, часто совпадают с самим словом, а также фразеологические сочетания, составляющие один знак). Семантическая молекула представляет собой «всякий актуализированный комплекс, состоящий из семантемы и одного или нескольких грамматических знаков, актуализаторов или связей, необходимых и достаточных для того, чтобы она функционировала в предложении».

Признавая — в соответствии с соссюровским учением — необходимость выделять и анализировать состояние языка в опре-

деленную эпоху («Идея состояния — это абстракция, но абстракция необходимая и естественная, так как говорящие на языке не осознают его эволюции»), Балли резюмирует: «Связывать современный... язык с его различными предшествующими стадиями и пытаться истолковывать каждое языковое явление фактом или фактами, которые привели к тому, что оно представляет собой в настоящее время, — наиболее верный способ исказить перспективу и дать вместо картины нынешнего состояния языка его карикатуру». Вместе с тем он стремится выявить и тенденции, «толкающие язык в определенном направлении», уделяя в этой связи большое внимание фактам *языковой патологии* или *аномалии* (т.е. отклонений от нормы), которые «принадлежат *живому* языку и косвенным путем освещают его природу и функционирование, а также направление изменений, которые он претерпевает», поскольку часто являются проявлением «скрытого стремления восполнить недочеты правильного языка».

При освещении проблем *языкового сравнения* Ш. Балли (как и составители пражских «Тезисов») также считает необходимым не ограничиваться исключительно компаративистской методикой. «Сравнивать два языка, — пишет он, — можно с двух совершенно различных точек зрения: исторической и статической. В одном случае интересуются фактами, которые доказывают общее происхождение или аналогии, возникающие в процессе эволюции, в другом — открывают в двух языках, взятых в какой-нибудь определенный момент их истории (без намерения доказать их генеалогическое родство), их характерные черты, которые особенно легко позволяют выявлять оригинальность каждого из них и общий тип, который каждый из них представляет... Для сравнения двух языковых систем теоретически безразлично, принадлежат или не принадлежат они к одной и той же исторической семье языков. Однако для характеристики нельзя пренебрегать общностью происхождения: как уже было признано, несмотря на значительные расхождения, языки индоевропейской группы имеют аналогии в основных чертах их эволюции; разница заключается в большей или меньшей степени продвижения их по пути конвергентных изменений».

Говоря о стилистической концепции Ш. Балли, обращают внимание прежде всего на ее полемическую противопоставленность воззрениям К. Фосслера. Если последний сводил задачи стилистики прежде всего к изучению индивидуальных стилей отдельных мастеров слова, то его женеvский оппонент — как и подобало социологисту — считал, что «основывать свою аргументацию на... языке и стиле крупных писателей — начинание, безусловно, соблазнительное, но, боюсь, чреватое многими разочарованиями». Отделяя стилистику общенародного языка от изучения индивидуальных стилей отдельных писателей, Балли акцентировал внимание на необходимости исследовать общие для всех носителей данного языка явления, в первую очередь связанные с выражением эмоциональной стороны языка. Одним из первых он занялся изучением фразеологии как особой лингвистической дисциплины. Им была предложена и классификация фразеологических единиц, не потерявшая своего значения вплоть до настоящего времени (Балли выделял — в порядке возрастающей степени спаянности компонентов — фразеологические группы и фразеологические единицы, подразделяя их, в свою очередь, на подгруппы).

Альберт Сеше, в свое время, в отличие от своего более старшего коллеги, слушавший лекции самого Соссюра, также начал свою научную деятельность еще до публикации «Курса общей лингвистики», занимаясь, в частности, проблемой взаимодействия социального и индивидуального в языке (известна его работа «Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка», вышедшая в свет в 1908 г.). Интересовался он и проблемами соотношения языка и мышления, а также вопросами синтаксиса («Очерк логической структуры предложения», 1926 г.). Однако наиболее значимой с общелингвистической точки зрения признается относящаяся к 1940 г. статья «Три соссюровские лингвистики», где наряду со статической и эволюционной лингвистикой выделяется также *лингвистика организованной речи*, являющаяся «дисциплиной, изучающей функционирование языка в условиях жизни человеческого общества». Она занимает своего рода промежуточное место между синхро-

нической и диахронической лингвистикой, поскольку «речь имеет отношение одновременно и к синхронии, так как она базируется на определенном языковом состоянии, и к диахронии, так как речь уже содержит в зародыше все возможные изменения». В отличие от синхронической лингвистики, имеющей дело с абстрактными отношениями, лингвистика организованной речи занимается конкретными фактами (выбор языковых единиц, стилистические проблемы и т.п.). Аналогично обстоит дело и с диахронической лингвистикой: «Так же как невозможно точно зафиксировать языковое состояние во всей его сложности, нельзя описать и историю языка, учитывая все бесконечно разнообразные особенности речи... Только лингвистика организованной речи сохраняет непосредственную связь с реальной действительностью». При этом Сеше, с одной стороны, продолжает считать, что сравнение языковых состояний «затрагивает лишь те элементы языка, которые подверглись изменению», а с другой — подчеркивает необходимость «учитывать влияние этого изменения на другие части системы».

В рамках Женевской лингвистической школы рассматривают обычно и деятельность **Сергея Осиповича Карцевского** (1884—1955), бывшего, как отмечалось выше, одним из создателей «Тезисов ПЛК». Он занимался, в частности, проблемами русистики (наиболее известны его работы «Система русского глагола», 1927 г., и «Повторительный курс русского языка», 1928 г.). Однако в области теоретического языкознания особенно важна небольшая статья, относящаяся к 1929 г., «Об асимметричном дуализме языкового знака». Отмечая вслед за Соссюром, что «природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно», Карцевский указывает, что один и тот же знак может служить для передачи разных значимостей (например, морфема *-а* в словах *стола*, *паруса*, *жена*), а одна и та же значимость может быть представлена разными знаками (например, множественное число в словах *столы*, *паруса*, *крестьяне*), что потенциально делает каждый знак омонимом и синонимом одновременно. Отсюда делается следующий вывод: «Обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоян-

но скользят по наклонной плоскости реальности. Каждое “выходит” из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными, они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: “адекватная” позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации». Например, если форму повелительного наклонения «молчи!» можно рассматривать как «адекватный знак», то его «симметрия» нарушается, с одной стороны, омонимичными формами типа «смолчи он» (значение условного наклонения), а с другой — синонимичными формами типа «молчать!».

Как уже отмечалось, идеи С. Карцевского оказали определенное воздействие на лингвистов Пражской лингвистической школы, например, **В. Скаличку**.

Традиции Женевской лингвистической школы были продолжены и во второй половине XX в. учеными, принадлежавшими к более младшим поколениям ее представителей (А. Фрей, Р. Годель и др.). Особую известность получило вышедшее в 1967—1968 гг. критическое издание «Курса общей лингвистики», включающее источники, не использованные Ш. Балли и А. Сеше, которое было подготовлено Рудольфом Энглером (р. в 1930).

Лондонская лингвистическая школа

Направлению, известному под именем Лондонской лингвистической школы, в какой-то степени «не повезло» в истории нашей науки: если, с одной стороны, она практически единодушно признается одним из структуралистических течений европейского языкознания, то с другой — часто оказывается в тени более известных Пражской и Копенгагенской, а порой просто выпадает из поля зрения историографов. Объясняют

этот феномен разными причинами: относительно поздним оформлением (хотя основные положения ее концепции начинали складываться еще в 30—40-е гг., вплоть до середины 50-х она была представлена лишь в виде отдельных положений, разбросанных по разным изданиям); тем, что большинство трудов принадлежавших к ней лингвистов было посвящено малоизвестным неиндоевропейским языкам и печаталось малыми тиражами в специальных изданиях, и т.п. Между тем ее представители внесли заметный вклад в развитие лингвистической мысли XX в. и несомненно заслуживают хотя бы краткого рассмотрения.

Хотя в XIX — начале XX в. Англия не относилась к числу стран, игравших ведущую роль в развитии мирового языкознания, в ней также сложилась собственная лингвистическая традиция, обладавшая определенной спецификой. Прежде всего здесь упоминают **Английскую фонетическую школу**, представленную именами таких выдающихся ученых, как **Генри Суит** (1845—1912)¹, **Даниел Джоунз** (1881—1967) и др. К первой половине XX в. относится деятельность и ряда других языковедов, среди которых выделяют А. Гардинера (несколько подробнее о нем будет сказано ниже). Характерной особенностью британских ученых считался особый интерес к изучению живых языков (сам Г. Суит противопоставлял в этом плане английскую традицию «континентальной», т.е. прежде всего немецкой), а также к малоизученным «экзотическим» языкам, что, впрочем, в значительной степени можно объяснить и характером Британской империи, в состав которой входило множество колоний в Азии и Африке.

На формирование теоретических установок лондонской школы оказали также определенное влияние взгляды Ф. де Соссюра, положения бихевиористской психологии и др. Особую близость к ним в ряде моментов обнаруживают взгляды работавшего в Англии этнографа **Бронислава Каспера Малиновского** (1884—1942), много занимавшегося проблемами соотношения

¹ В какой-то степени он послужил прототипом профессора Генри Хиггинса в известной пьесе Б. Шоу «Пигмалион».

языка и культуры. Понимая под последней весь комплекс общественных институтов того или иного народа, его обычаи, верования, обряды и т.п., Малиновский рассматривал их в качестве элементов системы, образующей фон для речевого общения. Этот фон, согласно Малиновскому, представляет собой ситуационный контекст. «Высказывание, произнесенное в реальной жизни, никогда не может быть отторгнуто от той ситуации, в которой оно было произнесено», — писал Малиновский. Этот ситуативный контекст представляет собой часть социального процесса, в котором речевое событие является центральным и должно изучаться вместе с остальными членами системы.

Основоположником Лондонской лингвистической школы признается **Джон Руперт Ферс** (1890—1960). Работавший в 20-х гг. в Индии, с 1928 г. он начинает свою деятельность в Лондонском университете, где в 1944 г. им была создана первая в Великобритании кафедра общего языкознания, которую ученый возглавлял до 1956 г. В эти годы он сотрудничал с Б. Малиновским и возглавлял в Школе изучения Востока и Африки отдел лингвистики и фонетики. В послевоенные годы Ферс также читал лекции в Египте, Пакистане и США. Среди его учеников и последователей известны **Уолтер Аллен** (1911—1995), **Роберт Х. Робинс** (1921—2000), **Майкл Александр Керквуд Халлидей** (1925) и др. В целостном виде концепция Лондонской школы представлена в посмертно вышедших «Лингвистических трудах» самого Ферса (1957) и опубликованных одновременно с ними «Исследованиях по лингвистическому анализу» других представителей Лондонской школы (хотя начало формирования взглядов Ферса относят еще к 30-м гг. XX в.). Как и большинство концепций, возникавших в рассматриваемый период, они были оппозиционны по отношению к младограмматической теории, отрицательно оценивали чрезмерное увлечение компаративистикой (и тем более отождествление ее с «научностью» вообще), а также признавали основным подходом к языку синхронический.

В числе основных положений, отстаивавшихся представителями Лондонской лингвистической школы, обычно называют следующие:

- при рассмотрении языкового поведения необходимо учитывать социальный аспект речевой деятельности. Вместе с тем должна приниматься во внимание и ее биологическая мотивированность, так как она представляет собой «значимое усилие, направленное на поддержание соответствующих жизненных норм»;
- поскольку анализ языка следует проводить в связи с общественной природой человека, языкознание интересуется не столько отдельными индивидуумами, сколько «типажами» и личностями как активными участниками в создании и сохранении культурных ценностей;
- в центре внимания лингвистической теории должна находиться задача раскрытия значения во всем его многообразии — как в языке вообще, так и в конкретных языках;
- значение той или иной лингвистической формы может быть раскрыто лишь на основе анализа ее фактического употребления; оно представляет собой функцию формы, а каждая функция определяется «через использование данной лингвистической формы или элемента по отношению к данному контексту»;
- при определении понятия ситуативного контекста (использовавшегося и Б. Малиновским) следует учитывать релевантные признаки участников речевого акта (принимая во внимание их речевые и неречевые действия), релевантные предметы и последствия речевого акта;
- будучи своеобразным лингвистическим спектром, значение состоит из отдельных элементов, и его выявление требует установления отдельных уровневых значений при помощи метода *контекстуализации*. На лексическом уровне она осуществляется при помощи *коллокации*, т.е. установления ее обычного окружения (например, одним из значений слова *ночь* является его сочетаемость со словом *темная*, и наоборот); на уровне грамматики применяется метод *копликации*, т.е. соположения взаимосвя-

занных грамматических категорий (например, в европейских языках существительное и прилагательное связаны с артиклем и указательным местоимением);

- при анализе языка следует различать понятия *системы* и *структуры*. Первое устанавливается в результате абстракции на парадигматическом уровне, второе — на уровне синтагматики. Внутри структуры, которая, как правило, «горизонтальна», выделяются ее *элементы*; внутри системы, которая обычно «вертикальна», — *члены*;
- производя описание того или иного языка, нельзя исходить из каких-либо предвзятых схем: «Наука не должна навязывать своих систем языку; она должна отыскивать их в речевой деятельности и, обнаружив их, излагать факты, используя для этого адекватный язык»;
- одной из важнейших задач языкознания является изучение синтагматического членения речи, в связи с чем на передний план выступают проблемы фонологической структуры слова, центральное место среди которых занимают правила моделирования слога;
- как составляющие слова, слоги обладают различными признаками (ударение, долгота, тональность и т.п.). «Их можно назвать просодическими признаками, или просто просодиями». Вместе с тем просодия является широким понятием, включая интонацию, сингармонизм, результаты объединения слогов в более длинные цепочки и др.;
- начинать исследование целесообразно с рассмотрения более высоких уровней языковой структуры и постепенно переходить к анализу более низких уровней, поскольку именно при таком подходе четче выявляются функциональные значимости отдельных языковых явлений и форм;
- функциональный и структурный анализ являются логически зависимыми, поскольку структурный анализ есть прежде всего анализ отношений, основное содержание которого как раз составляет исследование функциональных связей.

Конкретные исследования, проводившиеся представителями Лондонской лингвистической школы, способствовали развитию ряда направлений в лингвистике XX в., включая социолингвистику, лингвистику текста и др.

«Структуралисты вне школ»

Как уже неоднократно отмечалось, помимо «основных» и «неосновных» направлений структурализма, в 40—60-е годы XX в. в различных странах Европы работали лингвисты, причисляемые к представителям этого течения в целом, но не отождествляемые с какой-либо конкретной школой. В первую очередь такая ситуация оказалась характерной для Франции. Имена многих французских языковедов широко известны за пределами своей страны, на них, как на авторитетный источник, могли ссылаться и представители «собственно структурализма» (при всей условности этого термина), но понятие «Французская структуралистическая школа» (в отличие от Французской социологической школы) в истории языкознания не сложилось...

Рассмотрение таких «индивидуальных структуралистов» обычно начинают с **Люсьена Теньера** (1893—1954), по основной специальности слависта (ему принадлежат, в частности, грамматика и словарь русского языка, изданный уже посмертно). Однако основной работой Теньера стали «Основы структурного синтаксиса», также увидевшие свет уже после смерти автора — в 1959 г.

Своеобразие подхода Теньера состояло в том, что он ставил перед собой задачу изучить синтаксис с точки зрения его собственных закономерностей, причем в качестве главного понятия им постулируется *синтаксическая связь*: «Построить предложение — значит вдохнуть жизнь в аморфную массу слов, установив между ними совокупность синтаксических связей, и обратно, понять предложение — значит уяснить себе совокупность связей, которые объединяют входящие в него слова». Сама синтаксическая связь понимается как отношение зависимости между словами, в связи с чем различаются структурный и

линейный порядок слов. Первый представляет собой порядок, в котором устанавливаются синтаксические связи (от главного члена предложения к зависимому), второй связан с последовательностью элементов. «Говорить на данном языке — значит уметь преобразовывать структурный порядок в линейный. Соответственно понимать язык — это быть в состоянии преобразовывать линейный порядок в структурный». Считая, что синтаксическая связь всегда определяет зависимость одного слова от другого, Теньер утверждал, что центром обычного предложения является «*глагольный узел*» (т.е. сказуемое вместе с зависимыми от него членами предложения). Таким образом, именно сказуемое (глагол) рассматривается как вершина предложения, которой подчинены *актанты* (существительные или их эквиваленты, первым из которых является подлежащее) и *сирконстанты* (наречия или их эквиваленты). Число актантов, которыми глагол способен управлять, составляет его валентность. В зависимости от направления, в котором действие переходит от одного актанта к другому, вводится понятие *диатезы*, соответствующей традиционному залогу (например, у двухвалентных глаголов наличествуют активная, пассивная, возвратная, взаимная диатезы, у трехвалентных также каузативная диатеза, где помимо деятеля и объекта имеется и инициатор действия, и т.д.).

Рассматриваются в книге Теньера и такие явления, как *юнкции* (сочинительные конструкции), *трансляции* (превращения одного элемента предложения в другой) и др. Определенное внимание уделял Теньер и типологическим проблемам, считая, что для синтаксической типологии главным параметром должно стать соотношение между структурным и линейным порядком слов. В связи с этим выделяются языки *центростремительные*, где зависимое слово стоит перед главным, и *центробежные*, в которых оно находится после главного. При последовательном проведении какого-либо принципа язык является *строгим*, если же налицо лишь определенная тенденция — *умеренным*. Например, семитские языки можно считать строго центробежными, романские — умеренно центростремительными, славянские — умеренно центробежными, алтайские — строго центростремительными.

Идеи Л. Теньера, а также многие введенные им синтаксические термины («актант», «валентность», «диатеза», и др.) получили в 60—70-х гг. широкое распространение и активно разрабатывались, в том числе и учеными, принадлежащими к разным школам.

Если Теньер при жизни был известен относительно мало, а его основной труд стал доступен читателям уже посмертно (иногда здесь усматривают аналогию с судьбой Ф. де Соссюра), то **Эмиль Бенвенист** (1902—1976) обладал популярностью, сравнимой с той, которой пользовались в свое время А. Мейе и Ж. Вандриес (в частности, он также занимал пост секретаря Парижского лингвистического общества). Занимаясь главным образом индоевропеистикой, прежде всего исторической семантикой и этимологией, Бенвенист вместе с тем касался и проблем общелингвистического характера. Широкую известность получила написанная им еще до Второй мировой войны статья «О природе языкового знака», в которой анализируется учение Соссюра о произвольном характере языкового знака. Отмечая, что «существует противоречие между подходом Соссюра к определению языкового знака и существенными свойствами, которые он приписывает знаку» (поскольку, говоря, что понятие не имеет связи необходимой с означаемым, Соссюр на самом деле имеет в виду действительность, соответствующие этому понятию), Бенвенист указывает: «Произвольность существует лишь по отношению к явлению, или объекту *действительности*, но ей нет места в самом строении знака... Что... касается связи между означаемым и означаемым в составе знака, этого основного элемента языковой системы, то данную связь следует признавать *необходимой*, оба компонента знака в равной мере необходимы друг для друга».

В дальнейших трудах Бенвенист, соглашаясь с тем, что необходимо отвергнуть «все априорные взгляды на язык» и исходить «непосредственно из своего объекта», вместе с тем подчеркивал, что «язык наделен значением... именно благодаря этому он и есть структура и... это — основное условие функционирования языка среди других знаковых систем». Критически отно-

сясь к глоссематике и дескриптивизму, Бенвенист проявляет определенную близость к Пражской школе, указывая: «Форма получает характер структуры именно потому, что все компоненты целого выполняют ту или иную функцию». Отмечая в этой связи, что язык представляет собой высшую форму способности к символизации, под которой понимается «способность представлять объективную действительность с помощью “знака” и понимать “знак” как представителя объективной действительности и, следовательно, способность устанавливать отношение “значения” между какой-то одной и какой-то другой вещью», — французский ученый обратился и к проблеме взаимоотношения языка и мышления, посвятив ей во второй половине 50-х гг. специальную статью «Категории мысли и категории языка».

Указывая, что «мыслительные операции... всегда получают выражение в языке», Бенвенист формулирует положение о том, что мышление невозможно без языка в следующих словах: «Языковая форма является... не только условием передачи мысли, но и прежде всего условием ее реализации. Мы постигаем мысль уже оформленной языковыми рамками». Вместе с тем нельзя признавать мышление первичным по отношению к языку, как это считал еще Аристотель, выделявший такие универсальные мыслительные категории, отличные от специфических языковых, как субстанция, количество, время и т.д. Как утверждает Бенвенист, на деле они представляют собой категории древнегреческого языка, которые могут быть и в родственных ему (в том числе и отдаленно) индоевропейских языках, но отнюдь не обязательны, например, для языков африканских. Отсюда делается вывод о том, что «возможность мышления вообще неотрывна от языковой способности, поскольку язык — это структура, несущая значение, и мыслить — значит оперировать знаками языка», хотя при этом и оговаривается, что поскольку в процессе научного познания мышление «идет одинаковыми путями», постольку «в этом смысле оно становится независимым, но не от языка вообще, а от той или иной языковой структуры». В связи с этим обстоятельством ученый в другой работе («Новые тенденции в общей лингвистике») отмечал, что «язык

как человеческая способность, как универсальная и неизменная характеристика человека не то же самое, что отдельные изменяющиеся языки, в которых он реализуется». Поэтому «лингвистика имеет два объекта: она является наукой о языке и наукой о языках», поскольку «бесконечно разнообразные проблемы, связанные с отдельными языками, объединяются тем, что на определенной ступени обобщения всегда приводит к проблеме языка вообще».

Среди других вопросов, которыми занимался французский языковед, упоминают обычно и разработку проблематики, связанной с выделением и описанием уровней (ярусов) языка. Идеи Бенвениста нашли широкий отклик в мировом языкознании, а многие из них считаются актуальными и поныне.

Рядом с именем Э. Бенвениста часто ставят имя **Андре Мартине** (1908—1999). Основной сферой деятельности названного лингвиста являлись проблемы общего языкознания, диахронической фонологии (работа «Принцип экономии в фонетических изменениях», 1955). Указывая на необходимость объяснить звуковые изменения и выявить их причины, Мартине выдвигает понятие языковой экономии (интересовавшей в свое время Бодуэна де Куртенэ и его последователей): «Можно считать, что языковая эволюция вообще определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность». Отсюда вытекает необходимость найти равновесие между потребностями выражения, требующими новых, специальных и более редких единиц, и инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа более общих и часто употребляемых единиц. Однако если инерция постоянна, то потребности общения и выражения в разные эпохи различны, что приводит к изменению характера равновесия. «Расширение круга единиц может привести к большей затрате усилий, чем та, которую коллектив считает в данной ситуации оправданной. Такое расширение является неэкономным и обязательно будет остановлено. С другой стороны, будет резко пресечено проявление чрезмерной инерции, наносящей ущерб законным интересам коллектива».

Среди общетеоретических идей Мартине, изложенных прежде всего в книге «Основы общей лингвистики» (1960), обращает на себя внимание принцип *двойного членения* языка, согласно которому «любой результат общественного опыта, сообщение о котором представляется желательным, любая необходимость, о которой хотят поставить в известность других», членится, во-первых, на единицы, обладающие формой и значением (*монемы*), соответствующие в традиционной терминологии морфеме)¹, а во-вторых, звуковая форма может быть расчленена «на последовательные единицы, каждая из которых способна отличать одно слово», т.е. на фонемы (просодические явления — ударение и интонация лежат вне двойного членения).

Касаясь проблемы языка и речи, Мартине в отличие от большинства структуралистов отвергает идею о том, что «речь и язык обладают независимыми организациями, в связи с чем можно, например, предположить существование лингвистики речи наряду с лингвистикой языка». Как утверждает французский лингвист, «нетрудно убедиться в том, что речь представляет собой лишь конкретизацию языковой организации. Только в результате изучения фактов речи, как и существующей реакции слушателей, мы можем изучать язык».

Скептически относясь к построениям глоссематической теории (его слова о «башне из слоновой кости» были приведены в соответствующем разделе), Мартине был близок ко многим положениям, разделявшимся представителями Пражской школы. В частности, он не считал возможным сводить язык к системе чистых отношений, подчеркнув в своем докладе на IX Международном конгрессе лингвистов (1962): «Структуралист не может быть индифферентным к природе субстанциальных признаков, которые позволяют различать единицы одного и того же класса». Характерен для него и функциональный подход, близкий его пражским коллегам (в специальной литературе порой Мартине даже характеризуется как «представитель французского ответвления Пражской школы»).

¹ Термин «морфема» Мартине предлагает использовать исключительно для грамматических единиц, прежде всего аффиксов.

Среди функций языка Мартине выделял *коммуникативную*, определяя язык как «инструмент, посредством которого осуществляется взаимопонимание среди людей... Следует помнить, что именно коммуникация, т.е. всеобщее взаимопонимание, представляет собой главную функцию того орудия, которое называется языком». Именно ею объясняется и историческая эволюция языков, которые «постоянно приспосабливаются к тому, чтобы наиболее экономичным образом удовлетворить потребности общения данного языкового коллектива». Наряду с ней выделяется функция «основания для мысли», в связи с чем возникает вопрос, «заслуживает ли умственная деятельность, протекающая вне языка, право называться мышлением» (с оговоркой, что он относится к компетенции психолога, а не лингвиста). С другой стороны, можно говорить об *экспрессивной* функции, поскольку «человек часто обращается к языку с целью высказаться, выразить свое отношение к тому, что он ощущает, не особенно заботясь о реакции возможных слушателей», а также о функции *эстетической*, «представляющей значительные трудности для анализа ввиду ее тесной связи с коммуникативной и экспрессивной функциями». Касается Мартине и социальных («внешних») факторов языковой эволюции, причем, признавая, что «изменения в социальной структуре косвенно отражаются и на структуре языка», он вместе с тем подчеркивает: «Отнюдь не пренебрегая историческими данными различного толка, лингвист-диахронист должен рассматривать их в самую последнюю очередь, лишь исчерпав все средства объяснения языковых явлений, собранные в результате изучения эволюции структуры как таковой и исследования процессов взаимодействия».

К «структуралистам вне школ» причисляют и польского языковеда **Ежи Куриловича** (1895—1978). Занимаясь индоевропеистикой и подтвердив в определенной степени гипотезу де Соссюра о наличии ларингалов в индоевропейском праязыке, он разрабатывал и проблемы общей лингвистики, в частности знаковой теории (статья «Лингвистика и теория знака», 1949 г.). Е. Куриловичу принадлежит мысль о том, что «в системе языка и в звуковой, и в семантической области взаимные отношения

между членами системы подчинены двойной иерархии. Одна иерархия идентична логическому закону подчинения частного целому. Вторая, до сих пор не рассматривавшаяся, но являющаяся точным аналогом первой, состоит в подчинении сокращенных структур изофункциональным полным структурам». Отсюда следует ошибочность мнения, будто предложение строится из отдельных слов, а безличные предложения типа латинского *pluit* (букв. «дойдет») представляют собой те элементарные формы, от которых произошли полные предложения. «...В соответствии с указанной теоремой как раз сокращенные *мотивированные* формы являются производными от полных двучленных предложений типа подлежащее (*группа подлежащего*) + сказуемое (*группа сказуемого*)», — писал польский лингвист, оговаривая при этом: «Вопрос об *историческом происхождении* разных типов предложений здесь нами не рассматривается».

В отличие от таких своих коллег, как Э. Бенвенист и А. Мартине, Е. Курилович, испытавший воздействие со стороны идей И.А. Бодуэна де Куртенэ и имевший связи с Пражским лингвистическим кружком, проявлял интерес и к глоссематической теории, прежде всего в плане построения науки о языке в виде системы аксиом по образцу математики. Разрабатывал он и проблему *изоморфизма* планов содержания и выражения, отмечая параллелизм структуры слога и предложения.

Однако одновременно польский ученый подчеркивал и общественный характер языка: «*Социальный* фактор, который с первого взгляда кажется внешним по отношению к системе языка, в действительности органически связан с ней. Расширение употребления знака внутри системы является лишь отражением расширения его употребления в языковом коллективе. Это отношение характеризуется не только динамической стороной, но и статическим аспектом. Сфера употребления знака внутри системы соответствует сфере его употребления в языковом коллективе. Иначе говоря, чем обобщеннее (беднее) содержание знака, тем шире сфера его употребления говорящими; чем специальное (богаче) содержание, тем уже сфера употребления не только внутреннего (= внутри системы), но и внешне-

го (в языковом коллективе)». Касаясь в этой связи явления аналогии (статья «О природе так называемых «аналогических процессов», 1949 г.), Курилович подчеркивал: «Конкретная грамматическая система позволяет увидеть, какие “аналогические” изменения в ней возможны... Однако лишь социальный фактор... определяет, осуществляются ли эти возможности и если да, то в какой мере».

Не оставив после себя законченного труда общелингвистического характера, Е. Курилович тем не менее в совокупности своих исследований предложил теоретическую концепцию, некоторые положения которой прочно вошли в арсенал современной науки о языке.

«Околоструктуралистические» и неструктуралистические концепции XX века

Как уже неоднократно отмечалось выше, среди европейских языковедов XX в. были и такие ученые, которых нельзя причислить ни к «основным», ни к «индивидуальным» структуралистам, но идеи которых оказали заметное влияние на развитие лингвистической мысли.

В первую очередь здесь можно назвать имя датского языковеда **Отто Есперсена** (1860—1943). Сформировавшись как ученый еще в XIX в. и сохраняя понимание языкознания в первую очередь как исторической науки (что вызвало, в частности, возражения со стороны Дж. Ферса), Есперсен вместе с тем много занимался проблемами грамматики¹, указывая, что языковые факты можно рассматривать с двух точек зрения: от формы к значению (позиция слушающего), которая присуща *морфологии*, и от значения к форме (позиция говорящего), которая обрзает *синтаксис*. По функциональному (т.е. синтаксическому)

¹ Таковы относящиеся к 20-м — началу 30-х гг. XX в. труды «Философия грамматики», «Грамматика современного английского языка на исторических принципах», «Основы английской грамматики» и др.

признаку все единицы в составе предложения делятся на три ранга: первого (традиционные подлежащие и дополнения), второго (сказуемые и определения) и третьего (различные обстоятельства). Та же система применима и к сложному предложению при рассмотрении взаимоотношения между главными и придаточными его частями. Различаются два типа синтаксической связи: *юнкция* — тесная атрибутивная связь (*красный цветок*) и *нексус* — свободная предикативная или полупредикативная связь (*я заставил его уйти*). При этом Есперсен указывает, что, с одной стороны, тот или иной тип связи возможен не только между элементами словосочетания и предложения, но и между частями производного слова, а с другой — что в языке есть средства превращения одного типа связи в другой (*пес лает яростно* — *яростно лающий пес*).

Особое значение, однако имело предложенное Есперсеном учение о *понятийных категориях* (термин был впервые использован им в 1924 г.). Они, по мысли ученого, представляют собой универсальные категории, существующие в любом языке независимо от конкретного способа их выражения. Поэтому в разных языках такие категории, как темпоральность, модальность, пол, персональность и т.д., могут выражаться разными средствами. Аналогично обстоит дело и в пределах одного языка (ср. возможность в русском языке выразить разницу между категориями актива и пассива при помощи залога (*любить* — *быть любимым*) и посредством суффикса (*любитель* — *любимец*). Эти идеи, в какой-то степени продолжавшие традицию рациональных грамматик XVII—XVIII вв. нашли продолжение и в лингвистике XX в., где в качестве самостоятельной дисциплины выделилось изучение языковых универсалий.

В 20—30-х гг. XX в. широкой популярностью среди языковедов самых разных направлений пользовались труды немецкого психолога **Карла Бюлера** (1879—1963)¹. В 1934 г. появилась его книга «Теория языка», в которой, со ссылкой на свои более ран-

¹ В период между Первой и Второй мировыми войнами Бюлер жил в Австрии, а с 1938 г. — в США.

ние труды, ученый предложил получившую широкую известность схему, согласно которой язык находится в центре некоего условного пространства, а с трех сторон от него располагаются предметы и материальное содержание, отправитель (говорящий) и получатель (слушающий). Соответственно языковой знак имеет три семантические функции: *сообщение* (репрезентацию), *выражение* (экспрессию) и *обращение* (апелляцию). При этом разные знаки нацелены преимущественно на разные функции (в научных текстах — на репрезентацию, в командах — на апелляцию и т.п.), хотя обычно в каждом знаке, хотя и в разной степени, присутствуют все три функции. Кроме того, уточняя предложенное Соссюром разграничение языка и речи, Бюлер предложил выделять четыре понятия: *речевое действие*, *языковое произведение*, *речевой акт* и *языковую структуру*, хотя конкретное объяснение специфики последних (прежде всего речевого акта) осталось не вполне ясным. Тем не менее концепция Бюлера нашла отклик у многих представителей структурной лингвистики (на его разграничение функций языка ссылались, в частности, Н.С. Трубецкой, считавший, что «схема Бюлера сохраняет свое значение и для звуковой стороны языка»).

Проблемой разграничения языка и речи занимался также упомянутый выше английский языковед **Алан Гардинер** (1879—1963), посвятивший ей специальную книгу «Теория речи и языка» (1932) и ряд статей. В отличие от Соссюра он считал речь не менее важной, чем язык. Она состоит из трех компонентов: говорящего, слушающего и предмета, о котором идет речь, к которым следует добавить и относящееся к языку слово, обозначающее вещь. Поскольку в акте речи участвуют как минимум двое, постольку речь следует признавать социальным явлением. Сам язык содержится в речи и может быть вычленен из нее, после чего получается чисто речевой остаток. Например, к речи относятся предложения, а к языку — слова, из которых они строятся (включая и фразеологические единицы, представляющие собой устойчивые сочетания) и общие схемы, или лингвистические модели.

Взгляды Гардинера оказали некоторое влияние на современников (в том числе и на Бюлера), однако определяющей роли в развитии лингвистической мысли они не сыграли.

Наконец, ярким и своеобразным, хотя и спорным явлением в европейской науке XX в. стало так называемое **неогумбольдтианство**. Начав формироваться в Германии в 20-х гг. XX в. (т.е. почти одновременно со структурализмом), оно также представляло собой реакцию на идеи младограмматизма, ставя целью возвращение к «подлинному» сравнительному языкознанию в духе идей В. фон Гумбольдта. Особую популярность названное течение приобрело уже в послевоенные годы в ФРГ, что в определенной степени могло быть связано с последовавшим после 1945 г. расколом Германии, продолжавшимся около сорока лет. Виднейшим представителем данного направления являлся профессор Боннского университета **Лео Вайсгербер** (1899—1985); к нему принадлежали также **Иост Трир** (1894—1970), **Гюнтер Ипсен** (1899—1984) и др. Хотя в отдельных моментах своей концепции (признание системно-структурного характера языка, примат синхронного анализа, знаковость языка и др.) представители указанного направления проявляли определенное сходство со структуралистами, основные принципы его весьма отличаются от структуралистических.

Исходным положением неогумбольдтианства признается тезис, согласно которому язык воплощает духовную силу народа и, претворяя окружающий мир в мир идей, «вербализует» его, превращая «вещи в себе» в содержание человеческого сознания. При этом — в соответствии с идеями самого Гумбольдта — подчеркивается активная роль языка, не столько отражающего объективную реальность, сколько классифицирующего и упорядочивающего материал, добытый в результате воздействия внешнего мира на органы чувств, которые сами по себе не способны дать адекватное представление о нем. Поэтому язык, являясь «ключом к миру», представляет собой сетку, которую человек набрасывает на внешний мир в процессе познания. Так, например, звездное небо по-разному группируется и обозначается в разных языках, что свидетельствует о разном его восприятии разными народами — носителями соответствующих языков. Таким образом, познать можно только то, что создает язык.

В основе подобной силы языка лежит присущая ему знаковость. Отсутствие специального обозначения, следовательно,

означает и отсутствие соответствующего содержания. Например: строение человеческого тела по-разному членится в германских и славянских языках (ср. русское *нога* в соотношении с немецкими *Bein* и *Fuss*), что свидетельствует о разной картине мира у этих народов. Таким образом, язык, определяя мышление и познание человека, с одной стороны, не только обуславливает, но и ограничивает его познавательные возможности, а с другой — определяет разницу в логике и типе мышления.

Наиболее полным выражением взглядов представителей неогумбольдтианства считается четырехтомный труд Вайсгербера «Немецкий язык», где особое внимание уделено понятию родного языка. Последний трактуется как своего рода «субъект истории», не столько отражающий историю общества, сколько творящий ее, а сам языковой коллектив определяется как объединенный общей *картиной мира* родного языка. При этом языковые социумы, как «естественные» образования противопоставляются государствам, носящим искусственный характер.

В связи с изложенными выше установками основное внимание сторонники неогумбольдтианства уделяли проблемам семантики. В качестве метода ее изучения И. Триром и Г. Ипсеном была предложена теория *семантического поля*, согласно которой у всех образующих его единиц должен быть некий общий (*интегральный*) признак, обычно выражаемый словом с обобщенным значением. Например, глаголы движения «идти», «бежать», «плыть», «лететь» и т.п. имеют признак «перемещение в пространстве», противопоставляясь друг другу частными (*дифференциальными*) признаками («скорость», «способ», «среда» и другие характеристики передвижения). Причем, интегральные семантические признаки в определенных условиях могут выступать как дифференциальные. Например, признак «отношение родства», объединяющий слова «отец», «мать», «сын», «дочь» и др., выступает в качестве дифференциального при переходе к семантическому полю, включающему другие отношения между людьми («одноклассник», «начальник», «коллега» и др.). Отсюда следует, что семантические поля в лексике связаны иерархическими отношениями; об их взаимосвязи в пределах всего слова-

ря свидетельствует тот факт, что многозначное слово может относиться к различным семантическим полям. Таким образом между семантическими полями наличествует системная связь.

Несмотря на довольно серьезную критику неогумбольдтианства (зачастую не ограничивавшуюся сугубо лингвистическими моментами)¹, многие работы его представителей, особенно в сфере изучения семантики, получили признание в науке о языке, а сам метод семантических полей стал широко применяться в лингвистике.

В последние десятилетия XX в. в европейском языкознании продолжалась разработка кардинальных вопросов общей лингвистики, в том числе и в новых областях. Для примера можно назвать *лингвистику текста*, объектом которой являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам, и центром изучения которой стала именно европейская (Германия, Австрия, Чехословакия) наука. Однако начиная с 50-х гг. XX в. явно замечается выдвижение на первый план американской лингвистики, рассмотрению которой будет посвящен следующий раздел.

¹ Так, советские авторы 60—70-х годов упрекали представителей этого направления в шовинизме и стремлении присоединить к Германии все территории, население которых считает немецкий язык родным (Австрия, значительная часть Швейцарии и т.д.).

РАЗДЕЛ XVI

Американская лингвистика. Становление

Вплоть до последней трети XIX в. американское языкознание находилось если не вне, то во всяком случае на глубокой периферии мировой науки. Первым, чье имя стало по-настоящему известным в международных лингвистических кругах, являлся **Уильям Дуайт Уитни** (1827—1894), труды которого по санскритологии удостоились похвальных отзывов даже со стороны его немецких коллег, чье лидирующее положение являлось в тот период общепризнанным. Однако для истории языкознания более значимым оказалось его общелингвистическое наследие, наиболее полно представленное в книге «Жизнь и рост языка» (1875) — вероятно, не в последнюю очередь потому, что американский языковед был одним из немногих предшественников, на кого ссылался Ф. де Соссюр. Впрочем, о внимании к воззрениям Уитни свидетельствует и тот факт, что практически сразу после своего появления названная работа была переведена на французский (1875), итальянский (1876) и немецкий (1876) языки, причем последний перевод был выполнен А. Лескиным — одним из крупнейших представителей младограмматизма.

Говоря о взглядах Уитни, обращают внимание на то обстоятельство, что, с одной стороны, для него была характерна определенная связь с натуралистической и младограмматической концепциями, а с другой — положения, которые не укладывались в ортодоксальную компаративистскую тематику в ее, если можно так выразиться, «шлейхеровско-паулевском» истолковании.

В частности, отмечается, что Уитни ставил вопрос о языке как явлении в первую очередь общественном. Разграничивая в

нем индивидуальные и социальные аспекты, он определял язык как совокупность знаков, выражающих мысли. Причем он отмечал, что знаки человеческого языка обладают двумя особенностями: *произвольностью* и *условностью*. Первая заключается в отсутствии связи между словом и выражаемой им идеей; вторая — в использовании знака тем коллективом, к которому принадлежит говорящий. Приближался американский лингвист и к пониманию системности языка, трактуя последний как комплекс соотносительных частей и элементов. В черновиках Ф. де Соссюра была обнаружена) характерная запись: «Уитни сказал: “Язык есть человеческое установление”»... И это изменило коренным образом направление лингвистики... Уитни никогда не забывал повторять, чтобы дать лучше почувствовать, что язык является лишь установлением».

Если деятельность У. Уитни при всем своеобразии и оригинальности его концепции, все же представляла собой проявление *европейской* научной традиции, то сформировавшаяся на рубеже XIX—XX вв. американская *антропология*¹ обратилась уже к специфическому для Нового Света материалу — культурам индейских народов, резко отличных от европейских.

Будучи учеными широкого профиля (они занимались одновременно этнографией, фольклористикой и т.д.), антропологи не оставляли без внимания и лингвистическую проблематику, описывая языки соответствующих народов. И здесь прежде всего упоминают имя уроженца Германии **Франца Боаса** (1858—1942), автора теоретического введения к большому коллективному труду «Руководство по языкам американских индейцев», вышедшему в 1911 (когда оно и было опубликовано) — 1922 гг. Именно он указал на те особенности, которые во многом определили развитие американского языкознания последующих десятилетий.

¹ В отличие от русской традиции, где «антропологией» чаще называли биологическую науку о происхождении и эволюции физической организации человека и его рас, в англо-американском употреблении под ней понимают комплексную науку, исследующую разные аспекты культуры прежде всего так называемых примитивных народов.

Во-первых, как бы ни подчеркивали компаративисты XIX в. роль живых языков и диалектов для сравнительно-исторического исследования, важнейшим материалом для последнего объективно всегда являлись письменные памятники, отражающие те или иные этапы языковой эволюции. Между тем индейские языки в этом смысле «не имели истории», и до начала их научного изучения подавляющее большинство последних вообще не обладало какой бы то ни было письменной фиксацией. Поэтому, не отказываясь в принципе от применения сравнительно-исторического метода к полученному материалу (в частности, от попыток реконструировать праязыковые системы), американские языковеды волей-неволей должны были сосредоточиться на описании того, что существовало, т.е. изначально доминирующим стал синхронический подход.

Во-вторых, традиционные категории лингвистического описания, восходившие еще к трудам античных филологов и не всегда отражавшие даже особенности тех или иных индоевропейских языков (на что обращали внимание уже некоторые компаративисты XIX в.), оказались тем более непригодными при работе с индейскими языками, своеобразие которых отмечал еще В. фон Гумбольдт. Так, Ф. Боас, указывавший, что «в американских языках различие между грамматикой и лексикой часто бывает очень неясным» и поэтому «слово как таковое познается только в результате анализа», пришел к выводу, что «каждый язык с точки зрения другого языка весьма произволен в своих классификациях». Аналогично во многих случаях «невозможно с объективной уверенностью решить, правомерно ли считать определенную фонетическую группу независимым словом или же частью слова». Отсюда, естественно, возникал вопрос о выработке специальных процедур для выделения языковых единиц, занявший впоследствии одно из центральных мест в американской лингвистике.

Вместе с тем Ф. Боас обращал внимание и на взаимосвязь лингвистических моментов с этнокультурными фактами. Указывая, что в эскимосском языке для разных типов снега (лежащего, падающего и т.п.) или тюленя в разных условиях (греющегося,

пльвущего и др.) используются разные слова, ученый резюмирует: «Совершенно очевидно, что выбор подобных элементарных терминов должен до известной степени зависеть от основных интересов народа, и там, где необходимо различать определенные явления во многих аспектах, играющих в жизни народа совершенно независимую роль, могут развиваться независимые слова, в то время как в других случаях оказывается достаточной простая модификация терминов». Отсюда делался вполне закономерный вывод: «Выясняется, что теоретическое изучение языков индейцев не менее важно, чем практическое владение ими; чисто лингвистическое исследование является неотъемлемой частью глубокого изучения психологии народов мира».

Таким образом, согласно Боасу, при объективном изучении языка должны приниматься во внимание: а) те фонетические элементы, которые составляют язык; б) те группы понятий, которые выражаются фонетическими группами; в) способы образования и модификации этих последних.

Наряду с рассмотренными моментами изучение индейских языков было отмечено еще одной особенностью: исследователь и носитель языка были резко отделены друг от друга, поскольку «натурализация» представителя европейской культуры среди коренных жителей Америки была практически исключена. Таким образом, основным методом стала работа с информантом, т.е. описание незнакомого языка с позиций стороннего наблюдателя. Этот подход опять-таки требовал выработки строгих и объективных процедур описания, которые в принципе могли быть распространены и на анализ языка вообще в качестве одного из важнейших методологических принципов, как это и произошло в действительности.

Таким образом, выдвинутые в антропологической лингвистике принципы содержали возможность дальнейшего развития в двух направлениях: максимальной формализации описания, с одной стороны, и рассмотрения языка в тесной связи с культурой, поведением, мышлением — с другой. Характерно, что основоположниками обоих направлений стали ученики Ф. Боаса: Л. Блумфилд, положивший начало *дескриптивизму*, и Э. Сепир, с именем которого связывают формирование *этнолингвистики*.

Леонард Блумфилд и его концепция

Основоположник того направления, которому суждено было в течение почти трех десятилетий занимать в американской науке о языке господствующее положение, **Леонард Блумфилд** (1887—1949), начинал свою деятельность как вполне традиционный компаративист, достаточно близкий к младограмматикам, у которых он учился в Германии¹, с одной стороны, и в определенной степени разделявший психологический подход к языку В. Вундта — с другой. Перелом в его общелингвистическом мировоззрении относят к середине 20-х годов: в 1926 г. в журнале «Language» («Язык») выходит в свет его статья «Ряд постулатов для науки о языке», в которой содержится попытка в виде аксиоматического изложения представить принципы, которыми надлежит руководствоваться при описании языка. Однако в окончательном виде концепция американского языковеда была представлена в опубликованной в 1933 г. книге «Язык».

Говоря о сущности своей теории, Блумфилд часто называл ее «материалистической» или «механистической», противопоставляя так называемым «менталистическим» воззрениям. Характеризуя разницу между этими двумя подходами, американский языковед указывал: «Теория менталистов исходит из того, что вариативность человеческого поведения объясняется вмешательством какого-то нефизического фактора — *духа* или *воли* или рассудка... наличествующего у каждого человека. Дух же, согласно менталистской точке зрения, коренным образом отличается от материальных объектов и, следовательно, подчиняется другим, чем они, видам причинной связи или вообще ей неподвластен... *Материалистическая* (или, точнее, *механистическая*) теория исходит из того, что вариативность человеческого поведения, включая речь, объясняется только тем, что человеческое тело — это очень сложная система. Поступки людей, согласно материалистической точке зрения, являются частью

¹ Характерно, что полемизировавшие с Блумфилдом неолингвисты (в частности, Бонфанте) называли его «новым младограмматиком».

причинно-следственных отношений, ничем не отличающихся от тех, которые мы обнаруживаем, скажем, при изучении физики или химии». Однако поскольку нервная система человека и ее функционирование не поддаются непосредственному наблюдению, приходится использовать косвенные методы.

В этом отношении концепция Блумфилда оказывалась тесно связанной с упоминавшейся выше *бихевиористской психологией*, согласно которой о психической деятельности можно судить только по поведению человека, представляющего собой *реакции* организма на внешние раздражители — *стимулы*. На этом основано его знаменитое описание речевого акта: «Предположим, что Джек и Джилл идут вдоль изгороди. Джилл голодна. Она видит яблоко на дереве. Она издает звук, в образовании которого участвуют гортань, язык и губы. Джек перепрыгивает через изгородь, влезает на дерево, срывает яблоко, приносит его Джилл и кладет его ей в руку. Джилл ест яблоко». В этом, на первый взгляд, весьма заурядном событии, как указывает Блумфилд, можно выделить три части: 1) практические события, предшествовавшие акту речи; 2) речь; 3) практические события, последовавшие за актом речи.

Первая часть относится прежде всего к говорящему, в роли которого выступает Джилл. Она испытывает чувство голода и видит Джека, с которым ее связывают определенные отношения (например, кровнородственные или супружеские). Все эти события составляют *стимул говорящего*.

Третья часть главным образом касается слушающего (Джека). Практические события, последовавшие за речью (Джек срывает яблоко и приносит его) определяются как *реакция слушающего*. Впрочем, эти события относятся и к Джилл, которая берет яблоко и съедает его.

Будь Джилл одна, она (как и бессловесное животное) могла бы лишь попытаться сорвать яблоко. Такое поведение можно обозначить графически как $S \rightarrow R$ (стимул — реакция). Однако имея рядом Джека, она обращается к нему и тем самым побуждает его действовать. «*Язык*, — указывает Блумфилд, — *позволяет одному человеку осуществить реакцию, когда другой человек имеет стимул*».

Таким образом, сущность второй части (которая, согласно американскому ученому, и представляет главный интерес для лингвиста) заключается как раз в том, что вместо реальных действий по добыче яблока (*практической, или действенной, реакции*) Джилл приводит в движение органы речи, т.е. производит *речевую, или замещающую, реакцию*, которая, в свою очередь, служит стимулом для Джека, который поступает точно так же, как если бы сам имел аналогичный стимул, т.е. чувство голода. Отсюда следует, что у говорящего есть два способа реагировать на стимул: $S \rightarrow R$ (практическая реакция) и $S \rightarrow r$ (речевая замещающая реакция). С другой стороны, его реакция также могут быть подсказаны двумя типами стимулов: практическим ($S \rightarrow R$) и речевым замещающим ($s \rightarrow R$). Иными словами, человеческая реакция на стимул может быть двойкой:

- 1) неречевая реакция $S \rightarrow R$;
- 2) реакция опосредованная речью $S \rightarrow r \dots s \rightarrow R$.

«Различие между двумя этими типами реакций, — резюмирует Блумфилд, — совершенно очевидно. Неречевая реакция возникает только у того лица, которое испытало стимул... В отличие от этого реакция, опосредованная речью, может иметь место и у того лица, которое практического стимула не испытало... Как в случае речевой, так и в случае неречевой реакции основные моменты с биологической точки зрения одинаковы, а именно S (голод и вид пищи) и R (движения, благодаря которым удается или не удается достать пищу). Они составляют *практический аспект* происходящего. Речевой акт $s \dots r$ — это только способ, с помощью которого S и R могут возникнуть у различных индивидуумов. Для нормального человека интерес представляет только S и R ... Слово, как и вообще любая речь, — это лишь способ призвать на помощь других людей. Исследователей языка интересует прежде всего именно речевой акт ($s \dots r$), хотя и не представляющий ценности сам по себе, но являющийся средством к достижению великих целей... Когда нечто, кажущееся совершенно незначительным, оказывается тесно связано с более важными вещами, мы говорим, что это нечто имеет в

конце концов какое-то “значение”, а именно: оно “обозначает” эти более важные вещи. Поэтому мы и говорим, что речевое высказывание, тривиальное и несущественное само по себе, важно, так как оно имеет *значение*, значение складывается из тех немаловажных явлений, с которыми связано речевое высказывание, т.е. из практических событий».

Однако такое понимание значения, в свою очередь, приводит Блуфилда к выводу, что «лингвист не может определять значения», поскольку для этого нужно иметь точные сведения обо всем, что окружает говорящего. «Определение значений, — указывает он, — является, таким образом, уязвимым звеном науки о языке»... Вместе с тем очевидно, что в человеческой речи определенным звукам соответствуют определенные значения. «Изучать это соответствие определенных звуков определенным значениям и значит изучать язык».

Подобный подход требует, естественно, синхронного подхода к явлениям языка (что, по мнению Блумфилда, в конечном итоге необходимо и для компаративистских штудий). Ссылаясь на ряд своих предшественников, включая Ф. де Соссюра, американский языковед подчеркивает: «Всякое историческое исследование языка строится на сравнении двух или более рядов дескриптивных данных. Его точность и полнота целиком зависят от точности и полноты этих данных. Чтобы описать язык, не нужно никаких сведений из области истории; фактически исследователь, который позволит подобным сведениям повлиять на его описание, неизбежно исказит материал. Наши описания должны быть непредвзятыми, если мы хотим, чтобы они послужили прочной базой для сравнительных исследований».

Соблюдение указанного принципа, по мнению Блумфилда, требует индуктивного подхода, поскольку «явления, которые мы считаем универсальными, могут отсутствовать в первом же новом языке, с которым мы столкнемся» (хотя ученый в принципе не отрицает ни возможности в будущем вернуться к проблемам общей грамматики, ни того, что «общие процессы изменения одинаковы во всех языках и протекают в одном направлении» и что когда-нибудь, с ростом наших познаний, эти явле-

ния можно будет исследовать и сделать на их основе плодотворные обобщения).

Описание языка, согласно Блумфилду, должно начинаться с *фонологии*, где определяются все фонемы и выявляются их возможные сочетания. Затем выявляется, какие значения закреплены за определенными формами. Эту стадию он называет *семантикой*, подразделяя ее на *грамматику* и *лексику*. Фонетическая форма, обладающая значением, представляет собой *языковую форму* (фонемы к ним не относятся). Все языковые формы можно подразделить с двух точек зрения. Во-первых, они могут быть *связанными*, те которые никогда не произносятся отдельно (морфемы и другие части слова), и *свободными*, произносимыми отдельно от других форм (слова, словосочетания и др.). Во-вторых, выделяются формы *сложные*, или комплексные, имеющие частичное фонетико-семантическое сходство с другими языковыми формами (слово, словосочетание, предложение), и *простые*, не имеющие его (морфемы). Общая часть двух любых сложных форм, являющаяся языковой формой, образует их *составляющие (компоненты)*, которые делятся на *непосредственно составляющие* и *конечные составляющие*, в роли которых выступают морфемы. Так, предложение Poor John ran away (Бедный Джон убежал прочь) делится на две непосредственно составляющие (Poor John и ran away), каждая из которых, в свою очередь, распадается на непосредственно составляющие (Poor и John и ran away, наконец, в away выделяются непосредственно составляющие a- и -way).

Те языковые формы, в которых ни одна из непосредственно составляющих не является связанной формой, образуют *синтаксические конструкции*. Последние могут быть *экзоцентрическими*, если относятся к иному формальному классу, чем их составляющие, и *эндоцентрическими*, когда принадлежат к одному формальному классу со своими составляющими. Например, конструкция John ran (Джон бежал) относится к первому типу, поскольку не является ни номинативным выражением, как John, ни личным глагольным выражением, как ran. Напротив, poor («бедный Джон») является конструкцией второго вида, так как формы John и poor выполняют в общем одну и ту же функцию.

Если языковая форма является частью более сложной формы, она находится во *включенной* позиции; в противном случае она образует *предложение*. Последние изучаются в синтаксисе: конструкции, в которых в качестве составляющих выступают связанные формы, образуют *морфологию*.

Языковая форма или грамматическое явление, заменяющие при известных повторяющихся условиях любую из языковых форм, принадлежащих данному классу, представляют собой *субституты*, причем один из элементов значения каждого субститута является общим значением соответствующего класса. Например, личное местоимение I («я») имеет общее значение субстантивных выражений единственного числа. «Субститут, — отмечает Блумфилд, — заменяет только формы какого-то определенного класса, который мы можем назвать *сферой действия* данного субститута... Субститут отличается от обычных языковых форм, таких как *thing* (вещь), *person* (лицо), *object* (предмет), тем, что сферу его действия можно определить грамматически».

Отмечая, что значимые явления языка делятся на лексические и грамматические, Блумфилд устанавливает следующее соотношение между двумя группами терминов:

- 1) наименьшая и не имеющая значения единица языковой сигнализации *фемема*:
 - а) лексическая: *фонема*;
 - б) грамматическая: *таксема*;
- 2) наименьшая единица языковой сигнализации, имеющая значение *глоссема*, значение глоссемы — *ноэма*:
 - а) лексическая: *морфема*, значение морфемы — *семема*;
 - б) грамматическая: *тагмема*, значение тагмемы — *эписемема*;
- 3) Значимая единица языковой сигнализации, наименьшая или комплексная: *языковая форма*, значение языковой формы — *языковое значение*:

- а) лексическая: *лексическая форма*, значение лексической формы — *лексическое значение*;
- б) грамматическая: *грамматическая форма*, значение грамматической формы — *грамматическое значение*.

Однако если такие понятия, как субституция, экзоцентрическая и эндоцентрическая конструкция и особенно непосредственно составляющие, получили широкое признание, причем не только среди ближайших последователей Блумфилда, то с приведенной выше схемой дело обстояло несколько по-другому: большая часть предложенных ученым терминов оказалась забытой и лишь некоторые вошли в арсенал лингвистической науки, правда, порой с измененным значением.

Характеризуя книгу Блумфилда, обращают внимание и на то обстоятельство, что в ней (как, впрочем, и в «Курсе общей лингвистики») достаточно много места уделено и вопросам сравнительно-исторического языкознания. Однако соответствующие разделы, как и у Соссюра, обнаруживают значительное сходство с так называемой традиционной наукой о языке — прежде всего с младограмматической традицией, а также с исследованиями в области лингвистической географии.

Характеризуя книгу Блумфилда в целом, часто подчеркивают, что она занимает в истории американского языкознания место, аналогичное тому, которое принадлежит «Курсу общей лингвистики» в языкознании европейском. Действительно, как выросшие на почве соссюровских идей структуралистические концепции доминировали в Старом свете, так возникшая на фундаменте блумфилдовского труда дескриптивная лингвистика почти три десятилетия представляла собой наиболее влиятельное течение на американском континенте.

Основные принципы дескриптивной лингвистики

Благодаря тому влиянию, которое приобрели идеи Блумфилда в американском языкознании второй трети XX в., воз-

никшая на их основе *дескриптивная лингвистика* иногда стала отождествляться в Соединенных Штатах с наукой о языке в целом.

В действительности, однако, дело обстояло несколько по-иному. С одной стороны, наряду с блумфилдской продолжала существовать и традиция этнолингвистических исследований. Ее оформление связывают с именем **Э. Сепира**, концепция которого будет рассмотрена ниже. С другой стороны, и внутри дескриптивизма достаточно быстро выделились два основных течения, которые иногда характеризовались как «умеренное» и «крайнее» или — по названиям соответствующих научных центров — как *Энн-Арборская* и *Ивльская* школы.

К первой принадлежали видные американские языковеды XX в. **Кеннет Ли Пайк** (1912—2000), **Чарльз Карпентер Фриз** (1887—1967), **Юджин Алберт Найда** (р. в 1914) и др. Сохраняя в определенной степени преемственность с наследием Блумфида в области техники лингвистического анализа, они не разделяли крайнего «антиментализма», проявляя большой интерес к психологическим, социальным, этническим и иным факторам, учитывали роль значения и в определенной степени развивали идеи, выдвинутые Э. Сепиром, сближаясь с этнолингвистикой. Характерной особенностью этой школы являлась также практическая работа, зачастую миссионерского характера, среди коренного населения Америки, связанная с передачей Библии на индейские языки, что привело к разработке (особенно в трудах Ю. Найды) проблем теории перевода.

Наиболее заметными представителями второго течения являлись **Бернард Блок** (1907—1965), **Джордж Леонард Трейджер** (р. в 1906 г.) и особенно **Зеллиг Заббетаи Хэррис**¹ (1909—1992), которые довели дескриптивную концепцию до логического завершения². Книга последнего «Метод в структуральной лингвистике», впервые вышедшая в свет в 1948 г., стала своего рода Библией ортодоксального дескриптивизма.

¹ Ранее его фамилию передавали по-русски как Харрис.

² К более умеренным представителям Ивльской школы относят Чарльза Ф. Хоккета (1916—2000), и автора переведенной на русский язык книги учебного характера «Введение в дескриптивную лингвистику» Генри Глисона (1917—2007).

Естественно, что взгляды каждого из названных лингвистов (как и ряда их коллег) характеризовались определенной индивидуальной спецификой, и попытки дать некую «усредненную» картину дескриптивной концепции неизбежно будет носить достаточно условный характер. Тем не менее, говоря, если можно так выразиться, о «классической ипостаси» данного направления, обращают внимание на следующие моменты:

- язык следует описывать исключительно с точки зрения того, как одни части речевых отрезков употребляются относительно других частей, не обращаясь к таким факторам, как значение, история, психология (даже в ее бихевиористской разновидности) и т.п. Отсюда следует, что саму дескриптивную лингвистику можно определить как «набор предписаний об описании», причем по словам Б. Блока, строго говоря, «располагая достаточным количеством образцов того или иного языка... лингвист, очевидно, в состоянии определить его фонологическую систему, не зная, что означает каждая часть образца»;
- «главная цель исследования в дескриптивной лингвистике... есть отношение порядка расположения (аранжировка) или распределения (дистрибуция) в процессе речи отдельных ее частей или признаков относительно друг друга» (З. Хэррис). Оба этих понятия использовались еще Блумфилдом; однако у наиболее ортодоксальных его приверженцев они (особенно дистрибуция) приобрели настолько всепоглощающий характер, что «дескриптивную» лингвистику часто называли «дистрибутивной»;
- работа лингвиста заключается в том, что сначала устанавливаются дифференциальные фонологические элементы и исследуются отношения между ними, затем — морфологические. Хотя между фонологией и морфологией существует ряд различий (прежде всего количественного порядка, поскольку в любом языке дифференциальных морфологических элементов значительно больше, чем фонологических), однако «две параллельные схемы в ос-

новном идентичны по своему типу и по последовательности операций». Поэтому в принципе возможен и обратный порядок (от морфем к фонемам), хотя традиционный путь является более простым;

- разрешение этих задач достигается благодаря *сегментации* (членению) текста и *дистрибутивному анализу* тех единиц, которые обнаружены в результате сегментации. Для установления класса элементарных единиц используется техника *субституций* (замещения), при которой сегменты подставляют в другие высказывания и проверяют их приемлемость для информанта, а для выявления их сочетаемости — анализ по непосредственно составляющим;
- в практической работе лингвист имеет дело с *информантом* (носителем языка), определяющим, является ли предъявляемая форма правильной и являются ли две предъявляемые формы тождественными по значению или разными. Хотя таким образом, нарушается принцип отказа от обращения к семантическому критерию, однако в принципе «любые две морфемы А и В, имеющие разные значения, различаются тем или иным образом и в отношении дистрибуции: существуют два окружения, в которых одна употребляется, а другая нет. Отсюда следует, что фонемы или звуковые элементы, встречающиеся в А, но не в В, различаются по дистрибуции в известной мере от тех, которые встречаются в В, но не в А». Поэтому автор процитированного пассажа З. Хэррис делает вывод о том, что в будущем, когда удастся усовершенствовать технику дистрибутивного метода и определять все дистрибуции каждого элемента, эту непоследовательность, неизбежную «на данной ступени развития лингвистики», можно будет устранить;
- после сегментирования текста на элементарные единицы (*фоны* — на фонологическом, *морфы* — на морфологическом уровне) необходима их *идентификация*, т.е. установление того, какие из них тождественны, являясь вариан-

тами одной и той же единицы (*аллофонами* или *алломорфами*), а какие различны, представляя разные единицы. В связи с этим устанавливаются три типа дистрибуции: дополнительная, контрастная и свободное варьирование;

- текстовые единицы находятся в *дополнительной дистрибуции*, если они никогда не встречаются в одной и той же позиции (например, отличающиеся степенью открытости-закрытости гласные звуки в словах *день* и *жест*), *контрастной дистрибуции*, если могут встречаться в одной и той же позиции, различая значения (например, *а* и *о* в словах *дам* и *дом*), *свободном варьировании*, если могут заменять друг друга в любом окружении, не различая значений (взрывное и фрикативное *г* в словах *город*, *гора* и т.п.)¹.

Что касается метода непосредственно составляющих, то хотя представители дескриптивной лингвистики много занимались его разработкой и усовершенствованием, сам его *принцип* — постепенное членение высказывания на составные части до тех пор, пока не будут получены далее неделимые элементы (конечные составляющие), предложенный, как мы видели выше, еще Блумфилдом, по существу остался неизменным.

Но останавливаясь на других аспектах дескриптивной концепции, отметим, что при своем наиболее последовательном воплощении она означала сведение проблематики науки о языке к выработке *методики описания* языка. Действительно, почти все писавшие о рассматриваемом направлении, независимо от его оценки, отмечали, что ни одна структуралистическая школа не оставила после себя столько описаний самых разных языков мира, сколько принадлежит последователям Блумфилда. Однако важнейший аспект любой лингвистической теории — *объяснительный*, связанный с познанием сущности языка и его функций, по существу, остался в стороне. Ко второй половине 50-х гг.

¹ Применительно к морфемам о дополнительной дистрибуции можно говорить, например, по отношению к *хот-* и *хоч-* (хот-еть — хоч-ешь), контрастной *-у (ю)* и *-л* (броса-ю — броса-л), свободного варьирования *-ой* и *-ою* (сестрой — сестрою).

XX в. кризис рассматриваемого течения стал отчетливо ощущаться в американском языкознании, приведя к значительным изменениям последнего.

Эдуард Сепир и американская этнолингвистика

Как уже неоднократно указывалось, при всем своем преобладании в американской науке о языке 30-х — первой половины 50-х гг. дескриптивизм отнюдь не был единственной ее ипостасью. Достаточно значимым явлением была и *этнолингвистика*, крупнейшим представителем которой являлся **Эдуард Сепир** (1884—1939), учившийся у Ф. Боаса, долгое время работавший в Канаде, где им в 1921 г. была написана самая известная его книга «Язык», а по возвращении в США занимавший должность профессора в Чикагском, а затем в Йельском университете.

Будучи ученым очень широкого профиля (ему принадлежат труды по индейским языкам, компаративистике, культурологии и т.д.), Сепир уделял большое внимание проблеме взаимоотношения языка и мышления. Отмечая, что «границы языка и мышления в строгом смысле слова не совпадают», он указывает: «... Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения... Мышление можно считать естественной областью, отличной от искусственной сферы речи, но речь есть единственный возможный путь приводящий нас к этой области».

Особое место в книге занимает Сепира типологическая классификация языков. Отмечая связанные с нею сложности и указывая, что предыдущие классификации «не столько охватывают известные нам языки, учитывая их особенности, сколько втискивают их в свои узкие... рамки», ученый подчеркивает нецелесообразность подхода к языковому типу с оценочной точки зрения: «В своих основных формах язык есть символическое выражение человеческой интуиции. Она может оформляться на сотни разных ладов, безотносительно к материальной развитости или отсталости народа, пользующегося данными речевыми формами

и, как правило (о чем даже едва ли стоит говорить), их не осознающего. Поэтому, если мы стремимся понять язык в его истинной сущности, мы должны очистить наш ум от предвзятых “оценок” и приучить себя взирать на языки английский и готтентотский с одинаково холодным, хотя и заинтересованным, беспристрастием».

Считая, что языки нельзя характеризовать только с какой-то одной точки зрения, Сепир предложил три аспекта такой классификации. Во-первых, выделяется так называемый *основной тип языка*, связанный с типами значений. Последние подразделяются на *корневые*, выражаемые отдельными словами или корнями, *деривационные*, выражаемые обычно словообразовательными суффиксами, *смешанно-реляционные*, выражаемые аффиксами и внутренней флексией, и *чисто реляционные*, выражаемые также порядком слов. При этом оговаривается, что первый и четвертый типы значений имеются во всех языках, тогда как второй и третий могут отсутствовать. Вторым аспектом является сама *техника* выражения отношений. Все языки с этой точки зрения подразделяются на *изолирующие*, *агглютинирующие*, *фузионные* и *символизирующие*, последние выражают грамматические значения путем изменения в корне. В-третьих, учитывается «*степень синтезирования*» (т.е. сложности слова), с учетом которой языки подразделяются на *аналитические*, *синтетические* и *полисинтетические*. Итог такой классификации представлен у Сепира в виде таблицы, характеризующей выделенные типы на примерах конкретных языков.

Для собственно этнолингвистической проблематики (т.е. изучения связей языка с культурой, народными обычаями, представлениями, нормами поведения и т.п.) большое значение имели и отдельные статьи американского ученого («Статус лингвистики как науки», 1928, «Язык», 1933 и др.).

В этих работах американский языковед сформулировал знаменитое положение о связи языка и культуры, во многом напоминавшее идеи В. фон Гумбольдта: «Язык приобретает все большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. В некотором смысле система культурных

стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. Наивно думать, что можно понять основные принципы некоторой культуры на основе чистого наблюдения, без того ориентира, каким является языковой символизм, только и делающий эти принципы значимыми для общества и понятными ему... Язык — это путеводитель в “социальной действительности”... он существенно влияет на наше представление о социальных процессах и проблемах. Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе... В действительности... “реальный мир” в значительной мере неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками... мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества».

Правда, наряду с подобными высказываниями в трудах Сепира (прежде всего в его основной книге «Язык») содержится и ряд оговорок. Так, ученый неоднократно отмечал, что в ряде случаев «с особой очевидностью выступает внутренняя несвязанность языка и культуры. Совершенно неродственные языки обслуживают одну и ту же культуру, а близкородственные языки, иногда один и тот же язык, относятся к различным культурным сферам». В связи с этим высказывалась и мысль о том, что — по крайней мере, на данном этапе развития науки, пока не обнаружены врожденные для каждой культуры формальные стороны — «лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры несопоставимыми, взаимно не связанными процессами». Однако именно процитированное выше положение

стало основой для вызвавшей в середине XX в. оживленную дискуссию так называемой «гипотезы лингвистической относительности», вошедшей в историю языкознания как «гипотеза Сепира — Уорфа», хотя подлинным ее автором был несомненно именно второй из названной пары ученых — **Бенджамен Ли Уорф** (1897—1941).

Будучи по своей основной специальности инженером по технике пожарной безопасности, Уорф обратил внимание на случаи, когда язык влияет на поведение людей. Например, около склада бензиновых цистерн люди обычно ведут себя с достаточной осторожностью, тогда как надпись «Пустые бензиновые цистерны» провоцирует их на опасное с точки зрения соблюдения противопожарных правил поведение: они могут курить, бросать окурки и т.п., хотя такие цистерны, содержащие взрывчатые испарения, гораздо более пожароопасны «При наличии реально опасной ситуации, — указывает Уорф, — лингвистический анализ ориентируется на слово “пустой”, предполагающее отсутствие всякого риска». По мнению исследователя, объясняется это тем, что слово «пустой» (англ. *empty*) может употребляться как в значении «порожний», «бессодержательный» и т.п., так и для обозначения физической ситуации, не принимая во внимание наличие паров, капель жидкости и прочих остатков в цистерне или каком-либо другомместилище. «Обстоятельства, — резюмирует исследователь, — описываются с помощью второго случая, а люди вводят себя в этих обстоятельствах, имея в виду первый случай. Это становится общей формулой неосторожного поведения людей, обусловленного чисто лингвистическими факторами».

Прослушав затем на правах вольнослушателя лекции Э. Сепира и занявшись изучением индейского языка хопи в штате Аризона, Уорф написал несколько статей, впоследствии вошедших в посмертно изданную в 1956 г. книгу «Язык, мысль и реальность». Сравнивая европейские языки, составляющие «среднеевропейский стандарт» (SAE — от английского *Standard Average European*) с языком хопи, Уорф приходит к выводу, что даже грамматика языка хопи отражала в какой-то степени культуру

хопи, так же как грамматика европейских языков отражает «западную», или «европейскую культуру». Так, благодаря тому, что в европейских языках существует трехвременная система глагола и возможность представить себе ее в объективизированной форме (в виде точек на линии), для европейской культуры характерна историчность и стремление к регистрации фактов (датировка, хронология, дневниковые записи, летописи и т.п.), тогда как у индейцев, язык которых Уорф изучал, дело обстоит по-иному. «Представление хопи о времени слишком тонко, сложно и постоянно развивается, оно не дает готового ответа на вопрос о том, когда “одно” событие кончается и “другое” начинается. Если считать, что все, что когда-либо произошло, продолжается и теперь, но обязательно в форме, отличной от того, что дает память или запись, то ослабляется стремление изучать прошлое. Настоящее же не записывается, а рассматривается как подготовка». Оговаривая, что «между культурными нормами и языковыми моделями есть связи, но нет корреляций или прямых соответствий», Уорф вместе с тем подчеркивал, что «нашей цивилизации присущи определенные лингвистические категории и нормы поведения, складывающиеся на основании данного понимания времени, и они полностью соответствуют друг другу». При этом Уорф не ставит вопроса об *относительной ценности* той или другой модели: они просто различны, и каждая не лучше и не хуже другой.

Труды Уорфа вызывали ожесточенные споры, а отношение к ним колебалось от безоговорочного принятия до столь же безоговорочного отрицания. Однако подавляющее большинство лингвистов сходятся во мнении, что как в период создания данной гипотезы, так и в настоящее время наука не располагает средствами, с помощью которых можно было бы с должной степенью доказательности подтвердить или опровергнуть ее.

Кризис дескриптивизма и поиски альтернативы

Положение, сложившееся в американском языкознании к середине XX в., часто сравнивают с тем, которое наблюдалось в

европейской науке к концу века XIX. Подобно тому как младограмматики, доведя почти до совершенства методiku сравнительно-исторического исследования, тем самым показали ограниченность его возможностей, их заокеанские коллеги, детально разработав методы сегментации и дистрибутивного анализа, убедились в том, что для решения других проблем они используются быть не могут. Таким образом, дескриптивизм оказался перед лицом серьезного кризиса, выход из которого пытались найти при помощи разных путей.

Во-первых, наметилась тенденция, пока не порывая с дескриптивизмом как таковым, отойти от слишком жесткого следования тезису, согласно которому лингвистика представляет собой науку, задача которой состоит исключительно в том, чтобы «понять язык с точки зрения его внутренней структуры». Отвергнутые ортодоксальными дескриптивистами контакты с другими дисциплинами (даже с психологией в ее бихевиористическом варианте) начинают вновь привлекать к себе внимание, явным проявлением чего стало возникновение и бурное развитие *психолингвистики* и *социолингвистики*, стимулировавшееся в определенной степени и существованием этнолингвистики. Создание первой связывают с состоявшимся в 1953 г. межуниверситетским семинаром, в котором приняли участие видные лингвисты и психологи (**Джон Гринберг** (1915—2001), **Сол Сапорта** (р. в 1925 г.), **Чарльз Эджертон Осгуд** (1916—1991), **Дж. Дженкинс** и др.). Предметом ее стало изучение процессов образования, формирования и развития речи в связи с системой языка. Исходя первоначально из установок бихевиоризма, она впоследствии стала опираться на другие принципы. Вторая, также исходно находившаяся под воздействием бихевиористских принципов¹ и получившая значительную популярность в начале второй половины XX в., занимается комплексом проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механиз-

¹ Так, упомянутый выше К.Л. Пайк опубликовал в 1954—1960 гг. трехтомный труд «Язык в отношении к унифицированной теории человеческого поведения», построенный именно на модифицированной бихевиористской модели.

мами воздействия на язык социальных факторов, ролью языка в жизни общества и т.п.; среди виднейших ее представителей упоминают **Чарльза Альберта Фергюсона** (1921—1998), **Делла Хагауэя Хаймза** (р. в 1927), **Уильяма Лабова** (р. в 1927), **Уриэля Вайнрайха** (1926—1967) и др.

Еще одним направлением, представлявшим собой альтернативу ортодоксальному дескриптивизму, стала так называемая *лингвистика универсалий*, зарождение которой относят к 1961 г., когда в Гарвардском университете состоялась специальная конференция, вниманию участников которой в качестве предварительной основы для дискуссий был предложен специальный «Меморандум относительно лингвистических универсалий», подписанный Дж. Гринбергом, Ч. Осгудом и Дж. Дженкинсом. Во вступительной части к нему говорилось: «При всем своем бесконечном разнообразии все языки созданы по одной и той же модели... Лингвистические универсалии по самой своей природе суммируют констатации относительно характеристик или тенденций, разделяемых всеми людьми в их речевой деятельности. В качестве таковых они образуют наиболее общие законы науки о языке (противопоставляясь, таким образом, методу и целям дескриптивной лингвистики). Поскольку далее язык одновременно является и аспектом индивидуального поведения, и аспектом человеческой культуры, его универсалии представляют собой главную точку соприкосновения с психологическими принципами, лежащими в основе индивидуального поведения (психолингвистика), являясь основным источником заключений о человеческой культуре вообще (этнолингвистика). Мы полагаем, что необходимо организовать координированные усилия, выходящие за пределы индивидуальных возможностей, чтобы поставить на твердую почву действительные факты относительно универсалий в языках».

Особую значимость конференции придало участие в ее работе одного из крупнейших в свое время представителей Пражской лингвистической школы **Романа Якобсона**, с 1941 г. жившего и работавшего в США. В американский период им был создан ряд фундаментальных трудов, посвященных самым различным ас-

пектам языкознания, в том числе и опубликованная в соавторстве с американским лингвистом **Моррисом Халле** (р. в 1923) и шведским специалистом по акустике речи **Гуннаром Фантом** (р. в 1919) в 1952 г. работа «Введение в анализ речи: различительные признаки и корреляты», в которой развивается выдвинутая еще в конце 30-х гг. идея о возможности сведения фонем к сочетаниям двоичных дифференциальных признаков. Выступив на упомянутой конференции с докладом «Значение лингвистических универсалий для языкознания», знаменитый ученый особо подчеркнул, что интерес к данной проблематике «означает, что современные лингвисты готовы отбросить апокрифический эпилог, напечатанный крупными буквами издателями “Курса” Соссюра “Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, изучаемый в себе самом и для себя”. Разве мы не рассматриваем язык сегодня как целое, существующее “в себе и для себя”, и, вместе с тем, как составную часть культуры и общества?»

Названные направления (социолингвистика, психолингвистика, лингвистика, универсалий этнолингвистика) получили широкое распространение не только в Соединенных Штатах, но далеко за их пределами, хотя интерес к соответствующим проблемам испытал в последующие десятилетия приливы и отливы, а конкретный подход к решению тех или иных проблем мог довольно сильно различаться и видоизменяться (не говоря уже о влиянии моментов идеологического характера, которые особенно сильно сказывались в социолингвистических изысканиях). Однако наиболее влиятельное течение в науке о языке, по существу и положившее конец дескриптивизму, по своеобразной иронии судьбы зародилось именно в недрах последнего и первоначальный толчок ему дал наиболее ортодоксальный его представитель **Зеллиг Хэррис** (1909—1992).

Трансформационная грамматика и «хомскианская революция»

К середине 50-х гг. стало окончательно ясно, что в имеющемся виде дескриптивизм не отвечает в полной мере своей

собственной программе — «понять язык с точки зрения его внутренней структуры», хотя бы потому, что один из уровней структуры — синтаксический — не может быть описан с достаточной степенью полноты и адекватности. Правил сегментации и дистрибуции для выполнения подобной задачи было явно недостаточно, поскольку на окружение предложения или предложения типа практически невозможно наложить какие-либо ограничения: рядом с ним могут стоять предложения любой структуры. Что же касается метода непосредственно составляющих, то к рассматриваемому периоду было указано на наличие у него целого ряда недостатков:

- невозможность фиксировать различия в синтаксической структуре таких предложений, где эта разница является интуитивно очевидной для любого носителя языка (ср., например, предложения «Они были остановлены полицией» и «Они были остановлены силой», которые с точки зрения анализа по НС будут выглядеть одинаково);
- невозможность анализировать так называемые «двусмысленные предложения» (например: «Страх врагов был ужасен» — может быть понято как «страх, который испытывали враги» и «страх, который испытывали перед врагами»);
- невозможность установить связи между активными и пассивными, утвердительными, вопросительными и отрицательными предложениями;
- трудность анализа сложного предложения из-за самой громоздкости записи.

Наконец, если традиционная для дескриптивизма методика исследования позволяла установить для каждого из выделяемых уровней собственную единицу анализа (фонему — на фонологическом и морфему — на морфологическом), то применительно к синтаксису этот вопрос оставался открытым. В своих работах, относящихся к 50-м гг. («Анализ речи», 1952 и «Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре», 1957), Хэррис предположил, что такой единицей нужно считать опре-

деленный тип простого предложения. Отсюда следует что в синтаксической системе языка можно выделить я д е р н у ю (т.е. исходную) подсистему, а все остальные, более сложные синтаксические типы рассматривать как т р а н с ф о р м ы (преобразования) ядерных типов, получаемые по определенным правилам (т р а н с ф о р м а ц и я м).

Но если для самого Хэрриса трансформационный анализ являлся не отказом от дескриптивизма, а дополнением к нему и дальнейшим развитием применявшейся в нем методики описания, то совершенно другую роль обрел этот метод у ученика Хэрриса — **Ноама Хомского**¹ (р. в 1927), книга которого «Синтаксические структуры», вышедшая в 1957 г., положила начало новому направлению, вытеснившему дескриптивизм с научной арены — *генеративной грамматике*.

Уже в этом труде была поставлена проблема, практически выведенная представителями «дистрибутивной лингвистики» за пределы «научного» подхода к языку, — определение «фундаментальных свойств успешно действующих грамматик», а в конечном итоге — создание теории «лингвистической структуры, в которой описательные механизмы конкретных грамматик представлялись бы и изучались абстрактно, без обращения к конкретным языкам».

Грамматика любого языка характеризовалась как «своего рода механизм, порождающий все грамматические правильные последовательности L^2 и не порождающие ни одной неправильной», причем грамматически правильными будут предложения, «приемлемые для природного носителя данного языка». Однако нельзя отождествлять «множество грамматически правильных предложений» и реальные совокупности высказываний, добываемые исследователем в ходе полевой работы, поскольку в число первых попадут и предложения, бессмысленные семантически, но не нарушающие грамматических правил. Например, в английском языке *Colourless green ideas sleep furiously*³ яв-

¹ Иногда его фамилия передается как Чомски.

² То есть языка (от англ. *language* — «язык»).

³ Дословно: «Бесцветные зеленые идеи спят яростно».

ляется предложением, тогда как столь же бессмысленное *Furiously sleep ideas green colourless* таковым считается не может, поскольку в нем нарушен порядок слов.

В 60-х гг. выходят работы Хомского «Аспекты теории синтаксиса» (1965) и «Язык и мышление» (1968). Вводя понятие компетенции (знание своего языка говорящим — слушающим) и употребления (его реальное использование в конкретных ситуациях), ученый отмечает, что последнее никогда не может непосредственно отражать первую, поскольку в нем всегда будут наличествовать отклонения. «Задачей лингвиста, как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий — слушающий и которую он использует в реальном употреблении. ...Грамматика языка стремится к тому, чтобы быть описанием компетенции, присущей идеальному говорящему — слушающему». При этом подчеркивается, что при внешнем сходстве указанного разграничения с соссюрсовской дихотомией языка и речи между ними существует принципиальное различие, поскольку язык швейцарского языковеда, по убеждению Хомского, — это «только систематический инвентарь единиц», тогда как компетенция представляет собой «систему порождающих процессов».

Подчеркивая, что его теория «является менталистской, так как она занимается обнаружением психической реальности, лежащей в основе реального поведения», Хомский подвергает резкой критике и бихевиористскую психологию, которая изучала вместо мышления поведение человека, и Ф. де Соссюра, якобы утверждавшего, будто «единственным правильным методом лингвистического анализа являются сегментация и классификация», и своего соотечественника У. Уитни... Соответственно высоко оценивается так называемая «картезианская (т.е. восходящая к идеям Декарта) лингвистика» (под таким названием Хомский опубликовал в 1966 г. специальную работу), представленная, согласно его точке зрения, в «Грамматике Пор-Рояля» и близких ей по духу трудах, которые он оценивает как «первую действительно значительную общую теорию лингвистической

структуры», где «на первый план выдвигалась проблема объяснения фактов использования языка на основе объяснительных гипотез, связанных с природой языка и, в конечном счете, с природой человеческого мышления». Высоко оценивается и концепция Гумбольдта о творческом характере языка, также причисляемая им к «картезианской традиции»¹. Как считает Хомский, именно в трудах представителей рациональной грамматики было проведено разграничение *г л у б и н н о й* (мыслительной) *с т р у к т у р ы*, которая «прямо соответствует не звуку, а значению», и *п о в е р х н о с т н о й* *с т р у к т у р ы*, которая представляет предложение в его конкретной форме. Понятие глубинной структуры в генеративной грамматике позволяет отразить смысловую близость между теми предложениями, которые отличаются некоторыми грамматическими значениями (так обстоит дело, например, с активной и пассивной конструкциями типа «Рабочие строят дом — Дом строится рабочими»). По утверждению Хомского (опять-таки ссылающегося здесь на Арно и Лансло, с одной стороны, и Гумбольдта — с другой), «грамматика должна... содержать конечную систему правил, которая порождает бесконечно много глубинных и поверхностных структур, связанных друг с другом соответствующим образом. Она должна также содержать правила, которые соотносят эти абстрактные структуры с определенными репрезентациями в звуке и значении — репрезентациями, которые, предположительно, состоят из элементов, принадлежащих, соответственно, универсальной фонетике и универсальной семантике».

Таким образом, в генеративной грамматике выделяются три компонента: синтаксический, являющийся центральным, семантический и фонологический. Для перехода же от глубинной структуры к поверхностной используются специальные правила перестройки — *трансформации* (добавление или опущение служебных слов, перестановка, замена символов). Например,

¹ В специальной литературе неоднократно отмечалась историческая неточность подобного рода трактовок: во-первых, многие идеи об универсальных свойствах языка выдвигались еще до Декарта; во-вторых, причисление Гумбольдта к его последователям явно носило субъективный характер.

чтобы из утвердительного английского предложения *The boy hit the ball* (Мальчик ударил мяч) получить вопросительное *What did the boy hit?* (Что ударил мальчик?), нужно провести следующие трансформации: замещение (поставить вопросительное слово *What* вместо *ball*), перемещение (вопросительное слово переходит на первое место), добавление вспомогательного глагола перед сказуемым и перестановку (подлежащее и вспомогательный глагол меняются местами). Схематически это выглядит следующим образом: *The boy hit the ball* → *The boy hit what* → *What the boy hit* → *What the boy did hit* → *What did the boy hit?* Появление вспомогательного глагола *did* в вопросительных (как и отрицательных) предложениях, согласно концепции порождающей грамматики, должно свидетельствовать о том, что хотя он и отсутствует в явном виде в утвердительном предложении, но должен иметься как некая абстрактная форма в глубинной структуре последнего, поскольку в противном случае его появления нельзя было бы объяснить.

Отсюда возникает интерес Хомского к проблеме, вообще не существовавшей для дескриптивистов (да и других структуралистических школ), — вопросу о связи языка и мышления, поскольку универсальная грамматика в сформулированном выше понимании — «это исследование природы человеческих интеллектуальных способностей». При этом изучение языка вообще (что и являлось исключительной сферой деятельности самого Хомского, практически оперировавшего только фактами английского языка) и конкретных языков в деятельности лингвиста переплетаются: «Когда он строит описательную, конкретную грамматику одним, а не другим способом на основе имеющихся у него данных, он руководствуется, сознательно или нет, определенными допущениями относительно формы грамматики, и эти допущения принадлежат теории универсальной грамматики. И наоборот, формулирование им принципов универсальной грамматики должно быть обоснованно изучением их следствий, когда они применяются в конкретных грамматиках... На уровне конкретной грамматики он пытается охарактеризовать знание языка, определенную познавательную систему, которая была

выработана — причем, конечно, бессознательно — нормальным говорящим — слушающим. На уровне универсальной грамматики он пытается установить определенные общие свойства человеческого интеллекта». Таким образом, в каждой грамматике существуют особые правила, специфические для конкретного языка, и единые универсальные правила, среди которых прежде всего выделяются «принципы, которые различают глубинную и поверхностную структуру» (хотя как раз при описании конкретных языков вопрос о том, что считать в них явлениями глубинной, а что — поверхностной структуры, оказался наиболее сложным).

Пожалуй, наибольшие споры вызывала высказанная Хомским (опять-таки со ссылкой на Декарта) идея о том, что языковая компетенция, подобно всем мыслительным структурам, носит врожденный характер. Таким образом, делается предположение, что у ребенка имеются некие врожденные средства для обработки информации и образования внутренних структур. Именно применяя их к слышимой речи, ребенок «конструирует» грамматику своего родного языка. «Если говорить о типе грамматики, которой овладевает ребенок, — утверждал основоположник генеративной лингвистики, — то прежде всего бросается в глаза ненормативность и крайняя ограниченность исходных данных, на которых строится эта грамматика, поразительное сходство грамматик, построенных разными людьми, независимость этих грамматик от уровня интеллекта, мотивации, эмоционального состояния и множества других факторов, и тогда становится ясно, что вряд ли организм, в котором не заложено абсолютно никакой изначальной информации об общем характере структуры языка, может в такой степени овладеть этой структурой... Исходя из имеющейся у нас теперь информации, разумно предположить, что ребенок не может не строить нечто вроде трансформационной грамматики для того, чтобы контролировать восприятие встречающихся языковых данных, точно так же, как контролируется его восприятие твердых предметов или признаков формы предмета. Поэтому вполне возможно, что общие признаки структуры языка отражают не столько ин-

дивидуальный опыт, сколько общие закономерности, определяющие способность человека овладевать знаниями — или, если употребить традиционный термин, врожденные идеи и принципы».

Идеи генеративизма быстро получили широкое распространение не только в американской, но и в мировой науке о языке, хотя сама концепция Хомского претерпела весьма значительные изменения (в частности, постепенно из нее были устранены те самые трансформационные правила, которые, собственно говоря, и составляли первоначальное ядро данного направления). Привлекало внимание и стремление вернуться к рассмотрению тех проблем, которые были объявлены апологетами структурализма не имеющими отношения к подлинно научному языкознанию, и внимание к интроспекции (самонаблюдению) и языковой интуиции, и так называемый синтетический подход (изучение языка с позиций говорящего, т.е. от смысла к тексту в противоположность господствовавшему в течение всего существования европейской лингвистической традиции аналитическому подходу, когда из текста выделяются и затем классифицируются соответствующие единицы), и перенос внимания с фонетики и морфологии на синтаксис и семантику, которые и в докомпаративистском, и в сравнительно-историческом, и в структурном языкознании были разработаны в гораздо меньшей степени... Большое влияние оказали труды Хомского на такие упоминавшиеся выше дисциплины, как социолингвистика и особенно психолингвистика. В настоящее время это направление по-прежнему занимает видное место в современной лингвистике, хотя нередко говорят о наступающем кризисе генеративизма.

РАЗДЕЛ XVII

Советское языкознание

События, связанные с революцией и гражданской войной, хотя и не привели к прекращению научной деятельности в России, но, естественно, отразились на ней достаточно сильно. Помимо обстоятельств внешнего характера (разруха, голод, блокада), отечественное языкознание понесло в этот период и весьма значительные персональные потери: одни скончались, не выдержав лишений (среди них следует назвать крупнейшего русиста А.А. Шахматова), другие по разным причинам покинули страну. Среди них И.А. Бодуэн де Куртенэ, уехавший в обретенную собственную государственность Польшу, Н.С. Трубецкой, не принявший новой власти и ставший профессором Венского университета и крупнейшим представителем Пражской лингвистической школы, и многие другие.

Однако те традиции, которые были заложены в русском языкознании предшествующего периода, отнюдь не были прерваны. Правда, к началу 20-х гг. перестает существовать в качестве самостоятельного научного направления Харьковская школа, однако идеи самого Потебни, напротив, начинают привлекать к себе большое внимание, в том числе и со стороны ученых, вышедших из рядов других течений русской лингвистической мысли. Аналогичным образом обстояло дело и с Казанской школой, хотя, как уже говорилось, виднейший ее представитель — В.А. Богородицкий — продолжает работать до начала 40-х годов. Зато также связанная с именем И.А. Бодуэна де Куртенэ Петербургская школа представлена в рассматриваемый период именами таких выдающихся языковедов, как Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский; из ее рядов вышел и В.В. Виноградов, ставший впо-

следствии главой отечественной русистики. Своеобразно обстояло дело с Московской школой: наряду с такими «классическими» ее представителями, как Д.Н. Ушаков и М.Н. Петерсон, в 20-е годы активно работал А.М. Пешковский, в грамматических трудах которого постепенно усиливалось влияние идей Потепни и Шахматова. С другой стороны, в этот же период разворачивается деятельность молодого поколения москвичей, иногда именовавшихся «новомосковской школой» (Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, Р.И. Аванесова, Р.О. Якобсона и др.). Для многих из этих «научных внуков» Фортунатова было характерно стремление, не отрекаясь от его наследия, развивать и идеи, выдвинутые Бодуэном де Куртенэ, что особенно сказалось при разработке проблем фонологии. Достаточно хорошо были известны русским языковедам и работы зарубежных лингвистов — Ф. де Соссюра (с идеями которого их уже в годы революции познакомил приезжавший в Россию С. Карцевский), А. Мейе, Ж. Вандриеса, Э. Сепира, изданные в 30-е годы на русском языке, и ряда других.

Однако в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, со второй половины 20-х годов на передний план начинает выдвигаться концепция Н.Я. Марра, известная как «новое учение о языке» и наложившая заметный отпечаток как на развитие отечественного языкознания в целом, так и на личную и научную судьбу многих его представителей.

«Новое учение о языке» и его падение

После Октябрьской революции и победы нового строя в гражданской войне марксизм (позже именовавшийся марксизмом-ленинизмом) стал официальной, а затем и единственно дозволенной в стране идеологией, что влекло за собой стремление превратить его в методологическую базу для всех без исключения дисциплин, независимо от их конкретной специфики. Естественно, что особенно сильно эта тенденция должна была проявиться в сфере так называемых гуманитарных (общественных) наук, к которым традиционно причисляли и языкознание.

А поскольку, как отмечалось выше, сами классики марксизма каких-либо прямых руководящих указаний на сей счет практически не оставили (напомним, что и относительно много занимавшийся лингвистической проблематикой Ф. Энгельс исходил из предпосылок сравнительно-исторического языкознания, ссылаясь на Боппа, Гримма, Дица и др.), постольку под флагом «марксистского языкознания» могли, в принципе, выступать самые разнообразные течения, пользовавшиеся марксистской или квазимарксистской фразеологией. Именно к их числу принадлежало и «новое учение о языке», создателем которого был **Николай Яковлевич Марр** (1864—1934), уже в дореволюционные годы получивший известность трудами по армянской и грузинской филологии, археологии (именно в первую очередь за проведенные им на Кавказе раскопки он был избран в 1912 г. действительным членом Академии наук), а затем много занимавшийся кавказскими («яфетическими», по его терминологии) языками. Излагая основные положения его концепции (в основном, они разбросаны по многочисленным трудам), обычно выделяют следующие положения:

- поскольку, согласно марксистскому учению, общественные явления представляют собой идеологическую надстройку над экономическим базисом, постольку «язык есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений... такая же надстроечная, как искусство и вообще искусство»;
- раз марксистское учение исходит из того, что любому надстроечному явлению присущ классовый характер, последний должен быть свойствен и языку: «Нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым». Более того: «Не существует национального, общенационального языка, а есть классовый язык и языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации»;

- первичным языком был ручной (кинетический): звуковая речь появилась позже, причем ее употребление «не могло не носить характера магического средства», а сам язык «являлся орудием власти классового господства»;
- эта первичная звуковая речь состояла из четырех элементов САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ, каждый из которых «характеризовался диффузным состоянием трехзвучности», причем «первичное диффузное произношение каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено». Эти четыре элемента являются общими для всех языков, и «в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх все тех же четырех элементов»¹. Их выявление представляет собой задачу «лингвистической палеонтологии» (как мы видели выше, этот термин уже имелся в лингвистике, но использовался в совершенно другом значении);
- пути развития языков являются едиными, что объясняется единством самого глоттогонического (языкотворческого) процесса, поскольку «все слова всех языков сводятся к четырем элементам». Генетического праязыка, как его понимала компаративистика, вообще не существует; постулирование праязыков представляет собой «обоснованное на недоразумении утверждение», а сам праязык — не что иное, как научная фикция;
- языковые состояния («грамматические стадии») сменяются в результате смены общественно-экономических формаций. «...Так называемые семьи языков... представляют различные системы, отвечающие различным типам хозяйства и обществности, и в процессе смены одной

¹ Внятного объяснения, почему элементов должно быть именно четыре, Марр не дал, хотя само это число, как известно, представлено в древнейших философских системах о четырех основных стихиях (земле, воде, огне и воздухе). В 80-е годы XX в. Т.В. Гамкрелидзе предположил, что концепция Марра служит иллюстрацией «проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений о структуре генетического кода».

культуры другой одна система языков преобразалась в другую». Отсюда следовало, что традиционная морфологическая классификация должна быть интерпретирована в социологическом духе: аморфное, агглютинативное и флективное состояние «отражают каждое особый социальный строй»; первое — первобытнообщинную формацию, второе — родовую, третье — формации классового общества;

- основную роль в развитии языка играют не постепенные эволюционные изменения (хотя в принципе они могут иметь место), а «перемены мутационного порядка», представляющие собой «революционные сдвиги которые вытекали из качественно новой техники и качественно нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним новая идеология в построении речи и, естественно, новая ее техника. Отсюда различные системы языков»¹;
- так называемая индоевропеистика (под которой, по существу, понималось все традиционное сравнительно-историческое языкознание) «есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока, их убийственной колониальной политикой» (т.е. представляет собой не только научного, но и политического врага советского строя).

На рубеже 20—30-х гг. разворачивается острая борьба в советском языкознании, в ходе которой «новому учению о языке»

¹ В этом пункте Н.Я. Марр и его последователи действительно в какой-то степени могли опереться на авторитет такого видного марксиста, как П. Лафарг, работа которого была издана в русском переводе в 1930 г. под заглавием «Революция и язык» (характерно, что в оригинале у нее было несколько иное название — «Французский язык до и после революции»). Однако объективности ради надо заметить, что при общей высокой оценке роли Лафарга в пропаганде марксизма классиком последнего он никогда не считался, а следовательно, не распространялся на него и ореол «непогрешимости».

удается завоевать господствующее положение в отечественной лингвистике и приобрести официальный статус «марксистского языкознания». Его противники, пытавшиеся опровергнуть марризм с позиций «подлинного марксизма» (Е.Д. Поливанов, отчасти занимавшая промежуточное положение группа «Языкофронт» (Г.К. Данилов, Я.В. Лоя, П.С. Кузнецов) и др., провозгласившая своей целью одновременную борьбу как против «буржуазной индоевропеистики», так и «нового учения о языке»), оказались разгромленными.

С середины 30-х годов, после смерти Н.Я. Марра, фактическим главой советского языкознания стал академик **Иван Иванович Мещанинов** (1883—1967). На словах он продолжал сохранять верность идеям своего учителя, повторяя наиболее общие формулировки последнего. Однако в работах, относящихся к 40-м гг., таких как «Общее языкознание (к проблеме стадиальности в развитии слова и предложения)» (1940), «Члены предложения и части речи» (1945), «Глагол» (1949), Мещанинов в значительной степени отошел от построений Марра, прежде всего — от четырехэлементного анализа. В центре внимания ученого находились проблемы синтаксической типологии, главным образом в плане способов обозначения субъекта и предиката, причем выделяемые здесь типы получают стадиальную интерпретацию. Так, более ранней стадией признаются и н к о р п о р и р у ю щ и е языки, где имеется комплекс, одновременно являющийся и словом, и предложением и поэтому не могущий быть отнесенным к какой-либо части речи. Строй же языков, в которых предложение состоит из слов, может быть п о с е с с и в н ы м (алеутский, пережиточно абхазский язык), при котором одинаковым образом обозначается посессивное и предикативное (между субъектом и предикатом) отношение; э р г а т и в н ы м (кавказские языки), когда субъект непереходного предложения оформляется как объект переходного, а субъект переходного обозначается особым падежом; н о м и н а т и в н ы м (индоевропейские языки), где субъект обозначен подлежащим, предикат — сказуемым, а объект — дополнением. Каждый из них

представляет определенную стадию языкового развития, хотя в конкретных языках могут сосуществовать разные конструкции, вследствие чего не всегда ясно, какой именно строй в них преобладает.

В книге «Члены предложения и части речи» получила также дальнейшее развитие выдвинутая О. Есперсеном идея понятийных категорий, хотя ссылок на труды своего датского коллеги автор (возможно, по цензурным соображениям) не делает. В трактовке И.И. Мещанинова они представляют собой общие понятия, существовавшие в данной общественной среде (субъект, предикат, предметность, род и т.п.), которые «не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматике». Обретая в языке свою синтаксическую или морфологическую форму (причем «одно и то же задание, даваемое содержанием высказывания, получает различные пути своего выражения и в морфологии и в синтаксисе»), они становятся грамматическими категориями. Однако хотя понятийные категории не существуют вне языка и обязаны как-то выражаться в нем, само это выражение может быть самым разнообразным — как грамматическим, так и лексическим. Понятийные категории, таким образом, встречаются во всех языках и носят универсальный характер, однако различаются по своему внешнему выражению.

В чисто научном плане период с середины 30-х по середину 40-х гг. характеризовался относительным спокойствием и терпимостью по отношению к «немарристам»¹, хотя «новое учение о языке» по-прежнему считалось официально признанным. Более того, встречалась в эти годы и печатная критика отдельных положений его основоположника (например, в статье Г.О. Винокура «О задачах истории языка», опубликованной в 1941 г., которая будет рассмотрена ниже). Но к концу 40-х годов, в связи с общим изменением идеологической ситуации в стране,

¹ Разумеется, в указанный период были репрессированы многие противники Н.Я. Марра, включая Е.Д. Поливанова, однако пострадали и некоторые представители «нового учения о языке».

давление на противников марризма (или даже на старавшихся быть нейтральными лингвистов) вновь резко усилилось, причем по отношению к ним стали применяться меры административного характера. Однако 9 мая 1950 г. в центральном печатном органе страны — газете «Правда» была начата дискуссия по вопросам языкознания, целью которой, как отмечала редакция, было «преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Открывала дискуссию статья одного из наиболее непримиримых противников марризма — академика АН Грузии **Арнольда Степановича Чикобава** (1898—1985). Заручившись предварительно поддержкой И.В. Сталина (о чем до поры до времени известно не было), А.С. Чикобава подверг критике большинство положений «нового учения о языке», отстаивая принципы сравнительно-исторического языкознания. В последующем на страницах «Правды» выступил ряд языковедов, как критиковавших Марра (Б.А. Серебренников, Г.А. Капанцян, Л.А. Булаховский), так и защищавших его идеи (И.И. Мещанинов, Н.С. Чемоданов, Г.П. Сердюченко, Ф.П. Филин), а также занимавших компромиссную позицию (В.В. Виноградов, А.И. Попов, С.Д. Никифоров). Однако 20 июня 1950 г. рядом со статьей П.Я. Черных появилась и статья самого И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» (вместе с дополняющими ее ответами на письма читателей она составила работу «Марксизм и вопросы языкознания»). Марризм подвергся безоговорочному осуждению, сравнительно-исторический метод (с оговоркой о присущих ему «серьезных недостатках») был провозглашен подлинно научным, а советское языкознание было возвращено в основном на позиции «деструктуралистической» лингвистики (поскольку структурализму вменялся в вину действительно присущий некоторым его течениям «антиисторизм»). Во второй половине 50-х годов, после XX съезда КПСС, оказавшего значительное влияние на жизнь страны, в развитии отечественной науки о языке проявляются новые тенденции, о которых будет сказано ниже.

Другие общелингвистические концепции

Хотя «новое учение о языке» и было на протяжении четверти века наиболее влиятельным течением в советском языкознании, оно отнюдь не исчерпывало картину лингвистической жизни тех лет. В 20—40-х гг. было немало ученых, если и не полемизировавших с ним открыто (поскольку с начала 30-х гг. это стало почти невозможным), то шедших своим путем, либо вообще не упоминая имени и идей его основателя, либо ограничиваясь дежурными комплиментами, порой носившими достаточно двусмысленный характер.

Однако прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению их воззрений, представляется целесообразным отметить, что большинство русских ученых, как и их коллеги за рубежом, в целом положительно отнеслись к тем идеям, которые нашли отражение в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра. Причем ученики Бодуэна де Куртенэ (Л.В. Щерба и особенно Е.Д. Поливанов) даже утверждали, что ничего принципиально нового по сравнению с мыслями их учителя эта книга не содержит. Однако почти никто из отечественных лингвистов (как позднее члены Пражской школы) не последовал до конца за Соссюром в вопросе о противопоставлении синхронии и диахронии. Так, Л.В. Щерба подчеркивал разницу между «диалектическим синхронизмом» Бодуэна и «чересчур статическим синхронизмом Соссюра», а ученый совсем другой традиции — А.М. Пешковский указывал, что описательное и историческое языкознание — это не две разные науки, а два отдела одной науки, хотя их внутренняя контрастность несомненна и изучаются они разными методами. Приблизительно в том же духе высказывались и многие другие ученые, хотя, естественно, отдельные аспекты указанной проблемы могли решаться по-разному (см. ниже о позиции Г.О. Винокура).

Среди трудов общелингвистического характера, появившихся в рассматриваемый период, выделяют статью **Льва Владимировича Щербы** (1880—1944) «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании», опубликованную в 1931 г.

с подзаголовком «Памяти учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ» и посвященную своеобразной интерпретации поставленной Ф. де Соссюром проблемы языка и речи.

Согласно Л.В. Щербе, целесообразно различать три основных понятия. Во-первых, это **речевая деятельность**, т.е. сами процессы говорения и понимания. Будучи обусловлена психофизической организацией индивида, она вместе с тем является социальным продуктом. Во-вторых, это **языковой материал**, определяемый как «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это тексты. Языковой материал — результат речевой деятельности». В-третьих, это **языковая система**, воплощением которой являются грамматика и словари, создаваемые «не на основании актов говорения и понимания какого-либо одного индивида, а на основании всех (в теории) актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни той или иной общественной группы... Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка. Мы, конечно, далеки от этого идеала, но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне правильно понимать все говоримое на данном языке».

Особо рассматривает Щерба вопрос об объективности существования языковой системы. Отвергая «существование языковой системы как какой-то надындивидуальной сущности», с одной стороны, и мнение, согласно которому, «языковая система, т.е. словарь и грамматика данного языка, является лишь ученой абстракцией» — с другой, Л.В. Щерба приходит к выводу, что языковая система «есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в “индивидуальных речевых системах”», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы».

В связи с этим Л.В. Щерба останавливается и на проблеме, которую Соссюр определял как антиномию изменчивости—не-

изменчивости языкового знака. Отмечая социальный характер языковой системы («Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не найдя отклика и даже понимания, безвозвратно погибает»), автор видит ведущую причину языковых изменений именно в «содержании жизни данной социальной группы», т.е. внешних условиях существования носителей языка: «Речевая деятельность, являясь в то же время и языковым материалом, несет в себе и изменения языковой системы... Опыт нашей революции показал, что резкое изменение языкового материала неминуемо влечет изменение речевых норм... Поэтому языковая система находится все время в непрерывном изменении. Наконец, всякая социальная дифференциация внутри группы, вызывает дифференциацию речевой деятельности, а следовательно, и языкового материала, приводит к распаду единого языка».

К этим соображениям общесоциологического характера (свойственного отечественной научной мысли рассматриваемого периода в целом) Л.В. Щерба добавляет такие факторы, как улучшение понимания (например, устранение омонимов), тенденция к экономии труда, смешение разных языков и так называемых «групповых языков внутри одного языка» (т.е. территориальных и социальных диалектов), ссылаясь, в частности, на А. Мейе. «Само собой понятно, — замечает ученый, — что все изменения, подготовленные в речевой деятельности, обнаруживаются легче всего при столкновении двух групп. Поэтому историю языка можно в сущности передавать как ряд катастроф, происходящих от столкновения социальных групп».

Особо останавливается Щерба на проблеме **метода** лингвистического исследования. Отмечая, что «лингвисты совершенно правы, когда выводят языковую систему, словарь и грамматику данного языка из соответственных текстов, т.е. из соответственного языкового материала», и признавая, что «никакого иного метода не существует и не может существовать в применении к мертвым языкам», ученый подчеркивает, что механический перенос подобного подхода на исследование живых языков (за которое так ратовал его учитель Бодуэн де Куртенэ) является не-

оправданным и приводит к появлению «мертвых грамматик и словарей», далеко не адекватно отражающих языковую реальность. «Исследователь живых языков, — указывает ученый, — должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверить ее на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз... применяя данное правило. Утвердительный результат подтверждает правильность постулата... Но особенно поучительны бывают отрицательные результаты: они указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря и т.п.». По мнению Щербы, как раз использование эксперимента составляет основное методологическое преимущество изучения живых языков по сравнению с мертвыми. Благодаря ему можно будет создать адекватные действительности грамматики и словари — еще и потому, что в текстах, изучаемых лингвистами, обычно отсутствуют ошибочные с точки зрения нормы высказывания («отрицательный языковой материал»), роль которых весьма значительна.

В другой статье — «Очередные проблемы языковедения», опубликованной посмертно в 1945 г., — подчеркивается необходимость сравнительного изучения структур разных языков, поскольку именно таким образом можно установить взаимообусловленность отдельных элементов языковых структур и по-настоящему определить понятия «слова», «предложения» и т.п. Различия пассивную и активную грамматику, Щерба определял первую как идущую от форм к значениям, а вторую как занимающуюся вопросами о способах выражения той или иной формы, причем, признавая важность обоих аспектов, ученый указывает, что до сих пор преобладал именно первый. Можно отметить также, что саму методику описательного изучения Щерба

понимал в противоположном дескриптивизму плане: если для представителей последнего основной была работа с информантом и в принципе описываемого языка лингвист мог не знать, то их российский коллега подчеркивал: «...Для того чтобы не исказить строй изучаемого языка, его надо изучать не через переводчиков, а непосредственно из жизни, так, как изучается родной язык. Надо стремиться вполне обладать изучаемым языком, ассимилироваться туземцам, постоянно требуя от них исправления твоей речи».

Затрагивает Л.В. Щерба и такие популярные среди советских языковедов рассматриваемого периода вопросы, как развитие структуры человеческого языка в связи с развитием человеческого сознания и зависимость изменений знаковой стороны языка от изменений в структуре общества, но подходит к ним весьма осторожно: в первом случае он ограничивается замечанием о том, что «слишком мало самостоятельно думал над этим вопросом, чтобы долгие останавливаться на нем», во втором — что утверждения о подобной зависимости в настоящий момент представляют собой «больше постулат, чем очевидный факт».

Вообще отношение ученого к марровской доктрине было достаточно сложным и, несмотря на отдельные нападки со стороны ревнителей «нового учения о языке», в целом до открытого разрыва дело не доходило.

Другой ученик Бодуэна де Куртенэ — **Евгений Дмитриевич Поливанов** (1891—1938), выдающийся лингвист, полиглот, известный прежде всего бескомпромиссной борьбой с «новым учением о языке», не раз подвергавшийся гонениям и в конце концов ставший жертвой репрессий, много занимавшийся восточными языками, уделял большое внимание проблеме причин языковых изменений, выдвигая идею создания общей теории языкового развития (**лингвистической историологии**). Отмечая противоречия между необходимостью сохранения стабильности языка для его нормального функционирования и неизбежности его исторических изменений, он отводил (следуя в значительной степени своему учителю) особую роль стремлению к экономии трудовой энергии, выражающемуся в звуковой ре-

дукции, упрощении грамматических форм, аналогии и т.п. Как и Бодуэн, Поливанов признавал факты смешения и скрещивания языков, допуская возможность выработки «единого общего языка (т.е. языковой системы) взамен двух разных языковых систем». Уделял он внимание и социально-экономическим факторам, оговаривая, однако, что они в основном носят косвенный характер: «Экономическо-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалект, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции».

При этом Е.Д. Поливанов, с одной стороны, отрицательно относился к тезису о «революции в языке», характерному для «нового учения», и стремлению напрямую увязать языковые изменения с социально-экономическими (отмечая, в частности, что предполагать, будто под влиянием революции изменяются фонетические процессы сами по себе — это то же самое, что предполагать будто после революции поршни паровоза начнут двигаться не параллельно, а перпендикулярно к рельсам), а с другой стороны, указывал: «...Не надо рассматривать общую линию пройденной... эволюции как вполне непрерывный ход процесса постепенных изменений... Наоборот, весьма многое в этой цепи последовательных видоизменений принадлежит к процессу или “сдвигам” мутационного или революционного характера». Последние могут быть следствием как изменения социального субстрата, так и длительного накопления эволюционных изменений¹, проявляясь, в частности, в увеличении состава фонем, когда одна фонема расщепляется на две или больше (дивергенция), так и их уменьшении, когда несколько фонем сливаются в одну (конвергенция). Оба этих явления носят скачкообразный характер, т.е. не могут иметь промежуточных ступеней: какое-нибудь поколение говорящих либо начинает ощущать некоторое различие, либо, напротив, перестает, причем конвергенция

¹ В этом случае, по мнению Поливанова, имеет место проявление закона перехода количества в качество, считавшегося одним из краеугольных камней марксистской философии диалектического материализма.

одних фонем может создавать условия для дивергенции других и наоборот.

Среди представителей традиции Московской лингвистической школы, занимавшихся и общелингвистической проблематикой, выделяют **Александра Матвеевича Пешковского** (1878—1933), основные научные интересы которого касались прежде всего проблем описательной грамматики. В относящейся к 1923 г. статье «Объективная и нормативная точки зрения на язык» он формулирует различие между названными двумя подходами следующим образом. При первом («объективном») «эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение — познавательное... отсутствие **оценки** — первый признак объективного рассмотрения». В этом плане языкознание оказывается близким наукам естественным: «Понятие языкового прогресса в нем целиком заменяется понятием языковой эволюции. Если в начале нашей науки и были оживленные споры о преимуществах тех или иных языков или групп языков друг перед другом (например, синтетических перед аналитическими), то в настоящее время эти споры приумолкли... современный лингвист признает каждый язык совершенным применительно к тому национальному духу, который в нем выразился. И не только к целым языкам, но и к отдельным языковым фактам лингвист, как таковой, может относиться в настоящее время только объективно-познавательно... в конечном итоге он ни одного факта не осудит, а лишь **изучит**».

Напротив для обычной, житейско-школьной точки зрения характерен нормативизм, в силу которого «мы над каждым языковым фактом творим или по крайней мере стремимся творить суд... или признаем за фактом «право гражданства», или приносим ему сурово к вечному изгнанию из языковой сферы». Такой подход исходит из убеждения в наличии объективной, общеобязательной «**нормы**» для каждого языкового явления и необходимости этой нормы для самого существования языка. И сопоставляя две рассмотренные позиции, Пешковский приходит, на первый взгляд, к парадоксальному для профессиональ-

ного языковеда выводу: «...Для **литературного наречия** наивный нормативизм интеллигента-обывателя, при всех его курьезах и крайностях, есть единственно **жизненное отношение**, а... выведенный из объективной точки зрения квиетизм был бы смертельным приговором литературному наречию».

Отмечая в этой связи, что само по себе «литературное наречие» «зарождается как язык *преобладающего* в каком-либо (не всегда литературном, а и политическом, религиозном, коммерческом и т.д.) племени и *преобладающих* в тех же отношениях классов» и, таким образом, предполагает наличие у говорящих **нормы** («языкового идеала»), автор выделяет следующие черты последнего:

- консерватизм и стремление опереться на традицию («Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»); с этим связаны постоянство и устойчивость нормы («Если в языке “все течет”, то в литературном наречии это течение заграждено плотиной нормативного консерватизма до такой степени, что языковая река чуть ли не превращена в искусственное озеро... Консерватизм литературного наречия, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы»);
- местный характер, т.е. ориентация на определенный языковой центр: «Если языковой консерватизм объединяет народ в о в р е м е н и, то равенние на языковой центр... объединяет народ территориально... Литературное наречие не только объединяет различные части народа, говорящие на разных наречиях, как межрайонное, понятное всюду, оно и непосредственно воздействует на местные наречия и говоры, нивелируя их и задерживая процесс дифференциации»;
- ясность и понятность речи, что связано со сложностью культурной жизни общества и ослаблением возможности опереться на ситуативный контекст: «Чем “л и т е р а т у р н е е” речь, тем меньшую роль в ней игра-

ет обстановка и общий предыдущий опыт говорящих... Трудность языкового общения растет прямо пропорционально числу общающихся, и там, где одна из общающихся сторон является неопределенным множеством, эта трудность достигает максимума. А во всякой печатной (т.е. собственно литературной) речи это именно так и есть: книги пишутся для неопределенного множества людей. Понятно, что в противовес этой неизбежной затрудненности общения в культурном обществе должен был чисто биологически возникнуть культ слова, культ умения говорить, что для естественных условий звучит абсурдно». Отсюда вытекает и своеобразный подход Пешковского к вопросу об участии лингвистов в процессе нормирования языка, о котором будет сказано несколько ниже.

Наконец, говоря об общелингвистических взглядах А.М. Пешковского, можно отметить, что в своих последних работах он сформулировал подход к описанию языка по принципу «от сложного к простому», противопоставив его принципам фортунаатовской школы, из рядов которой вышел. Отмечая, что свойственный ее основателю подход представляется искажающим действительное положение вещей, Пешковский утверждает, что «язык не составляется из элементов, а дробится на элементы. Первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы... Поэтому нельзя, собственно, определять слово как совокупность морфем, словосочетание как совокупность слов, а слово как совокупность словосочетаний. Все определения должны быть выстроены в обратном порядке».

Среди других общелингвистических проблем, привлекавших внимание Пешковского, отмечают сближавший его со Щербой интерес к лингвистическому эксперименту (особую роль последнему Пешковский отводил в области стилистики), а также использование метода интроспекции.

Что касается отношения ученого к «новому учению о языке», то каких-либо печатных заявлений по поводу последнего

он не делал, однако по своим общелингвистическим установкам был явно далек от марризма (в частности, отстаивая принцип, согласно которому «язык не делает скачков»), время от времени становясь мишенью адептов последнего.

Среди представителей более молодого поколения Московской лингвистической школы внимание историков нашей науки привлекал **Григорий Осипович Винокур** (1896—1947), специализировавшийся в области русистики. В общелингвистическом плане особый интерес представляет его статья «О задачах истории языка», опубликованная в 1941 г. В ней разграничиваются «исследования, которые изучают факты различных языков мира для того, чтобы определить общие законы, управляющие жизнью языков» и установить, «какие вообще в о з м о ж н ы языки, что б ы в а е т в языках, какие факты с л у ч а ю т с я в жизни языков... как следствия и проявление общих закономерностей», и работы, «предмет которых составляет какой-нибудь один язык или одна отдельная группа языков, связанных между собой в генетическом или историко-культурном отношении». Именно первая дисциплина, согласно автору, представляет собой лингвистику как науку о языке в собственном смысле слова, проблематика которой не может быть сведена к механическому соединению данных, полученных при изучении разных языков, хотя она и невозможна без последней.

Если исследования первого рода «по самому своему заданию, не могут иметь никаких хронологических и этнических рамок», то во втором случае дело обстоит по-иному — «изучение отдельного языка, не ограничивающее себя вспомогательными и служебными целями, а желающее быть вполне адекватным предмету, непременно должно быть изучением и с т о р и и данного языка».

Касаясь в связи с этим проблемы разграничения синхронии и диахронии как она представлена в «Курсе общей лингвистики» Соссюра, Г.О. Винокур указывает на необходимость внесения в трактовку швейцарского языковеда серьезных корректив, весьма напоминающих пражские «Тезисы» (с авторами которых Винокур был хорошо знаком): «Совершенно неверно было бы

думать, будто статическая лингвистика есть изучение непременно современного языка, а диахроническая — изучение истории языка. На самом деле и современный язык — это тоже история, а с другой стороны, и историю языка нужно изучать не диахронически, а статически... Так называемый статический метод де Соссюра требует изучения языка как цельной системы... Но если отнестись к этому требованию серьезно, то нетрудно прийти к заключению, что оно сохраняет свою силу и тогда, когда мы изучаем язык не в его современном, а в прошлом состоянии. Очевидно, что и язык в его прошлом состоянии мы только тогда можем изучить как живую историческую реальность, когда будем видеть в нем цельную систему, в которой каждый отдельный элемент обладает известной функцией только в соотнесении с прочими элементами. И вот здесь-то самое слабое место традиционной истории языка. В целом разработка истории языков в европейском языкознании остается еще на той стадии, когда изучается история, точнее было бы сказать — внешняя эволюция отдельных, изолированных элементов данного языка, а не всего языкового строя в целом».

Отсюда, согласно позиции автора статьи, при историческом изучении любого языка надлежит прежде всего выявить определенные стадии, на каждой из которых система языка характеризуется отличиями от предыдущей и последующей. «Каждая такая система должна быть изучена как реальное средство общения соответствующего времени и соответствующей среды, т.е. в исчерпывающей полноте тех внутренних связей и отношений, которые в этой системе заключены. Но так как каждая подобная система есть лишь видоизменение предшествующей и предварительная стадия последующей, то сама по себе она не может быть вскрыта, пока не уяснены закономерные отношения, связывающие ее с хронологически смежными системами. Жизнь языка не останавливается ни на минуту, и потому в каждом данном состоянии языка есть такие факты, которые с точки зрения более позднего состояния языка представляются его зародышем. Следовательно, в практическом исследовании невозможно изучать систему языка в отдельности от элементов разложе-

ния, в ней неизбежно заложенных, и, очевидно, только такое исследование будет отвечать своей задаче, которое окажется способно показать, как рождение одной языковой системы одновременно кладет начало превращению ее в другую, и так до бесконечности». Подобный подход приводит Винокура ко вполне логичному, хотя, на первый взгляд, и звучащему парадоксально выводу: «...совершенно ясно, что самое противопоставление “синхронии” и “диахронии” есть противопоставление мнимое и не имеющие никакой почвы в исторической реальности».

Касаясь вопросов языкового развития, автор подчеркивает, что поскольку язык является частью общей культурной истории, он развивается в определенной исторической среде и подчиняется общим законам исторического развития: «...У внутреннего механизма языка есть свои собственные законы построения, от того или иного существа которых во многом зависят конкретные явления фактического развития языковой системы. Но движет этим механизмом все-таки не сам язык как некая имманентная автоматическая сила, а человеческое общество, осуществляющее в своих действиях свое историческое значение. Это значит, что конечный ответ на вопрос о характере и причинах языкового генезиса может быть получен только от культурной истории данного коллектива и что, следовательно, изучение отдельного языка, — иначе история языка, — есть наука культурно-историческая в абсолютно точном смысле этого слова».

Однако при этом ученый достаточно скептически относился к столь характерным для «нового учения о языке» попыткам непосредственной «увязки» типов языковых структур с общественно-экономическими формациями: «...Так как смена культурных стадий вовсе не непременно предполагает смену языковых структур, потому что унаследованные от прошлого структуры очень легко приспособляются к новым условиям, то ни о какой конкретно-исторической и генетической преемственности между известными языковыми структурами думать не приходится... Очень возможно — хотя это еще нужно доказать точной интерпретацией точно установленных фактов, — что флектив-

ный строй языка пришел на смену тому строю который представлен так называемыми языками яфетическими, но это еще не означает, что отдельные европейские языки связаны с отдельными яфетическими языками реальной исторической преемственностью, что каждый из известных индоевропейских языков был когда-то яфетическим, а каждый из известных яфетических будет когда-нибудь индоевропейским. В смешении этих двух понятий историзма и в неизбежно следующих отсюда безудержных насилиях над эмпирическим материалом различных языков, как мне кажется, заключается основное заблуждение так называемого “нового учения о языке”, разрабатываемого школой акад. Марра, хотя сама по себе идея единого глоттогонического процесса, вдохновлявшая покойного ученого, при ином к ней подходе могла бы быть не только увлекательной, но и безупречной с методологической точки зрения».

Касаясь вопроса о членении истории языка (фактически всего языкознания), Винокур подчеркивает необходимость дополнить дисциплины, изучающие строй языка (фонетику с орфографией, грамматику, семасиологию), дисциплиной, изучающей употребление языка — стилистикой, отмечая, что она «может быть названа филологической проблемой языкознания по преимуществу». При этом он подчеркивает, что последняя «может быть лингвистической дисциплиной только при том непременном условии, что она имеет своим предметом те языковые привычки и формы употребления языка, которые действительно являются *коллективными*», в связи с чем необходимо отличать стиль языка от стиля отдельных индивидов, пользующихся этим языком (например, стиля писателей, изучением которого должна заниматься история литературы).

Подводя итог сказанному, можно заметить, что, несмотря на все сложности, характеризовавшие развитие лингвистической мысли в СССР в 20—40-е годы, последняя отличалась достаточной широтой и разнообразием, хотя в силу как объективных, так и, вероятно, субъективных причин в рассматриваемый период и не было создано полномасштабного теоретического труда, подобного, например, книгам Блумфилда или Сепира.

Формирование фонологических школ

Хотя по изложенным выше причинам структурализм в собственном смысле слова и не мог сформироваться в советской науке в качестве общелингвистического направления, наиболее характерная для него область — фонология, несмотря на определенные трудности, была представлена в отечественном языкознании, причем двумя если не антагонистическими, то, во всяком случае, противопоставленными друг другу школами — **Ленинградской** и **Московской**. Обе они апеллировали к идеям, высказанным И.А. Бодуэном де Куртенэ, однако давали им в корне различную интерпретацию.

Основоположником первой был Л.В. Щерба, занимавшийся названной проблематикой еще в дореволюционный период. Так, в относящейся к 1912 г. магистерской диссертации «Русские гласные в качественном и количественном отношении» фонема определяется как «кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова». Вслед за своим учителем автор в названной работе подчеркивает, что «фонемы — это продукт нашей психической деятельности». В 20—30-е годы психологическая интерпретация снимается. В относящийся к 1937 г. книге «Фонетика французского языка» фонологическая концепция Щербы получает дальнейшее развитие. В ней указывается, что в речи фонема представлена в виде вариантов, понимаемых как «реально произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема)... Каждая фонема определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп». Подчеркивая взаимосвязь между фонологией и фонетикой, основоположник Ленинградской школы отводил фонетическим критериям (прежде всего звуковому сходству)

важнейшую роль в процедуре отождествления фонем: так, в словах *рог* и *рок* в конечной позиции выступает одна и та же фонема, т.е. их фонемный состав одинаков.

С именем Л.В. Щербы связана и разработка учения о синтагме как фонетическом единстве, выражающем единое смысловое целое в процессе речи-мысли. Она может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения. Поскольку в ее состав входят слова, тесно связанные по смыслу, она обычно (хотя и не обязательно) представляет собой и синтаксическое единство¹.

Фонологическая концепция Л.В. Щербы получила дальнейшее развитие в трудах его учеников и последователей: **Маргариты Ивановны Матусевич** (1895—1979), **Льва Рафаиловича Зиндера** (1910—1995) и др.

В создании Московской фонологической школы большую роль сыграл **Николай Феофанович Яковлев** (1892—1974), много занимавшийся созданием новых алфавитов для различных языков Советского Союза. Ссылаясь на Бодуэна де Куртенэ и упоминая названную выше магистерскую диссертацию Щербы, Яковлев в статье «Математическая формула построения алфавита» (1928) пишет: «Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л.В. Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков — “фонем”, однако в отличие от последнего, я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно — фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они создаются каждым отдельным говорящим, но они потому и создаются говорящими, что в языке как в социально выработанной грамматической системе эти звуки выполняют особую грамматическую функцию... Мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка».

¹ Таким образом, необходимо отличать щербовское понимание синтагмы от восходящей к Ф. де Соссюру трактовки ее как последовательности двух и более языковых единиц (морфем, слов, словосочетаний, предложений), соединенных определенным типом связи.

Эти идеи получили развитие в 30—50-х гг. в деятельности **Петра Саввича Кузнецова** (1899—1968), **Александра Александровича Реформатского** (1900—1978), **Рубена Ивановича Аванесова** (1902—1982), **Владимира Николаевича Сидорова** (1903—1968), а также более старшего по возрасту **Алексея Михайловича Сухотина** (1888—1942), известного как переводчик Соссюра и Сепира. Концепция Московской фонологической школы нашла отражение в ряде работ как общего, так и частного характера. Среди них прежде всего следует отметить наиболее популярный в нашей стране учебник А.А. Реформатского «Введение в языковедение», впервые вышедший в свет в 1947 г.

Определяя фонемы как «минимальные единицы звукового строя, служащие для складывания и различения значимых единиц языка: морфем и слов», автор подчеркивает, что для выполнения указанной функции фонемы должны быть противопоставлены друг другу в системе языка т.е. образовывать оппозиции. Каждая фонема состоит из ряда сосуществующих признаков. Среди них выделяются признаки дифференциальные (различительные) и интегральные (неразличительные). По первым данная фонема противопоставляется какой-либо другой фонеме (например, звонкость для [д] в русском является дифференциальным признаком, поскольку противостоит глухости [т]); вторые выступают в роли своеобразных «накопителей» состава фонемы (например, взрывность для [г], поскольку в русском языке нет противопоставленной ей по данному признаку фрикативной, и вне зависимости от того, будет ли она реализована как взрывная или фрикативная¹, слово или морфема будут поняты совершенно одинаково). Поэтому в составе разных языков один и тот же признак может иметь разную функциональную характеристику: в одном языке это различительный признак, в другом — нет.

Фонемы распределяются по произносительным условиям (позициям). Последние могут быть сильными (благоприятные для выполнения фонемой ее функцией) и слабыми (неблагоп-

¹ Фрикативное [γ] встречается в южнорусском произношении.

приятными). Поскольку фонема, согласно А.А. Реформатскому, выполняет две функции — перцептивную (является объектом восприятия) и сигнификативную (имеет способность различать морфемы, слова и предложения), постольку следует различать позиции, перцептивно сильные и слабые, и позиции, сигнификативно сильные и слабые.

Перцептивно сильной будет позиция, в которой фонема выступает в своем основном виде (например, гласный между твердыми согласными под ударением), а перцептивно слабой — позиция, где фонемы меняют свое звучание, выступая в виде вариаций (например, гласной под ударением между мягкими согласными). Сигнификативно сильной будет та позиция, в которой фонемы сохраняют противопоставление и различают значимые единицы языка (например, [o] и [a] в ударной позиции — *вол* и *вал*), а сигнификативно слабой — те позиции, в которых противопоставленные фонемы совпадают в одинаковом звучании. Тем самым оппозиция нейтрализуется (например, [o] и [a] в безударной позиции произносятся одинаково — *волы* и *валы*, где в первом слоге представлен так называемый задне-средний [ʌ]) и обе фонемы выступают в общем варианте¹.

В некоторых случаях принадлежность звука к фонеме является неясной (ср. русские *бара́н*, *соба́ка*). В таких случаях представителями МФШ использовался термин *гиперфонема* (в данных случаях *a-o*).

Как видно из изложенного, по ряду существенных моментов позиция московских фонологов была достаточно близка взглядам их пражских коллег (характерно, что автором послесловия к русскому изданию «Основ фонологии» Н.С. Трубецкого был именно А.А. Реформатский, в учебнике которого отразилась

¹ Несколько по-иному излагается концепция Московской фонологической школы в относящейся к 1959 г. статье П.С. Кузнецова «Об основных положениях фонологии», где наряду с понятиями фонемы и звука речи используются также термин «звук языка», который определяется как «множество звуков речи, частью тождественных, частью близких друг другу в артикуляционно-акустическом отношении, которые встречаются в самых различных речевых потоках, в составе самых различных значимых единиц (слов, морфем)».

разработанная Трубецким классификация фонологических оппозиций).

Концепции Ленинградской и Московской школ нашли продолжение и развитие и во второй половине XX в., а заложенные их основателями традиции сохраняются и в современной отечественной лингвистике.

Проблемы описательной грамматики

Как отмечалось в соответствующем разделе, уже для дореволюционного русского языкознания было характерно обостренное внимание к разработке научной методики описания языка, противопоставлявшейся традиционной школьной грамматике. Для большинства представителей лингвистической и педагогической мысли 20-х — начала 30-х гг. XX в. наиболее подходящей основой для осуществления поставленной задачи представлялась восходящая к Ф.Ф. Фортунатову и развитая его учениками концепция, базировавшаяся на формальном подходе в выделению основных грамматических понятий (частей речи), вследствие чего данное течение известно в истории нашей науки под именем «грамматического формализма». Хотя уже состоявшийся перед революцией Первый всероссийский съезд преподавателей русского языка признал «формальное направление» наиболее соответствующим современному состоянию грамматической науки, однако противоречия внутри него, дававшие о себе знать еще в начале XX в., стали проявляться все отчетливее. Причем основная граница раскола прошла уже внутри тех лингвистов, которые причисляли себя к последователям фортунатовской школы, где все более четко противопоставлялись друг другу два крыла: умеренное («просто формалисты»), персонифицировавшееся в первую очередь в фигуре А.М. Пешковского, и крайнее («ультраформалисты», предпочитавшие именовать себя «последовательными формалистами»), лидером которых считался **Михаил Николаевич Петерсон** (1885—1962).

Дискуссия между двумя названными течениями велась по широкому кругу проблем, охватывая почти все основные положения грамматической теории. Однако основным стал вопрос о месте и роли значения при грамматическом анализе языковых фактов. Если «ультраформалисты» утверждали, что учет семантического фактора объективно ведет к реставрации старой логической грамматики, бывшей синонимом «ненаучности», и что подлинно научная грамматическая система должна базироваться исключительно на формальной основе, то «умеренные формалисты» отстаивали тезис, согласно которому смысловая сторона речи составляет самую сущность грамматики и пытаться ее игнорировать — значит окружать последнюю, по выражению Пешковского, «своеобразным ореолом бессмыслия».

Следует сказать, что как та, так и другая группировка стремилась провозгласить себя «подлинной продолжательницей» дела Фортунатова, квалифицируя позицию оппонентов как отход от заветов Московской школы. Тем не менее представители каждой партии считали необходимым находить друг у друга и положительные стороны и даже свести расхождения к своего рода терминологическому недоразумению.

Однако попытки придать дискуссии между «умеренными» и «крайними», по замечанию Пешковского, «домашний характер» оказались безуспешными, поскольку в спор между последователями Фортунатова стали все активнее вмешиваться и ученые, к ним не относившиеся. Правда, поскольку к началу 20-х гг. термин «формальный» применительно к грамматическому описанию часто понимался как своего рода синоним понятию «научный», постольку «формалистами» называли и таких лингвистов, которые не только не имели отношения к фортунатовской традиции, но и довольно скоро начали выступать против фортунатовского «формализма».

Во-первых, среди них был Л.В. Щерба, в начале века активно боровшийся за «научную грамматику». Отрицательно относясь к самому фортунатовскому определению формы слова¹

¹ См. выше раздел о русском языкознании второй половины XIX — начала XX в.

(«Называть «способность к чему-либо» формой кажется мне противоестественным») и обвиняя последователей основоположника Московской школы «в забвении смысла за формой», он в докладе «Новая грамматика», прочитанном в 1933 г., призывал «диалектическую грамматику» бороться с «формализмом» «всеми силами, ища в первую голову смысла данного выражения». В связи с этим в известной статье «О частях речи в русском языке» (1928) ученый выдвигает положение о том, что следует исходить прежде всего из того, «под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе» (например, значение предметности у существительных, действия — у глаголов и т.п.). Поэтому, если для представителей «формальной грамматики» существительные — это «склоняемые слова», то, согласно Щербе, дело обстоит как раз наоборот: слова *стол* и *медведь* являются существительными не потому, что они склоняются, а они потому склоняются, что являются существительными. Разумеется, слова, входящие в ту или иную часть речи, должны, помимо общности категориального значения, обладать и определенными формальными признаками. Однако в каждом отдельном случае решающую роль играет значение: например, у слова *какаду* нет падежных окончаний, но значение определяет его как существительное, потому что в системе русского языка в целом существительные, как слова, обозначающие «предметы», характеризуются рядом определенных признаков.

Во-вторых, среди активных противников фортунатовского «формализма» оказался и связанный в 20-е гг. с отечественным языкознанием С.И. Карцевский, выступавший как бы от имени «наиболее передового» — соссюрковского учения и утверждавший, что «линия Фортунатова» в грамматических исследованиях идет вразрез с основными тенденциями развития мировой науки.

В-третьих, посмертное издание «Синтаксиса русского языка» А.А. Шахматова (1925—1927) наглядно показало, сколь далеко отошел от основоположника Московской школы крупней-

ший и любимейший его ученик. А третье издание «Русского синтаксиса в научном освещении» (1928) А.М. Пешковского, испытавшее на себе сильное внимание шахматовского труда, демонстрировало, что и признанный вождь «умеренных формалистов» существенно меняет свои позиции.

Разочаровались в «формальной грамматике» и многие педагоги, указывавшие, что споры между «умеренными», «крайними» и прочими ее представителями не дают возможности создать стабильную учебную литературу и, следовательно, негативно отражаются на учебном процессе в школе.

Что же касается последователей «нового учения о языке», для которых само слово «формализм» являлось бранным, то они, естественно, занимали по отношению к «формальной грамматике» весьма отрицательную позицию и требовали изучать «не форму, а содержание», «курс начинать именно с синтаксиса, построив программу на основе изучения содержания языка, семантически». Впрочем, сам Н.Я. Марр ставил вопрос еще более радикально: «Нужна ли... вообще грамматика, чтобы заниматься ее реформированием или переформированием?»

Так или иначе, но к началу 30-х гг. критика «формальной грамматики» достигла своего апогея, а принятая в 1933 г. программа по русскому языку знаменовала окончательное поражение этого течения. Основой новой теоретической системы стали труды Л.В. Щербы и А.А. Шахматова, а наиболее полное воплощение она нашла в работах **Виктора Владимировича Виноградова** (1895—1969). Ученик А.А. Шахматова, близкий в 20—30-е гг. к «бодуэновскому крылу» русской лингвистической традиции, испытавший серьезные превратности судьбы (включая репрессии), он занял лидирующее место в отечественной русистике, несмотря на периодические нападки со стороны адептов «нового учения», еще до дискуссии 1950 г. благодаря своим трудам «Современный русский язык» (выпуски 1—2, 1938 г.), «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947 г.) и др., а после упомянутого события занимал должность директора Института языкознания, а затем директора Института русского языка АН СССР, академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР, глав-

ного редактора журнала «Вопросы языкознания». Именно его концепция была определяющей при составлении академической грамматики русского языка, издававшейся в 1952—1954 и 1960 гг. (хотя и не все идеи ученого нашли в ней отражение).

При выделении частей речи Виноградовым принимались во внимание различные свойства слова (семантические, морфологические, синтаксические); в синтаксисе он выделял учение о словосочетании (определяя последнее как строительный материал для предложения) и учение о предложении, отводя последнему центральную роль.

Разумеется, традиции восходящей к фортунатовской школе «формальной грамматики» отнюдь не были окончательно забыты, однако их печатная пропаганда сталкивалась со значительными сложностями (характерно, что статья Г.О. Винокура «Форма слова и части речи в русском языке», развивавшая идеи Московской школы, смогла выйти в свет лишь двенадцать лет спустя после смерти автора). Однако уже в 60-е гг. о классификации Фортунатова высоко отзывались представители отечественного структурализма (напомним, что идеи основоположника Московской лингвистической школы нашли весьма положительный отклик и у Л. Ельмслева).

Проблемы истории языка

Как уже неоднократно отмечалось, 20—30-е гг. XX в. были для мировой лингвистики временем серьезной переоценки места и роли сравнительно-исторического языкознания. Если в предыдущие годы компаративистика (прежде всего в ее младограмматической ипостаси) занимала — несмотря на наличие отдельных «диссидентов» — несомненно ведущее место в системе языковедческих дисциплин и даже претендовала на статус «единственно научного» подхода к языку, то сейчас все громче и громче раздавались голоса, утверждавшие, что подобное положение уже не отвечает современному состоянию науки и противоречит основным тенденциям ее развития. Указанные мотивы

звучали и в отечественной лингвистике, что особенно отчетливо сказалось в выступлениях представителей молодого поколения Московской школы, многие из которых (как, например, Г.О. Винокур) склонны были считать, что классическая компаративистика исчерпала себя как научное направление. Отсюда и отмеченное выше сближение с бодуэновской традицией (в которой сравнительно-исторические штудии в собственном смысле слова никогда ведущей роли не играли), и стремление дополнить традиционный арсенал сравнительно-исторического исследования понятиями, выработанными «синхронической лингвистикой», — языковой системы, синхронного среза и т.п., проявившееся в наиболее ярком виде у работавшего за границей Н.С. Трубецкого, а несколько позже отразившееся в рассмотренной выше статье Г.О. Винокура «О задачах истории языка»¹, и распространение идей лингвистической географии (отдельные попытки применения которой к русскому и славянскому материалу были и раньше), и связанные с этими идеями споры о допустимости отрицания реальности отдельных диалектов и замены последних понятиями пучков изоглосс, пересекавшиеся с унаследованной от прошлого дискуссией о теориях родословного древа и волн, и, наконец, вопрос о праязыке, приобретший особую остроту в связи с лозунгами «нового учения о языке», основатель которого провозгласил праязык «научной фикцией».

В принципе само по себе сомнение в существовании праязыка применительно к индоевропейским языкам, разумеется, не было исключительной особенностью марризма — достаточно вспомнить мнение Н.С. Трубецкого (высказанное, правда, уже в конце 30-х гг.) о том, что «понятие “языкового семейства” вовсе не предполагает происхождения ряда языков от одного и того же праязыка» и, следовательно, «нет, собственно, никако-

¹ Впрочем, у их более традиционно настроенных коллег подобное стремление вызывало порой критическую реакцию и упреки в пренебрежении конкретными фактическим материалом в угоду произвольно установленной априорной схеме. В частности, в 20-х гг. в этом духе высказывался крупный славист, выпускник Казанского университета Афанасий Матвеевич Селищев (1886—1942).

го основания, заставляющего предполагать единый индоевропейский праязык, из которого якобы развились все индоевропейские языки. С таким же основанием можно предполагать и обратную картину развития, т.е. предполагать, что предки индоевропейских ветвей первоначально были непохожи друг на друга и только с течением времени благодаря постоянному контакту, взаимным влияниям и заимствованиям значительно сблизились друг с другом, однако без того, чтобы полностью совпасть друг с другом. История языков знает и дивергентное и конвергентное развитие».

Разумеется, позиции Трубецкого (вообще относившегося к «новому учению» крайне отрицательно) и Н.Я. Марра резко различались: то, что для первого было одним из возможных путей языковой эволюции, второй абсолютизировал, прибегая к тому же к аргументации, явно выходящей за пределы собственно лингвистической науки. Аналогичным образом не могли признать «праязык» как таковой «научной фикцией» не только ученые, представлявшие традиционную компаративистику, но те, кто подобно Е.Д. Поливанову вышел из рядов бодуэновского направления, основатель которого занимал по отношению к сравнительно-историческому языкознанию достаточно «диссидентскую» позицию. Отсюда и своеобразие его взглядов по данному вопросу. С одной стороны, в трудах ученого можно встретить мысли вполне характерные для классического сравнительно-исторического языкознания. Так, в учебнике «Введение в языкознание для востоковедных ВУЗов» (1928 г.) читаем: «...В лингвистике... большинство объяснений причинной связи языковых фактов выходит за пределы данного (напр. современного нам) состояния рассматриваемого языка, так как причина явления обыкновенно оказывается принадлежащей языку прошлых поколений, а потому *историческое языкознание* (которое, по имени своего “сравнительного” метода оказывается в то же время “сравнительным” или “сравнительно-историческим” языкознанием...) *занимает* весьма *важное место* в нашей науке». И далее: «...В основу сравнительного языкознания ложится понятие родственных языков. Родственными языками мы называ-

ем такие языки, в которых имеющиеся налицо черты сходства не могут быть объяснимы иначе, как путем предположения общего происхождения данных языков». Отсюда следует, что «сравнительно-историческое изучение нескольких родственных языков строится на основании допущения происхождения данных языков от одного общего языка и состоит, следовательно, в изучении истории развития этого древнего общего языка в различных его разветвлениях... Причем установление фактов, которые были присущи незафиксированному письменностью праязыку, называется *восстановлением* или *реконструкцией* праязыка посредством сравнения фактов в языках-потомках, т.е. посредством *сравнительно-грамматического*, или *компаративного*, метода. Он состоит в отыскании тех явлений, которыми при предположении их наличия в праязыке можно было бы объяснить связь (соответствие) фактов, наблюдаемых в отдельных языках данного языкового семейства».

С другой стороны, продолжая линию «лингвистических диссидентов» с их концепцией языкового смещения, Поливанов говорит о возможности для сравнительно-исторического языкознания «оперировать... и над такими сходствами, которые объясняются заимствованием отдельных слов (а также, что, впрочем, встречается гораздо реже — и отдельных морфологических явлений) между языками, во всем остальном составе генеалогически чуждыми друг другу». Указывая, что таким образом «создается особая “маленькая” сравнительная грамматика... далеко не родственных (в общем) языков, рассматривающая, однако именно те в них явления, которые оказываются (благодаря процессам заимствования) родственными». В связи с этим ученый приходит к выводу, что «с принципиальной точки зрения различие между такими «особыми» («маленькими») сравнительными грамматиками заимствованных элементов и сравнительными грамматиками нормального объема — только количественное». Вследствие чего в отдельных конкретных случаях может возникнуть спор о генеалогической принадлежности того или иного языка. Например: албанский в известной словарной части окажется романским языком, «ибо тот ряд заим-

ствований из латинского, который осел в албанском, обнаруживает такую же закономерность фонетических соответствий (с латинским и романскими), какую мы будем наблюдать и в настоящих романских языках». Аналогично, английский с этой точки зрения может рассматриваться как один из французских говоров, русский — как один из турецких диалектов и т.п.

После утверждения «нового учения о языке» в 30—40-х гг. в качестве господствовавшего направления в советской науке, понятие «праязыка» в подавляющем большинстве случаев клеймилось как «буржуазно-расистское», а генеалогическая классификация оценивалась «как характернейшая черта отжившего лингвистического мировоззрения». Вместе с тем объяснение сходства языков исключительно сходством социально-экономических условий для большинства лингвистов (в том числе и весьма лояльных по отношению к марровской доктрине) также оказалось неприемлемым. Результатом стали различного рода компромиссные решения: с одной стороны, подчеркивалась роль языкового скрещения, а языковые семьи объявлялись результатом схождения, а не распада, с другой — «условно» признавалось понятие родства и велись фактически компаративистские исследования. Отразилась в отечественной науке и развивавшаяся Н.С. Трубецким идея о том, что, например, для славянских языков естественно предположить чисто дивергентное развитие, а для индоевропейских — конвергентное (хотя само имя Трубецкого, естественно, не называлось). Подобную концепцию в 40-х гг. развивал вышедший из рядов Петербургской школы (но испытывавший в 20-е годы сильное влияние Марра) видный отечественный лингвист **Лев Петрович Якубинский** (1892—1945). В опубликованной в 1947 г. статье «Образование народностей и их языков» формирование славянских языков излагается в традиционно-компаративистском духе: «...Некогда существовало родовое племя, предок всех позднейших славянских племен, которое условно назовем “праславянским племенем”, а его диалект — “праславянским племенным диалектом”. В результате последовательного новообразования племен и диалектов постепенно образовалось множество родственных славянских пле-

мен с родственными диалектами. На основе этих родственных племен впоследствии образовался союз (или союзы) славянских племен, а на основе этого союза (или союзов) в условиях разложения родового общества и возникновения общества классового формировались славянские народности (или их группы); языки этих народностей оказывались родственными в силу их общего происхождения от праславянского племенного диалекта».

Что же касается индоевропейских языков, то Л.П. Якубинский, указывая на имеющиеся в классическом сравнительно-историческом языкознании объяснение их появления процессом распада индоевропейского праязыка (т.е. по тому образу, который он применял для языков славянских), пишет о последнем как о вполне научной гипотезе: «В таком пути развития не было бы ничего принципиально невозможного... Гипотеза о единстве происхождения и родственности индоевропейских языков (родственности в том смысле, в каком мы говорим, например, о родственности славянских языков) сыграла в свое время положительную роль, способствуя всестороннему изучению сходств между индоевропейскими языками. Этой гипотезы придерживались, по-видимому, и Маркс и Энгельс, хотя они не оставили по этому вопросу никаких развернутых высказываний» (напомним, что «новое учение о языке», напротив, квалифицировало праязыковую гипотезу как антимарксистскую). Однако, ссылаясь на расхождения славянских и других индоевропейских терминов родства и заключая отсюда, что родовая организация оформилась и отражалась в сознании людей у каждой индоевропейской группы языков самостоятельно, автор делает вывод, что «не может быть речи о едином праиндоевропейском племени и едином праиндоевропейском племенном диалекте». Л.П. Якубинский, правда, отнюдь не отрицает того, что во всех индоевропейских языках есть общий элемент, представляющий «вклад группы сходных племен еще дородового общества, которые условно можно называть праиндоевропейскими племенами; в процессе зарождения у них родовой организации они смешивались, скрещивались с другими племенами инородными. Этот индоевропейский элемент был основным, ведущим (но не единственным!) в образовании грамматического строя индоев-

ропейских языков; он широко представлен и в их лексическом составе. Общностью этого элемента и определяется понятие индоевропейских языков. В этом именно смысле и славянские языки входят в состав группы индоевропейских языков, являются индоевропейскими языками». Вместе с тем, по мысли Якубинского, в состав каждой группы индоевропейских языков в результате скрещения с другими вошли и неиндоевропейские элементы (возможно, различные для разных групп) и тем самым и «праславянский племенной диалект, ставший единым в процессе своего образования, разнороден в своем генезисе». Поскольку эти индоевропейские элементы также представляют собой органическую часть прадиалектов каждой группы, постольку можно сделать вывод, что «индоевропейские языки генетически связаны между собой, хотя эта связь иного порядка, чем генетическая связь славянских языков. Генетическая связь славянских языков с другими индоевропейскими позволяет нам прибегать к показаниям других индоевропейских языков при разъяснении тех или иных явлений в истории славянских языков, в том числе и русского языка».

Само же определение языкового родства принимает у Л.П. Якубинского следующий вид: «...Два или несколько языков называются родственными, когда они связаны конкретной исторической взаимосвязью в процессе своего генезиса. Формы (или типы) этой взаимосвязи могут быть в разных случаях разные и в каждом случае подлежат специальному изучению... мы, следовательно, считаем вовсе не обязательным, чтобы родственные языки были связаны между собой непременно общим происхождением от одного предка (праязыка, прадиалекта и др.); родственные языки могут быть связаны и иными связями, но при условии, что это связи генетического порядка, т.е. связи, возникавшие в процессе образования, происхождения (генезиса) соответствующих языков (а не вообще какие-нибудь конкретные исторические связи между ними)»¹.

¹ В специальной литературе отмечалось (в частности, В.В. Виноградовым), что одним из источников концепции Якубинского могла послужить статья Милия Герасимовича Долобо (1884—1935) «Основная языковая закономерность коммунизма родовой стадии», опубликованная в 1935 г.

Если в 30—40-х гг. наблюдались попытки пересмотреть некоторые положения марровской доктрины, то в конкретной лингвистической работе указанного периода наметились две основные тенденции. С одной стороны, как мы уже видели на примере И.И. Мещанинова, многие лингвисты, вышедшие из рядов «нового учения о языке», развивали *историко-типологические* исследования, в первую очередь — в области *синтаксической типологии*. Среди них называют имена **Софьи Леонидовны Быховской** (1896—1942), **Мирры Моисеевны Гухман** (1904—1985), **Соломона Давидовича Кацнельсона** (1907—1985) и др., причем вопрос о стадиальной характеристике языков, бывший для самого Марра одним из важнейших, постепенно отходил на второй план, а сам термин «стадия» стал пониматься просто как синтаксический тип (эргативный, номинативный и т.п.). С другой стороны, ссылки на Н.Я. Марра могли соседствовать с нормальным компаративизмом. Так, один из виднейших отечественных германистов **Виктор Максимович Жирмунский** (1891—1971) в статье с характерным заглавием «Сравнительная грамматика и новое учение о языке» (1940) утверждал, что «путь к стадиальной истории языка лежит через сравнительную грамматику», причем последняя «строится на фактах, открытых лингвистикой XIX в. и до сих пор в науке не опровергнутых. Спор может идти не о наличии самих фактов, на которых строится сравнительная грамматика, а только о различном их объяснении и истолковании». Понятие праязыка, правда, подвергается критике, но скорее более близкой «скептикам» и «диссидентам индоевропеизма», нежели марровскому «нигилизму».

Аналогичные тенденции наблюдались и у **Федота Петровича Филина** (1908—1982), впоследствии занимавшего должности директора Института русского языка и главного редактора журнала «Вопросы языкознания», а в 30—40-х гг. бывшего одним из наиболее активных сторонников «нового учения о языке». В трудах, созданных в рассматриваемый период («Исследования по лексике русских народных говоров», 1936; «Очерки по истории русского языка до XIV в.», 1940; «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи», 1949), с одной стороны,

уменьшается число ссылок на самого Марра (в последней работе они практически отсутствуют), а с другой — по сути продолжают и развиваются традиции отечественной русистики, включая и таких ученых, как слависты **Николай Николаевич Дурново** (1876—1937) и **Григорий Андреевич Ильинский** (1876—1937), резко отрицательно относившихся к постулатам «нового учения о языке» и к тому же репрессированных. Широко использовал Ф.П. Филин и методы лингвистической географии.

Новая страница в истории отечественной компаративистики открылась после лингвистической дискуссии 1950 г., которой, как отмечалось выше, предшествовал очередной период обострения борьбы с «буржуазной индоевропеистикой», оказавшийся, правда, достаточно кратковременным.

Языковое строительство и социолингвистическая проблематика

Понятие *языкового строительства*, широко использовавшееся в советском языкознании 20—30-х гг., тесно связано с более широким понятием *языковой политики*. Если последняя представляет собой систему мер, осуществляемых и проводимых государством для решения языковых задач, то под первой понимают систему мер, осуществляемых для ее практической реализации.

Придя к власти под лозунгом равноправия всех наций и народностей, населявших Россию, большевики провозгласили развитие национальных языков и культур (естественно, в «социалистическом» духе) одной из наиболее приоритетных задач (что нашло отражение в решениях X съезда РКП(б), состоявшегося в 1921 г.). В связи с этим была развернута работа по созданию (и реформированию) письменностей народов СССР, для чего был образован действовавший в 1925—1937 гг. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита, фактическим научным руководителем которого был Н.Ф. Яковлев, занимавший должность председателя Технографической комиссии. К деятельно-

сти по составлению и реформированию алфавитов¹ были привлечены Е.Д. Поливанов, создавший проект латинизированной узбекской письменности и выступивший по поводу диалектной основы узбекского литературного языка, тюрколога **Николай Константинович Дмитриев** (1898—1954) и **Константин Кузьмич Юдахин** (1890—1975), финно-угровед **Дмитрий Владимирович Бубрих** (1890—1949), монголист **Николай Николаевич Поппе** (1897—1991), кавказовед и иранист **Лев Иванович Жирков** (1885—1963). Было создано около 80 алфавитов на латинской основе; однако уже в конце 30-х гг. в связи с изменившейся политической конъюнктурой они были заменены системами письма, составленными на основе русской графики (ни первая, ни вторая реформы не коснулись армянского и грузинского языков, обладающих собственными древними алфавитами; сохранили латиницу и языки прибалтийских народов, включенных в состав СССР в 1940 г.).

В связи с языковым строительством рассматривался и теоретический вопрос о соотношении в языковом развитии сознательного и бессознательного элементов. Для подавляющего большинства европейских лингвистов XIX в. тезис о бессознательном характере языковых изменений был своего рода аксиомой. В этом смысле вряд ли можно усмотреть принципиальную разницу между позицией натуралиста Макса Мюллера, писавшего, что старания отдельных грамматиков и пуристов направлять язык совершенно бесполезны, и словами Ф. де Соссюра, отмечавшего: «Можно было бы представить себе возможность преобразования языка лишь путем вмешательства специалистов, грамматистов, логиков и т.д. Но опыт показывает, что до сего времени такого рода попытки успеха не имели». Отсюда же и столь распространенное в науке этого периода противопоставление «искусственного» литературного языка «естественным» народным говорам с подчеркиванием большей ценности для языковеда именно вторых.

¹ Реформировались (т.е. переводились на латинскую графику) главным образом алфавиты народов, исповедовавших ислам и пользовавшихся до революции арабским письмом.

Разумеется, представителю лингвистической науки отнюдь не запрещалось заниматься проблемами нормирования, «чистоты языка» и т.п., но последние рассматривались обычно как лежащие вне сферы собственно научного изучения языка. В названной выше статье А.М. Пешковского «Объективная и нормативная точка зрения на язык» эта мысль формулируется следующим образом: «Лингвист не как лингвист, а как участник языкового процесса, как член данной языковой общины» (выделено нами. — Л.Н., Г.Х.), конечно, расценивает языковые факты наравне со всеми прочими образованными людьми, с той лишь разницей, что у него для этой расценки гораздо больше специальных знаний. И не только расценивает, но сплошь и рядом активной проповедью вмешивается в процесс языковой эволюции (хотя... стихийность языковых явлений плохо мирится с индивидуальным вмешательством и придает ему вид донкихотства)».

Естественно, что в период пика языкового строительства подобного рода позиция вызывала серьезные возражения. «Для каждого из нас, — писал Л.П. Якубинский в статье с характерным названием “Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики”, опубликованной в 1931 г., — представляется нелепым самый вопрос: возможна ли языковая политика? Невозможность языковой политики обозначала бы для нас ненужность и методологическую невозможность самой науки о языке... факты показывают, что язык в действительности преобразуется говорящими, что он для них вполне досягаем. Попытка Соссюра доказать невозможность языковой политики не удалась».

Не разделял абсолютного отрицания возможности сознательного воздействия на язык и Е.Д. Поливанов, продолжавший в этом отношении идеи своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ. С одной стороны, он неоднократно отмечал «бессознательный, помимовольный характер внесения языковых новшеств», которые «незаметны для тех, кто фактически осуществляет их», подчеркивая: «Для того чтобы в языке произошло то или иное фонетическое... или морфологическое изменение... совершенно недостаточно декретировать это изменение, т.е. опубликовать соответствующий декрет или циркуляр. Можно,

наоборот, даже утверждать, что если бы подобные декреты или циркуляры даже и опубликовывались бы... ни один из них не имел бы буквально никакого результата... и именно потому, что родной язык выучивается (в основных своих элементах) в том возрасте, для которого не существует декретов и циркуляров». С другой стороны, указывал ученый и на необходимость сознательного вмешательства в языковые процессы (графика и орфография, обозначение новых явлений и понятий, формирование литературной нормы и т.п.). В связи с этим обращал он внимание и на необходимость прогнозировать вероятные тенденции языкового развития.

Что же касается собственно социолингвистической проблематики¹, то она была представлена рядом работ, авторы которых находились на довольно различных позициях. Помимо уже упоминавшихся идей Е.Д. Поливанова, здесь называют в первую очередь, труды **Розалии Осиповны Шор** (1894—1939), среди которых чаще всего фигурирует книга «Язык и общество» (1926). Для лингвистического мировоззрения Р.О. Шор характерно было своеобразное сочетание ряда идей зарубежной лингвистики рассматриваемого периода (прежде всего имевших в той или иной степени «социологическую» направленность, причем последнюю она отмечала даже у декларировавшего свой индивидуализм К. Фосслера)² с некоторыми положениями «нового учения о языке», что отразилось и в последнем изданном в 1945 г. учебнике «Введение в языкознание», составленном на основе ее лекций и статей **Николаем Сергеевичем Чемодановым** (1904—1986).

Вопросы социолингвистического характера рассматривались также в статье М.Н. Петерсона «Язык как социальное явление» (1927), работах **Бориса Александровича Ларина** (1893—1964) «О лингвистическом изучении города» и «К лингвистической характеристике города» (1928), книге В.М. Жирмунского «Национальный язык и социальные диалекты» (1936) и др., в которых

¹ Сам термин стал широко использоваться позднее; в 30—40-х гг. говорили о проблеме «язык и общество».

² При активном участии Р.О. Шор были изданы на русском языке книги Ф. де Соссюра, Ж. Вандриеса, Э. Сепира.

много внимания уделялось проблемам социальной дифференциации языка, в частности, отражению в нем классовых различий. Своеобразной оказалась судьба книги А.М. Селищева «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет» (1928), где прослеживались те изменения, которые произошли в языке (прежде всего в лексике) после Октябрьской революции: вначале она была подвергнута резкой критике как «антисоветская» (сам автор некоторое время находился в заключении), а затем доступ к ней для широкого читателя был надолго закрыт, поскольку многие деятели советского государства, речь которых анализировал Селищев, в 30-х гг. были репрессированы.

После лингвистической дискуссии 1950 г., когда тезис о «классовом характере» языка был отвергнут, социолингвистическая проблематика на некоторое время отошла в тень, хотя определенный спад в этой области констатировался и в более ранний период.

Другие направления лингвистических исследований

Говоря об отечественном языкознании рассматриваемого периода, обращают внимание на становление в качестве самостоятельной дисциплины, отличной от исторической грамматики («истории языка» в узком смысле слова), **истории русского литературного языка**, изучающей возникновение и становление литературного языка, основные тенденции его развития и т.д. (хотя, разумеется, в той или иной степени указанная проблематика привлекала внимание и языковедов дореволюционной России). Здесь прежде всего отличают ряд трудов В.В. Виноградова (включая фундаментальную монографию «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков», (1934), а также исследования Г.О. Винокура, **Сергея Петровича Обнорского** (1888—1962) и ряда других ученых. Оживленно дебатировался вопрос о том, как соотносились при формировании рус-

ского литературного языка старославянская и самобытная восточнославянская (народно-разговорная) основы, причем на его решение определенное влияние оказывали порой не только глубоко научные, но и иные соображения.

Не менее интенсивно развивалась (в трудах А.М. Пешковского, Г.О. Винокура, Л.П. Якубинского, В.М. Жирмунского и др.) и *стилистика*, ведущую роль в разработке проблем которой сыграли опять-таки работы В.В. Виноградова. Занимаясь указанной проблематикой в течении нескольких десятилетий, ученый создал концепцию о «трех стилистиках» (языка, речи и художественной речи).

Интенсивно изучалась в описываемый период и проблема *поэтического языка* и его специфики, в связи с чем опять можно назвать имена Г.О. Винокура, Л.П. Якубинского, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова и целого ряда других ученых. Особого упоминания в этой связи заслуживает деятельность Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), созданного в 1916 г. в Петрограде и просуществовавшего до конца 20-х гг., в работе которого активное участие принимали Е.Д. Поливанов, Р.О. Якобсон, Л.П. Якубинский и др. Наряду с ними в ОПОЯЗ входили и крупные литературоведы и писатели — **Осип Максимович Брик** (1888—1945), **Виктор Борисович Шкловский** (1893—1984), **Юрий Николаевич Тынянов** (1894—1943). В 1928 г. появились совместные тезисы Тынянова и Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка», ряд положений которых предвосхищал идеи тезисов Пражского лингвистического кружка.

Наконец, занимались в 20-х гг. и *философскими аспектами* языка. Здесь выделяются труды **Густава Густавовича Шпета** (1879—1937) «Эстетические фрагменты» (1922—1923) и «Внутренняя форма слова» (1927), отразившие в определенной степени влияние философских идей Э. Гуссерля. Свообразием (в том числе и по манере изложения) отличалась книга **Алексея Федоровича Лосева** (1893—1988) «Философия имени» (1927), где проблемы семантики сочетаются с религиозно-философскими. Однако с конца 20-х гг. продолжать (и тем более публиковать) подобные исследования, явно шедшие вразрез с официальной

идеологией, стало невозможно, а личная судьба их авторов сложилась крайне драматично, хотя в отличие от погибшего Г.Г. Шпета А.Ф. Лосев, также подвергавшийся в свое время репрессиям, прожил достаточно долгую жизнь.

Своеобразное место в научной литературе этих лет принадлежит книге «Марксизм и философия языка», вышедшей двумя изданиями (в 1929 и 1930). Будучи опубликованной под именем **Валентина Николаевича Волошинова** (1895—1936), она в последние десятилетия большинством исследователей приписывается одному из крупнейших отечественных литературоведов **Михаилу Михайловичу Бахтину** (1895—1975), хотя точных данных относительно авторства не сохранилось¹. Противопоставляя друг другу два основных течения — *индивидуалистический субъективизм* и *абстрактный объективизм* (с оговоркой, что в них «не умещаются... многие школы и течения лингвистической мысли, иногда очень значительные», которые «носят... смешанный или компромиссный характер² или вообще лишены всякой сколь-нибудь принципиальной ориентации»), автор (или авторы) указывают, что первому свойственно понимание языка как творческой деятельности, построенной на индивидуально-психологических законах и аналогичной художественному творчеству, а язык как готовый продукт и устойчивая система представляется «омертвевшим отложением... абстрактно конструируемым лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудию». Для второго, напротив, язык это устойчивая неизменная система, независимая от индивидуального сознания, подчиненная внутренним специфическим связям между языковыми знаками внутри замкнутой языковой системы, не имеющими чего-либо общего с художественными, познавательными и иными идеологическими ценностями. Связь между словом и его значением произвольна, а индивидуальные акты говорения (речи) «являются с точки зрения языка, лишь случайными преломлениями

¹ Подробно данный вопрос рассмотрен в книге: В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.

² В качестве примера приводятся младограмматики. — Л.Н., Г.Х.

и вариациями или просто искажениями нормативно тождественных форм». Поскольку именно они и приводят к исторической изменчивости языковых форм, постольку эта изменчивость, «с точки зрения системы языка, иррациональна и бессмысленна. Между системой языка и его историей нет ни связи, ни общности мотивов. Они чужды друг другу».

Основателем первого направления признается Ф. фон Гумбольдт, а его продолжателями — Г. Штейнталь, А.А. Потенция, В. Вундт и, наконец, Б. Кроче и К. Фосслер, в трудах которого, по мнению автора (авторов) книги, оно, «сбросив с себя путы позитивизма, снова достигло могучего расцвета и широты в понимании своих задач». Истоки второго направления возводятся к универсальной грамматике, построенной на принципах картезианской философии, взглядах на язык Лейбница, а наиболее видным его представителем в XX в. провозглашается Ф. де Соссюр, который «придал всем идеям второго направления поразительную ясность и отчетливость».

Отмечая гораздо большую популярность в России идей Соссюра по сравнению с Фосслером («можно сказать, что большинство представителей нашей лингвистической мысли находятся под определяющим влиянием Соссюра и его учеников — Байи и Сешей¹»), М.М. Бахтин и В.Н. Волошинов причисляют к последователям «абстрактного объективизма» как Московскую, так и Казанскую лингвистические школы, а к последователям Женевской школы — своих современников Р.О. Шор и В. Виноградова. И хотя полностью создатели рассматриваемого труда ни к одному направлению не примыкают, однако именно «абстрактный объективизм» вызывает у них наиболее серьезные возражения, суть которых может быть сформулирована следующим образом:

- критикуемое течение носит «пассивный» характер, ориентируясь не на говорящего, а на воспринимающего и не занимаясь поэтому проблемами выражения и становле-

¹ Так переданы имена издателей «Курса общей лингвистики» в тексте книги.

ния мысли в слове; это связано с его «филологизмом», поскольку «в основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно тождественных форм, лежит практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках»¹;

- сама по себе синхроническая система, являющаяся основным понятием для Соссюра и его последователей, «с объективной точки зрения не соответствует ни одному реальному моменту процесса исторического становления... и служит лишь условным масштабом для регистрирования отклонений, совершающихся в каждый реальный момент времени»;
- не приходится говорить об «объективности» существования языка и в другом плане: с точки зрения субъективного сознания говорящих — «субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка — продукт рефлексии над языком, совершаемый вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях самого посредственного говорящего»;
- для говорящего (как и для понимающего) важны не устойчивое и тождественное в языковой форме, а та ее сторона, благодаря которой она может фигурировать в конкретном контексте, т.е. «языковая форма для него, в первую очередь», — «не... устойчивый и всегда равный себе сигнал, а... всегда изменчивый и гибкий знак»;
- абстрактно-объективистский поход к языку несовместим с его пониманием как живого исторического явления. «С

¹ В этом пункте критики «абстрактного объективизма» Волошинов и Бахтин апеллируют и к высказываниям Н.Я. Марра, ссылаясь, в частности, на его отрицательное отношение к «индоевропеистике».

точки зрения системы история всегда представляется лишь рядом случайных нарушений... оказывается историей отдельных языковых форм (фонетических, морфологических и иных), развивающихся вопреки системе как целого»;

- «филологизм», выросший на почве изучения мертвого языка письменных памятников, всегда исходит из законченного монологического высказывания — древнего текста. «Вся работа протекает, таким образом, внутри границ данного высказывания... Вся исследовательская работа уходит в изучение связей, имманентных внутренней теории высказывания... Самое целое высказывание и формы этого целого остаются за бортом лингвистического мышления... Построение сложного предложения (периода) — вот максимум лингвистического охвата. Построение же целого высказывания лингвистика представляет ведению других дисциплин — риторике и поэтике. У лингвистики нет подхода к формам композиции целого».

Что же касается «индивидуалистического субъективизма», то он прав в том, что единичные высказывания являются действительной конкретной реальностью языка и что им принадлежит творческое значение... Совершенно *прав* индивидуалистический субъективизм в том, что нельзя разрывать языковую форму и ее идеологическое наполнение. Всякое слово — идеологично и всякое применение языка — связано с идеологическим изменением».

Однако и у этого направления имеется ряд существенных ошибок, а именно:

- игнорирование социальной природы высказывания и выведение его из внутреннего мира говорящего как выражение последнего;
- выведение идеологического наполнения слова из условий индивидуальной психики;
- почти исключительное внимание (как у представителей «абстрактного объективизма») к монологическому выс-

казыванию (с оговоркой, что «некоторые фоссерианцы начинают подходить к проблеме диалога и, следовательно, к более правильному пониманию речевого взаимодействия»).

Подчеркивая, что именно речевое взаимодействие «является... основой реального языка», а последний «живет и исторически становится именно здесь, в конкретном речевом общении, а не в абстрактной лингвистической системе форм языка и не в индивидуальной психике говорящих», авторы книги указывают, что само изучение языка должно строиться в следующем порядке: «1) формы и типы речевого взаимодействия в связи с конкретными условиями его; 2) формы отдельных высказываний, отдельных речевых выступлений в тесной связи со взаимодействием, элементами которого они являются, т.е. определяемые речевым взаимодействием, жанры речевых выступлений в жизни и в идеологическом творчестве; 3) исходя отсюда, пересмотр форм языка в их обычной лингвистической трактовке».

Книга «Марксизм и философия языка» вызвала у большинства современных ей языковедов критическое отношение, причем ее автора (авторов) часто упрекали в «нелингвистичности» (особенно это относилось к представленному в ней анализу особенностей несобственно прямой речи). В течение последующих десятилетий об этой работе вспоминали достаточно редко, хотя после появления в 1973 г. ее английского перевода, выполненного по инициативе Р.О. Якобсона, она приобрела довольно большую популярность за рубежом, где многие ее идеи оказались созвучны набиравшей в этот период популярность генеративной лингвистике. В России новый всплеск интереса к упомянутому труду наступил в 90-е гг. XX в., когда вышло несколько ее переизданий.

Вторая половина XX века в истории отечественного языкознания

В период, непосредственно следовавший за лингвистической дискуссией 1950 г., основной пафос советских трудов в области

языкознания состоял в критике «нового учения о языке» (сопровождавшейся, естественно, призывами к развитию «сталинского учения о языке»). Итогом этой критики стал двухтомник «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», вышедший в свет в 1951—1952 гг. Что же касается собственно лингвистической работы, то — в свете положений сталинской статьи — сосредоточена она была, главным образом в рамках сравнительно-исторического языкознания в его, так сказать, «классическом» виде. В этой связи называют прежде всего книгу **Агнии Васильевны Десницкой** (1912—1992) «Вопросы изучения родства индоевропейских языков» (1955), содержащей прежде всего достаточно обширный очерк истории индоевропеистики, и коллективный труд «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков» (1956), иллюстрировавший применение положений компаративистики на фактическом материале. Структурализм по-прежнему трактовался в отрицательном духе, типологические исследования также оказались в загоне. Из других сфер уделялось определенное внимание вопросам лингвистической географии (в журнале «Вопросы языкознания» обсуждалась, в частности, проблема языковых союзов), состоялась дискуссия о фонеме и т.п.

Продолжала развиваться (главным образом в русле идей В.В. Виноградова) и отечественная русистика. Из работ, посвященных общелингвистической проблематике, выделяют небольшую книгу **Александра Ивановича Смирницкого** (1903—1954) «Объективность существования языка» (1954), в которой сделана попытка пересмотреть учение Ф. де Соссюра о языке и речи. Критикуя женевского лингвиста за то, что последний, признавая общественный характер языка, считал его явлением психическим, ученый определял речь как закономерное соединение определенного звучания с определенным значением, а язык — как систему, совокупность взаимообусловленных и взаимосвязанных единиц и отношений между ними. Таким образом, язык представляет собой совокупность всех компонентов различных произведений речи. Речь трактуется как способ общения, а

язык — как его средство. Он не только существует в речи, но и взаимодействует с ней, пополняясь теми произведениями (словами, их формами, предложениями), которые создаются речью. Отсюда следует, что речь выступает как материал, а язык — как заключенный в ней предмет языкознания. Считая, что если основной единицей речи является предложение, то основной единицей языка — слово, А.И. Смирницкий в своих трудах отводил слову центральное место («слово выступает как необходимая единица языка и в области *лексики* (словарного состава) и в области *грамматики* (грамматического строя) и поэтому слово должно быть признано вообще основной языковой единицей»).

После состоявшегося в 1956 г. XX съезда КПСС и провозглашенного им курса на борьбу «с культом личности Сталина и его последствиями» (подтвержденного также на XXII съезде в 1961 г.) ссылки на «сталинское учение», естественно, были прекращены, сравнительно-исторический метод также перестал рассматриваться как «единственно научный» (хотя, естественно, отнюдь не отрицался). Вновь привлекают к себе внимание типологические исследования, активно проникают и разрабатываются идеи структурализма, которому посвящается значительное количество публикаций. Выходит ряд работ по проблемам *социолингвистики*. Однако именно в этой области особенно сильно продолжали сказываться моменты идеологического характера: объективный анализ языковых отношений в СССР зачастую подменялся декларативными утверждениями о «расцвете языков всех советских народов» и их гармоничном сочетании с русским, который не только «добровольно» был принят в качестве языка межнационального общения, но и якобы превратился во «второй родной язык». Это игнорирование реальных противоречий в языковых отношениях в определенной степени повлияло на те события, которые произошли в стране в конце 80-х — начале 90-х годов.

В 60-х гг. формируется и интенсивно развивается отечественная *психолингвистика*, прежде всего разработка проблем теории речевой деятельности, где важную роль сыграли труды **Алексея Алексеевича Леонтьева** (1936—2004).

Своеобразным итогом развития отечественной лингвистики рассматриваемого периода стал трехтомник «Общее языкознание», вышедший в 1970—1973 гг. Первый том был посвящен формам существования, функциям и истории языка, второй — внутренней структуре языка, третий — методам лингвистических исследований. В создании названного труда приняли участие представители отечественной науки (главным образом академической), и в своей совокупности он охватывал почти все важнейшие проблемы языкознания.

Продолжалось и ознакомление советского читателя с мировой лингвистической классикой. Еще в начале 50-х гг. выходят на русском языке книги Ш. Балли, А. Мейе, А. Вайана и др., затем к ним присоединяются труды Г. Глисона, Л. Блумфилда, Н. Трубецкого... Важную роль в этом процессе сыграли сборники «Новое в лингвистике»¹, издававшиеся с 1960 г., у истоков которых стоял **Владимир Андреевич Звегинцев** (1910—1988), известный и как составитель двухтомной хрестоматии по истории языкознания.

Эта работа была продолжена и в последующие десятилетия (издания трудов Н. Хомского, Э. Бенвениста, Ф. де Соссюра и др.), хотя определенное изменение идеологической ситуации в стране отразилось и на лингвистике. В частности, при характеристике ряда структуралистических концепций и генеративизма порой стали преобладать сугубо негативные оценки, причем далеко не всегда критическая аргументация ограничивалась рамками исключительно научной полемики.

Наблюдались и попытки пересмотреть отношения к Н.Я. Марру (хотя при этом, разумеется, как правило, не отрицалась и ошибочность многих положений его концепции), что дало даже повод говорить о «неомарризме» некоторых отечественных лингвистов 70—80-х годов. В годы перестройки подобные тенденции в определенной мере стимулировались и новой волной «десталинизации», однако каких-либо официальных докумен-

¹ Впоследствии выходили под названием «Новое в зарубежной лингвистике».

тов на сей счет принято не было, а последующие события в жизни страны сделали эту проблему малоактуальной.

С распадом СССР и коренными изменениями в экономической жизни отечественная лингвистика (как и наука в целом) оказалась в новой ситуации, во многом сохраняющейся и поныне. Однако события последнего десятилетия уже выходят за рамки собственно исторического анализа.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абеляр Пьер 43
Абу-Бишар Амр ибн Усман ибн Кан-
бар аль-Басри 47
Абу Джафара Мухаммед ар-Руаси 46
Абу-л-Хасан Али ибн Хамза ибн Абду-
ла ибн Усман ибн Фейруз 48
Аванесов Р.И. 311
Августин Аврелий 33
Аделунг Ф. 81, 96
Адодуров В.Е. 84
Аллен У. 263
Алпатов В.М. 7, 353
аль-Герави 49
аль-Джаухари 49
аль-Кисаи 48
аль-Фирузабади 49
аль-Халиль ибн Ахмед 47
Амарасинх (Амара) 19
Амара см. Амарасинх
Амирова И.А. 7
Ансельм Кентерберийский 42
Аполлодор Афинский 29
Аполлоний Дискол 28
Аппель К. 207
Аристарх Самофракийский 26, 30

Аристотель 22, 23, 24, 26, 41, 42, 44,
47, 63, 269
Аристофан Византийский 29
Арно А. 73, 75, 77, 306
Асклепиад из Мирлеи 26
Асколи Г.И. 164, 166

Б

Байи см. Балли Ш.
Балли (Байи) Ш. 45, 208, 225, 255, 256,
257, 258, 259, 360
Бартоли М. 166, 167, 168
Батлер Ч. 65
Бахтин М.М. 353, 354, 355
Беккер К. 77, 115, 135
Бенвенист Э. 234, 268, 269, 270, 273, 360
Бенфей Т. 99, 100
Березин Ф.М. 7, 125
Берында Памва 55
Бернгарди А.Ф. 88, 89
Бертони Дж. 166
Бетлингк О. 100
Блок Б. 291, 292
Блумфилд Л. 283, 284, 285, 287, 288,
289, 290, 291, 292, 294, 330, 360

Боас Ф. 281, 282, 283, 295
Богородицкий В.А. 203, 205, 206, 209
Бодуэн де Куртенэ И.А. 181, 194, 196,
197, 198, 199, 200, 201, 202, 203,
204, 205, 206, 207, 209, 213, 224,
227, 232, 246, 270, 273, 310, 318,
319, 322, 331, 332, 349
Бодянский О.М. 132
Бонфанте Дж. 166, 284
Бопп Ф. 9, 10, 19, 47, 89, 92, 93, 94,
95, 97, 98, 102, 115, 129, 173, 181,
312
Боэций Анций Манлий Северин 40,
41, 42
Боэций Датчанин 44
Бреаль М 173
Бредсдорф Я.Х. 98, 167
Брендаль В. 245, 246
Брик О.М. 352
Бругман К. 139, 140, 142, 143, 148,
149, 155
Бубрих Д.В. 348
Булаховский Л.А. 317
Буслаев Ф.М. 128, 132, 133, 134, 135,
137, 181, 186
Бхартхари 15
Бэкон Р. 40
Бэкон Ф. 64, 69
Бюлер 225, 275, 276

В

Вайан А. 360
Вайнрайх У. 300

Вайсгербер Л. 225, 277
Вандриес Ж. 179, 180, 268, 311, 350
Варрон Марк Теренций 31, 32, 33
Вартбург В. фон 167
Вахек Й. 227
Вездин И.Ф. 82
Вейс 224
Венкер Г. 164
Вернер К. 138
Вертгеймер Ж. 208
Вертхеймер М. 224
Вико Дж. 67
Виноградов В.В. 203, 310, 317, 338,
339, 345, 351, 352, 354, 358
Винокур Г.О. 311, 316, 318, 327, 329,
330, 339, 340, 351, 352
Витгенштейн Л. 224
Вожла К.Ф. де 65
Волошинов В.Н. 353, 354, 355
Востоков А.Х. 98, 128, 129, 130, 131,
181
Вопадева 15
Вреде Ф. 164
Вундт В. 114, 120, 122, 123, 284, 354

Г

Гавранек Б. 227, 242, 243
Галилей Г. 59
Гамкрелидзе Т.В. 100, 313
Гардинер А. 225, 262, 276
Гармати С. 82

Гаспаров М. 39
Гегель 90, 102, 158
Георгиев В. 91
Гераклит Эфесский 21
Герасимов Дмитрий 52
Гербарт И.Ф. 116
Гердер И.Г. 67
Гильом из Шампо 43
Гишар Э. 62
Глисон Г. 291 360
Годель Р. 261
Грабарь-Пассек М.В. 39
Грек Максим см. Максим Грек
Греч Н.И. 128
Григорович В.И. 132
Гримм В. 96, 129, 138, 312
Гримм Я. 96, 97, 98, 134, 181
Гринберг Дж. 300, 301
Гумбольдт В. фон 68, 81, 89, 101, 102, 103, 105, 106, 108, 109, 114, 118, 125, 134, 137, 158, 166, 182, 209, 239, 277, 282, 296, 306, 354
Гуссерль Э. 224, 352
Гухман М.М 346

Д

Давыдов И.И. 128
Даль В.И. 202
Данилов Г.К. 315
Данте Алигьери 39, 59

Дарвин Ч. 107, 108, 111
Декарт Р. (Картезиус) 70, 73, 305, 306, 308
Дельбрюк Б. 139, 148, 149, 150, 154
Деметрий Хлор 26
Демокрит из Абдеры 21
Десницкая А.В. 358
Джайнендра 15
Дженкинс Дж. 300, 301
Джонс У. 65, 82, 83, 89
Джонсон С. 66
Джоунз Д. 262
Дионисий Галикарнасский 26
Дионисий Фракийский 26
Дискол Апполоний 34
Дитрих О. 123
Диц Ф. 99, 312
Дмитриев Н.Д. 348
Долобко М.Г. 345
Донат Элий 33, 34, 35, 38, 41, 52
Дурново Н.Н. 193, 347
дю Белле Жоашен (Иоахим) 60
дю Марсе Ц.Ш. 76
Дюкло Ш.П. 76
Дюркгейм Э. 173, 176, 209

Е

Ельмслев Л. 245, 248, 251, 252, 253, 254, 255, 339
Есперсен О. 274, 275

Ж

Жильерон Ж. 165, 168
Жирков Л.И. 348
Жирмунский В.М. 346, 350, 352

З

Звегинцев В.А. 7, 45, 360
Зенодот из Эфеса 29
Зиверс Э. 138
Зизаний Лаврентий 54, 55
Зиндер Л.Р. 332

И

ибн Джинни 46, 49, 50
ибн Сиду 46
ибн Фарис 49
Иванов В.В. 100
Ильинский Г.А. 347
Ипсен 277, 278
Иоанн Экзарх Болгарский 52
Исидор Севильский 37, 41
Ису ибн Умар ас Сакафи 46

К

Кант 102
Капанцян Г.А. 317
Капелла Марциан 40
Кар Тит Лукреций 32

Карамзин Н.М. 124
Карнап Р. 224
Картезиус см. Декарт Р.
Карцевский С.О. 227, 229, 260, 261, 311, 337
Кассиодор Магн Аврелий 40, 41
Кате Л. тен 79
Катьяяна Вараручи 15
Кацнельсон С.Д. 346
Келлер В. 224
Керду 81
Кери 89
Керквуд Халлидей М.А. 263
Кирилл 51
Кодухов В.И. 7
Кольбрук 89
Кондильяк Э. 67, 173
Кондрашов Н.А. 7
Конт О. 137, 173, 209
Корецкий-Сатановский А. 56
Коржинек Й. 227, 228
Корш Ф.Е. 187
Коффка К. 224
Кратес из Малоса 30, 31
Крижанич Ю. 56
Кроче Б. 158, 166, 167, 354
Крушевский Н. В. 203, 204, 205, 209
Кузнецов П.С. 315, 333, 334
Кун А. 100
Купер К. 65
Курилович Е. 174, 225, 272, 273, 274
Курциус Г. 99, 207

Л

Лабов У. 300
Лансло К. 73, 75, 77, 306
Ларин Б.А. 350, 352
Лафарг П. 171, 314
Лацарус М. 114, 115, 116, 119, 120
Лейбниц Г.В. 64, 66, 71, 78, 79
Ленин В.И. 171
Леонтьев А.А. 359
Лерх Е. 157
Лескин А. 139, 163, 280
Лешли К. 224
Локк Дж. 64, 68
Ломоносов М.В. 55, 79, 84, 85, 86, 128
Лосев А.Ф. 352, 353
Лоя Я.В. 7, 315
Лудольф Г.В. 57
Ляпунов Б.М. 193

М

Макробий Амвросий Феодосий 35
Максим Грек 53, 54
Малиновский Б.К. 262, 263, 264
Маркс К. 170, 171, 344
Марр Н.Я. 311, 312, 313, 314, 315, 316,
317, 338, 341, 343, 346, 347, 355,
360
Мартине А. 225, 226, 255, 270, 271,
272
Матезиус В. 89, 227, 231, 237, 238
Матусевич М.И. 332

Махмуд аль Кашгари 50, 51
Мейе А. 10, 93, 161, 166, 174, 175, 176,
177, 178, 179, 180, 268, 270, 311,
320, 360
Мейер П. 164
Мерингер Р. 156
Мефодий 51
Мещанинов И.И. 315, 316, 317, 346
Миклошич Ф. 99
Милль Дж. 137
Мистели Ф. 119, 150
Мукаржовский Я. 227, 242
Мухаммед ибн Малик 46
Мюллер М. 100, 107, 109, 348

Н

Найда Ю.А. 291
Никифоров С.Д. 317
Николь П. 74
Ньютон И. 64, 72

О

Обнорский С.П. 351
Овелака А. 107
Овсяннико-Куликовский Д.Н. 187
Ольховиков Б.А. 7
Ольшки Л. 157
Орнатовский И. 125, 126, 128
Осгуд Ч.Э. 300, 301
Остхоф Г. 139, 140, 142, 143, 149

П

Пайк К.Л. 291, 300
Паллас П.С. 80
Пандуро Лоренцо Эрванс-и 80
Панини 13, 14, 15, 16, 17, 82
Парис Г. 164
Патанджали 18
Паулино а Санто Бартоломео 82
Пауль Г. 10, 138, 139, 143, 145, 146,
147, 148, 149, 154, 157, 159, 164,
179, 178, 192
Перевлесский П.М. 128
Петерсон М.Н. 193, 311, 335, 350
Петр Гелийский 44
Петр Испанский 44
Петрарка 59
Пешковский А.М. 311, 318, 324, 326,
335, 336, 338, 349, 352
Пизани В. 166
Пикте А. 100
Пирс Ч.С. 217
Платон 21, 24, 42
Покровский М.М. 193
Поливанов Е.Д. 203, 310, 315, 316,
318, 322, 323, 324, 341, 342, 348,
349, 350, 352
Поликарпов-Орлов Ф.П. 83
Попов А. И. 317
Поппе Н.Н. 348
Поржезинский В. К. 193
Порциг В. 166
Порфирий 42

Пос Х. 225
Постеллус Гвильельм 61
Потебня А.А. 181, 182, 186, 187, 311,
354
Потт А.Ф. 98
Прейс П.И. 132
Присциан 33, 34, 35, 38, 40, 41, 44
Протагор 21

Р

Радищев А.Н. 86
Раме Пьер де ля (Рамус) 62
Рапп М. 107
Раск Р.К. 94, 95, 96, 98, 100, 138, 181
Рассел Б. 224
Росцелин из Компьена 42, 43
Реформатский А.А. 311, 333, 334
Рижский И.С. 124, 125
Робине Р.Х. 263
Рождественский Ю.В. 7
Ронсар П. 60
Рот Р. фон 100
Рубен И.А. 333
Руссо Ж.Ж. 66, 180

С

Санксиус см. Санчес Ф.
Санчес Франсиско (Санксиус) 62, 63
Сапорта С. 300

Сассети Ф. 81
Секст Эпмирик 29
Селищев А.М. 340, 351
Сенека Луций Анней 33
Сепир Э. 4
Сердюченко Г.П. 317
Серебренников Б.А. 317
Сеше А. 208, 225, 256, 259, 260, 354
СибАвейхи 47, 48, 49
Сидоров В.Н. 333
Скалигер И.Ю. 61, 62
Скаличка В. 227, 228, 236, 238, 244, 261
Славинецкий Епифаний 55, 56
Смирницкий А.И. 358, 359
Смит А. 66, 68
Смотрцкий Мелетий 55, 56, 83
Сократ 42
Соссюр Ф. де 10, 45, 91, 100, 148, 173, 174, 179, 180, 194, 205, 208, 210, 211, 213, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 246, 248, 253, 254, 257, 259, 260, 268, 276, 280, 281, 287, 302, 305, 311, 318, 319, 327, 321, 348, 349, 350, 354, 358, 360
Спарвенфельд И.Г. 78
Спенсер Г. 137
Спиноза Б. 77, 78
Срезневский И.И. 132, 133, 134, 135, 181
Сталин И.В. 317
Степанов Ю.С. 74
Страленберг Ф.И. 79
Суит Г. 138, 262

Сухотин А.М. 333
Схейнер И. 227

Т

Тард 173, 209
Теньер Л. 225, 266, 267, 268
Тимковский И.Ф. 126, 128
Тогебю К. 245
Томас Эрфуртский 44
Томсен В. 19, 81
Трейджер Дж. Л. 291
Тредиаковский В.К. 83
Триволис Михаил 53
Трир И. 277, 278
Трнка Б. 227
Трубецкой Н.С. 227, 228, 231, 232, 233, 235, 240, 241, 246, 276, 310, 334, 335, 340, 343, 360
Тынянов Ю.Н. 352

У

Уайтхед А.Н. 224
Улкинс Дж. 72, 89
Ульдалль Х.И. 245
Ульянов Г.К. 193
Уоллис Дж. 65
Уорф Б.Л. 298, 299
Уитни УД. 209, 280, 281, 305
Уотсон Дж. 224
Ушаков Д.Н. 193, 311

Ф

Фант Г. 302
Фатер И.С. 81, 96
Фергюсон Ч.А. 300
Ферс Дж.Р. 263, 274
Филин Ф.П. 317, 346, 347
Финк Ф.Н. 119
Фихт 102
Форестер 89
Фортунатов Ф.Ф. 148, 150, 181, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 202, 311, 335, 336, 337, 339
Фосслер К. 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 259, 350, 354
Фрей А. 261
Фриз Ч. К. 291

Х

Хаймз Д.Х. 300
Халаюдха 49
Халиль аль Фар 49
Халле М. 302
Халлидей М.А.К. 263
Харрис З. — см. Хэррис 3.3.
Харрис Дж. 77
Хемачандра 15, 19
Хоккет Ч.Ф. 291
Холодович А.А. 173, 209
Хомский (Чомский) 77, 304, 305, 307, 308, 309, 360
Храбр 52

Хрисипп 22

Хэррис (Харрис) 291, 292, 302, 303, 304

Ц

Цезарь Юлий 31, 33

Царнке Ф. 139

Ч

Чандра 15

Чемоданов Н.С. 317, 350

Черных П.Я. 317

Чернышев В.И. 202

Чернышевский Н.Г. 132

Чикобава 317

Читолини А. 59

Чомский — см. Хомский Н.

Ш

Шахматов А.А. 193, 202, 310, 311, 337, 338

Шеллинг 102

Шерер В. 138

Шишков А.С. 124

Шкловский В.Б. 352

Шлегель А.В. 68, 91, 99, 103

Шлегель Ф. фон 68, 91, 99, 103

Шлейхер А. 10, 19, 68, 99, 107, 108,
110, 112, 113, 118, 119, 137, 139,
149, 157, 159, 178, 181, 182, 224

Шлейцер А.Л. 79, 80

Шмидт Й. 150, 154, 162, 164

Шор Р.О. 350, 354

Шпет Г.Г. 352, 353

Шпитцер Л. 157

Шрадер О. 100

Штейнталь Х. 114, 115, 116, 118, 120,
182, 354

Шухардт Г. 152, 153, 154, 155, 156,
162, 163, 165, 166, 175, 207

Щ

Щерба Л.В. 203, 310, 318, 319, 320,
321, 322, 331, 332, 336, 337, 338

Э

Эдмон Э. 165

Энгельс Ф. 170, 312, 344

Энглер Р. 261

Эпикур 21, 22

Ю

Юдахин К.К. 348

Я

Якоб Л.Г. 126, 127

Якобсон Р. О. 205, 227, 228, 236, 237,
242, 301, 311, 352, 357

Яковлев Н.Ф. 332, 347

Якубинский Л.П. 310, 343, 344, 345, 352

Яска 13

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Публикации первоисточников

- Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Березин Ф.М.* История русского языкознания. М., 1980.
- Березин Ф.М.* История советского языкознания. М., 1981.
- Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. I—II. М., 1963.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. М., 1941.
- Бюлер К.* Теория языка. М., 1993.
- Вандриес Ж.* Язык. М., 1937.
- Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964.
- Виноградов В.В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958.
- Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения. М., 1955.
- Виноградов В.В.* Современный русский язык. Вып. 1—2. М., 1938.
- Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
- Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Винокур Г.О.* Филологические исследования. М., 1990.
- Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка (серия «Бахтин под маской»). М., 1993.
- Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
- Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М., 1990.

- Гумбольд В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.
- Звегинцев В.А.* История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I—II. М., 1964—1965.
- Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
- Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1862.
- Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. VII. Труды по филологии. М.; Л., 1952.
- Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- Мейс А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Мейс А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- Мещанинов И.И.* Общее языкознание. М., 1975.
- Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М., 1978.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958.
- Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Пешковский А.М.* Избранные труды. М., 1959.
- Пешковский А.М.* Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М.; Л., 1925.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1957.
- Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Скаличка В.* О современном состоянии типологии // Новое в лингвистике. Выпуск III. М., 1963.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. М., 1954.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка. М., 1959.

- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. I—II. М., 1956.
- Хэмп И.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972.
- Чемоданов Н.С.* Сравнительное языкознание в России. М., 1956.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. М.; Л., 1941.
- Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1978.
- Якубинский Л.П.* Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.

II. Труды по истории и современному состоянию языкознания

- Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М., 2001.
- Алпатов В.М.* История одного мифа. М., 1991.
- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
- Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
- Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.
- Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М., 1975.
- Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М., 1984.
- Березин Ф.М., Головин Б.Н.* Общее языкознание. М., 1979.
- Березин Ф.М.* Русское языкознание конца XIX — начала XX века. М., 1979.
- Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Т. I—III. Минск, 1976—1979.
- Венцович Р.М., Шайкевич А.Я.* История языкознания (пособие для студентов-заочников.) Вып. 1—4. М., 1974.

- Вопросы методики изучения индоевропейских языков. М., 1956.
- Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
- Гоциридзе Д.З., Хухуни Г.Т.* Очерки по истории русской грамматической мысли первой трети XX века. Тбилиси, 1984.
- Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.
- Десницкая А.В.* Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М., 1955.
- Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М., 1996.
- Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982.
- Зубкова Л.Г.* Общая теория языка в развитии. М., 2002.
- История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
- История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- История лингвистических учений. Позднее средневековье. СПб., 1991.
- Кодухов В.И.* Общее языкознание. М., 1974.
- Кондрашов Н.А.* История лингвистических учений. М., 1979.
- Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лоя Я.В.* История лингвистических учений. М., 1968.
- Марчук Ю.Н.* Основы компьютерной лингвистики. М., 1999.
- Нелюбин Л.Л.* Компьютерная лингвистика и машинный перевод. М., 1991.
- Нелюбин Л.Л.* Очерки по введению в языкознание. М., 2007.
- Нелюбин Л.Л.* Перевод и прикладная лингвистика. М., 1983.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М., 2006.
- Нелюбин Л.Л.* У истоков машинного перевода // Теория перевода и методика подготовки переводчиков. М., 1999.
- Нелюбин Л.Л., Циткина Ф.А.* Автоматизированный перевод: ретроспектива, современное состояние, перспектива // ЭВМ и перевод — 89. Тбилиси; М., 1989.
- Новое в лингвистике. Вып. V (Языковые универсалии). М., 1970.
- Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956.
- Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М., 1973.
- Основные направления структурализма. М., 1964.
- Постовалова В.И.* Язык как деятельность. М., 1980.
- Реформацкий А.А.* Введение в языкознание. М., 1996.
- Русский язык. Энциклопедия. М., 1979х
- Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Сергиевский М.В.* Современные грамматические теории и античная грамматика // Ученые записки Первого МГПИИЯ. Т. I—II. М., 1940.
- Слюсарева И.А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1985.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
- Сусов И.П.* История языкознания. Тверь, 1999.
- Томсен В.* История языкознания до конца XIX века. М., 1938.
- Фундаментальные направления современной лингвистики. М., 1997.
- Хухуни Г.Т.* Принципы описательного анализа в трудах А.М. Пешковского. М., 1979.
- Чикобава А.С.* Проблема языка как предмета языкознания. М., 1959.
- Шарадзенидзе Т.С.* Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX—XX веков. М., 1880.
- Шор Р.О., Чемоданов Н.С.* Введение в языкознание. М., 1945.

Учебное издание

**Нелюбин Лев Львович
Хухуни Георгий Теймуразович**

ИСТОРИЯ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Учебник

Подписано в печать 15.08.2011. Изд. № 2421.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)334-82-65, тел.: (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.